

БИБЛИОТЕКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
МЕМОАРОВ
« ИЗ ИСКРЫ
ВОЗГОРИТСЯ
ПЛАМЯ »

ОКТЯБРЮ НАВСТРЕЧУ

1917

ОКТАБРЮ
НАВСТРЕЧУ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА КПСС —
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-
ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ СССР
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Редакционная коллегия
«Библиотеки
революционных мемуаров»:
С. С. ВОЛК,
В. Н. ГИНЕВ,
М. П. ИРОШНИКОВ,
З. С. МИРОНЧЕНКОВА,
Л. Н. ПЛЮЩИКОВ,
Л. М. СПИРИН,
В. А. ШИШКИН

Ответственный составитель
«Библиотеки
революционных мемуаров»
доктор исторических наук
В. Н. ГИНЕВ

БИБЛИОТЕКА
РЕВОЛЮЦИОННЫХ
МЕМОАРОВ
«ИЗ ИСКРЫ
ВОЗГОРИТСЯ
ПЛАМЯ»

ОКТАБРЮ НАВСТРЕЧУ

Воспоминания участников
революционного движения
в Петрограде
в марте — сентябре 1917 г.

Составители:
кандидат исторических наук
А. В. ГОГОЛЕВСКИЙ,
доктор исторических наук
З. В. СТЕПАНОВ

Научный редактор
доктор исторических наук
Л. М. СПИРИН

Рецензент
доктор исторических наук
Х. М. Астрахан

Октябрю навстречу / Сост.: А. В. Гоголевский,
О49 З. В. Степанов. — Л.: Лениздат, 1987. — 399 с., ил. —
(Б-ка революционных мемуаров «Из искры возго-
рится пламя»).

Книга рассказывает о революционном движении в Петрограде в марте — сентябре 1917 года — в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. В сборник включены воспоминания руководящих деятелей РСДРП(б) — членов Центрального и Петербургского комитетов партии, работников Военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б), а также рабочих, солдат и матросов — активных участников событий исторического 1917 года.

Публикуются воспоминания Г. К. Орджоникидзе, М. Я. Лациса, М. С. Кедрова, В. Н. Залежского, Н. П. Капранова и др.
Для широкого круга читателей.

О 0505030101—160
М171(03)—87 104—87

63.2(2)711.2

© Лениздат, 1987

Поезд приближался к Петрограду. Для группы русских революционеров, возвращавшихся из-за границы на Родину после десятилетних скитаний по Европе, возникало немало вопросов. Что там в России? Как выглядит Питер после революции — без царя, жандармов и полицейских участков? Ждут ли изгнанников, рады ли им? Каково положение в партии, какую позицию занимают товарищи, возглавившие рабочее движение в революции? Эти вопросы не давали покоя. 19 большевиков и 13 представителей других партий по-разному представляли пути дальнейшего развития России. Но сейчас волею судьбы они оказались в одном вагоне, приближающемся, наконец, к столице бывшей Российской империи, ставшей теперь столицей новой революции.

В. И. Ленин оживленно беседовал с товарищами из Петрограда, которые приехали встречать поезд в Белоостров и там сели в вагон. Как дорого это первое живое общение с очевидцами и непосредственными творцами революции, видевшими крушение царизма собственными глазами! Ведь известия о событиях в России В. И. Ленин, живший к началу Февральской революции 1917 года в Швейцарии, извлекал по сути только из газет. Информация эта была неполной, иногда извращенной. Корреспонденты зарубежных газет, аккредитованные в русской столице, пытались скрыть от европейского читателя размах массового движения, выпячивали идейно-политическую и организующую роль буржуазии в революции. Большая же часть их оказалась просто не в состоянии разобраться в сложнейших политических вопросах, которые до основания потрясли огромную и загадочную страну.

Тем не менее, сопоставляя материалы из разных газет, детально вникая в содержание воззваний, обращений, заявлений послереволюционных правительственных и общественных организаций и учреждений, опираясь на доскональное знание русской политической жизни, основных классов и партий, В. И. Ленин еще в Швейцарии выработал четкую, последовательную точку зрения на характер, движущие силы и перспективы революции, победившей 27 февраля в Петрограде.

Уже в «Набросках тезисов», написанных 4 марта, он характеризовал Временное правительство как империалистическое, неспособное заключить мир*, а 6 марта в телеграмме большевикам, отъезжавшим в Россию, сформулировал лозунг: «никакой поддержки новому правительству»**. В «Письмах из далека», написанных в Швейцарии, В. И. Ленин глубоко вскрыл классовую сущность буржуазного кабинета, который был не в состоянии дать революционным массам ни мира, ни хлеба, ни свободы, ярко показал, что ведущей силой Февральской революции был героический рабочий класс***. В. И. Ленин видел своеобразие политической ситуации в России в переходе к новому этапу революции, когда власть буржуазии будет заменена властью пролетариата и беднейшего крестьянства. В мартовские дни В. И. Ленин прозорливо отмечал: *«рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу на втором этапе революции»****.*

Он возвращался в Россию твердо зная, что нужно делать, в каком направлении следует действовать большевикам. За оживленной беседой Ленина с питерскими товарищами незаметно пролетели два часа, и в 23 часа 10 минут поезд подошел к Финляндскому вокзалу.

Из воспоминаний В. Н. Залежского и Н. К. Крупской, помещенных в настоящем томе, читатель увидит, как приветствовали рабочие и солдаты В. И. Ленина. Несмотря на то, что известие о приезде Ленина сильно запоздало, в считанные часы были подняты рабочие кварталы. К праздничному, впечатляющему шествию присоединились революционно настроенные солдаты, на площади перед вокзалом расположились броневики, разрезавшие темноту светом фар.

Обстоятельства встречи В. И. Ленина отразили революционную энергию и мощь рабочего класса, явились ярким доказательством влияния большевистской партии в пролетарских массах столицы.

Ленин вышел на перрон, пожал руки встречающим и, окруженный рабочими, солдатами, матросами, направился в вестибюль вокзала. На Финляндский вокзал явился председатель Петроградского Совета меньшевик Н. С. Чхеидзе, который сказал свою речь, призвав Ленина к совместной работе. По распоряжению того же Совета был выстроен почетный караул. Ответ Ленина был принципиален, недвусмыслен. С башни броневика, еще месяц-другой назад готового открыть огонь по революционным рабочим, он ясно и непреклонно провозгласил: «Да здравствует социалистическая революция!»

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 6.

** Там же, с. 7.

*** Там же, с. 17—21.

**** Там же, с. 21.

Для современного читателя этот лозунг вполне понятен, логичен. С точки зрения блестящей победы Октябрьского вооруженного восстания он воспринимается как само собой разумеющийся. Но в апреле 1917 года... В. И. Ленину предстояло донести свою правоту до сердца каждого партийца, умелой рукой направить движение всей партии по стратегическому курсу на победу социалистической революции...

* * *

Ведущей силой в борьбе против самодержавия были рабочие, руководимые питерскими большевиками. Уже 23 февраля центрами революционного движения стали нелегальные большевистские ячейки и легальные рабочие организации — больничные кассы, профсоюзы и др. 24 февраля бастовали 224 предприятия с 214 тыс. занятых на них рабочих. Уличным массовым движением руководили большевики. Утром 25 февраля Бюро ЦК утвердило проект листовки ПК, распространенной в тот же день среди рабочих и солдат. Она сыграла существенную роль в идейном сплочении масс. С революционной инициативой выступили пролетарские районы. На предприятиях по почину рабочих 24—25 февраля состоялись выборы в Совет рабочих депутатов.

В течение нескольких дней рабочие предприятий и солдаты гарнизона избрали депутатов в Петроградский Совет, первое заседание которого состоялось 27 февраля в Таврическом дворце. В протоколе собрания рабочих Ижорского завода от 28 февраля записано: «В порядке дня был только один вопрос — о выборе делегации в Совет рабочих депутатов». Собрание рабочих фабрики «Кернстен» постановило избрать «делегатов из своей среды для присутствия в Совете рабочих депутатов в количестве 3 человек... Выборы происходили открытым голосованием». Всего в марте 1917 года в России было создано не менее 242 Советов рабочих депутатов и 90 Советов рабочих и солдатских депутатов. Повсеместное создание Советов В. И. Ленин рассматривал как задачу первоочередной важности, высоко оценивая правотворчество революционного пролетариата*.

Пролетариат революционным путем изгонял царскую администрацию. Большевики предпринимали героические усилия, чтобы овладеть движением, которое приняло в столице необычайно широкий размах. Они добивались того, чтобы лозунги партии стали лозунгами восставшего народа. Важное мобилизующее значение имел манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России», выпущенный большевиками 27 февраля. В. И. Ленин, касаясь роли питерских большевиков в Февральской революции, указывал на «факт руководства» и «беззавет-

---

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 38.

ной помощи петербургским рабочим в великие дни революции со стороны нашей партии...» *.

В «Письмах из далека» В. И. Ленин отмечал, что против самодержавия выступила также мелкобуржуазная масса, в лице прежде всего солдат, а также часть буржуазии и правящих кругов, недовольных ходом войны **. Буржуазия предприняла в ходе революции настойчивую попытку прорваться к власти. Она не была принципиальным противником царизма, но стремилась воспользоваться плодами победы рабочего класса в своих узкокорыстных интересах.

В общественно-политическую жизнь после революции включилась огромная мелкобуржуазная масса, и большинство в исполкоме Петроградского Совета на первых порах получили мелкобуржуазные партии. В состав исполкома вошли два большевика (П. А. Залуцкий, А. Г. Шляпников), два эсера (А. Ф. Керенский, П. Александрович), шесть меньшевиков (Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, К. А. Гвоздев, К. С. Гриневич, Э. Соколовский, Г. П. Панков), пять социал-демократов, стоявших вне фракций (Ю. М. Стеклов, Н. И. Суханов, П. Ю. Капелинский, П. А. Красиков, Н. Д. Соколов). Председателем Совета стал Чхеидзе, возглавлявший в годы первой мировой войны фракцию социал-демократов (меньшевиков) в Государственной думе, заместителем председателя — Керенский, также член Государственной думы.

Одновременно с восставшим народом свой организующий центр создала буржуазия — Временный комитет Государственной думы, сформированный 27 февраля. Он также располагался в Таврическом дворце, только в противоположном от Совета крыле здания. Исполком Совета большинством голосов меньшевиков и эсеров постановил 1 марта признать за Временным комитетом Государственной думы право на образование российского правительства, тем самым добровольно уступив ему власть. В числе условий, исходя из которых исполком поддержал бы правительство, были названы амнистия по политическим делам, свобода слова, печати, союзов, собраний, стачек; выборность командного состава армии; народная милиция, подчиненная местному самоуправлению, взамен прежней бюрократической, оторванной от масс полиции; отмена сословных, национальных, религиозных ограничений; неразоружение и невывод из города петроградского гарнизона; созыв Учредительного собрания как ближайшая цель правительства.

В ходе переговоров с делегацией исполкома думский комитет отверг требование о немедленном провозглашении России республикой и выборности командного состава в армии. Исполком, а затем под его влиянием Совет согласился с этим.

Меньшевики и эсеры в основном удовлетворились полити-

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 26.

** Там же, с. 16—17.

ческими итогами Февральской революции, стремились затормозить массовое революционное движение, подменить его реформами «сверху». Вступив в соглашение с буржуазией, мелкобуржуазные партии отвернулись от революционных масс, предали их интересы. Эсеры и меньшевики рассматривали Советы не как органы власти, а лишь как общественные и к тому же временные организации.

2 марта Временное правительство приступило к работе. Срок его полномочий предполагался сравнительно недолгим — до созыва Всероссийского учредительного собрания, которое, как считалось, окончательно разрешит коренные проблемы: о форме государственного строя, о земле, рабочий вопрос, национальный вопрос и другие. В состав Временного правительства вошли представители буржуазии — в основном члены так называемого «прогрессивного блока» Государственной думы, а также по собственной инициативе — один «социалист», Керенский, занявший пост министра юстиции.

Таким образом в стране создалось двоевластие. С одной стороны, Совет рабочих и солдатских депутатов, защищавший (не всегда твердо и последовательно) интересы масс, с другой — Временное правительство, отстаивавшее интересы буржуазии и помещиков. Коренная причина двоевластия заключалась в соотношении классовых сил, была непосредственно связана с уровнем политического развития масс. Ведущая сила революции — российский рабочий класс в феврале — марте проявил достаточную сознательность и организованность, чтобы создать Советы и свергнуть царизм. Но он еще не дошел до сознания необходимости единовластия Советов и потому не воспрепятствовал созданию буржуазного Временного правительства. Буржуазия оказалась хорошо подготовленной к захвату власти, располагала сильной политической организацией. В. И. Ленин писал: «Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году; поэтому и достаточно было первых ударов царизму, чтобы он развалился, очистив место буржуазии» *.

Обстановка двоевластия требовала от большевиков «умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата» **.

Петроградские большевики, возглавившие революционное движение рабочих и солдат столицы против самодержавия, проявили в период Февральской революции самоотверженность, героизм, показали примеры политической дисциплины, организованности. Они были подлинными вожаками масс, энергично боролись за массы, за отвоевание их у эсеров и меньшевиков. Ярким свидетельством этого явилась поддержка большевистской партией революционной инициативы масс по

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 18.

** Там же, с. 106.

вопросу о восьмичасовом рабочем дне. 7 марта ПК постановил добиться от исполкома Петроградского Совета немедленного декретирования восьмичасового рабочего дня во всех отраслях наемного труда. В то время как мелкобуржуазные партии, предав интересы пролетариата, откладывали решение вопроса о восьмичасовом рабочем дне до Учредительного собрания, большевики возглавили борьбу рабочих, поддерживали их революционное правотворчество, организовали отпор клеветнической кампании, развязанной буржуазией, которая обвиняла пролетариат в нежелании работать «на благо революции».

Именно большевики выступили за создание новых в истории пролетарского движения организаций — фабрично-заводских комитетов, объединявших рабочих на предприятиях независимо от профессий. 1 марта под руководством большевика А. К. Скороходова был организован завком на заводе «Дюфлон». Завком Петроградской станции Общества электрического освещения 1886 г. возглавлял большевик М. Н. Животов. Чтобы руководить фабзавкомами, ПК, а позднее райкомы партии создали специальные агитационно-организационные комиссии.

Фабзавкомы создавались рабочими Москвы и других промышленных центров страны. В первых числах марта фабрично-заводские комитеты возникли на предприятиях Киева, Минска, Петрозаводска, Брянска, Ярославля, Нижнего Новгорода, Николаева, Тулы, Самары, Орехово-Зуева.

Много усилий приложила партия для организации профсоюзов. 7 марта ПК опубликовал воззвание — восстановить явочным порядком профсоюзы, закрытые царской администрацией. 9 и 15 марта ПК провел совещания представителей петроградских профсоюзов. Отражением ведущей роли партии в профсоюзном строительстве явилось завоевание большевиками 6 из 9 мест в исполнительной комиссии Центрального бюро профсоюзов, причем член ПК В. В. Шмидт стал секретарем Центрального бюро.

2 марта в Москве состоялось организационное собрание Совета профессиональных союзов, в работе которого участвовали 25 представителей профсоюзов и 2 представителя от Московского комитета РСДРП(б). В марте к восстановлению профессиональных организаций приступили рабочие Донбасса, Харькова, Нижнего Новгорода, Самары, Воронежа, Красноярска, Иваново-Вознесенска, Шуи, Екатеринослава.

Большевики возглавили формирование вооруженной силы пролетариата — рабочей милиции и Красной гвардии. 3 марта ПК распорядился создать военно-милиционную комиссию, а 10 марта, вернувшись к вопросу о рабочей милиции, поручил ей охрану предприятий. Партия пресекла попытки эсеров и меньшевиков ликвидировать самостоятельность рабочей милиции и сохранила ее отряды в пролетарских районах общей численностью в 10—12 тыс. чел.

Отряды рабочей милиции были созданы на предприятиях

Москвы, Нижнего Новгорода, Минска, Иваново-Вознесенска, Харькова, Орла, Астрахани.

С первых дней после Февральской революции большевики активно использовали в борьбе за массы печатную пропаганду и устную агитацию. Огромную роль в деле политического просвещения рабочих сыграла газета «Правда» — Центральный орган большевистской партии, выпуск которой возобновился 5 марта. Широко в политико-массовой работе использовались листовки. Один только Выборгский райком 4 марта выпустил 4 листовки. Принимались меры для печатания и распространения в массах партийной литературы. 13 марта с этой целью по решению Бюро ЦК возобновилась деятельность книгоиздательства «Прибой», выпустившего тиражом 200 тыс. брошюру с программой партии. Значительное место в политическом воспитании масс принадлежало митингам, на которых выступали большевистские агитаторы. 2 марта ПК принял решение о создании агитаторской коллегии. Спустя несколько дней аналогичные коллегии были сформированы при райкомах партии. Только в марте коллегия Выборгского райкома направила ораторов примерно на 100 митингов. 15 марта «Правда» писала: «Наши агитаторы бросают горящие факелы в доселе темные углы. От них загораются окрестности и революционной бурей разносятся по всей России пламенеющие щепки».

В противоположность мелкобуржуазным партиям петроградские большевики боролись за углубление революции, разъясняли пролетариату его классовые интересы, выступали за дальнейший рост массового движения. Этим программно-тактические установки большевиков принципиально отличались от установок меньшевиков и эсеров. Но в крайне сложной обстановке двоевластия поиски верного тактического пути не проходили гладко. Питерской большевистской организации, насчитывавшей в феврале около 3 тыс. чел., в первый после-революционный месяц остро не хватало опытных политических работников. Они еще только начинали возвращаться в столицу из ссылки и каторги. Для позиции петроградских большевиков в марте, до приезда В. И. Ленина, было характерно не совсем четкое понимание роли Советов как органов власти, тактики по отношению к Временному правительству и перспектив перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

На основе обобщения опыта революции 1905—1907 годов многие партийные работники придерживались того мнения, что в развернувшейся буржуазно-демократической революции сознательный пролетариат должен выдвинуть лозунг Временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, с тем чтобы это правительство до конца решило общедемократические задачи и окончательно расправилось с остатками абсолютизма. В соответствии с этой тактической установкой и пыталась действовать часть питерских больше-

виков в Февральской революции. Например, предпринимались усилия — это хорошо видно из воспоминаний В. Н. Залежского — создать центр революционного движения на Выборгской стороне у Финляндского вокзала, в противовес Таврическому дворцу. Выборгский районный комитет в листке, выпущенном 1 марта, призывал: «Время не ждет. Необходимо организоваться, создать новую власть — Временное революционное правительство».

Но ситуация сложилась так, что легальным центром революции, которому массы выразили доверие и поддержку, стал Совет рабочих и солдатских депутатов. Обладая реальной силой, он под влиянием меньшевиков и эсеров одобрил создание Временного правительства, только не рабоче-крестьянского, а из представителей буржуазии. В свою очередь Временное правительство, подчеркивая факт создания его по согласию с Советом, торжественно обещало отстаивать завоевания революции. Как быть в такой обстановке большевикам? Какую линию политического поведения избрать?

При обсуждении в исполкоме Совета, а также на его пленуме вопроса о власти 1 марта представители большевиков последовательно выступали против передачи власти Временному комитету Государственной думы и создания Временного правительства. Но после того как буржуазное Временное правительство было все же создано, многие члены Петербургского комитета РСДРП(б) высказались за тактику давления на буржуазное министерство. То, как ПК пришел к такому решению, читатель увидит из воспоминаний В. Н. Залежского. После горячих споров 5 марта большинство голосов собрала следующая резолюция: «Петербургский комитет РСДРП, считаясь с резолюцией о Временном правительстве, принятой Советом рабочих и солдатских депутатов, заявляет, что не противодействует власти Временного правительства постольку, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и объявляет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного правительства восстановить в какой бы то ни было форме монархический образ правления».

Иную позицию по отношению к Временному правительству заняло 4 марта Бюро ЦК, заявившее: «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)».

Общественно-политическое значение этой резолюции Бюро ЦК, опубликованной в «Правде» 9 марта, состояло в том, что она публично назвала Временное правительство контрреволюционным. Тем самым была пробита брешь в установившейся практике наивно доверчивого отношения широких масс к бур-

жуазному кабинету, способному якобы отстоять завоевания революции.

Выработать правильный политический взгляд на характер государственной власти в обстановке первого послереволюционного месяца оказалось непросто. Мало было охарактеризовать буржуазный кабинет как контрреволюционный. Требовались ясные, понятные массам практические лозунги, которые соответствовали бы обстановке двоевластия. На первый взгляд могло показаться, что вслед за признанием факта контрреволюционности Временного правительства должен был следовать призыв к его свержению. Но ни один серьезный политик не мог дать такой лозунг в тех условиях, поскольку правительство пользовалось поддержкой Совета, опиравшегося на революционные массы. Это противоречие резолюция Бюро ЦК пыталась разрешить призывом к созданию Временного революционного правительства, но такой лозунг как бы оставлял в стороне Советы. Бюро ЦК настойчиво искало верные тактические пути. Этому в большой степени препятствовала полуменьшевицкая позиция Каменева.

Вместе с тем большевики уже в марте все более правильно понимали историческую роль Советов как органов власти. Свидетельством идейной зрелости пролетариата, его готовности к восприятию ленинского курса на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую была резолюция Русского бюро ЦК от 22 марта «О Временном правительстве». Советы характеризовались в ней как «зачатки революционной власти, готовые в дальнейшем процессе [в] определенный момент развития революции осуществить полноту власти пролетариата в союзе с революционной демократией для проведения в жизнь полностью требований восставшего народа».

Приезд Ленина ознаменовался поворотом в стратегии и тактике партии. В. И. Ленин изложил свой взгляд на развитие революции на следующий день после возвращения в Петроград, 4 апреля, выступив дважды в Таврическом дворце — сначала на заседании фракции большевиков Всероссийского совещания Советов, затем на объединенном собрании фракций большевиков и меньшевиков. Главная идея его Апрельских тезисов заключалась в научном обосновании курса партии на переход от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. В. И. Ленин указывал: «Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»*.

В. И. Ленин считал, что в условиях двоевластия переход от первого этапа революции ко второму может произойти мир-

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 114.

ным путем. Он выдвинул лозунг «Вся власть Советам!», нацелив партию на «разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *едиственно возможная* форма революционного правительства...» *. Установление единовластия Советов позволило бы не только осуществить не решенные еще демократические задачи революции, но вместе с тем явилось бы шагом к социализму. Этот шаг подразумевал: укрепление Советов, конфискацию помещичьих земель и национализацию всей земли, слияние всех банков в один общенациональный банк и установление контроля за ним со стороны Советов, введение такого же контроля за общественным производством и распределением продуктов. Замена буржуазной власти единовластием Советов означала бы вначале установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и всего крестьянства, которая в процессе развития революции перерастала бы в социалистическую диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства.

Буржуазная и мелкобуржуазная пресса встретила тезисы в штыки. Меньшевистская «Рабочая газета» напечатала 6, 9 и 11 апреля статьи, направленные против ленинской точки зрения, озаглавив их «Опасность с левого фланга», «Возрождение анархизма и максимализма», «Чего добивается Ленин». Истериическую статью В. Чернова «Ленин» поместило эсеровское «Дело народа» 16 апреля. Н. К. Крупская вспоминает, что в буржуазных газетах и газетах оборонческих началась бешеная травля Ленина и большевиков.

Отрицательная позиция буржуазных и мелкобуржуазных политиков по отношению к Апрельским тезисам не нуждается в пояснениях. Однако Ленину пришлось преодолеть инерцию мышления и некоторых большевистских руководителей, не сумевших творчески применить марксистскую теорию к конкретной российской обстановке в марте — апреле 1917 г. При обсуждении ленинских тезисов в ЦК, проходившем 6 апреля, с резкими возражениями против них выступил Каменев, который заявил, что Ленин не дает никаких конкретных указаний и неверно оценивает момент, поскольку де буржуазная революция в России еще не завершилась. А. Г. Шляпников утверждал, что тезисы не несут практических лозунгов, а Зиновьев выразил по поводу тезисов недоумение.

8 апреля Каменев выступил против тезисов, опубликовав в «Правде» статью под названием «Наши разногласия», и в тот же день Апрельские тезисы обсуждались в ПК. Все члены ПК находились под впечатлением ленинской программы революционной борьбы, но некоторые участники заседания не разобрались в ней до конца. ПК исходил из того, что обсуждение тезисов на его заседании 8 апреля носило предварительный характер и что окончательное решение примет общегородская конференция, созыв которой намечался на 14 ап-

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 107.

реля. На апрель планировалось открытие и общероссийской партийной конференции.

«И тезисы и доклад мой,— писал В. И. Ленин,— вызвали разногласия в среде самих большевиков и самой редакции «Правды». После ряда совещаний мы единогласно пришли к выводу, что всего целесообразнее *открыто* продискутировать эти разногласия, давая таким образом материал для собирающейся 20 апреля 1917 года всероссийской конференции нашей партии...» *

Обсуждение тезисов совпало с выработкой платформы большевистских организаций на 1-ю общегородскую партийную конференцию. Оно имело большое практическое значение. Признавая и одобряя Апрельские тезисы, районные партийные коллективы обязывались отстаивать их на общегородской конференции. Так, на состоявшемся 9 апреля общем собрании членов партии Пороховского района был заслушан доклад Л. Н. Сталь «Современное положение и тезисы Ленина». Газета «Правда» сообщала: «Собрание согласилось с основными положениями тезисов Ленина и выбрало 4 делегатов на общегородскую конференцию с мандатом голосовать за эту платформу». На следующий день собрание большевиков Василеостровского района признало тезисы «в общем и целом правильными» и поручило своим представителям их защищать. 11 апреля собрание членов партии Петроградского района приняло следующую резолюцию: «Обсудив тезисы тов. Ленина, общее собрание в принципе присоединяется к ним в общем и целом и поручает своим представителям отстаивать данные тезисы на общегородской конференции». В защиту ленинской позиции выступили и большевики 2-го Городского района.

Петроградская общегородская партийная конференция, открывшаяся 14 апреля, завершила процесс сплочения питерских большевиков вокруг ленинской платформы перехода к социалистической революции. На конференции с докладом по текущему моменту выступил В. И. Ленин. Он развил и конкретизировал основные положения Апрельских тезисов, подверг принципиальной критике оппортунистическую позицию Каменева по вопросу о соглашении с мелкобуржуазными партиями. Конференция приняла предложенную В. И. Лениным резолюцию об отношении к Временному правительству, а также поддержала проект ленинской резолюции «О войне». По вопросу «Наши отношения с социал-демократами других толков» конференция одобрила резолюцию против объединения с партиями, поддерживавшими Временное правительство и проводившими политику «революционного оборончества».

Апрельские тезисы принимали как программу действия партийные организации всей России. 16 апреля собрание членов РСДРП(б) Городского района Москвы направило приветствие В. И. Ленину. Тезисы одобрили 1-я конференция Се-

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 131—132.

веро-Балтийской организации РСДРП(б), партийное совещание представителей организаций и групп РСДРП(б) Юго-Западного края, Уральская областная конференция большевиков.

Ленинский курс на социалистическую революцию победил и на Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), открывшейся 24 апреля. Работой конференции руководил В. И. Ленин. В основу ее основополагающих резолюций «О войне», «Об отношении к Временному правительству», «О текущем моменте», «О Советах рабочих и солдатских депутатов» были положены Апрельские тезисы. Историческое значение конференции состояло в том, что она разработала конкретную программу борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

После завершения работы Седьмой (Апрельской) Всероссийской партийной конференции ленинские Апрельские тезисы легли в основу деятельности партии. Большевикам предстояло еще шире развернуть работу в массах, и прежде всего в рабочем классе.

В Петрограде на 1 января 1914 г. насчитывалось 242,6 тыс. квалифицированных рабочих. За годы войны состав пролетариата существенно изменился. В связи с ростом военного производства численность рабочих увеличилась и достигла к 1 января 1917 г. 417 тыс. чел. Пополнение произошло в основном за счет беднейшего крестьянства, а также женщин и подростков из рабочих семей. На заводы вместе с тем проникло немало лавочников, кустарей, мелких хозяев, пытавшихся здесь укрыться от мобилизации. Но кадровое ядро, составлявшее примерно половину рабочих, сохранилось.

Передовой пролетариат был надежной опорой ленинской партии. Уже в марте — апреле 1917 г. за большевиками шли рабочие 15—17 крупнейших предприятий столицы: заводов «Сименс — Шуккерт», Гвоздильного, Военно-подковного, Соединенных кабельных заводов и др. 9 апреля рабочие Военно-подковного завода отозвали из Петроградского Совета трех беспартийных депутатов и избрали вместо них большевиков. 13 апреля общее собрание рабочих завода «Старый Парвизайнен» потребовало сместить Временное правительство и передать власть в руки Советов. С первых же месяцев революции большевиков поддерживали на заводах: «Айваз», Оптико-механическом, Меднопрокатном, «Русский Рено», «Старый Лесснер», «Новый Лесснер». 6 апреля «Правда» напечатала резолюцию рабочих Меднопрокатного завода, в которой говорилось: «Признавая газету «Правда» единственной представительницей освободительных стремлений пролетариата, считаем долгом каждого рабочего оказывать поддержку нашей «Правде» и содействовать самому широкому ее распространению». Как вспоминал член Петроградского райкома РСДРП(б) А. М. Плужников, форпостом большевиков был завод Щетинина. Рост большевистской организации на пред-

приятии объяснялся связью большевиков с рабочей массой, в среде которой было большое количество сочувствующих партии.

Однако в марте — апреле эсеры и меньшевики еще преобладали на ряде других предприятий. На Невском и Обуховском заводах в тот период на 35 большевиков приходилось не менее 1000 эсеров. Большевистская организация завода военно-врачебных заготовлений состояла из 14 чел., а меньшевистская — из 400. На «Треугольнике» было 25 большевиков, тогда как эсеров — несколько тысяч, а меньшевиков — 150 чел. Этому в немалой степени способствовала легкость записи в партии эсеров и меньшевиков, их неразборчивость и нетребовательность при приеме новых членов. Возникло и даже проникло в газеты своеобразное определение — «мартовский эсер». Но главная причина временного влияния меньшевиков и эсеров на массы состояла в том, что часть столичных рабочих и большинство солдат гарнизона разделяли мелкобуржуазные взгляды на политику. В. И. Ленин, объясняя политическую несознательность таких рабочих в первый месяц революции, писал: «Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»*. Многим рабочим и большинству солдат казалось, что революция положила конец межпартийным разногласиям и все партии, которые называют себя социалистическими, отстаивают интересы трудящихся. При этом значительной популярностью у некоторых рабочих пользовались те политики, которые умели выставить наиболее броские лозунги, не забывая вовремя вспомнить о своих былых революционных заслугах. Рабочий главных мастерских Северо-Западной железной дороги Н. Разумов вспоминал: «Во время Февральской революции у нас преобладало эсеровское влияние, и я был эсером. Я тогда мало разбирался в политике, и которую партию больше хвалили, в ту я и вступил. Мне было все равно, только бы не быть под сапогом буржуазии». Рабочий завода «Новый Лессер» Д. Р. Белунский рассказывал, как он стал эсером: «Вступил просто: принесли карточку, сказали — вноси членские взносы в коллектив, и вновь испеченный социалист-революционер налицо».

В воспоминаниях простой фабричной работницы Г. Трусовой, помещенных в настоящем сборнике, живо и бесхитростно рассказывается о том, как постепенно происходило политическое пробуждение даже среди отсталых слоев петроградских рабочих.

По мере развития революции и укрепления влияния большевиков в массах росло политическое сознание рабочих. Уже лозунги Первомайской демонстрации, прошедшей в столице

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 156.

18 апреля по старому стилю, носили демократический, ярко выраженный антивоенный характер. Еще 13 апреля завком Арсенала Петра Великого утвердил следующие первомайские лозунги: «Да здравствует социализм!», «Да здравствует 1 Мая — всемирный праздник труда!», «Требуем социального страхования!», «Избирательное право для женщин. Если женщина достойна взойти на эшафот, она достойна войти и в парламент!». Об этом же свидетельствуют наиболее распространенные лозунги, под которыми рабочие колонны участвовали в первомайской демонстрации: «Да здравствует Интернационал!», «Да здравствует мир народов!», «Да здравствует социализм!», «Долой милитаризм!», «Помещики — в окопы!», «Война до победы над буржуазией!».

Передовые, сознательные рабочие выступили с протестом против решения Петроградского Совета взамен праздника 1 мая отработать «на нужды революции» (а в действительности на нужды империалистической войны) в воскресенье 16 апреля.

Протестуя против постановления Совета об отработке за первомайский праздник, рабочие Невской ниточной мануфактуры расценили это решение как «идушее вразрез с интересами интернациональной демократии всех стран». 16 апреля остались закрытыми проходные 28 предприятий, в том числе Металлического завода, «Лангенциппен», «Сименс-Гальске» и др. Показателем начавшегося разрыва рабочих с идеологией «революционного оборончества», в которой В. И. Ленин видел обман масс под флагом защиты «революционного отечества» *, явился протест передового пролетариата против организованного Временным правительством и одобренного Петроградским Советом так называемого «займа свободы», о чем читатель узнает из воспоминаний Н. К. Крупской и А. А. Бабицына. Так, в резолюции механического отделения Русско-Балтийского завода, принятой 10 апреля, хотя и не вполне свободной от «оборончества», все же указывалось, что Совет должен взять деньги на войну у буржуазии, затеявшей империалистическую бойню. 12 апреля рабочие мастерских Офицерской электротехнической школы потребовали, чтобы Временное правительство ввело налог на доходы и капиталы помещичьего и предпринимательского классов. Позиция пролетариата Выборгской стороны по этому вопросу нашла отражение в решении Выборгского районного Совета, призывавшем отказаться от подписки на заем.

Вместе с тем рабочие предприятий, где пока преобладали меньшевики и эсеры, еще поддерживали политику соглашательского руководства Петроградского Совета. 16 апреля работали многие текстильные и писчебумажные фабрики, а также такие крупные заводы, как Путиловский, Невский, Вагоностроительный.

---

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 262.

Весомый вклад в победу Февральской революции внес столичный гарнизон. Солдаты составляли значительную часть революционных масс Петрограда. Можно сказать, что политические настроения гарнизона в марте во многом отражали революционную психологию масс, свергнувших самодержавие. В связи с этим А. М. Коллонтай писала: «...на первом плане сейчас не рабочий, а расплывчатая, разнокалиберная масса, одетая в солдатские шинели. Сейчас настроения диктует солдат. Солдат создает и своеобразную атмосферу, где перемешивается величие ярко выраженных демократических свобод, пробуждение сознания гражданских равных прав и полное непонимание той сложности момента, какой переживаем. Среди лихорадочной суеты, среди стремления создать, построить что-то новое, отличное от прежнего, слишком звучит нотка уже достигнутого торжества, будто дело сделано, закончено».

Солдаты действительно восторженно приветствовали Февральскую революцию, и их голос был слышен повсюду. Это и понятно, если учесть, что с крушением монархии социальное положение солдат изменилось. Победный Февраль открыл ворота казарм, и солдат вышел на улицу. Если при царизме он был совершенно бесправен, то теперь стал гражданином, наделенным широкими политическими свободами. Прежде его мог унижить, оскорбить любой офицер, а теперь революция предоставила возможность контролировать деятельность командного состава и изгонять из частей неугодных командиров. Было от чего вскружиться голове! «Угар революции» коснулся прежде всего вчерашних крестьян, лишь недавно надевших шинели, почти неграмотных, во многом сохранивших мелкобуржуазные предрассудки, лишенных ясных понятий о классовой борьбе и четких, самостоятельных политических взглядов.

Большевики вели настойчивую борьбу за армию. Уже в мае они организовали партийные ячейки в ряде частей столичного гарнизона: в Броневом дивизионе, 6-м саперном батальоне, 1-м пулеметном полку, 180-м пехотном полку, запасных батальонах Московского, Петроградского, Павловского, Измайловского, Гренадерского и Финляндского полков. 22 марта Военная комиссия при ПК, стремясь углубить партийное влияние на гарнизон, решила создать Военную организацию большевиков. На учредительном собрании 31 марта присутствовало 97 представителей от 48 воинских частей.

Большевизация петроградского гарнизона была сложным процессом. После победы Февральской революции многие солдаты еще долго поддерживали соглашательское руководство Петроградского Совета. Части гарнизона переходили на сторону большевиков по мере развития революции, углубления опыта масс, неуклонно расширявшейся агитационно-пропагандистской деятельности ленинской партии.

В борьбе за массы большевикам противостояли непролетарские партии, которые располагали внушительным арсена-

лом идеологического воздействия и накопили значительный опыт политической деятельности.

Среди мелкобуржуазных партий по степени влияния и популярности выделялись эсеры и меньшевики. В. И. Ленин писал, что они выражали интересы «мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а также части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих» *. В позиции меньшевиков и эсеров по отношению к коренным вопросам революции было много сходного. Обе партии формально выступали за переход России к социализму, но относили такой переход в неопределенное будущее — после длительной полосы капиталистического развития. Поэтому блок этих партий в Советах государственную власть после победы Февральской революции добровольно уступил буржуазии. Поскольку меньшевики и эсеры взяли курс на соглашение с буржуазией, постольку за ними закрепилось название соглашателей.

Эсеры по сравнению с меньшевиками имели более широкую социальную базу, так как их в начале революции поддерживали довольно многочисленные группы из разных слоев населения: крестьяне, солдаты, интеллигенция, торговцы, ремесленники, часть рабочих. Политически не искушенная солдатская и деревенская масса связывала эсеров с защитой крестьянских интересов. Это обстоятельство хорошо подмечено в воспоминаниях питерской работницы Г. Трусовой: во время выборов в районные думы Петрограда одним из доводов в пользу эсеров называлось то, что они, дескать, заботятся «насчет земельки». Численность столичной эсеровской организации росла очень быстро, составив в апреле 5 тыс. чел., а в мае — уже 25 тыс.

Меньшевики не могли похвалиться таким же приростом. В августе они считали, что имеют в петроградской организации примерно 8,5 тыс. членов, но в проходивших тогда же выборах на городскую меньшевистскую конференцию приняли участие всего 2 тыс. 700 чел. Меньшевики ориентировались главным образом на часть интеллигенции, а также искали сочувствия у рабочих. Особенно же они стремились извлечь политический капитал из того, что им удалось захватить ключевые посты в Петроградском Совете.

Когда в общественную жизнь влилась прежде молчавшая, в подавляющем большинстве непролетарская масса, ее интересы, стихийные стремления и стали отражать меньшевики и эсеры, спекулируя до поры до времени на отсутствии политического опыта у значительной части населения страны. Этим объясняется внешне громкий успех мелкобуржуазных партий в первое время после свержения самодержавия. Накануне же и в ходе революции они ничем себя не проявили, как правило оставаясь в стороне от развернувшегося в столице восстания пролетариата против царского деспотизма. Не случайно в

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 195.

феврале 1917 г. листовка инициативной группы эсеров содержала многозначительное признание: «Партии нет... Она развалилась, выродилась в мелкие разрозненные и слабые группы, ячейки, беспомощные практически, бессильные, неавторитетные теоретически и морально». Этот пессимистический вывод совпадал с мнением одного из видных эсеров, В. М. Зензинова, вспоминавшего, что накануне Февраля петроградская организация социалистов-революционеров «была разбита».

После Февральской революции, стремясь увлечь за собой массы, мелкобуржуазные партии максимально использовали экономическое и социальное положение мелкого производителя, постоянно колеблющегося между пролетариатом и буржуазией. Они приравнивались к восторгу широких слоев населения от крушения абсолютизма, эксплуатировали их доверие к революционной фразе. Член ПК И. К. Наумов вспоминал: «Меньшевистские и эсеровские ораторы произносили революционные клятвы и ратовали за свободу — трудно поэтому было с ними бороться».

Стратегическая задача меньшевиков и эсеров состояла в том, чтобы не допустить «преждевременного», как они говорили, перехода государственной власти в руки пролетариата и крестьянства. Они старались всемерно укрепить авторитет Временного правительства.

Заключив соглашение с буржуазией, мелкобуржуазные партии все дальше отходили от насущных интересов масс. Но в первые месяцы революции возможности идеологического влияния на широкие круги населения у меньшевиков и эсеров были еще велики. Они использовали с этой целью высокую трибуну Петроградского Совета, многочисленные газеты и журналы, выступления ораторов на митингах и собраниях. Меньшевистская «Рабочая газета» заявляла, что задача Временного правительства состоит в том, чтобы «при поддержке народа и армии уничтожить все быстро и решительно, что осталось от старого и мешает новому, и создать столь же быстро и решительно все, без чего новый строй существовать не может, Совет рабочих и солдатских депутатов воздействовал уже при образовании Временного правительства на то, чтобы в его программе стояли все меры, необходимые для установления демократического строя в России». Эти красивые фразы на деле означали не что иное, как курс на буржуазное развитие страны.

Политика мелкобуржуазных партий не ущемляла коренных интересов буржуазии, располагавшей разносторонними средствами идеологического воздействия и рычагами экономического давления на массы. В политическом отношении интересы русской либеральной буржуазии наиболее ясно выражала партия конституционных демократов (кадетов), представители которой занимали важнейшие посты во Временном правительстве. Идеалом кадетов была конституционная монархия английского образца, но под напором революции они согласи-

лись на буржуазную республику. Эта партия, не имея опоры в широких слоях народа, располагала искушенными политиками и опытными публицистами.

В политической борьбе буржуазия широко применяла испытанное оружие — разобщение своих классовых противников, натравливание их друг на друга. Она пыталась вбить клин между рабочими и революционным гарнизоном, культивируя оборонческие настроения среди солдат, которым внушалось, что пролетариат, борясь за восьмичасовой рабочий день, в то время как солдаты на фронте проводят в окопах все 24 часа, будто бы отказывается работать на войну, преследует свои эгоистические интересы. Эта клевета распространялась устно и печатно — через буржуазные газеты, бесплатно рассылавшиеся в воинские части. Клеветническая кампания приобрела такой размах, что против нее выступили Советы. В протоколе заседания Василеостровского районного Совета от 31 марта записано: «Обращено внимание на буржуазные газеты, что в них пропагандируются идеи, ни на чем не основанные, что рабочие якобы продолжают бездействовать в смысле работы на оборону отечества. Кроме того, стараются сеять рознь между рабочими и солдатами». Из напечатанных в этом томе воспоминаний А. П. Кучкина, Г. К. Орджоникидзе, А. Е. Хохрякова читатель увидит, к какой низкопробной клевете и политическим провокациям прибегала буржуазная пресса, стремясь дискредитировать большевиков.

По мере дальнейшего развития революции борьба за массы между большевиками и их политическими противниками разворачивалась все острее и напряженнее. Эта борьба изобиловала острыми социальными конфликтами, нередко выливавшимися в массовые политические действия. К середине апреля в политических настроениях рабочих и солдат произошли заметные изменения. Росло недовольство масс политикой Временного правительства, мелкобуржуазная волна «революционного оборончества» постепенно шла на убыль. Развитию сознания масс способствовала деятельность большевиков в период апрельского кризиса власти.

20 апреля была опубликована нота министра иностранных дел кадета П. Н. Милюкова русским послам за границей, в которой разъяснялась декларация Временного правительства от 27 марта о целях войны. Декларация, принятая под сильным нажимом Петроградского Совета в развитие его воззвания «К народам всего мира» (14 марта), заключала формальный отказ от империалистической политики и провозглашала стремление России к миру. В декларации утверждалось: «цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Из ноты же Милюкова ясно и недвусмысленно следовало, что отказ от захватов чужих территорий и призывы к заключению мира не более чем

фразы, рассчитанные на простаков. Россия будет воевать до победного конца. «Проникнутые этим новым духом освобожденной демократии заявления Временного правительства,— говорилось в ноте,— разумеется, не могут подать ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось, благодаря сознанию общей ответственности всех и каждого».

Солдаты, которые еще не забыли декларацию правительства от 27 марта, обещавшую скорый мир, чувствовали себя обманутыми. Нота Милюкова означала для них суровую реальность — неизбежную отправку на фронт. Возмущение взорвалось стихийно. 20 апреля гарнизон яростно обрушился на «обманщиков». Резиденцию Временного правительства (Мариинский дворец) окружили подразделения 180-го пехотного полка, запасные батальоны Финляндского и Московского полков, отдельные маршевые роты, 2-й Балтийский флотский экипаж. Первые плакаты, взметнувшиеся над колоннами, гласили: «Долой Милюкова!» К вечеру стали встречаться отдельные призывы «Долой Временное правительство!». После бурного митинга, на котором выступили представители Петроградского Совета Скобелев и Гоц, солдаты разошлись. В тот же день во всем гарнизоне прошли собрания, на которых были приняты резолюции протеста против ноты Милюкова. Совместное собрание 180-го запасного пехотного полка и запасного батальона Финляндского полка, состоявшееся на площади перед Мариинским дворцом, заявило: «Ознакомившись с нотой Милюкова о целях войны, выражая свое негодование по поводу столь беззастенчивого выступления, явно противоречащего обращению Совета рабочих и солдатских депутатов к народам всего мира и декларации самого Временного правительства, мы требуем немедленной отставки Милюкова».

Аналогичные требования выставили Петроградская конвойная команда, запасный Броневой автомобильный дивизион, запасный батальон гвардии Егерского полка, другие части и подразделения. Но разобраться до конца в событиях, связанных с нотой Милюкова, солдатские массы еще не сумели. Они считали, что все дело в Милюкове, стоит лишь изменить персональный состав Временного правительства, как тут же иной станет политика буржуазного кабинета. В. И. Ленин писал: «Массы солдат пришли в возмущение, ибо они добросовестно верили искренности и миролюбию капиталистов. Демонстрации начались как *солдатские* демонстрации, с противоречивым, несознательным, ни к чему не способным повести лозунгом «долой Милюкова» (точно перемена лиц или группок могла изменить *суть* политики!)» *.

Рабочие глубже, чем солдаты, поняли причины, вызвавшие

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 325.

ноту Милюкова. Передовой пролетариат связывал ее с империалистической политикой буржуазии и поддержал позицию большевиков.

Утром 20 апреля состоялось экстренное заседание ЦК РСДРП(б), представителей ПК и редакции «Правды». В принятой на заседании резолюции ЦК, проект которой был написан В. И. Лениным, указывалось, что разрешение кризисной ситуации связано с переходом большинства народа на сторону революционного пролетариата, власти в руки Советов. Большевики стремились придать движению масс мирный и организованный характер. 21 апреля ЦК РСДРП(б) принял предложенную В. И. Лениным резолюцию, в которой разоблачалось соглашательство меньшевиков и эсеров, содержался призыв к мирным демонстрациям и перевыборам Советов. Резолюции ЦК РСДРП(б) от 20 и 21 апреля, а также большевистский лозунг «Вся власть Советам!» одобрили рабочие заводов «Новый Айваз», «Динамо», «Новый Лесснер», «Старый Лесснер», «Экваль».

Над пролетарскими колоннами, принимавшими участие в манифестациях 20—21 апреля, выделялись призывы: «Да здравствуют рабочие, солдатские и крестьянские депутаты!», «Да здравствует Ленин!», «Вооружайся, весь рабочий народ!», «Мир без аннексий и контрибуций!», «Долой Милюкова!», «Долой Милюкова и Гучкова!» Встречался и левацкий лозунг «Долой Временное правительство!», явно преждевременный, поскольку правительство еще пользовалось поддержкой Советов. Требование демонстрантов-рабочих о переходе власти к Советам прозвучало на некоторых предприятиях и спустя несколько дней после событий 20—21 апреля.

Апрельская демонстрация в столице нашла отклик в других городах. 21—22 апреля прошли массовые демонстрации и митинги на предприятиях в Москве. Митинги состоялись в Киеве, Харькове, Луганске, Екатеринославе.

Таким образом влияние соглашателей среди пролетариата поколебалось, хотя часть рабочих, не говоря уже о солдатах, по-прежнему была в плену соглашательской фразеологии. В резолюции, принятой на Балтийском заводе, например, говорилось: «Мы, выражая полное доверие Совету рабочих и солдатских депутатов, уверены, что Совет рабочих и солдатских депутатов, опираясь на доверие и поддержку организованной и революционной демократии, сумеет заставить Временное буржуазное правительство считаться с желанием революционного народа и революционной армии».

Апрельский кризис ознаменовал конец чисто буржуазного Временного правительства. После отставки Гучкова и Милюкова было создано коалиционное Временное правительство с прямым участием меньшевиков и эсеров. Однако государственная власть по-прежнему осталась в руках буржуазии, которая, конечно же, не собиралась отступать от своих империалистических целей. Продолжалась война, усиливалась разруха в

стране, и это неизбежно обостряло недовольство широких кругов трудящихся политикой правительства.

Тем временем работа большевиков в массах становилась все более разнообразной и эффективной. Большое внимание уделялось разъяснению рабочим и солдатам итогов Седьмой (Апрельской) конференции РСДРП(б). С докладом о конференции на общегородском собрании Петроградской партийной организации 8 мая выступил В. И. Ленин. Разворачивалась устная и печатная агитация. При райкомах партии были созданы курсы агитаторов. В апреле — июне только руководящие работники большевиков более 300 раз выступали перед рабочими и солдатами.

Большевики развернули в массах кампанию за перевыборы Советов. Росло влияние ленинской партии. К концу мая половина рабочей секции Петроградского Совета стала на сторону большевиков, а 5 районных Советов (Выборгский, Василеостровский, 1-й Городской, Коломенский, Петроградский) поддерживали политику большевистской партии. Укрепились позиции партии в фабзавкомах, $\frac{3}{4}$ которых к концу мая шло за большевиками. Усилили они свое влияние и в профсоюзах. В начале мая на стороне большевиков были 13 из 14 районных отделений союза металлистов.

Борьба большевиков за массы набирала силу по всей стране. В мае из 10 районных Советов Москвы 6 шли за большевиками, значительно укрепилась большевистская фракция Московского Совета. Политику большевиков поддерживали рабочие секции Саратовского, Екатеринбургского Советов, а также ряда Советов Донбасса и Урала.

Большевистская агитация в рабочей среде приносила весомые плоды. Собрание, прошедшее на фабрике «Невка», высказалось против коалиционного министерства и соглашателей, приветствовало партию большевиков «как единственную выразительницу пролетарских идей». Осудили факт создания коалиционного правительства рабочие заводов «Старый Парвизайнен», Военно-подковного, Пузырева, Оптико-механического. Это был голос пролетарского авангарда, набравший силу, вес и влияние.

В мае все более зримо стал ощущаться отход масс от настроений «революционного оборончества». Под влиянием объективной логики развития событий, разносторонней агитационно-пропагандистской деятельности большевиков политические убеждения рабочих и солдат неотвратимо левели. Все большая часть трудящегося населения начинала понимать, что ее интересы расходятся с политикой мелкобуржуазных партий.

Усилился процесс большевизации столичного гарнизона. Военная организация, созданная питерскими большевиками в конце марта, из столицы шагнула на фронт, во многие гарнизоны. В июне была созвана представительная Всероссийская конференция фронтовых и тыловых военных организаций

РСДРП(б). Велик был ее вклад в политическое просвещение столичного гарнизона. Большевикам, работавшим в казармах, приходилось не только разрушать стену мелкобуржуазных предрассудков, сталкиваясь с неразвитым общественным сознанием многих солдат, но и активно бороться с эсеровской военной организацией в Петрограде. Опираясь на реальные факты, партия раскрывала глаза солдатам на империалистическую политику Временного правительства, разъясняла, что буржуазный кабинет не способен вывести страну из войны, ликвидировать помещичье землевладение. Каждая неделя продолжения войны сопровождалась попытками официальной власти затормозить процесс демократизации армии и вывести из Петрограда наиболее беспокойные части, и это сказывалось на настроении гарнизона. Значительная часть его еще доверяла соглашателям, но все резче на собраниях критиковалась политика правительства. В штыки солдаты встретили те пункты изданной буржуазным кабинетом «Декларации прав солдата», в которых отчетливо просматривалось намерение упразднить выборность командиров, осуществлявшуюся явочным порядком, ограничить гражданские права военнослужащих. По гарнизону прокатилась волна протеста против этой декларации. Солдаты 6-го саперного запасного полка записали в резолюции собрания 25 мая, что они оставляют «за собой свободу и право отвергнуть отдельные параграфы...» Общее собрание 1-го пехотного запасного полка рассматривало этот документ как попытку «урезать завоевания революции». На митинге в 178-м пехотном запасном полку абсолютное большинство голосов собрала резолюция, заявлявшая протест против «посягательства на права солдата-гражданина». Возмущение попыткой правительства отстранить солдат от участия в общественно-политической жизни выразили гвардейские Измайловский, Семеновский, Павловский, Гренадерский полки.

Рост сознания пролетариата столицы, одобрение им политической линии большевиков, освобождение от мелкобуржуазных предрассудков — все это продемонстрировали выборы в районные думы Петрограда в конце мая — начале июня. Отстаивая свои классовые интересы, преодолевая яростное сопротивление буржуазии, пролетариат все более энергично и последовательно поддерживал большевиков. Авторы мемуаров А. Е. Васильев, Н. П. Капранов, А. А. Бабицын, В. П. Виноградов показывают, как рабочие, сталкиваясь с повседневными нуждами и заботами, имели возможность на практике сделать вывод о том, какая же политическая партия защищает их интересы. Только большевики решительно одобряли экономические и социальные требования пролетариата, указывая ясный путь борьбы за их осуществление. Ленинская партия заронила в сердца рабочих мысль о невозможности поправить экономическое положение без взятия государственной власти в свои руки. Муниципальная платформа большевиков, опубликованная в «Правде» 7 и 9 мая, стала действенным средством агит-

тации и пропаганды, помогла освобождению значительной части масс из-под соглашательского влияния.

Чтобы показать пролетариату принципиальное отличие своей политики от политики соглашателей, большевики отвергли избирательный блок с мелкобуржуазными партиями и выступили с самостоятельным списком, блокируясь в некоторых случаях только с теми из социал-демократов, кто выступал против войны. В воззвании ЦК и ПК, напечатанном в «Правде», политическое единоробство рабочих с буржуазией и соглашателями называлось главным содержанием выборов. «Борьба эта нелегкая,— подчеркивалось в воззвании,— у наших противников громадные средства влияния». Руководящие партийные центры выдвинули задачу — дойти до каждого пролетария, разослать агитаторов по квартирам, магазинам, булочным.

В результате выборов за большевиков проголосовало 159 690 чел., или около 20% избирателей. Это свидетельствовало о массовой поддержке партии. Полную победу большевики одержали в Выборгском районе. 2 июня 1917 г. «Правда» писала: «В широких кругах рабочих несомненно наметился перелом. Угар оборончества начинает рассасываться. Наиболее передовые круги рабочих первыми освобождаются от этого угара и выходят на широкую дорогу самостоятельной классовой борьбы, на дорогу интернационализма».

Корни мелкобуржуазных иллюзий масс уходили глубоко в экономику и социальный уклад страны. Преодолеть их, опираясь на сплочение, организацию, политическую активность пролетариата,— такова была одна из основных задач партии. К лету 1917 г. питерские рабочие добились заметных успехов, спланивая и совершенствуя свои организации. К этому времени на всех предприятиях действовали фабрично-заводские комитеты, о деятельности которых читатель узнает из воспоминаний путиловского рабочего А. Е. Васильева. В конце мая собралась и первая общегородская конференция фабзавкомов. Помимо фабзавкомов в столице к концу июня насчитывалось более 40 профессиональных союзов, объединявших около 250 тыс. рабочих. Все шире распространялся рабочий контроль над производством и распределением. К началу выборов в районные думы он охватил как минимум 84 предприятия, на которых работало 230 тыс. чел.

Большевистская партия опиралась на организованный пролетариат. Рост ее влияния на массы выбивал почву из-под ног соглашателей. Поэтому они стремились сузить поле деятельности большевиков, оторвать их от масс, опускаясь для достижения поставленной цели до клеветы, инсинуаций, провокаций и прямых политических насилий.

В мае Пороховской районный Совет, в котором преобладали меньшевики и эсеры, принял резолюцию, утверждавшую, будто бы большевики вносят в рабочую среду «крайнюю дезорганизацию и способствуют контрреволюционному движе-

нию». Райсовет потребовал от большевиков подчиниться соглашательской платформе, угрожая в противном случае лишить их депутатских мандатов. Не менее тревожная обстановка сложилась в Невском районе. На заседании ПК 30 мая отмечалось, что меньшевики и эсеры «не дают совсем говорить большевикам на митингах — свистят».

В то время как недовольство масс политикой Временного правительства нарастало, в Петрограде 3 июня собрался I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором большинство принадлежало меньшевикам и эсерам. С помощью съезда соглашатели пытались повлиять на революционные массы столицы. Большевики приняли активное участие в работе съезда, пропагандируя свою программу революционных преобразований. Огромное политическое значение имели выступления на съезде В. И. Ленина 4 и 9 июня. Полемизируя с меньшевиком И. Г. Церетели, Ленин заявил на съезде, что партия большевиков готова взять власть целиком и реализовать свою программу*.

Нараставший в течение мая и начала июня протест против политики соглашательской коалиции все более явственно проявлялся в стремлении рабочих и солдат открыто выразить его путем уличной манифестации. Большевики, учитывая настроение в пролетарских кварталах и воинских частях, решили поддержать требование масс, рвавшихся на улицу, о переходе власти к Советам. 8 июня расширенное заседание ЦК и ПК РСДРП(б), Военной организации, районных комитетов партии с представителями воинских частей и заводов высказалось за неизбежность демонстрации.

Стремясь не допустить политической манифестации, которая неминуемо прошла бы под лозунгами недоверия Временному правительству, эсеры и меньшевики добились решения Всероссийского съезда Советов — запретить 10, 11, 12 июня какие-либо уличные демонстрации в столице. Но тут же назначили на 18 июня шествие в память о погибших борцах революции. Этим маневром соглашатели хотели уступить настроениям масс и одновременно вырвать инициативу проведения демонстрации у большевиков, провести массовое шествие рабочих и солдат под лозунгами меньшевиков и эсеров. Однако замыслы мелкобуржуазного руководства Советов провалились.

Демонстрация 18 июня воочию показала, что массы все больше не доверяют буржуазному правительству и осуждают его политику соглашения с капиталистами. Это свидетельствовало об успехе политики большевиков.

18 июня нескончаемый поток людей двигался через Марсово поле вдоль могил жертв Февральской революции. «Известия Петроградского Совета» писали: «У могил склоняются знамена... И сколько глаз хватает — по Троицкому мосту и

---

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 267.

дальше — бесконечные волны человеческой реки, сплошь покрытые плещущимися по ветру, сверкающими на солнце красными парусами, золотом надписей на них. А с другой стороны — от Инженерного замка — такой же бесконечный поток. Ветер разогнал тучи. Небо сверкает синевой, и на нем реют красные стяги... Широким потоком катятся ряды манифестантов. Внимание утомляют эти бесконечные смены лиц и знамен, чудится уже, что не поток катится мимо тебя, а сам вместе со всеми окружающими движешься назад, а перед тобой бесконечный, неподвижный ряд знамен, несметное количество людей». Подобного политического массового шествия столица еще не знала. Свое волеизъявление демонстранты выражали в лозунгах, призывах, воззваниях. И наиболее распространенные среди них были: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!» Лозунги, призывавшие к доверию правительству, несли только казаки, несколько бундовцев и плехановская группа «Единство» — читатель подробно узнает об этом из воспоминаний М. И. Лациса. «Известия» же, касаясь настроений масс, отметили: «4-й Донской, Платова полк идет со знаменем «Да здравствует Временное правительство и единение народов!». Когда манифестанты минуют могилы, толпа вырывает у них знамя доверия к Временному правительству и уничтожает его».

Требование удаления из правительства буржуазных министров и передачи власти Советам выдвинули не только рабочие, но и большая часть гарнизона. 1-й пехотный полк, например, нес следующие призывы: «Долой министров-капиталистов!», «Пересмотреть декларацию прав солдата!», «Война до полной победы над буржуазией!», «Вся власть Советам!», «Да здравствует демократическая республика!», «Требуем решительных мер против контрреволюции!», «Хлеба рабочим, землю крестьянам!», «Мир всему миру!» и др.

18 июня состоялась демонстрация в Москве. Революционные выступления имели место в Киеве, Харькове, Иваново-Вознесенске, Твери, Нижнем Новгороде и других городах.

Июньская демонстрация наглядно показала, что большевики убедили многочисленные массы рабочих и солдат столицы в необходимости единовластия Советов. В. И. Ленин писал: «Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках и показала с непререкаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией» *.

Во время июньского кризиса правительство удержалось у власти. Но поскольку оставались причины массового недовольства политикой Временного правительства — война, разруха, надвигавшийся голод, нерешенность земельного вопроса,—

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 360.

последующие антиправительственные выступления были неизбежны. Возрастало и влияние ленинской партии на фабрично-заводских предприятиях. На ряде фабрик и заводов, особенно в Выборгском районе, в июне рабочие продолжали отзывать из Советов меньшевиков и эсеров, посылая взамен их большевиков.

В связи с тем, что Временное правительство развернуло 18 июня наступление на фронте, пролетариат столкнулся с необходимостью дать отпор шовинистической свистопляске и ура-патриотическим призывам обывателей. На солдат обрушился град официальных оборонческих лозунгов. «Вы бьетесь за свободу и счастье России,— говорилось в воззвании Всероссийского съезда Советов.— Вы бьетесь за приближение всеобщего мира». И, несмотря на это, некоторые части гарнизона высказались против наступления, например, Егерский, Гренадерский и 1-й запасной пехотный полки.

Атмосфера в столице накалялась. Буржуазные кварталы неистовствовали в шовинистическом угаре, провоцируя рабочих, чтобы военной силой разгромить пролетарское движение, со дня на день отправки на фронт маршевых пополнений. Буржуазия мечтала вызвать неорганизованные выступления рабочих, чтобы военной силой разгромить пролетарское движение.

Большевики, следуя указаниям В. И. Ленина, удерживали массы от преждевременного выступления. Открывшаяся 1 июля 2-я Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) подчеркнула необходимость укрепления связей между рабочими и солдатами с целью воспитания стойких революционных борцов, понимающих сложность обстановки. 2 июля Военная организация разослала в полки агитаторов, чтобы не допустить выступления солдат. Но, как отмечал В. И. Ленин, политический кризис разрастался «вопреки усилиям большевиков 2-го июля удержать его» *.

3 июля выступил 1-й пулеметный полк, его поддержали рабочие Выборгской стороны. Работу прекратили некоторые предприятия Петроградского и Василеостровского районов. Основные события развернулись вечером, когда на улицу выступили рабочие заводов Нобеля, «Новый Лесснер», «Новый Парвиаинен», «Эриксон» и др. «У проходной собралась группа рабочих и требует, чтобы открыли ворота,— вспоминал один из участников демонстрации с завода «Старый Парвиаинен».— В это время появляется над толпой оратор и первым долгом сказал: «Товарищи, внимание». Все замолчали. Он стал убеждать не выступать. Его сменил другой: «Будет нам стыдно, если мы не выступим». В конце концов решили разойтись. Но в токарной открылся второй митинг. В это время по набережной шли рабочие завода «Эриксон» и, как будто, «Лесснер» и стали кричать: «Кончай работать!»... Станки остановились, погас свет, и все побежали к воротам... Построились в

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 430.

колонну и с другими заводами направились к Таврическому».

На совещании членов ЦК и ПК, делегатов 2-й Петроградской партийной конференции, представителей заводов и полков было решено придать стихийно начавшемуся движению характер мирной демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!». Под руководством ЦК РСДРП(б) началась подготовка к демонстрации 4 июля. Большевики в ночь на 4 июля овладели движением масс и добились возвращения в свои районы рабочих и солдат, которые скопились около Таврического дворца.

4 июля массы демонстрантов двинулись к Таврическому дворцу. Из 400 тыс. участников демонстрации 350 тыс. были рабочими. С балкона дворца Кшесинской перед рабочими и солдатами выступил В. И. Ленин. Он срочно вернулся в Петроград, прервав свой кратковременный отдых на даче В. Д. Бонч-Бруевича. Призывая к «выдержке, стойкости и бдительности», Ленин выразил уверенность, что лозунг «Вся власть Советам!» победит, несмотря на все зигзаги исторического пути *.

Представители рабочих и солдат потребовали от ЦИК Советов, заседавшего в Таврическом дворце, принять решение о переходе власти к Советам. Однако эсеро-меньшевистские лидеры ЦИКа вновь предали интересы масс, отказались выполнить требование демонстрантов и одобрили принятые Временным правительством военные приготовления с целью расправиться с рабочими и солдатами столицы. Демонстрация в течение 4 июля неоднократно подвергалась провокационным обстрелам со стороны контрреволюционеров. В тот же день руководящие большевистские центры постановили прекратить демонстрацию. Большевики обеспечили организованное отступление масс. В воззвании ЦК РСДРП(б) отмечалось: «Цель демонстрации достигнута. Лозунги передового отряда рабочего класса и армии показаны внушительно и достойно».

5—6 июля контрреволюция перешла в наступление, прикрываясь клеветническими измышлениями о том, что 3—4 июля большевики якобы намеревались свергнуть правительство. В. И. Ленин вынужден был уйти в подполье. Была разгромлена редакция газеты «Правда», правительственные войска захватили штаб большевистской партии — дворец Кшесинской. Начались аресты рабочих и солдат.

В. И. Ленин указывал, что июльский кризис — свидетельство растущего недовольства масс буржуазной политикой буржуазного большинства Временного правительства **. Касясь исторического значения демонстраций 3—4 июля, он подчеркнул, что демонстрации были «последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть» ***.

---

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 24.

** См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 429.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 29.

Июльские события изменили политическое положение. Власть перешла в руки контрреволюции, которую фактически поддерживало соглашательское руководство Советов. В. И. Ленин сделал вывод о ликвидации двоевластия, невозможности мирного развития революции и предложил временно снять лозунг «Вся власть Советам!». Эсеро-меньшевистские Советы превратились, по выражению В. И. Ленина, в «фиговый листок контрреволюции», и требование перехода власти к ним теряло всякий смысл. Вместе с тем В. И. Ленин разъяснял: «Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контрреволюцией и с предательством *данных* Советов» *. С ликвидацией двоевластия перед партией встала новая задача — подготовить вооруженное восстание против контрреволюционного правительства. «Цель вооруженного восстания,— писал В. И. Ленин,— может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы нашей партии» **.

Эти оценки политического положения легли в основу решений VI съезда партии, открывшегося 26 июля. В важнейшем документе съезда — резолюции «О политическом положении» были учтены указания В. И. Ленина. В ней отмечалось, что соглашатели перешли в лагерь контрреволюции, расчистив дорогу для установления единовластия буржуазии. Съезд временно снял лозунг «Вся власть Советам!», призвал массы готовиться к свержению власти буржуазии путем организации вооруженного восстания.

VI съезд партии имел большое значение в дальнейшей борьбе большевиков за массы. По воспоминаниям П. А. Джапаридзе, питерские рабочие считали съезд «своим». Они проявили выдержку и революционную сознательность в период июльского наступления реакции. Против буржуазной травли Ленина протестовали многолюдные собрания на заводах «Лангеншипен», «Феникс», Путиловском. 22 июля на общем собрании рабочих завода Речкина было принято решение требовать отмены распоряжения Временного правительства об аресте В. И. Ленина. В июле большевики одержали важную политическую победу, добившись одобрения деятельности партии рабочими «Треугольника».

В дни работы VI съезда РСДРП(б) рабочие столицы организовали охрану его делегатов, направили в адрес съезда множество приветствий. Решения съезда нашли горячий отклик в пролетарской среде. Состоявшаяся вскоре 2-я общегородская конференция фабзавкомов прошла под руководством большевиков. Одну из важнейших резолюций съезда — «Об экономическом положении» — конференция приняла как свою собственную резолюцию. Большевики направляли деятельность еще двух конференций столичного пролетариата —

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 16—17.

** Там же, с. 5.

страховой, представлявшей 300 тыс. рабочих, и конференции чернорабочих 65-ти предприятий.

Укреплялись позиции большевиков в Советах. В результате пересыборов депутатов численность фракции большевиков в Петроградском Совете возросла с 250 чел. в конце мая до 400 чел. в конце июля. На сторону большевиков к этому времени перешло еще три районных Совета: Петергофский, Московско-Заставский, Рождественский. Ширилось влияние партии в массовых пролетарских организациях. В июле за большевиками целиком шел профсоюз металлистов, объединявший 130 тыс. рабочих.

В условиях назревания социалистической революции большевики вели разноплановую агитационную и культурно-просветительную работу в массах. На предприятиях, в рабочих клубах читались лекции и доклады по вопросам экономики и политики. Возникали новые рабочие библиотеки.

Росту революционных настроений масс способствовало ухудшение экономического положения в стране. Заработная плата в промышленности не поспевала за стремительным повышением цен. Питерские рабочие к августу 1917 г. в среднем зарабатывали 180—200 руб. в месяц, а за квартиру нужно было платить 80 руб., за фунт мяса — 95 коп., фунт хлеба — 14 коп., за пиджак и брюки — 180—300 руб. Журнал «Продовольствие и снабжение», сравнивая зарплату и цены, пришел к выводу: «При таких ценах и на 1000 рублей семейному рабочему не свести концов с концами». Пролетариат в поисках выхода из положения все чаще обращался к мысли о том, что главный виновник его бед — наживающаяся на войне буржуазия. А. Р. Вильямс, американский журналист и публицист, приводит следующее характерное признание одного из рабочих, относящееся к лету 1917 г.: «Нам твердят: «Терпите, терпите». Но что они сделали, чтобы мы могли терпеть? Разве Керенский дал нам больше хлеба, чем царь? Слов и обещаний хоть отбавляй, это верно. Но еды от этого не прибавилось. Мы целые ночи простаиваем в очередях за обувью, хлебом или мясом и все еще, как дураки, пишем на наших знаменах слово «Свобода». Единственная наша свобода — это та же самая свобода быть рабом и умирать с голоду».

Большевики предлагали пролетариату ясную и конкретную программу целеустремленной борьбы против угрозы голодной смерти, нищеты. В. И. Ленин считал, что экономическую катастрофу могут отвести меры, которые на практике означали бы одновременно первые шаги к социалистическому переустройству народного хозяйства страны. К числу таких мер он относил:

- «1) Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями, или национализация банков.
- 2) Национализация синдикатов, т. е. крупнейших, монополистических союзов капиталистов (синдикаты сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т. д.).

3) Отмена коммерческой тайны.

4) Принудительное синдицирование (т. е. принудительное объединение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще.

5) Принудительное объединение населения в потребительские общества или поощрение такого объединения и контроль за ним» *.

Массы продолжали переходить на сторону ленинской партии. В начале августа рабочие многих предприятий стали отзывать из Советов соглашателей и посылать вместо них большевиков. На Франко-Русском заводе список РСДРП(б) собрал 2314 голосов, а список меньшевиков и эсеров только 1587. На Патронном заводе вместо соглашателя был избран большевик. Тогда же отозвали из Совета меньшевика рабочие лафетно-снарядной мастерской Путиловского завода. 4 августа под контроль большевиков перешел исполком Петергофского районного Совета.

О росте влияния РСДРП(б) в массах свидетельствовали выборы в Петроградскую городскую думу, проходившие в августе. Большевики собрали 33,5 процента голосов, тогда как на выборах в районные думы в мае у них было 19,4 процента. Меньшевики же потерпели форменное крушение, заручившись поддержкой всего 4,3 процента избирателей. Эсеры, преобладавшие прежде на значительной части фабрик и заводов, теперь лишь совсем немного опережали большевиков — 37,4 процента голосов, проиграв избирательную кампанию в таких пролетарских районах, как Выборгский, Петроградский, Нарвский, Петергофский.

Благодаря идеологической и организаторской деятельности большевиков в рабочей среде ширилась массовая поддержка политики партии. В июле — августе большевиков стали поддерживать рабочие еще 11 крупных предприятий, в том числе заводов Адмиралтейского и Военно-врачебных заготовлений.

В попытке остановить процесс большевизации масс, буржуазия готова была пойти на военную диктатуру. Верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов в сговоре с представителями официального правительства готовил заговор. Двинув войска на Петроград, он потребовал 27 августа передать ему всю полноту власти. В знак солидарности с Корниловым кадеты вышли из правительства. Разразился очередной кризис власти.

Борьбу пролетарских масс против корниловщины возглавили большевики. Вечером 27 августа ЦК РСДРП(б) призвал рабочих и солдат Петрограда дать отпор заговорщикам. Партия направляла главный удар против Корнилова, но продолжала разоблачать слабость и шатания Временного правительства, вскрывала связь буржуазных министров и лично Керенского с заговорщиками. По всему Петрограду прошли митин-

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 161.

ги протеста, а в течение трех дней под руководством большевиков было вооружено около 40 тыс. рабочих.

В борьбе с корниловщиной усилился процесс большевизации столичного гарнизона. 28 августа массовый митинг солдат 6-го саперного батальона, запасных батальонов Преображенского, Литовского, Волынского полков поддержал резолюцию о создании правительства только из представителей пролетариата и крестьянства. Неучастия кадетов в правительстве требовали Петроградский резервный, Измайловский и 5-й запасный пулеметный полки. А. Ф. Ильин-Женевский в своих воспоминаниях, публикуемых в этой книге, отмечает, что общее собрание солдат запасного Огнеметно-химического батальона приняло резолюцию в поддержку большевиков. О решающем сдвиге в политических настроениях рабочих и солдат, о переходе 31 августа — 9 сентября на сторону РСДРП(б) столичного Совета пишет С. С. Гончарская.

Отряды рабочих и солдат заняли боевые позиции на подступах к столице. Большевистские агитаторы раскрыли глаза обманутым солдатам на истинные цели заговора. Корниловская авантюра провалилась.

Победа над контрреволюционным заговором показала политическую зрелость пролетариата. Все большее число рабочих переходило на сторону большевиков. На Металлическом заводе при перевыборах депутатов в Петроградский Совет, проходивших в сентябре, победили большевики. Усилилось влияние большевиков на Трубочном заводе, в завком которого в сентябре были избраны 23 большевика и только 10 эсеров. За ленинской партией шли рабочие заводов Балтийского, «Сименс-Гальске», «Динамо». Всего в сентябре добавилось еще 33 предприятия, рабочие которых стали поддерживать большевиков.

Значительно возросли революционные настроения солдат столичного гарнизона, а также матросов Балтийского флота. Большевистскую резолюцию «О власти», принятую Петроградским Советом, поддержали солдаты Волынского, Егерского, Измайловского, Литовского, Петроградского, Преображенского, Семеновского гвардейских полков, 1-го и 2-го стрелковых полков, 6-го саперного батальона, Огнеметно-химического батальона, Петроградской усиленной автомобильной мастерской, Охтинской маршевой команды, Электротехнической школы. Балтийский флот, Кронштадт и подавляющая часть русских войск в Финляндии отказывались признавать власть Временного правительства.

Повсеместно раздавались требования смены командного состава, скомпрометировавшего себя поддержкой корниловской авантюры. Разворачивалось движение за обновление состава комитетов частей и подразделений. Отражая массовые настроения, солдат С. Малыгин призывал в письме, напечатанном в газете «Солдат»: «Теперь мы должны всем своим организациям сделать настоящую чистку, т. е. убрать оттуда всех

контрреволюционных представителей и тех, которые были замешаны в соглашательской политике».

Усилилось большевистское влияние на гарнизон. В сентябре ячейки Военной организации насчитывались в 68 частях, а к октябрю военная организация большевиков сформировалась в Выборгском, Василеостровском, Московско-Заставском, Петроградском, 1-м Городском районах. Осенью 1917 г. центр тяжести агитационно-пропагандистской, идеологической работы Военной организации все явственнее переносится в воинские части, в большинстве которых к тому времени были созданы большевистские коллективы.

Рост революционных настроений гарнизона отразился на соотношении сил в солдатской секции Петроградского Совета в пользу большевиков. Это показали ее перевыборы 13 сентября. В ходе перевыборов депутатов в Совет отзывались соглашатели. В сентябре — октябре большевистские депутаты были избраны в 30 частях и командах.

Поражение корниловщины изменило политическую обстановку. Руководство меньшевиков и эсеров в конце августа отказалось вступить в коалицию с кадетами, активно готовившими заговор. Это создало редкую возможность для мирного развития революции, для перехода власти к Советам путем компромисса между большевиками, с одной стороны, меньшевиками и эсерами — с другой. Как указывал В. И. Ленин, условием такого компромисса являлся бы разрыв мелкобуржуазных партий с буржуазией, образование правительства, ответственного перед Советами, передача власти Советам на местах *. Однако эсеры и меньшевики пошли на новые сделки с буржуазией, и кратковременная возможность мирного развития революции была по их вине упущена. Партия вновь выдвинула лозунг «Вся власть Советам!». Но теперь это был уже лозунг вооруженного восстания.

Пролетариат вооружался, овладевал военным искусством, готовился к решительной схватке с буржуазией. О непоколебимой решимости рабочих победить в борьбе за власть Советов вспоминает, рассказывая о предоктябрьских днях, В. Ф. Малаховский. В революционное движение все шире втягивалась деревня. В сентябре — октябре Россию потрясли крестьянские восстания, в ходе которых их участники захватывали помещичьи земли. Для подавления крестьянских выступлений Временное правительство посылало войска.

Оценивая общественно-политическое значение крестьянских восстаний, В. И. Ленин рассматривал их как один из характернейших признаков общенационального кризиса, когда низы не хотят, а верхи не могут жить по-старому. «...Если в крестьянской стране, после семи месяцев демократической республики, — отмечал Ленин, — дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общена-

---

* См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 133—139.

циональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к *последней черте*» *.

В. И. Ленин писал, что «революция невозможна без общенационального кризиса» **. Такой кризис назревал. Экономической основой его была хозяйственная разруха. Саботируя борьбу с голодом, препятствуя налаживанию производства, буржуазия пыталась подорвать революционную энергию пролетариата. Сплачиваясь и организуясь в борьбе с буржуазией, пролетариат вплотную подошел к взятию политической власти. Революционное движение распространилось на армию. Глубокий кризис охватил господствующие круги. Буржуазия стремилась организовать новый заговор и установить военную диктатуру. Кризис верхов обострялся идейным разбродом и шатаниями в мелкобуржуазных партиях, низы которых все более тяготели к большевикам.

В конце сентября 1917 г. В. И. Ленин писал: «Кризис назрел. Все будущее русской революции поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту» ***. Политические условия перехода власти к пролетариату и беднейшему крестьянству логикой развития революции от марта к октябрю были созданы. На очередь встал вопрос о технической подготовке восстания.

* * *

История Петрограда в 1917 г. неотделима от истории Великой Октябрьской социалистической революции на территории всей России. Разноплановые стороны экономической, социальной, политической жизни столицы отражены в многочисленных научных изысканиях, посвященных этому периоду. Из новейших работ ученых отметим комплексное исследование академика И. И. Минца «История Великого Октября», удостоенное Ленинской премии. Детально и скрупулезно революционный Петроград в 1917 г. изучен в специальных исследованиях ленинградских историков, написавших фундаментальные и вместе с тем легко читаемые книги «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» (Л., 1967, т. 1—2), «Революционный Петроград. Год 1917» (Л., 1977). Широко в историографии представлена борьба петроградских большевиков за массы. К 40-летию победы Октябрьского вооруженного восстания вышла в свет книга «Петроградские большевики в Октябрьской революции» (Л., 1957). На основе новейших достижений исторической науки написано последнее издание «Очерков истории Ленинградской организации КПСС»,

---

* Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 277.

** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 69—70.

*** Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 280.

в первом томе которого значительное место уделено питерским большевикам в 1917 г. Плодотворно изучается рост влияния РСДРП(б) в столичном Совете. Этой теме посвящены исследования Г. И. Злоказова, М. Н. Потехина, Ю. С. Токарева. В трудах Л. С. Гапоненко, И. А. Баклановой, З. В. Степанова изучена история столичного пролетариата. Существенный вклад в выяснение численности, структуры, деятельности Красной гвардии и рабочей милиции внес В. И. Старцев. Процесс роста революционных настроений рабочих и солдат Петрограда исследован Г. Л. Соболевым. В работах Х. М. Астрахана, К. В. Гусева, Л. М. Спирина вскрыто крушение политических противников большевиков. Несостоятельность эсеровской аграрной программы показана в монографии В. Н. Гинева. Подробно же с современным состоянием научной литературы можно ознакомиться из специальных исследований*.

Разумеется, не все вопросы подготовки социалистической революции выяснены до конца. За исследование этой темы принимаются все новые поколения советских историков. Нередко мнения их не совпадают по отдельным проблемам. Идут научные дискуссии о возможностях мирного развития революции в сентябре, соотношении стихийности и сознательности в революционном движении, динамике большевизации Советов и др. В дальнейшем изучении нуждается процесс складывания политической армии социалистической революции, роста классового сознания масс. Недостаточно исследованы связи революционной столицы со страной. Несомненно, что дальнейшее продвижение нашего общества вперед, накопление фактического материала будут ставить перед историками Великого Октября все новые задачи.

Помещенные в томе воспоминания, естественно, не могут дать полного представления о всех сторонах революционного движения в Петрограде в 1917 г. Для этого понадобилась бы не одна книга. Воспоминания подобраны с таким расчетом, чтобы показать читателю главное, основное: укрепление позиций ленинской партии и ее авангардную роль в подготовке социалистической революции, борьбу большевиков за массы, рост революционных настроений рабочих, солдат, матросов, крах политики соглашателей, кризисы буржуазной власти, объективную обусловленность перехода политической власти в руки рабочего класса. Авторы воспоминаний — активные участники событий. Среди них — члены Петербургского комитета большевиков, Военной организации РСДРП(б), Петроградского Совета, фабрично-заводских и солдатских комитетов, районных Советов, участники Красной гвардии, а также рядовые рабочие, ковавшие победу революции.

Большинство воспоминаний написаны в 20-е годы и тогда же были напечатаны в журналах «Пролетарская революция»,

---

* См.: Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981.

«Каторга и ссылка», «Красная летопись» и др. Среди них мемуары В. Н. Залежского, В. П. Виноградова, М. И. Лациса, А. Ф. Ильина-Женевского, А. Р. Вильямса, Г. Лиздина, Е. Короткова, И. Н. Колбина, Г. К. Орджоникидзе, Н. Ф. Измайлова, Б. З. Шумяцкого, В. А. Антонова-Овсеенко, В. Ф. Малаховского. Некоторые воспоминания переиздавались позднее — в 50—60-е годы. В настоящем томе большинство воспоминаний воспроизводятся по первым их публикациям или сверены с ними. В отличие от прежних публикаций, в это издание включены развернутые комментарии, даны биографические справки об авторах, уточняются отдельные факты, что позволяет читателю ознакомиться с тем, как затронутые авторами события трактуются в новейшей советской историографии.

Воспоминания, насколько позволяют их рамки, размещены в книге в хронологическом порядке. В. Н. Залежский, Н. К. Крупская, М. Г. Рoshаль повествуют о первых шагах питерских большевиков после свержения самодержавия. Выработка партией стратегического курса на победу социалистической революции, развернувшаяся борьба за массы отражены С. И. Гопнер, А. А. Бабицыным, А. Е. Васильевым, В. П. Виноградовым, А. Е. Хохряковым, А. П. Кучкиным, Г. Трусовой, Е. А. Гиляровой. Кульминационные события революции — апрельский, июньский, июльский политические кризисы, ликвидация двоевластия, курс партии на вооруженное восстание, нарастание общенационального кризиса воспроизводятся в воспоминаниях М. И. Лациса, М. С. Кедрова, А. Р. Вильямса, А. Ф. Ильина-Женевского, И. Н. Колбина, Н. Ф. Измайлова. О том, как росли революционные настроения рабочих и солдат в борьбе с корниловщиной, о подготовке политической армии социалистической революции рассказывают И. П. Флеровский, Н. А. Милютин, В. Ф. Малаховский, С. С. Гончарская, В. А. Антонов-Овсеенко. О кризисе «верхов» можно судить из публикуемых в приложении мемуаров последнего военного министра Временного правительства А. И. Верховского.

Особый интерес представляют живые и непосредственные воспоминания рядовых рабочих. Они дают неизгладимое впечатление о чувствах, настроениях, мирозерцании пролетарских масс — подлинных творцов истории, ведущей и решающей силы социалистической революции. К таковым относятся воспоминания работницы Г. Трусовой, написанные летом 1917 г. и помещенные тогда же в журнале ЦК РСДРП(б) «Работница», а также ставшие библиографической редкостью воспоминания рабочих Г. Я. Лиздина, А. Озолина, Е. Короткова, И. М. Когана, впервые напечатанные в журнале «Красная летопись» в 1924 г.

Рассказывая о революционном движении в Петрограде в 1917 г., многие авторы в основном полагаются на собственную память. Особенно это характерно для мемуаров, увидевших

свет в 20-е годы. Лишь эпизодически их авторы привлекают периодическую печать, а также документы из личных архивов. Обращение к историческим источникам и научной литературе более свойственно воспоминаниям, написанным в 50-е годы. Этим отличаются мемуары А. А. Бабицына, И. П. Флеровского, А. П. Кучкина, Н. А. Милютина.

Помещенные в книге воспоминания убедительно раскрывают руководящую роль пролетариата в подготовке социалистической революции. Именно рабочий класс под руководством большевистской партии сплотил вокруг себя массы полупролетариев, крестьян, солдат, часть средних слоев и повел их на штурм буржуазной власти. Мемуары активных участников событий подчеркивают поистине народный, массовый, глубоко демократичный характер Великого Октября.

А. В. Гоголевский

В. Н. Залезский
ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОДПОЛЬЩИКА

Освобождение

Воскресенье 26 февраля снизу стучит кто-то по трубе парового отопления: «Вчера мой сосед ходил в суд, а вернулся только сегодня».

— Почему? — перебиваю я с изумлением.

— В городе забастовка, улицы полны народа, коновойные боялись вести его вечером.

Это известие свалилось на меня, как снег на голову. К сожалению, стучавший большего и сам не знал. К этому известию я отнесся с весьма большим интересом, но совершенно не представлял всего размера событий...¹

В понедельник утром, 27 февраля, я встал совершенно спокойно. Сдал для обмена в библиотеку книги и с нетерпением стал ждать обеда, после которого происходила раздача новых книг. Обед кончен, нетерпение увеличивается. Нервно шагаю по камере, время от времени прислушиваюсь, не раздастся ли приближающееся шелканье открываемых дверных форточек — признак раздачи книг.

Вдруг с улицы доносится какой-то неясный гул и крики. Бросаюсь к окну, открываю форточку, и в камеру врывается хаос звуков, среди которых явственно выделяется:

— Товарищи, ломай двери! Ломай двери! Ура-а-а-а!

В душе что-то захолонуло, весь внутренне съежился и замер, прислушиваясь. А в голове быстро пронеслась картина наступления толпы на ту же предварилку в октябре 1905 г., участником которого был и я.

«Ведь в городе забастовка! Очевидно, возбужденная толпа рабочих подошла, как и тогда, к тюрьме,— мелькнула у меня мысль.— Как же ее допустили?»

Но мысли прервал страшный стук, от которого, казалось, дрожали стены, а крики превратились в рев, в котором уже не слышно ничего членораздельного

«Толпа пришла в иступление,— бежит моя мысль,— бьет тюрьму. Это ее нарочно спровоцировали, подпустив к тюрьме. Сейчас начнется расстрел. У, негодяи!..»

И я, стиснув зубы, содрогаясь от мысли услышать стрельбу по толпе, схватываю жестяную кружку и начинаю бешено бить в дверь. Бью кружкой, кулаками, ногами...

А хаос звуков растет. Кажется, что все кругом шатается... А в мозгу сверлит одно, до боли яркое: «Вот сейчас будет расстрел»... И не хочу так думать, и не хочу слышать выстрелов и бью дверь, инстинктивно стараясь заглушить грядущие выстрелы... Чувствую, что не выдержу, если их услышу...

Сразу полная тишина. Растерянно останавливаюсь и слушаю. Что это значит? Где-то вдали слышен слабый звук отпираемых дверей, он приближается. «Ага, волокут в карцер тех, кто бил двери. Не пойду, пусть берут силой, пусть бьют».

Бросаюсь к кровати, срываю простыню, обматываю ею грудь, чтобы предохранить себя по возможности от перелома ребер (по опыту прошлых лет знаю метод тюремного битья— двое хватают за руки, поднимают их вверх, а остальные бьют «под микитки»). Сверху натягиваю фуфайку. Готов, жду.

Что за странность? Нет ни криков избиваемых, ни звуков сопротивления, щелкают спокойно замок за замком, все ближе и ближе... Вот щелкнула соседняя дверь, вот отпирается мой замок, и надзиратель, приотворив мою камеру, пошел открывать дальше...

Мысль старого тюремного волка, выдавшего виды, ищет объяснения по аналогии с прошлым опытом: «Вот так провокация! Значит толпу подпустили для инсценировки нападения на тюрьму, а под шумок открыли наши двери, чтобы устроить в тюрьме побоище!»

Оставаться в камере теперь бессмысленно, бросаюсь в коридор, вижу недоуменные лица своих соседей, высунувших головы из полуоткрытых дверей своих камер. Ничего и никого больше не видно. Заворачиваю за угол— моя камера угловая, на переломе коридора пятого

этажа,— навстречу бежит старший надзиратель из «хо-роших».

— В чем дело? — кричу я ему.

— Не знаю! Революция! Нас разоружили! — растерянно бросает он, разводя руками, и бежит дальше. Я замечаю его испуганное лицо и болтающийся конец оборванного револьверного шнура...

Но я все еще не верю в революцию, так все это неожиданно.

«Толпа ворвалась в тюрьму, сейчас ее окружают и начнут всех расстреливать, кто здесь окажется. Лучше умереть уж на воле!»

И я стремглав, едва нацепив на себя пальто, бросаюсь по коридору. На четвертом этаже встречаю солдат и рабочих с винтовками. Один из них спокойно бьет прикладом дверь не открытой почему-то камеры. Чем ниже этаж, тем больше в коридорах рабочих с винтовками, солдаты теряются среди них. В конторе полный хаос. Пол устлан толстым слоем разорванных бумаг, а в одном углу горит костер из папок с «делами». Цейхгауз разбит, перед ним толпа уголовных торопливо переодевается в штатское платье. Наконец, выхожу на наружный тюремный двор с широко открытыми на улицу воротами.

Густая толпа заполняет двор — рабочие, солдаты, женщины... Некоторые вооружены, но громадное большинство без оружия... Слышу восклицание какой-то женщины по моему адресу: «Господи, до чего человека-то довели!» и попадаю в объятия Федора (Комарова), который стоит с узелком вещей в руке и оглядывается вокруг. Он оказался значительно хладнокровнее меня и, выбираясь из камеры, не забыл прихватить с собой и свои манатки. Расцеловались.

— Что это значит? Куда теперь? — спрашиваю я его.

— К нам, конечно, на Выборгскую, там все узнаем!

И мы быстро зашагали по направлению к Литейному мосту.

Не успели мы сделать несколько шагов, как из-за угла показывается отряд солдат с двумя молодыми офицерами во главе. У солдат на штыках красные флажки, офицеры и их лошади тоже украшены красным.

— Ура, солдаты! — кричит толпа, — ура, товарищи!

И отряд чинно проходит по Шпалерной.

— В думу идут! — говорят в толпе².

Безумная радость пронизывает нас. Мы невольно жмем друг другу руки. Вооруженные рабочие, солдаты с

красными флажками — вот она, революция! Скорее в рабочие кварталы! И мы с Федором почти бежим.

У Литейного моста нам встречается новый отряд. Но мы его не опасаемся — наверно, наши. Хочется крикнуть приветствие, поговорить с ними... Федор не выдерживает.

— Что это, революционные войска? — обращается он к офицеру.

— Да, — с гордостью отвечает тот, приостанавливая лошадь.

— Можно пройти на Лесной?

— У Финляндского не пройдете, там войска правительства, идите в обход по набережной.

Мы с Федором бежим по набережной. Навстречу нам Гвоздев и Бройдо, ликвидаторы, лидеры рабочей группы военно-промышленного комитета³. Это наши политические враги, с ними мы не раз вступали в схватку на рабочих собраниях вообще и по вопросу об участии рабочих представителей в военно-промышленных комитетах в частности. Однако в этот момент взаимное раздражение друг против друга отходит куда-то на задний план, и мы здороваемся.

— Откуда? — спрашивают они нас.

— Из предварилки.

— А мы из «Крестов»!

— Куда же вы? — с изумлением спрашиваем мы их, видя, что они идут на Литейный.

— В Государственную думу.

— Ну, а мы в рабочие кварталы, — бросаем мы им, расходясь.

Эта встреча в первый день «воли» вспоминалась мне потом не один раз. В ней что-то символическое: освобожденные восставшими рабочими большевики и ликвидаторы на момент встретились на улице и с первых шагов разошлись — одни пошли в рабочие кварталы к массе, продолжать вместе с ней революцию, другие — в думу, которая в лице не только буржуазного «комитета Государственной думы», составленного из представителей «всех прогрессивных партий думы», но и в лице эсеро-меньшевистского исполкома Петроградского * Совета рабочих депутатов уже на другой день сделала попытку призвать восставших рабочих к «спокойствию и порядку»... Этим как бы определялась вся глубина наших даль-

---

* В тексте: Петербургского.

нейших расхождений, определялась линия, поставившая нас с ними по разные стороны баррикады...

Впереди нас идет молодой рабочий, навстречу ему солдат, бородач лет сорока с круглым лицом, изъеденным оспой, с винтовкой на плече.

— На! — говорит солдат, протягивая винтовку рабочему.

Тот берет и ускоряет шаг. Мы его догоняем. Разговорились. Он нам сообщил, что спешит к Московским казармам (казармам Московского полка), которые не сдаются. Офицеры заперли там солдат в казармах, а сами расставили во дворе пулеметы, которыми обстреливают рабочих, приближающихся к казармам. Он сообщил, что сейчас должен прибыть «наш» броневик, чтобы обстреливать Московские казармы и заставить офицеров сдаться.

Чем дальше мы продвигаемся по Выборгскому району, тем гуще на улице толпа рабочих, тем больше вооруженных рабочих, спешащих к Московским казармам. Сзади раздается резкий звук гудка. Сторонимся и видим — едет броневик, и на его сером стальном корпусе красными буквами алеет — РСДРП. Вид этого первого революционного броневика, увиденного нами, который демонстративно подчеркивал свою принадлежность к РСДРП, т. е. Российской социал-демократической рабочей партии, поднял наше настроение до состояния восторженности. Казалось, что раз на нашей стороне броневик, то уже ничто не страшно...

Мы проследили, пока броневик не подъехал к Московским казармам и не занял позицию. Не дожидаясь обстрела казарм, желая войти в курс событий и вооружиться, мы поспешили в родные кварталы Лесного.

Вот и Лесной. Улицы полны рабочими, солдатами, идет раздача оружия, автомобили развозят патроны. Весь Лесной превратился в вооруженный лагерь.

Забегаем на минутку на квартиру Федора, где он оставляет вещи, и вновь на улицу. Попадаем в чью-то квартиру, потом очутились на квартире товарища Хахарева, где узнаем кое-что из происшедшего. Накануне был арестован ПК, бюро ЦК выпустило революционный манифест, первоначально напечатанный на гектографе⁴. Манифест призывал рабочих и восставшие войска к образованию революционного правительства из среды восставшего народа. Узнаем, что казаки перешли на сторону народа, что войска полк за полком присоединяются к

восстанию, что правительство уже не может справиться с революцией...

Уже темнело, когда мы вышли опять на Лесной проспект, вооруженные винтовками. На улицах горели костры, вокруг которых грелась масса солдат, разбежавшихся из своих казарм или из правительственных отрядов, отдавших свое оружие рабочим. Эти солдаты были голодны, зябли и не знали, что им делать с собою. Отдельные рабочие вели среди них пропаганду.

Скоро получились сведения, что с наступлением темноты рота самокатчиков отрезала Лесной от города, останавливая и разоружая всех проходящих. Это известие говорило за то, что в эту ночь надо быть очень бдительными... Сейчас же были приняты меры к организации более правильных боевых отрядов, ядро которых составляли рабочие одного завода, хорошо знавшие друг друга, которые пополнялись добровольцами из числа рабочих и солдат, толпившихся на улицах. Солдатам выдавали оружие, и они вливались в рабочие отряды.

С наступлением темноты похолодало; под угрозой наступления на Лесной со стороны самокатчиков пребывание на улицах разношерстной безоружной массы голодных солдат было крайне опасным. Решили убрать их с улицы и по возможности накормить. Часть из них быстро стали разбирать по рабочим квартирам, но так как этого было недостаточно, то решили реквизировать для надобности революции все имеющиеся в районе чайные и столовые. В них и были размещены толкавшиеся по улицам солдаты, а также часть рабочих боевых отрядов, в то время как другая часть последних несла сторожевое охранение района. Это была, пожалуй, первая реквизиция имущества частных в интересах революции...

Все это делалось как-то само собою. Я не помню кого-нибудь из персональных руководителей. Руководило ядро партийных товарищей, состав которого был текучий. Один укажет на необходимость сделать одно, другой — на другое, а в целом получается определенная директива руководства, которая и передается от отряда к отряду.

Ночь на 28 февраля на Лесном прошла спокойно, а наутро самокатчики уже сами оказались в положении осажденных. Наступление на них, сколько помнится, повелось с трех сторон: с Лесного, с Выборгской и из района Новой Деревни. После довольно жаркой перестрелки, в которой с нашей стороны принимала участие артилле-

рия, казармы самокатчиков загорелись, и им пришлось сдаться⁵.

После взятия в плен самокатчиков во всем районе Лесного, Выборгской стороны и Новой Деревни враждебных революции войск уже не было.

Первый легальный ПК

В дни Февральской революции, после ареста ПК, роль последнего взял на себя Выборгский районный комитет⁶. И лишь вечером 1 марта в помещении биржи труда, на Кронверкском проспекте, на чердаке, в двух маленьких комнатках состоялось собрание партийного актива, человек в 50, на котором был поднят вопрос о восстановлении ПК. Собрание это было созвано для заслушивания доклада т. Шляпникова, входившего тогда в Русское бюро ЦК, о ближайших задачах партии.

Хотя это собрание по своему личному составу вовсе не являлось представительством низовых или районных организаций, тем не менее оно выдвинуло предложение об избрании здесь же, из своей среды, Петербургского комитета. Однако часть товарищей отнеслась к этому предложению отрицательно, указывая на случайность состава присутствующих, и внесла предложение — до того, как районы будут иметь возможность правильно выбрать своих представителей в ПК (ПК в подполье составлялся из представителей районов и кооптированных в ПК партийных профессионалов), конструировать временный ПК из всех имеющихся налицо старых пекистов. Так и было сделано.

Таким образом, легальный ПК первых дней революции включил в свой состав всех имевшихся в этот момент в Петербурге членов ПК прежних созывов. В состав его вошли: тт. Шмидт (Николай), Калинин, Шутко, Антипов, Залежский (Владимир), Орлов (Кирилл), Комаров (Федор), от латышей — Стучка. Все это были старые пекисты подполья. Кроме них, в ПК кооптированы были Авилов, Политикус (Л. Михайлов) и Подвойский. От бюро ЦК входил с решающим голосом т. Шляпников⁷.

Первое деловое собрание восстановленного ПК происходило утром 3 марта в том же помещении, на чердаке биржи труда, где ПК оставался до середины марта⁸. На этом собрании был сконструирован рабочий аппарат комитета. Председателем был избран т. Михайлов, секретарем — В. Шмидт. Антипову поручено было организо-

вать коллегия агитаторов, идейное руководство которой возложили на Залежского.

ПК начал работать.

Петербургский комитет того времени фактически включал в себя почти всю руководящую верхушку петербургской организации. Перед ним сразу встали политические задачи колоссальной важности. Ему приходилось разрешать целый ряд тактических и принципиальных вопросов, встающих перед петербургским пролетариатом.

Обстановка была крайне сложная. Уличная борьба с полицейскими засадами только что закончилась, образовалось Временное правительство с князем Львовым во главе. По городу носились слухи, что с фронта идут большие силы для подавления революции.

В такой-то обстановке исполнительный комитет Совета, состоящий в своем подавляющем большинстве из меньшевиков и эсеров, внес предложение о необходимости прекратить забастовку, причем он считал, что заводы, работающие на оборону, должны стать на работу немедленно. По отношению к Временному правительству исполком принял знаменитую резолюцию, в которой заявил, что поддерживает Временное правительство «постольку, поскольку» оно осуществляет задачи революции и защищает ее завоевания от контрреволюционных посягательств. По этим и по ряду других вопросов ПК должен был выявить свою позицию. <...>

ПК и Русское бюро ЦК разошлись между собой по такому основному политическому вопросу, как отношение к Временному правительству.

4 марта Бюро ЦК приняло резолюцию, которая гласила: «Теперешнее Временное правительство по существу контрреволюционно, так как состоит из представителей крупной буржуазии и дворянства, а потому с ним не может быть никаких соглашений. Задачей революционной демократии является создание Временного революционного правительства демократического характера (диктатура пролетариата и крестьянства)»⁹.

По существу резолюция правильно оценивала природу Временного правительства и намечала отношение к нему со стороны партии большевиков. Правда, в 1917 г. она выдвигала старый большевистский лозунг 1905 г. — диктатуру пролетариата и крестьянства, тогда как на очереди стоял уже совершенно новый лозунг — «Вся власть Советам!»¹⁰, как конкретная историческая форма

диктатуры пролетариата; но ясность в этот вопрос внес только т. Ленин, выступивший со своими знаменитыми Апрельскими тезисами.

Однако Петербургский комитет не согласился с этой резолюцией бюро ЦК и поставил в порядок дня одного из своих заседаний обсуждение вопроса об отношении к Временному правительству. В прениях по этому вопросу большинство ПК развивало приблизительно следующие мысли. Резолюция Бюро ЦК совершенно не учитывает конкретной обстановки настоящего дня, а потому страдает академичностью. Так, в ней не выявлено, каково должно быть отношение партии к постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов о поддержке Временного правительства «постольку-поскольку». Не считаться с постановлением Совета, опирающегося на массы петербургского пролетариата, нельзя, поэтому в ответ на постановление Совета нельзя бросать в массы лозунг прямой и активной борьбы с Временным правительством, что вытекало из резолюции Бюро ЦК. Надо, говорили ораторы, занять такую позицию, которая давала бы, с одной стороны, достаточный простор для нашей революционной деятельности, для накопления наших сил, но вместе с тем не приводила бы к острому конфликту между Петербургским комитетом партии и Советом.

В результате обсуждения было решено не призывать пока к свержению Временного правительства, а взять формулу Совета «постольку-поскольку», но вложить в нее новое содержание и тем внутренне обезвредить ее, не вступая в конфликт с Советом. Принятая резолюция гласила:

«Петербургский комитет РСДРП, считаясь с резолюцией о Временном правительстве, принятой Советом рабочих и солдатских депутатов, заявляет, что не противодействует власти Временного правительства, поскольку действия его соответствуют интересам пролетариата и широких демократических масс народа, и объявляет о своем решении вести самую беспощадную борьбу против всяких попыток Временного правительства восстановить в какой-либо форме монархический образ правления»¹¹.

Теперь мы хорошо видим всю политическую ошибочность позиции, занятой ПК. Он «передипломатничал», он как бы признавал, что Временное правительство, несмотря на свой определенный классовый состав, может вести политику, «соответствующую интересам пролетариата». Тогда мы этого не видели.

ПК давал ряд директив и по другим вопросам, выдвигаемым жизнью. Эти директивы в общем были правильны и не вызывали протестов Бюро ЦК, как это было по вопросу об отношении к Временному правительству. Так, когда исполкомом Совета поднят был вопрос о призыве рабочих тех предприятий, которые работали на оборону, к прекращению забастовки, ПК * совершенно правильно реагировал на это предложение. Он дал наказ своим представителям в Совете протестовать против подобного разделения пролетариата, заявив, что вопрос о прекращении забастовки должен определяться не соображениями «обороны отечества», а исключительно соображениями обеспечения, сохранения и дальнейшего развития революционной энергии пролетариата¹².

Приступив к работе, рабочие, не дожидаясь соответствующего декрета правительства, по примеру конца 1905 года, начали вводить на фабриках и заводах явочным порядком восьмичасовой рабочий день, предъявляя администрации ряд экономических требований. В связи с этим в меньшевистской, а также и в буржуазной прессе был поднят вопрос о соотношении «двух целей революции» — политической и экономической. Меньшевистская и буржуазная пресса считали вредным, наряду с политическими задачами, выдвигать лозунг борьбы за экономические нужды рабочего класса, и в частности за восьмичасовой рабочий день. Это может, видите ли, «разбить единый фронт демократии», т. е. «единый фронт» рабочих и капиталистов. В том, что такой «фронт» действительно существует, меньшевистская пресса, наравне с буржуазной, старалась усиленно убедить рабочих. Всякая, дескать, борьба с предпринимателями ставит «под угрозу» достижения революции. ПК занял твердую линию неразделимости этих «целей» революции и предложил Совету немедленно же декретировать восьмичасовой рабочий день во всех отраслях наемного труда¹³.

В первые же дни своей деятельности ПК вынес постановление об организации пролетарской милиции, т. е. рабочей Красной гвардии, для чего создал специальную военно-милиционную комиссию¹⁴. Эта комиссия немедленно начала работать, и организация Красной гвардии получила весьма широкий размах. Так готовил ПК боевую силу для борьбы в нужный момент с Временным правительством.

---

* В тексте ошибочно: ЦК.

По земельному вопросу Петербургский комитет также занял вполне правильную позицию. По мнению комитета, вопрос о конфискации помещичьих земель является вопросом сегодняшнего дня. Его надо разрешать немедленно, не дожидаясь Учредительного собрания, как того требовали меньшевики и эсеры. Эта конфискация должна проводиться силами самого крестьянства путем организации революционных органов власти на местах. Такими органами должны явиться прежде всего волостные комитеты. Точка зрения ПК по земельному вопросу была изложена в статье члена ПК тов. Калинина «О земле», напечатанной в «Правде» от 19 марта.

Если откинуть ошибочную резолюцию ПК о Временном правительстве, то политическая линия Петербургского комитета в первые дни революции, до приезда т. Ленина, характеризовалась достаточно определенными чертами: не призывая к немедленному выступлению против Временного правительства, комитет предлагал обратить внимание на завоевание рабочих и солдатских масс, немедленно организовать и укрепить рабочую гвардию, отстаивать улучшение экономического положения рабочих масс, образовать крестьянские комитеты для немедленного проведения в жизнь конфискации земли. <...>

И само Временное правительство, и буржуазия, и соглашательские руководители Петроградского * Совета прекрасно оценили всю опасность для «существующего порядка» позиции Петербургского комитета. Недаром же с первых дней марта не только во всех буржуазных газетах началась самая бешеная травля большевиков и в частности ПК, но и исполком Совета нашел нужным предпринять практические шаги к пресечению работы ПК в массах. На одном из первых заседаний исполкома было принято постановление, чтобы ораторы, выступающие в воинских частях, на заводах и вообще на митингах, обязательно имели при себе мандаты от исполкома на такие выступления. Это постановление фактически всем острым было направлено против ПК.

Петербургский комитет реагировал на это с должным достоинством. На заседании от 10 марта он принял резолюцию: «ПК, заслушав постановление исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, напечатанное в № 6 «Известий», об ораторах, не возражая против принципа контроля над выступлением ораторов, организо-

---

* В тексте: Петербургского.

ров и пропагандистов, «выступающих против интересов революционного пролетариата и демократии», постановил довести до сведения Совета, что ПК РСДРП, являясь руководящей организацией петербургского пролетариата и революционной демократии, посылает своих агитаторов, организаторов и пропагандистов с удостоверением от его имени в тех случаях, когда он находит для себя нужным»¹⁵.

Более грубо старалась помешать нашей работе буржуазная пресса. Ухватившись за арест самими же большевиками провокатора Черномазова (Мирона), который в 1913 г. был одним из членов редакции газеты «Правда» (устраненным затем по подозрению в провокации)¹⁶, «Русская воля», «Биржевые ведомости» и «Речь» открыли бешеную кампанию против нас. Изо дня в день они трубили, что «Правда» — газета провокаторская, а большевики — провокаторы и изменники¹⁷. «Демократическая» газета «День» ту же мысль пыталась провести более «деликатно»: в публикуемых в «Правде» протоколах ПК часто встречались клички тех или иных ответственных товарищей вместо фамилий. И вот в «Дне» появляется статья Заславского под заголовком: «Владимир и Александр постановили». В этой статье Заславский недоумеваает, что это за таинственные Владимиры и Александры, которые принимают столь ответственные решения, зачем им нужно скрывать свои подлинные фамилии. Дальше он говорит, что общество вправе знать, кто скрывается за этими псевдонимами. В условиях травли большевиков как партии провокаторской, эта статья имела определенный «запах».

Когда я обратил на нее внимание тогдашнего председателя ПК товарища Михайлова, он посоветовал мне послать в «День» свою автобиографию, достаточно богатую арестами, тюрьмами и ссылками, и потребовать от редакции напечатать ее, как ответ Владимира. Заметка была послана с указанием, что если Владимира не знает «общество», то зато его хорошо знает революционный пролетариат не только Питера, но и ряда других городов и знает именно как Владимира, почему подпольные имена и сохраняются работниками ПК. Заметка, конечно, напечатана не была.

Не смущаясь злобными завываниями буржуазной и меньшевистской прессы и более или менее замаскированными попытками со стороны исполкома Совета затруднить работникам ПК доступ к рабочей и солдатской мас-

се, ПК определенно вел свою линию возможно более прочного и непосредственного влияния на рабочую и солдатскую массу.

Я уже упоминал, что влияние ПК было сильно среди солдатских масс некоторых крупных воинских частей. Особенным авторитетом пользовался ПК среди солдат Ораниенбаумского пулеметного полка, гарнизона Петропавловской крепости и Броневого дивизиона. Это были наши части. Готовность гарнизона Петропавловки исполнить распоряжения ПК очень облегчала нам практическую работу. В Петербург с первых же дней революции прибывало множество ходоков и делегатов от фронтовых частей. Многие из них, побывав в исполкоме, направлялись в ПК. Здесь они попадали в товарищескую атмосферу, получали информацию, среди них велась пропаганда, часто они жили в ПК по нескольку дней. Вот тут-то Петропавловская крепость и приходила к нам весьма кстати на помощь: сейчас же летело в Петропавловку требование на довольствие, которое немедленно и доставлялось. Петропавловка же снабжала нас и оружием.

В первые дни революции на одном из заседаний ПК мы получили сведения, что из Ораниенбаума пришел Пулеметный полк в полном боевом вооружении и остановился, за отсутствием других подходящих помещений, в Народном доме (напротив ПК). Немедленно туда отрядили несколько человек, в том числе и меня¹⁸. Помещение Народного дома было битком набито солдатами. Они были голодны, в очень возбужденном состоянии и не знали, что им делать. Мы сейчас же устроили митинг, ознакомили прибывших с событиями и взяли на себя задачу накормить их. За подписью председателя ПК была послана официальная бумага в Петропавловскую крепость с требованием выдать пулеметчикам продовольствие. Этого было достаточно, чтобы провизия была немедленно доставлена. Конечно, все это помогло тому, что Пулеметный полк стал нашим...

Третья группа войск, среди которой было прочно закреплено влияние ПК, был Броневой дивизион. Броневики сослужили ПК весьма большую службу. Наше дружество с Броневым дивизионом, делегатом которого в Совете был наш товарищ — большевик Елин, вскоре закрепились совместным сожительством броневиков и ПК во дворце Кшесинской. На истории захвата этого дворца следует остановиться.

Энергичная работа ПК в массах скоро начала давать

свои плоды. ПК сделался центром внимания всех рабочих кварталов и многих казарм. В тесном помещении ПК непрерывно толпились ходоки и делегаты. Сюда со всех концов Петербурга стекались пожертвования и оружие. Теснота была страшная. Хранить деньги и оружие негде было. Все это создавало положение прямо критическое: в тесном помещении биржи ПК начал прямо задыхаться. В это время один из наших агитаторов явился с отчетом о проведении митинга в Броневом дивизионе и сообщил нам, что броневики, в поисках подходящего помещения, заняли дворец известной балерины и любовницы Николая II Кшесинской. У кого-то из нас явилась мысль попытаться сговориться с дивизионом, чтобы тот уступил ПК часть помещения. Помимо практического удобства, наше сожительство с броневиками, представляющими собой грозную боевую силу, значительно укрепило бы «неприкосновенность» ПК, тем более что кампания против нас, затеянная всей буржуазией и меньшевиками, принимала все более и более наглый погромный характер. Для ведения переговоров мы послали одного из наших активных работников-офицеров, т. Дашкевича, который через весьма короткое время вернулся со словами: «Сделано, готово». Он нам сообщил, что Броневой дивизион выразил готовность «взять нас под свою защиту» и предложил нам занять верхний этаж дворца Кшесинской. В ту же ночь ПК переехал туда¹⁹.

Наше вселение во дворец Кшесинской и тесный союз с броневиками вызвали новый взрыв бешеной кампании против нас всей буржуазной прессы, начиная от махрово-черносотенных органов до меньшевистской «Рабочей газеты». Замалчивая тот факт, что дворец был занят сначала Броневым дивизионом, который ради нас только потеснился, вся пресса в один голос выставляла нас захватчиками и покусителями на «священные права частной собственности», взывая к государственной власти с требованием насильственного выселения нас оттуда. Но сделать это было не так-то легко. Опираясь на многотысячную массу пулеметчиков, гарнизон Петропавловской крепости, рабочие кварталы и живший у нас под боком Броневой дивизион, мы могли только смеяться над этими призывами. К тому же дежурившие во дворе броневые машины выглядели достаточно внушительно.

Все ненужное для деловой обстановки ПК имущество дома Кшесинской мы сложили в две комнаты нижнего этажа, запечатали их, а к дверям, в качестве охраны,

поставили двух солдат. Эти комнаты сохранились в полной неприкосновенности во все время пребывания здесь ПК. Когда же, после июльских дней, ПК был вынужден очистить дом Кшесинской, эти комнаты немедленно же были разграблены правительственными войсками.

Вскоре после переезда во дворец ПК был «осчастливлен» визитом самой Кшесинской. Но это уже из области юмористики.

«Скромно одетая в черное дама» просит провести ее к председателю.

— Я Кшесинская.

— Чем могу служить? — спрашивает т. Михайлов.

— Видите ли, я совсем разорена революцией... Я, конечно, не могу настаивать сейчас на очищении своего дома, но прошу отвести в мое распоряжение хотя бы один верхний этаж, где я хочу открыть столовую с пансионом и жить этим заработком.

Тов. Михайлов и все мы, свидетели разговора, пришли в весьма веселое настроение, но Кшесинская сохраняла полную серьезность. Тов. Михайлов намекнул, что в подобном «заработке» она, вероятно, не нуждается, ибо, как всем известно, она, в компании с каким-то князем, достаточно «заработала» во время войны на артиллерийских поставках.

— Ах, что вы, — перебила Кшесинская, — это просто сплетни. Я во время войны ничего не заработала, чему могу привести и доказательства. Я вам вполне верю, — обращается она к тов. Михайлову, — как порядочному человеку, и предлагаю сейчас же поехать со мной в банк. Там у меня лежит всего 900 тысяч рублей (конечно, не золото), и вы увидите, что они положены еще до войны.

Но все красноречие и трогательная интонация голоса «обедневшей» Кшесинской нас, черствых большевиков, не тронули, и Кшесинской в ее просьбе было категорически отказано. Позднее Кшесинская подала на ПК в суд, который постановил «удовлетворить истца» и ПК большевиков из помещения, принадлежащего гражданке Кшесинской, «выселить», вернув его владелице. Но, увы! это постановление так и осталось на бумаге.

С переездом в дом Кшесинской весьма широко развернулась работа ПК непосредственно среди масс. В эти дни ПК был не только органом, руководящим и направляющим жизнь петербургской организации большевиков в целом. Члены ПК работали также непосредственно в массах. Вокруг дома постоянно толпился народ, в ПК

шел каждый рабочий и солдат со своими нуждами и неизменно встречал самое внимательное товарищеское к себе отношение. Популярность ПК росла.

По всей Троицкой площади толпились группы, в которых шла жаркая агитация: наши активисты-рабочие, солдаты, матросы разъясняли и детализировали лозунги и идеи большевиков.

С балкона дома ораторы ПК проводили непрерывные летучие митинги.

Я не помню, чтобы в какой-либо час дня или ночи площадь пустовала. Часто в глубокой темноте к зданию ПК во время заседания подходила какая-нибудь воинская часть или организованная группа рабочих, и мы посылали членов ПК на балкон для проведения митинга.

Однажды явилась к нам толпа учащейся молодежи средних учебных заведений. Организаторы, очевидно, имели намерение устроить перед ПК враждебную демонстрацию, но выступивший с балкона по поручению ПК тов. Подвойский сумел своей речью увлечь молодежь и повлиять на ее настроение. В результате по окончании митинга учащиеся остались на площади, разбились на группы, в которых наши матросы, солдаты и рабочие не без успеха популяризовали наши лозунги.

К солдатам и рабочим, которые толпой окружили ПК, скоро присоединились кронштадтские матросы. Между ПК и Кронштадтом установилась самая живая и тесная связь. Активные работники ПК, как тов. Кирилл (Орлов), [С.] Рошаль (впоследствии комиссар румынского фронта, там расстрелянный [контрреволюционерами]) и ряд других, направлены были нами для работы в Кронштадт. Не проходило дня, чтобы из Кронштадта не запрашивали по тем или иным вопросам мнение ПК. Отдельные матросы и делегаты от кораблей были постоянными завсегдатаями дома Кшесинской. По первому же знаку ПК матросы готовы были немедленно явиться и поступить в его распоряжение. Таким образом, к броневикам и пулеметчикам, на которых опирался ПК, присоединились матросы кронштадтских военных кораблей. При подобных обстоятельствах жалким лепетом прозвучало вышеупомянутое постановление суда о выселении ПК.

В рабочих районах ПК опирался на крепкие районные комитеты. Особенно крепок, дисциплинирован и сплочен был Выборгский район — краса и гордость всей петербургской организации. Почти все пекисты-подпольщики — Калинин, Шмидт, Шутко, Комаров — вышли из Выборг-

ского района. Здесь партийная работа достигла высшей интенсивности, здесь кадры большевистской рабочей гвардии были особенно многочисленны и дисциплинированы²⁰. Во главе милиционной комиссии райкома стоял тов. Иконников, рабочий завода Барановского.

Вторым районом по своей организованности и силе был Нарвский, с его колоссом — Путиловским заводом. Хорошо работали Василеостровский район, Невский и Петербургская сторона.

Во дворце Кшесинской развернула свою деятельность и Военная организация ПК²¹. Работу здесь вел Подвойский, а также Невский, который прибыл в Петербург по нашему вызову, кажется, 11 марта. В клубе Военной организации, в помещении редакции «Солдатской правды», выковалась та военная организация большевиков, которая сыграла такую важную роль позднее, в октябрьские дни. <...>

Свою мощь и организованность ПК весьма ярко продемонстрировал в тот знаменательный для России и мировой революции день, когда он получил известие, что на станцию Белоостров прибыл Ленин.

По районам была дана директива: всем членам нашей партии во главе с райкомаами явиться к 10 часам вечера на площадь возле Финляндского вокзала.

Члены ПК решили идти вместе с броневиками, которые Броневой дивизион отрядил для встречи Ленина. Помню то торжественно-приподнятое настроение, которое испытывали мы все, члены ПК, находившиеся в тот момент в помещении активные работники, когда тяжелое знамя ПК вынесли из дома на площадь, где в ночной полутьме грозно маячили силуэты броневиков.

Впереди знамя ПК, за ним — члены ПК и активные работники, сзади — длинная вереница броневиков с погашенными огнями — в таком порядке двинулась руководящая организация петербургского пролетариата на встречу своему вождю. Прохожие с изумлением оглядывались на это необычное даже в те времена постоянных уличных процессий шествие.

По дороге к Финляндскому вокзалу к нам присоединились группы рабочих с фабрик и заводов и воинские части. Наша колонна, достигшая весьма внушительных размеров, молча подходила к площади, где уже выстроилась часть районов, пришедших ранее нас.

С каждой минутой на площадь вливались все новые и новые организованные толпы. Четким шагом, строй-

ными рядами проходили отряды вооруженных винтовками рабочих — рабочая Красная гвардия.

К 10 часам вечера площадь была полна рабочими и солдатами, заметно преобладали рабочие отряды. В каком-то торжественном молчании площадь ожидала прибытия поезда. ПК с райкомами и несколько отрядов Красной гвардии вышли на платформу и выстроились на ней шпалерами в четыре ряда...

Поезд тихо подошел к перрону. Из вагона вышли Ленин, Зиновьев и другие. Все внимание сосредоточено было, конечно, на Ильиче. Помню, как его подхватили под руки Шляпников и Коллонтай. Ильич показался мне смущенным подобной торжественностью. Молча прошел он, окруженный знавшими его близко лицами, сопровождаемый нашими приветствиями.

Когда я вышел вместе со всеми пекистами вновь на площадь, Ленин с броневика произносил краткую речь, которую закончил впервые на русской земле прозвучавшим лозунгом: «Да здравствует социалистическая революция!» Восторженными криками и революционным гимном приветствовала масса своего вождя.

С площади Ленин и все с ним прибывшие направились в здание ПК. Обратное шествие было крайне эффектно. Прожекторы броневиков ярким светом прорезывали ночную тьму. Свет прожекторов вырывал из темноты то одну, то другую рабочую колонну, слепя глаза изумленным встречным прохожим. Сзади двигались густые ряды вооруженных рабочих.

По приезде в помещение ПК у нас явилась было мысль устроить официальное чествование Владимира Ильича, но Ленин живо оборвал нас: «Теперь не время парадов — надо дело делать». Началась простая душевная товарищеская беседа за стаканом чая. А вокруг дома площадь чернела рабочими массами, ждущими выступления Ленина.

Днем приезда Ленина, я считаю, заканчивается первый период жизни и деятельности первого ПК, легального существования нашей партии. С приездом Ленина ПК уже работал по непосредственным директивам Ильича. <...>

Н. К. Крупская

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ В ЭМИГРАЦИИ

1917 год

января * 1917 года¹ Владимир Ильич выступил на собрании молодежи, организованном в цюрихском Народном доме. Он говорил о революции 1905 года². В Цюрихе в это время было немало революционно настроенной молодежи из других стран — из Германии, Италии и пр., не хотевшей принимать участия в империалистической войне, и Владимир Ильич хотел для этой молодежи осветить как можно полнее опыт революционной борьбы рабочих, показать значение Московского восстания; он считал революцию 1905 года прологом грядущей европейской революции. «Несомненно, — говорил он, — что эта грядущая революция может быть только пролетарской революцией и притом в еще более глубоком значении этого слова: пролетарской, социалистической и по своему содержанию. Эта грядущая революция покажет еще в большей мере, с одной стороны, что только суровые бои, именно гражданские войны, могут освободить человечество от ига капитала, а с другой стороны, что только сознательные в классовом отношении пролетарии могут выступить и выступят в качестве вождей огромного большинства эксплуатируемых»³. Что таковы перспективы, Ильич ни минуты не сомневался. Но как скоро придет эта грядущая революция — знать этого он, конечно, не мог. «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих

* По новому стилю.

битв этой грядущей революции», — с затаенной грустью сказал он в заключительной фразе⁴. И все же только об этой грядущей революции и думал Ильич, для нее работал.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Отъезд в Россию

Однажды, когда Ильич уже собрался после обеда уходить в библиотеку, а я кончила убирать посуду, пришел Бронский⁵ со словами: «Вы ничего не знаете?! В России революция!» — и он рассказал нам, что было в вышедших экстренным выпуском телеграммах. Когда ушел Бронский, мы пошли к озеру, там на берегу под навесом вывешивались все газеты тотчас по выходе.

Перечитали телеграммы несколько раз. В России действительно была революция. Усиленно заработала мысль Ильича. Не помню уж, как прошли конец дня и ночь. На другой день получились вторые правительственные телеграммы о Февральской революции, и Ильич уже пишет Коллонтай⁶ в Стокгольм:

*«Ни за что снова по типу второго Интернационала! Ни за что с Каутским!»*⁷ Непременно *более революционная программа и тактика*. И далее: *«...по-прежнему революционная пропаганда, агитация и борьба с целью международной пролетарской революции и завоевания власти Советами рабочих депутатов»* (а не кадетскими жуликами)⁸.

Линию Ильич сразу брал четкую, непримиримую, но размаха революции он еще не ощутил, он еще мерил на размах революции 1905 года, говоря, что важнейшей задачей в данный момент является это соединение легальной работы с нелегальной.

На другой день в ответ на телеграмму Коллонтай о необходимости директив, он уже пишет иначе, конкретнее, он уже не говорит о завоевании власти Советами рабочих депутатов в перспективе, а говорит уже о конкретной подготовке к завоеванию власти, о вооружении масс, о борьбе за хлеб, мир и свободу. «Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им *доказать*, что *мир* даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть»⁹. Вместе с Зиновьевым засел Ильич за составление резолюции о Февральской революции.

С первых же минут, как только пришла весть о Февральской революции, Ильич стал рваться в Россию.

Англия и Франция ни за что бы не пропустили в Россию большевиков. Для Ильича это было ясно. «Мы боимся,— писал он Коллонтай,— что выехать из проклятой Швейцарии не скоро удастся»¹⁰. И, рассчитывая на это, он в письмах от 16 и 17 марта к Коллонтай уславливается о том, как лучше наладить сношения с Питером¹¹.

Надо ехать нелегально, легальных путей нет. Но как? Сон пропал у Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, и вот по почам строились самые невероятные планы. Можно перелететь на аэроплане. Но об этом можно было думать только в ночном полубреду. Стоило это сказать вслух, как ясна становилась неосуществимость, нереальность этого плана. Надо достать паспорт какого-нибудь иностранца из нейтральной страны, лучше всего шведа: швед вызовет меньше всего подозрений. Паспорт шведа можно достать через шведских товарищей, но мешает незнание языка. Может быть, немного? Но легко проговориться. «Заснешь, увидишь во сне меньшевиков и станешь ругаться: сволочи, сволочи! Вот и пропадет вся конспирация»,— смеялась я.

Все же Ильич запросил Ганецкого¹², нельзя ли перебраться как-нибудь контрабандой через Германию.

В день памяти Парижской коммуны, 18 марта, Ильич ездил в Шо-де-Фон — крупный швейцарский рабочий центр. Охотно поехал туда Ильич, там жил Абрамович, молодой товарищ, работал там на заводе, принимал активное участие в швейцарском рабочем движении. О Парижской коммуне, о том, как применить опыт ее к начавшемуся русскому революционному движению, как не повторять ее ошибок — об этом много думал Ильич в последние дни, и потому реферат этот вышел у него очень удачным, и сам он был доволен им¹³. На наших товарищей реферат произвел громадное впечатление, швейцарцам он показался чем-то мало реальным — далеки были даже рабочие швейцарские центры от понимания происходивших в России событий.

19 марта состоялось совещание различных политических групп русских эмигрантов-интернационалистов, проживавших в Швейцарии, о том, как пробраться в Россию. Мартов¹⁴ выдвинул проект — добиться пропуска эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России германских и австрийских пленных. Однако никто на это не шел. Только Ленин ухватился за этот план.

Его надо было проводить осторожно. Лучше всего было начать переговоры по инициативе швейцарского правительства. Переговоры со швейцарским правительством поручено было вести Гримму¹⁵. Из них ничего не вышло. На посланные в Россию телеграммы ответов не получалось. Ильич мучился. «...Какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время», — писал он в Стокгольм Ганецкому¹⁶. Но он уже держал себя в руках.

18 марта стала выходить в Питере «Правда»¹⁷, и Ильич стал, начиная с 20-го числа, писать туда «Письма из далека». Их было пять («Первый этап первой революции», «Новое правительство и пролетариат», «О пролетарской милиции», «Как добиться мира?», «Задачи революционного пролетарского государственного устройства») ¹⁸. Напечатано было только первое письмо в день приезда Ленина в Питер, остальные лежали в редакции, а пятое не было даже послано в «Правду». Начато оно было накануне отъезда в Россию¹⁹.

Переговоры затягивались, Временное правительство явно не желало пропускать в Россию интернационалистов, а вести, приходившие из России, говорили о некоторых колебаниях среди товарищей. Все это заставляло торопиться с отъездом. Ильич послал телеграмму Ганецкому, которую тот получил лишь 25 марта*.

«У нас непонятная задержка. Меньшевики требуют санкции Совета рабочих депутатов. Пошлите немедленно в Финляндию или Петроград кого-нибудь договориться с Чхеидзе, насколько это возможно. Желательно мнение Беленина»²⁰. Под Белениным подразумевалось Бюро Центрального Комитета, 18 марта приехала в Россию Коллонтай, рассказала, как обстоит дело с приездом Ильича, получились письма от Ганецкого. Бюро ЦК дало через Ганецкого директиву: «Ульянов должен тотчас же приехать»²¹. Эту телеграмму Ганецкий перетелеграфировал Ленину. Владимир Ильич настоял на том, чтобы начать переговоры при посредстве Фрица Платтена, швейцарского социалиста-интернационалиста. Платтен заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии. Главные пункты условия были: 1) Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. 2) В вагон, в котором следуют эмигранты, никто не имеет права входить без разрешения Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа. 3) Едущие обязуются

---

* Здесь и далее даты по старому стилю.

агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных²². Ильич стал энергично готовить отъезд, списываться с Берном, Женевой, с рядом товарищей.

<...>

Когда пришло письмо из Берна, что переговоры Платтена пришли к благополучному концу, что надо только подписать протокол и можно уже двигаться в Россию, Ильич моментально сорвался: «Поедем с первым поездом». До поезда оставалось два часа. За два часа надо было ликвидировать все наше «хозяйство», расплатиться с хозяйкой, отнести книги в библиотеку, уложиться и пр. «Поезжай один, я приеду завтра». Но Ильич настаивал: «Нет, едем вместе». В течение двух часов все было сделано: уложены книги, уничтожены письма, отобрана необходимая одежда, вещи, ликвидированы все дела. Мы уехали с первым поездом в Берн.

В бернский Народный дом стали съезжаться едущие в Россию товарищи. Ехали мы, Зиновьевы, Усиевичи, Инесса Арманд, Сафаровы, Ольга Равич, Абрамович из Шо-де-Фон, Гребельская, Харитонов, Линде, Розенблюм, Бойцов, Миха Цхакая, Мариенгофы, Сокольников. Под видом россиянина ехал Радек²³. Всего ехало 30 человек, если не считать четырехлетнего сынишки бундовки, ехавшей с нами,— кудрявого Роберта.

Сопровождал нас Фриц Платтен.

Оборонцы подняли тогда невероятный вой по поводу того, что большевики едут через Германию. Конечно, германское правительство, давая пропуск, исходило из тех соображений, что революция — величайшее несчастье для страны, и считало, что, пропуская эмигрантов-интернационалистов на родину, они помогут разворачиванию революции в России. Большевики же считали своей обязанностью развернуть в России революционную агитацию, победоносную пролетарскую революцию ставили они целью своей деятельности. Их очень мало интересовало, что думает буржуазное германское правительство. Они знали, что оборонцы будут обливать их грязью, но что массы в конце концов пойдут за ними. Тогда 27 марта рискнули ехать лишь большевики, а месяц спустя тем же путем через Германию проехало свыше 200 эмигрантов, в том числе Л. Мартов и другие меньшевики.

Ни вещей у нас при посадке не спрашивали, ни паспортов. Ильич весь ушел в себя, мыслью был уже в Рос-

син. Дорогой говорили больше о мелочах. По вагону раздавался веселый голосок Роберта, который особой симпатией воспыал к Сокольникову и не желал разговаривать с женским полом. Немцы старались показать, что у них всего много, повар подавал исключительно сытные обеды, к которым наша эмигрантская братия не очень-то была привычна. Мы смотрели в окна вагона, поражало полное отсутствие взрослых мужчин: одни женщины, подростки и дети были видны на станциях, на полях, на улицах города. Эта картина вспоминалась потом часто в первые дни приезда в Питер, когда поражало обилие солдат, заполнявших все трамваи.

На берлинском вокзале наш поезд поставили на запасный путь. Около Берлина в особое купе сели какие-то немецкие социал-демократы. Никто из наших с ними не говорил, только Роберт заглянул к ним в купе и стал допрашивать их на французском языке: «Кондуктор, он что делает?» Не знаю, ответили ли немцы Роберту, что делает кондуктор, но своих вопросов им так и не удалось предложить большевикам. 31 марта мы уже въехали в Швецию. В Стокгольме нас встретили шведские социал-демократические депутаты — Линдхаген, Карльсон, Штрём, Туре Нёрман и др. В зале было вывешено красное знамя, устроено собрание. Как-то плохо помню Стокгольм, мысли были уже в России. Фрица Платтена и Радека Временное правительство в Россию не впустило. Оно не посмело сделать того же в отношении большевиков. На финских вейках переехали мы из Швеции в Финляндию. Было уже все свое, милое — плохонькие вагоны третьего класса, русские солдаты. Ужасно хорошо было. Немного погодя Роберт уже очутился на руках какого-то пожилого солдата, обнял его ручонкой за шею, что-то лопотал по-французски и ел творожную пасху, которой кормил его солдат. Наши прильнули к окнам. На перронах станций, мимо которых проезжали, стояли толпой солдаты. Усиевич высунулся в окно. «Да здравствует мировая революция!» — крикнул он. Недоуменно посмотрели на него солдаты. Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик, и когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонцем, Ильич защищал свою точку зрения — был тоже ужасно бледен. А в вагон мало-помалу набирались солдаты. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы лучше слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабитель-

ской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица.

В Белоострове нас встретили Мария Ильинична, Шляпников²⁴, Сталь²⁵ и другие товарищи. Были работницы. Сталь все убеждала меня сказать им несколько приветственных слов, но у меня пропали все слова, я ничего не могла сказать. Товарищи сели с нами. Ильич спрашивал, арестуют ли нас по приезде. Товарищи улыбались. Скоро мы приехали в Питер.

В Питере

Питерские массы, рабочие, солдаты, матросы, пришли встречать своего вождя. Было много близких товарищей. В числе их с красной широкой перевязью через плечо Чугурин — ученик школы Лонжюмо²⁶; лицо его было мокро от слез. Кругом народное море, стихия.

Тот, кто не пережил революции, не представляет себе ее величественной, торжественной красоты. Красные знамена, почетный караул из кронштадтских моряков²⁷, рефлекторы Петропавловской крепости, освещающие путь от Финляндского вокзала к дому Кшесинской, броневики, цепь из рабочих и работниц, охраняющих путь.

Встречать на Финляндский вокзал приехали Чхеидзе и Скобелев в качестве официальных представителей Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Товарищи повели Ильича в царские покои, где находились Чхеидзе и Скобелев. Когда Ильич вышел на перрон, к нему подошел капитан и, вытянувшись, что-то отрапортовал. Ильич, смутившись немного от неожиданности, взял под козырек. На перроне стоял почетный караул, мимо которого провели Ильича и всю нашу эмигрантскую братию, потом нас посадили в автомобили, а Ильича поставили на броневик и повезли к дому Кшесинской. «Да здравствует социалистическая мировая революция!» — бросал Ильич в окружающую многотысячную толпу.

Начало этой революции уже ощущал Ильич всем существом своим.

Нас привезли в дом Кшесинской, где помещались тогда ЦК и Петроградский комитет. Наверху был устроен товарищеский чай, хотели питерцы организовать приветственные речи, но Ильич перевел разговор на то, что его больше всего интересовало, стал говорить о той тактике, которой надо держаться. Около дома Кшесинской стояли

толпы рабочих и солдат. Ильичу пришлось выступать с балкона. Впечатления от встречи, от этой поднятой революционной стихии заслоняли все.

Потом мы поехали домой, к нашим, к Анне Ильиничне и Марку Тимофеевичу. Мария Ильинична жила с ними. Жили они на Петроградской стороне, на Широкой улице²⁸. Нам отвели особую комнату. Мальчонка, который рос у Анны Ильиничны, Гора, по случаю нашего приезда над обеими нашими кроватями вывесил лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Мы почти не говорили с Ильичем в ту ночь — не было ведь слов, чтобы выразить пережитое, но и без слов было все понятно.

Время было такое, что нельзя было терять ни минуты. Не успел Ильич встать, а уж приехали за ним товарищи, чтобы ехать на совещание большевиков — членов Всероссийской конференции Советов рабочих и солдатских депутатов. Дело происходило в Таврическом дворце, где-то наверху. Ленин в десятке тезисов изложил свой взгляд на то, что надо делать сейчас. Он дал в этих тезисах оценку положения, ясно, четко наметил те цели, к которым надо стремиться, и пути, по которым надо идти, чтобы добиться этих целей. Публика наша как-то растерялась в первую минуту. Многим показалось, что очень уж резко ставит вопрос Ильич, что говорить о социалистической революции еще рано²⁹.

Внизу шло заседание меньшевиков. Оттуда пришел товарищ и стал настаивать на том, чтобы Ильич сделал тот же доклад на общем собрании и меньшевистских и большевистских делегатов. Собрание большевиков постановило, чтобы он повторил на общем собрании всех социал-демократов свой доклад. Ильич это сделал. Собрание происходило внизу, в большом зале Таврического дворца. Помню, первое, что бросилось в глаза, это — сидевший в президиуме Гольденберг (Мешковский). В революцию 1905 года это был твердый большевик, один из самых близких товарищей по борьбе. Теперь он пошел следом за Плехановым, стал оборонцем. Ленин говорил около двух часов. Против него выступил Гольденберг. Выступил чрезвычайно резко, говорил о том, что Лениным водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии. Видно стало, как далеко разошлись дороги. Запомнилась мне еще речь Коллонтай, горячо выступавшей в защиту тезисов Ленина³⁰.

Плеханов в своей газете «Единство» назвал тезисы Ленина «бредом»³¹.

Тезисы Ленина были через три дня, 7 апреля, напечатаны в «Правде». На другой день в «Правде» же появилась статья Каменева «Наши разногласия», которая отгораживалась от этих тезисов. В статье Каменева указывалось, что тезисы Ленина — его личное мнение, что ни «Правда», ни Бюро ЦК их не разделяют. Делегаты-большевики того совещания, на котором Ленин выступил с своими тезисами, приняли-де не эти тезисы, а тезисы Бюро Центрального Комитета. Каменев заявлял, что «Правда» остается на старых позициях.

Внутри большевистской организации началась борьба³². Она длилась недолго. Через неделю состоялась Общегородская конференция большевиков г. Петрограда, которая дала победу точке зрения Ильича. Конференция продолжалась восемь дней (с 14 по 22 апреля); за эти дни произошел ряд крупных событий, которые показали, насколько прав был Ленин.

7 апреля — в день появления в печати тезисов Ленина — исполнительный комитет Петроградского Совета голосовал еще за «Заем свободы»³³.

В буржуазных газетах и в газетах оборонческих началась бешеная травля Ленина и большевиков. Никто не считался с заявлением Каменева, все знали, что внутри большевистской организации верх возьмет точка зрения Ленина. Травля Ленина способствовала быстрой популяризации тезисов. Ленин называл происходящую войну империалистической, грабительской, все видели — он всерьез за мир. Это волновало матросов, солдат, волновало тех, для кого вопрос о войне был вопросом жизни и смерти. 10 апреля Ленин выступал в Измайловском полку³⁴, 15-го стала выходить «Солдатская правда»³⁵, а 16-го солдаты и матросы Петрограда уже устроили демонстрацию против травли Ленина и большевиков³⁶.

18 апреля (1 мая) состоялись грандиозные первомайские демонстрации по всей России, никогда раньше не виданные³⁷.

И 18-го же апреля министр иностранных дел Миллюков издал ноту от имени Временного правительства, где говорилось, что оно поведет войну до победного конца и что оно считает нужным выполнить все обязательства перед союзниками. Что же сделали большевики? Большевики объяснили в печати, какие это обязательства. Они указали, что Временное правительство обещает выполнить те обязательства, которые дало правительство Николая II и вся царская шайка. Они указали, перед кем

эти обязательства. Это были обязательства перед буржуазией.

И вот, когда это стало ясно массам, они вышли на улицу. 21 апреля массы устроили демонстрацию на Невском. На Невском же устроили демонстрацию и сторонники Временного правительства.

Эти события сплотили большевиков. Резолюции петроградской большевистской организации были приняты в духе Ленина.

21 и 22 апреля ЦК вынес резолюции, которые ясно указывали на необходимость разоблачить Временное правительство, осуждали соглашательскую тактику Петроградского Совета, призывали к перевыбору рабочих и солдатских депутатов, призывали укреплять Советы, звали вести широкую разъяснительную работу и в то же время указывали на несвоевременность попыток немедленного свержения Временного правительства³⁸.

К моменту открытия Всероссийской конференции (24 апреля)³⁹, три недели спустя после оглашения Лениным своих тезисов, уже достигнуто было единство в среде большевиков.

По приезде в Питер я мало стала видеть Ильича — он работал в ЦК, работал в «Правде», ездил по собраниям. Я пошла работать в секретариат ЦК в доме Кшесинской, но в секретариате работа была не похожа на заграничную секретарскую работу и на секретарскую работу 1905—1907 годов, когда приходилось вести довольно большую самостоятельную работу по директивам Ильича. Секретарем была Стасова, у нее были технические работники, я толковала с приходившими работниками, но местную работу я тогда знала еще мало. Часто приходили цекисты, чаще всех Свердлов. Настоящей осведомленности у меня не было. Меня очень тяготило отсутствие у меня определенных функций. Зато жадно впитывала я в себя окружающую жизнь. Улицы тогда представляли интересное зрелище: везде собирались кучками, везде в этих кучках шли горячие споры о текущем моменте, о всех событиях. Подойдешь к толпе и слушаешь. Раз я с Широкой до дома Кшесинской три часа шла, так заняты были эти уличные митингования. Против нашего дома был какой-то двор, — вот откроешь ночью окно и слушаешь горячие споры. Сидит солдат, около него постоянно кто-нибудь — кухарки, горничные соседних домов, какая-то молодежь. В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики... в три

часа: Милюков, большевики... в пять часов — все то же, политика, митингование. Белые ночи питерские теперь у меня всегда связаны в воспоминании с этими ночными митингованиями.

В секретариате ЦК приходилось видеть много народу, там же, в доме Кшесинской, помещался ПК, Военная организация, «Солдатская правда». Ходила я иногда на заседания ПК, узнавала поближе публику, следила за работой Петроградского комитета. Интересовали меня также очень подростки, рабочая молодежь. Ребят захватывало движение. Среди них были сторонники разных направлений — и большевиков, и меньшевиков, и эсеров, и анархистов. Организация охватывала до 50 тысяч молодежи, но первое время движение было достаточно беспризорное. Я повела среди них кое-какую работу. Прямой контраст этой рабочей молодежи представляли собой учащиеся старших групп средней школы. Часто толпой они подходили к дому Кшесинской и выкрикивали разные ругательства по адресу большевиков. Видно было, что их здорово обрабатывают.

Вскоре после приезда — точно не помню числа — я была на учительском съезде. Народу было там уйма, учительство было целиком под влиянием эсеров. На съезде выступали видные оборонцы. В тот день, когда я там была, выступал утром до моего прихода еще Алексинский. Социал-демократов — большевиков, меньшевиков-интернационалистов — было всего человек 15—20; они собрались в особой небольшой комнатухе, обменивались разными соображениями по поводу того, за какую школу надо будет бороться. Многие из присутствовавших на этом собрании работали потом в районных думах. Учительская масса была охвачена шовинистским угаром.

18 апреля (1 мая) Ильич принимал участие в первомайской демонстрации. Он выступал на Охте и на Марсовом поле. Я не слышала его выступлений — лежала в этот день, не могла даже подняться с постели. Когда Ильич вернулся, меня поразило его взволнованное лицо. Живучи за границей, мы обычно ходили на маевки, но одно дело — маевка с разрешения полиции, другое дело — маевка революционного народа, народа, победившего царизм.

21 апреля я должна была встретиться с Ильичем у Данского. Мне был дан адрес: Старо-Невский, 3, и я прошла пешком весь Невский. Из-за Невской заставы шла большая рабочая демонстрация. Ее приветствовала

рабочая публика, заполнявшая тротуары. «Идем! — кричала молодая работница другой работнице, стоявшей на тротуаре.— Идем, всю ночь будем ходить!» Навстречу рабочей демонстрации двигалась другая толпа, в котелках и шляпках; их приветствовали котелки и шляпки с тротуара. Ближе к Невской заставе преобладали рабочие, ближе к Морской, около Полицейского моста, было засилье котелков. Среди этой толпы из уст в уста передавался рассказ о том, как Ленин при помощи германского золота подкупил рабочих, которые теперь все за него. «Надо бить Ленина!» — кричала какая-то по-модному одетая девица. «Перебить бы всех этих мерзавцев», — кипятился какой-то котелок. Класс против класса! Рабочий класс был за Ленина.

М. Г. Рошаль

НА ПУТЯХ РЕВОЛЮЦИИ

19

апреля произошло событие, которое коренным образом изменило обстановку в городе. Была опубликована нота Временного правительства к союзникам¹. В ней подтверждались захватнические планы империалистической войны, подписанные еще царским правительством. Подтверждалась политика грабительских аннексий чужих территорий. Временное правительство заявляло свою верность старым договорам и обязательствам перед союзниками.

Сообщение об этом явилось полной неожиданностью для Совета рабочих и солдатских депутатов. С быстротой молнии весть о ноте Временного правительства распространилась по всему городу и стала известна революционному гарнизону и рабочим столицы. Эта весть вызвала смятение в рядах соглашательских партий большинства в Совете. До этого времени оборонцы обманывали массы провозглашенной в начале революции декларацией Совета, которая выставила новые революционные цели в войне, призывала к борьбе демократии за достижение мира без аннексий и контрибуций². Революционные массы Петрограда находились в плену этих ошибочных предположений о политике Временного правительства. Соглашательские партии утверждали, что политика Временного правительства проводилась в полном контакте с ними. Выступление Временного правительства нанесло удар оппортунистам и разоблачило его истинную сущность. Крайнее возбуждение и волнение охватили город.

20—21 апреля все население столицы вышло на улицу. Большевики проводили все время до поздней ночи на демонстрациях и на бесчисленных митингах, активно вступая в борьбу с противниками нашей партии. В эти дни на улицах Петрограда все кипело и волновалось противоречивыми настроениями. С одной стороны шли демонстрации из рабочих районов. К ним примыкали в значительной своей части наиболее революционно настроенные солдаты. На противоположном полюсе находился нарядный буржуазный центр города. Здесь возникали правительственные манифестации, собранные из привилегированной разодетой буржуазной публики. В таких манифестациях принимали участие замаскированные под солдат и рабочих подкупленные черносотенцы, хулиганы и лавочники; раздавались возгласы, направленные против Ленина, на некоторых плакатах было написано: «Долой Ленина!», «Арестовать Ленина!» Широко разбрасывались прокламации кадетской партии с выражением доверия Временному правительству и Милюкову. Дело доходило до вооруженных столкновений.

Массовая демонстрация, выражавшая недоверие Временному правительству, началась с полудня*. Днем в центр города направилась большая рабочая процессия с Выборгской стороны. К вечеру в демонстрацию включились и другие рабочие районы. В ней участвовало много женщин и детей. Проходили с красными флагами и плакатами: «Вся власть Советам!», «Долой Временное правительство!», «Мы за немедленный мир без аннексий и контрибуций!» Когда эта демонстрация проходила с пением революционных песен по Невскому проспекту, на углу Садовой офицер, проезжавший мимо в трамвае, направил на нее револьвер. Милиционеры Выборгской стороны, шедшие с этой демонстрацией, взяли винтовки на прицел, но не стреляли. В это время с тротуара у редакции «Вечернего времени» несколько человек в солдатских формах выстрелили в рабочих. Их окружили и потребовали предъявления документов. Они объявили себя солдатами с фронта — «защитниками войны до победного конца». Ко всеобщему удивлению вместо удостоверений эти лжесолдаты предъявили паспорта. Их отпустили.

Инциденты нарастали. Невдалеке буржуазная публика бросилась на толпу работниц, вырвала у них красное

---

* 21 апреля.

знамя и тут же разорвала его в клочья. На Невском проспекте, у Екатерининского канала, вновь началась стрельба и произошла свалка.

Вплотную столкнулись два враждебных лагеря на Казанской улице. Когда обе демонстрации встретились, офицер и сестра милосердия, шедшие впереди правительственной манифестации, подбежали к плакату с враждебной им надписью и разорвали его. Вслед за этим раздались выстрелы. Казалось, они исходили со стороны тротуара или, быть может, из окна. Тяжело ранеными оказались два солдата и одна женщина.

В тот же день с Петроградской стороны проходила демонстрация рабочих по направлению к Неве. В ней участвовало до 12 тысяч человек. Шла она под лозунгом «Вся власть Советам!». На углу Садовой и Невского проспекта ее встретила сомкнутая цепь юнкеров, офицеров и студентов. Однако напор толпы прорвал цепь, и демонстрация вышла на Невский проспект. Сзади вслед демонстрантам раздались выстрелы. Стрелял юнкер из вагона трамвая. Рабочие-милиционеры ответили тоже выстрелами.

В восемь часов вечера из морского корпуса на Васильевском острове, где заседал районный Совет рабочих и солдатских депутатов, направилась демонстрация, которая решила пойти в ПК нашей партии во дворец Кшесинской для выражения своей солидарности с требованиями большевиков. Шла она под лозунгами: «Да здравствует социализм!», «Да здравствует III Интернационал!», «Долой Временное правительство!»³, «Да здравствуют Советы!» В тот же день на Невском проспекте имела место стрельба по демонстрантам Путиловского завода и 2-го Городского района. В результате были жертвы — убитые и раненые рабочие.

Силы контрреволюционных черносотенных банд, сторонников Временного правительства, всюду на улицах бешено активизировались при прямом попустительстве руководителей соглашательского меньшевистско-эсеровского Совета. В происходивших столкновениях зачинщиками постоянно выступали черносотенцы. Они были заранее подготовлены. Во главе банд стояли офицеры, им помогали юнкера, учащаяся молодежь и подозрительные личности, нередко переодетые в солдатскую форму. Возбуждение масс доходило до крайних пределов. Возмущенные предательским актом Временного правительства, рабочие и солдаты бурно реагировали на провокацион-

ные выпады буржуазных бандитов. Наши враги, подтасовывая факты, называли нас, ленинцев, зачинщиками столкновений. На Невском проспекте, на Морской улице призывы к активной борьбе с нами не затихали. В эти дни мы, большевики, постоянно были на улицах в колоннах демонстрантов.

На следующий день с утра⁴ демонстрации продолжались с прежней интенсивностью. Во второй половине дня я примкнул к демонстрации Нарвского района и вместе с нею очутился на Исаакиевской площади, которая была плотно забита народом. На разных ее сторонах проводились митинги. Трибунами служили грузовики. На одном из них, вблизи памятника Николаю I, разместился ПК нашей партии. С этого грузовика выступали с обличительными речами против Временного правительства. Стоявшие вокруг машины солдаты прерывали оратора криками и угрозами по адресу Ленина и большевиков. Здесь, в центре города, укрепилось враждебное рабочим настроение. Раздавались крики: «Солдаты проливают кровь на фронтах! Рабочие не хотят работать! Рабочие получают по 3000 рублей⁵, ничего не делают! Армия остается без хлеба!»

Хорошо продуманная буржуазная агитация давала свои плоды. Стоял невообразимый крик. С трудом удалось восстановить порядок и продолжить митинг. Народ беспрестанно прибывал, и соотношение сил изменялось. Появилось множество рабочих, которые забивали враждебные крики. Но общая картина показывала, что сторонники Временного правительства направили все свои провокационные усилия на разобщение сил революционной массы столицы. <...>

С. И. Гоннер

АПРЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

 В моей памяти ярко сохранились поездка на VII Апрельскую конференцию нашей партии и подробности работы этой исторической конференции.

Мы вдвоем с Н. Копыловым, делегаты Екатеринославской большевистской организации, избранные на Апрельскую конференцию, выехали из Екатеринослава (ныне Днепропетровск) вечером 18 апреля (по старому стилю, а по новому 1 мая). Это был день грандиозных первомайских демонстраций по всей России, которые впервые происходили в условиях свободы и впервые не по старому, а по новому календарю. Прямо с демонстрации и с митинга на Соборной площади мы отправились на вокзал. Мы, как только очутились в вагоне, попали в ту же обстановку нескончаемых митингов, с которой уже свыклись в Екатеринославе. И в нашем и в соседних вагонах днем и ночью шли страстные споры между сторонниками разных партий. Но о чем бы ни говорили, наибольшие споры разгорались вокруг большевиков и особенно вокруг имени Ленина.

Еще не доезжая Москвы мы узнали, что в Петрограде разразились новые крупные события, что происходят выступления рабочих и солдат против Временного правительства. Это был первый кризис Временного правительства, как известно, вызванный нотой министра иностранных дел Милюкова, адресованной правительствам Англии и Франции.

В Москве, где мы остановились на один день, мы узнали от товарищей из Московского Совета некоторые

подробности этого первого кризиса. В Москве мы сразу почувствовали атмосферу травли большевиков. Товарищи из Московского Совета, выдавая нам талоны на обед, предупреждали о двух вещах: 1) к обеду хлеба не дают (обе столицы голодали); 2) в ресторанах мы не должны обнаруживать себя большевиками, так как хозяева столовых и ресторанов отказывают большевикам в продаже обедов.

На следующее утро, как только мы очутились в Петрограде на Николаевском вокзале, мы слышали в разговоре между двумя носильщиками враждебные выпады против Ленина. На улицах столицы мы встретили большие колонны антиправительственных демонстраций рабочих и солдат, на знаменах были лозунги: «Долой Милюкова и Гучкова!», «Вся власть Советам!»... На Невском мы встретили довольно жидкую колонну студентов, офицеров и «прилично одетых» людей, демонстрировавших под лозунгами поддержки Временного правительства.

Во дворце Кшесинской, где помещался аппарат ЦК и ПК нашей партии, мы застали приезжих делегатов и груды литературы, заполнявшие коридоры и даже лестницы. От принявших нас товарищей мы узнали, что в связи с событиями Центральный Комитет заседает непрерывно, а открытие конференции отложено на два дня. Делегатам предложили отправиться на заводы для разъяснительной работы среди рабочих.

Ленина мы первые два дня не видели. Наша мысль неотступно витала вокруг грозившей ему опасности. Но вот мы из окна увидели, как из подъезда дворца Кшесинской быстрой походкой вышел Ленин и сел в автомобиль. Вместе с ним село 2 или 3 товарища богатырского сложения в качестве надежной охраны. Мы сообразили, что партия принимает меры против возможного нападения на Ленина.

Мы были свидетелями, как во дворец Кшесинской явилась делегация кронштадтских матросов и усиленно предлагала от имени Кронштадтского Совета прислать сильную охрану, если нужно, целую флотилию для охраны Центрального Комитета. Работники ЦК с трудом убедили кронштадтцев этого не делать, уверив их, что в Петрограде найдется кому охранять ЦК.

Раза 2—3 в день делегатов информировали о ходе событий и знакомили с резолюцией ЦК по вопросу о политическом кризисе. В первый день приезда мы вместе с одним товарищем долго бродили по улицам, обсуждая

события дня¹. Мы не заметили, что давно наступила ночь, и спохватились часов в 11 вечера, что у меня не обеспечена ночевка. (Партия еще не обладала такими возможностями, чтобы организовать общежитие для всех делегатов или снять номера в гостинице.) Мой спутник отвел меня к своим друзьям. Хозяев не было дома, и я, не дождавшись их возвращения, свалилась на диван и заснула. Утром оказалось, что я попала на квартиру Ворошиловых. В обществе Климента Ефремовича и Екатерины Давыдовны Ворошиловых, в их скромной квартире, в очень культурной обстановке, я прожила все дни Апрельской конференции. Каждое утро мы вдвоем с Климентом Ефремовичем шагали час или полтора пешком на конференцию (трамваи шли редко), всю дорогу делаясь впечатлениями о событиях, о Ленине, о прениях на конференции.

В одно прекрасное утро, во время чаепития, в квартиру Ворошиловых ввалилось пятеро великанов в военной форме. То была делегация Измайловского гвардейского полка, куда Климент Ефремович был прикреплен как член Петроградского Совета и как член большевистской фракции Совета. Делегация полкового комитета Измайловского полка пришла просить Ворошилова выступить с докладом о происходящих событиях. Получив его согласие, делегаты от имени полкового комитета просили его прислать еще докладчика, который рассказал бы им, кто такой Ленин. «Солдаты требуют, чтобы им обстоятельно рассказали все о личности Ленина. Должны же они наконец узнать правду о нем, ведь среди них ведется днем и ночью агитация против Ленина». Климент Ефремович указал на меня как на докладчика о Ленине.

До сих пор воспоминание о нашем совместном выступлении в необъятно большой казарме Измайловского полка, до отказа переполненной солдатской массой, остается для меня одним из самых незабываемых.

«Какая же чудодейственная сила в большевистской правде, в ленинских идеях и лозунгах,— думала я.— Вот стоят многие сотни солдат самых отборных частей царской армии, ежедневно отравляемой ядом шовинизма и демагогии. Они в глубоком молчании, затаив дыхание, слушают рабочего человека в штатском, говорящего просто, но взволнованно и гневно о войне, о ноте Милюкова и империалистической политике Временного правительства, о невозможности выйти из войны без перехода власти в руки трудящихся. Большевистская правда прони-

кает в самую душу каждого слушателя. Своим светом она вносит уверенность, равновесие и решимость в пробужденное революцией сознание каждого, даже самого отсталого солдата, организуя его волю к борьбе и победе».

В своем докладе о жизни Ленина, его роли в революции, я, учтя, что аудитория в большинстве своем крестьянская, приналегла на ленинский план разрешения аграрного вопроса, волновавшего эту аудиторию не меньше, чем вопрос о войне.

Собрание закончилось резолюцией, отражавшей нашу позицию. Затем полковой комитет от имени всех измайловцев обратился к Ворошилову с просьбой передать приглашение Ленину и другим видным большевикам приехать и выступить перед полком. На следующее утро они прислали письменное приглашение.

Перед открытием VII Апрельской конференции, 23 апреля, на предварительном совещании, был согласован проект порядка дня и другие организационные вопросы.

Конференция открылась 24 апреля. Когда в зале появился Ленин, всех охватила неопишуемая радость. Собрание приветствовало Ленина как вождя нашей партии и как вождя революции. Такое приветствие, как и раздававшиеся бурные аплодисменты в ответ, было тогда еще повешеством в партийных обычаях. После выбора президиума конференция обратилась с приветствием к Карлу Либкнехту, который сидел в тюрьме.

Настроение было приподнятое и праздничное. Впервые после десятков лет нелегальщины партия собралась не за границей, а в России, не в глухом подполье, а в условиях свободы.

Внешне многие товарищи казались сильно помолодевшими. Заметно было, что все были аккуратно одеты. Делегаты в большинстве были люди, только что вернувшиеся из ссылки, тюрьмы, каторги или эмиграции, но уже обогащенные опытом первых двух месяцев революции. Встретились товарищи, связанные общей борьбой в годы первой русской революции, но оторванные на много лет друг от друга полицейскими преследованиями. В тот момент, однако, мысли всех были прикованы не к прошлому, а устремлены вперед в предчувствии грядущих грандиозных битв.

Трудно словами передать запечатлевшийся навсегда в памяти образ Ленина в апрельские дни. Участнику конференции, даже самому наблюдательному и активному,

мало что можно прибавить к тому, что всему миру известно о роли Ленина, что прочно вошло в историю нашей партии и в сознание миллионов. Но новая историческая обстановка нашей встречи с Лениным окрашивала все по-новому.

Апрельские дни 1917 г. особенно иллюстрируют тот общепризнанный факт, что Ленин был гением революции, что революция была его стихией.

Само содержание работ Апрельской конференции ярко свидетельствует о роли Ленина как гениального вождя социалистической революции. Порядок дня отражал великие исторические задачи партии в борьбе за завоевание власти рабочим классом, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Повестка дня включала вопросы величайшего значения: о войне и мире, об отношении к Временному правительству, о Советах, вопросы аграрный и национальный, положение в Интернационале и др.

В эти дни особенно изумляло в Ленине сочетание самого высокого уровня научного подхода к анализу происходящих событий, бесстрашия мысли и мастерства революционного руководителя, свободного от всякого «вращения в облаках».

Попытаюсь воскресить в памяти лишь немногие примеры. Широчайшие перспективы революции и ее международное значение были раскрыты в коротеньком вступительном слове Ленина на конференции. Ленин, отметив, что конференция собирается как первая конференция в условиях не только российской, но и нарастающей международной революции, с самого начала работы конференции предотвратил опасность сужения рамок предстоящей борьбы партии, умаления ее задач. Слова Ленина о том, что российский пролетариат не должен забывать, что его движение и революция составляют лишь часть всемирного революционного пролетарского движения, напомнили о международных обязанностях российского пролетариата. Подчеркнув, что только под этим углом зрения мы и можем определять наши задачи, Ленин предостерег партийную конференцию от опасности национальной ограниченности. Это вступительное слово Ленина, мысли которого он развивал и в последующих выступлениях, ориентировало партию на необходимость учета новой мировой обстановки, совершенно отличной от обстановки первой русской революции. Этим самым Ленин предостерег партию от опасности механического

повторения в новых условиях уже устаревших партийных лозунгов, под которыми партия успешно боролась в течение ряда лет².

Дискуссия показала, что на конференции такое предостережение, такая ориентировка были как нельзя более своевременными.

Как известно, Апрельским тезисам — иначе говоря, ленинскому плану подготовки социалистической революции — на Апрельской конференции была противопоставлена платформа оппозиции, выставившей содокладчиком Каменева, оппортунизм которого был уже давно известен партии. Постановка содоклада выплыла на конференции не совсем неожиданно. Незадолго до конференции Каменев выступил против тезисов Ленина в «Правде»³. Мы знали, что дискуссия вокруг тезисов Ленина на Петроградской партийной конференции закончилась тем, что эта конференция пошла за Лениным. Было также известно, что кое-где в местных организациях имели место выступления против тезисов Ленина. Например, Киевский комитет, во главе с г. Пятаковым, проголосовал против этих тезисов. Это антиленинское решение комитета было отменено вскоре общим собранием Киевской организации, одоблившей Апрельские тезисы Ленина.

Спор между Лениным (за которым пошла конференция) и каменевской оппозицией был спор о жизни и смерти пролетарской революции: держать ли курс на быстрое перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, готовить ли свержение господства буржуазии и переход власти в руки рабочего класса, то есть в руки Советов, — как ставил вопрос Ленин? Или ограничить задачу партии закреплением буржуазно-демократической революции, исходя из того, что «Россия для социалистической революции еще не созрела», — как говорил Рыков? Верны ли были лозунги Ленина: «Никакой поддержки Временному правительству!» и «Вся власть Советам!», или верна была политика, предлагавшаяся Каменевым, — политика давления на Временное правительство и контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов? Вот какие вопросы стояли перед партией в этот момент.

Не успела открыться VII Апрельская конференция, как жизнь ворвалась в дискуссию неожиданными событиями.

Нота Милюкова 18 апреля 1917 г., которая означала продолжение войны, разоблачила Временное правитель-

ство перед широкими массами как правительство империалистическое. События эти не оставили сомнения в том, что безусловно прав Ленин, который выставил лозунг: «Никакой поддержки Временному правительству!»

Но каменевская оппозиция, получив таким образом удар, в те же дни злорадно пыталась использовать другое событие, также «ворвавшееся» в дискуссию: один из членов Петроградского комитета большевиков Богдатыев*, не согласовав своих действий с Центральным Комитетом партии, распространил листок⁴ с призывом немедленно свергнуть Временное правительство и взять власть в руки рабочего класса. Этот призыв был преждевременным. Центральный Комитет нашей партии немедленно принял меры к исправлению этой ошибки.

Каменевская оппозиция пыталась нажить политический капитал на ошибке Богдатыева и взять реванш, пыталась навязать делегатам тот вывод, что Центральный Комитет, осудив авантюризм Богдатыева, тем самым должен был признать правоту Каменева. Каменев, как заметил В. И. Ленин, ловко сел на конька об авантюризме.

Ленин и за ним конференция в борьбе против капитулянтов справа (сторонников Каменева) и против путчистов «слева» (Богдатыев и др.) проявили большевистскую выдержку. Упорная, терпеливая подготовка к переходу власти к Советам — с одной стороны, и от этого — ни шагу назад! Борьба с путчи́змом, с анархистскими действиями, против «богдатыевщины» — с другой.

Характерно также в этом отношении следующее: Ленин, направив главный огонь против каменевской оппозиции, особенно против политики поддержки Временного правительства, разоблачал его буржуазную природу и империалистическую политику. Но вместе с тем Ленин заявил, что он не согласен с оценкой этого правительства как правительства контрреволюционного. Такой оценки требовали отдельные делегаты Москвы.

В своей резолюции конференция оставила ленинскую формулировку, уже принятую Петроградской партийной конференцией. Она гласила, что организующая сила буржуазной и помещичьей контрреволюции, прикрывавшаяся знаменем Временного правительства, при явном попустительстве со стороны последнего, уже начала атаку против революционной демократии⁵. Эта более осторожная формулировка вполне отражала тот этап, когда Вре-

---

* Так в тексте, следует: Багдатыев.

менное правительство еще не проявило открыто свою контрреволюционность, еще не применяло насилия против революционных рабочих и солдат. Эта формулировка и соответствовала курсу партии на мирное развитие революции. В позиции Ленина ярко сказались его острое политическое чутье и безошибочный политический глазомер.

Активность, работоспособность и энергию Ленина в дни Апрельской конференции трудно себе представить. Ленин поспевал всюду. Ленин — докладчик по важнейшим вопросам повестки дня⁶, участник прений, он же автор проектов большинства резолюций конференции. Ленин руководит всей работой конференции, участвует в работе комиссий. А между тем, это были дни, когда широкие массы вышли на улицу и когда Ленину приходилось немедленно реагировать на каждое новое событие⁷.

Ленин выступил на конференции больше 20 раз. Между 20 и 24 апреля он ежедневно помещал в «Правде» от 3 до 7 статей (или проектов резолюций) на разные темы. Все время в перерыве за ним ходили группами делегаты, жаждавшие беседы с ним. Непонятно, когда он отдыхал.

Один инцидент, оставшийся незамеченным многими делегатами, еще и еще раз подчеркивающий исключительные черты Ленина как несравненного реального политика, остался у меня в памяти.

Когда конференция только что открылась, для всех было ясно, что Ленин крепко сплавливает партию и что никакой оппозиции не удастся совлечь конференцию с ленинского пути. Но пока не было голосования хотя бы по одному вопросу, трудно было определить, насколько сильна оппозиция, которая притом была довольно пестра. И вот итог первого голосования показал, что за оппозицией на конференции идут лишь единицы, что ее удельный вес ничтожен. С этой минуты Ленин явно изменил свое поведение в обращении с представителями этой оппозиции. Он перестал тратить время на споры в перерывах с отдельными оппозиционерами и продолжал полемику только на заседаниях конференции.

Делегатам бросилось в глаза, что Ленин проявил громадный интерес к докладам с мест. Доклады с мест были сначала поставлены в конец повестки дня. Но к этим докладам приступили раньше — во время дискуссии по общим вопросам. В дальнейшем дискуссия неоднократно чередовалась с докладами с мест.

В процессе обсуждения вопроса об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов возникли десятки новых и разнообразных вопросов как первостепенной важности, так и более мелких. Ленин в особом выступлении внес предложение сосредоточиться на ответах на определенные вопросы, что облегчило бы выработку общепартийной платформы. Прения приняли более организованный характер. Ленин слушал сообщения о положении на местах с напряженным вниманием, пересаживался поближе к очередному оратору и нередко задавал вопросы отдельным докладчикам.

Запомнился его вопрос мне, когда в своем выступлении об отношении к Советам я остановилась на нашей борьбе в Екатеринославе за слияние двух Советов — рабочего и солдатского. Я сказала, что, борясь за это слияние и придавая ему громадное значение, мы, вместе с тем, опасались, что объединенный Совет будет нам навязывать голосами солдат неприемлемые для нас решения. Это мы видели на примере поведения представителей армии, голосовавших против 8-часового рабочего дня в первые дни революции. Поэтому, сказала я, мы, борясь за это слияние, вместе с тем боимся, что после этого слияния Совет окажется в плену мелкобуржуазной стихии. Неожиданно я услышала совсем близко вопрос Ленина: «Почему же боитесь?» И эти его три слова помогли мне понять, в чем я неправа: ведь речь шла не о слиянии разных групп в партии, а о Советах, которые включали представителей разных политических направлений и были ареной нашей борьбы против мелкобуржуазных партий, за укрепление союза рабочего класса и крестьянства и за ведущую роль рабочего класса в этом союзе.

Сообщения о положении на местах дали богатый материал против каменевской оппозиции. Эти доклады показали, что местные Советы проявили большую революционную инициативу, подчас бóльшую, чем столичные Советы. Во многих промышленных центрах Советы, в силу вещей, выполняли государственные функции (организация борьбы с голодом, вооружение рабочих, борьба с локаутами посредством передачи предприятий в руки рабочих, борьба с бандитизмом и т. д.) Эти особенности деятельности местных Советов подтвердили правильность ленинского курса партии на перерастание революции в социалистическую и на переход власти в руки Советов. Эти особенности отражены в содержании резолюции кон-

ференции по вопросу о Советах рабочих и солдатских депутатов и отчасти в других резолюциях.

Свою речь по вопросу об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов Ленин начал так: «Материалы, представленные товарищами о деятельности Советов, получились хотя и неполные, но замечательно интересные. Может быть, это самый важный материал из сведений, которые дала конференция, материал, который дает возможность проверить наши лозунги действительным ходом жизни. Картина полученного располагает нас к оптимистическим выводам»⁸.

Несмотря на крайнюю занятость, Ленин оставался все тем же чутким и внимательным товарищем, каким мы его знали. Когда он впервые появился на конференции до ее открытия, он, пожимая то тому, то другому руки, своими вопросами обнаружил, что он в курсе дел о том, кто, где и когда был арестован, а также о работе, состоянии здоровья отдельных товарищей.

Запомнилась мне одна характерная сцена. Войдя в перерыве в помещение столовой (в здании Женского медицинского института), мы увидели огромную очередь делегатов с жестяными кружечками в руках в ожидании получения горячего чая. Мы заметили, что эта очередь в одном месте пересекается накрест с двумя другими очередями. Подойдя ближе, мы обнаружили, что добавочные две очереди образовались по правую и левую руку Ленина: это выстроились в две очереди делегаты, жаждавшие лично поговорить с ним. Сам же Ленин, с такой же жестяной кружечкой в руках, поворачиваясь то вправо, то влево, беседуя, ждал своей очереди, имея впереди себя еще десятка два-три ожидавших. Мы подбежали к Ленину и предложили ему сесть за столик, куда мы принесем ему чаю и где ему будет удобнее разговаривать с товарищами. Не тут-то было! Ленин категорически отказался воспользоваться нашей услугой. Так же, как это было в Париже в условиях эмиграции, Ленин никогда не допускал, чтобы в быту его обслуживали товарищи. Как и всегда, он не хотел выделяться и ставить себя в привилегированное положение.

Правой рукой Ленина по организации работ конференции являлся Я. М. Свердлов. Ему помогала Е. Д. Стасова. Яков Михайлович председательствовал на многих заседаниях. Хлопот у Свердлова было очень много. На него пала работа не только по встрече делегатов, по обеспечению их литературой, ночевками и питанием. Сверд-

лов организовывал систематическую информацию делегатов о событиях в столице, а также о внутривнутрипартийной борьбе.

Свердлов на Апрельской конференции успевал следить за прениями, организовывал комиссии и секции, следил за ходом дискуссии в них. В один из первых дней конференции Свердлов выступил с предложением всей конференции разбиться на секции для обстоятельного рассмотрения важнейших решений комиссий в более широком коллективе. Предложение Якова Михайловича горячо поддержал Владимир Ильич, который раза два-три подчеркнул на конференции необходимость обсуждать столь важные вопросы без спешки и возможно обстоятельнее. По предложению Свердлова конференция организовала 6 секций. Это мероприятие сыграло большую роль в углублении дискуссии и, несомненно, облегчило полный провал оппозиции и победу ленинской линии.

Свердлов всячески оберегал Ленина от многочисленных мелких вопросов, которые неизбежно возникают в процессе работы съездов и конференций.

Помню такой эпизод. Во время работы комиссии по вопросу об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов примчался Свердлов и запросил членов комиссии, у кого застрял оригинал проекта одной из резолюций, автором которой был Ленин. Своим густым, приятно звучащим басом Свердлов говорил: «Товарищи, Ильичу очень нужна эта резолюция. Ильич ругается. Прошу немедленно ее разыскать и вернуть мне».

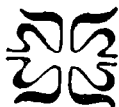
На Апрельской конференции я впервые увидела и слышала Сталина. Во время обсуждения доклада Ленина о текущем моменте нам объявили, что сейчас один товарищ, который присутствовал на ночном совместном заседании президиума Петроградского Совета и Временного правительства в Мариинском дворце, сделает информацию об этом заседании⁹. Это было в дни, когда еще не был ликвидирован первый кризис Временного правительства.

С информацией об этом совещании в Мариинском дворце выступил Сталин. В речи — простой, отличавшейся четкостью, лаконичностью — Сталин очень красочно рассказал, как министры Гучков, Шингарев и Милюков ультимативно требовали прекращения большевистской агитации, обуздания солдат, крестьян и революционных рабочих, грозя отставкой. Метко прозвучали его слова о том, что Гучков и Милюков «хотели маленькой рево-

люции для большой победы». Факты, сообщенные Сталиным, хорошо иллюстрировали ленинскую оценку Временного правительства.

Как известно, дискуссия на конференции завершилась полной победой ленинской позиции. При этом в большинстве случаев оппозиция голосовала не против, а воздерживалась. Это подчеркивало колебания в ее рядах, неуверенность в ее правоте.

Решения Апрельской конференции вооружили партию программой подготовки социалистической революции. Делегаты уехали с конференции во много раз крепче подкованными теоретически и политически. Для каждого из участников великих битв этого периода была создана такая ясность задач, что вся партия пошла навстречу этим боям твердой, уверенной поступью.

А. А. Бабицын

**ПЕРВЫЕ ШАГИ ПЕРВОГО ЗАВКОМА
«НОВОГО ПАРВИАЙНЕНА»**

23

февраля 1917 г. я из «Крестов»¹ был направлен по этапу в Торжок. После мытарств в полицейском управлении Торжка в первых числах марта возвратился в Петроград. В тот же день пришел в Выборгский районный комитет РСДРП(б) и встретил здесь старых товарищей, освобожденных из тюрем,— И. Наумова², С. Сорокина, И. Кодацкого и других, а также секретаря Выборгского районного комитета Женю Егорову³.

Здесь велись горячие споры о прекращении забастовки и условиях возобновления работ⁴.

Одни товарищи — Женя Егорова, Кодацкий, Чугурин, Лацис — настаивали на том, чтобы от слов перейти к действиям и явочным порядком ввести 8-часовой рабочий день, начать создавать заводские комитеты. Другие предлагали ждать решения Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Мы, новопарвляйненцы, решили вернуться на завод, с которого были уволены за участие в рабочем революционном движении в 1915 г., и согласовали этот вопрос с секретарем Выборгского районного комитета РСДРП(б).

5 марта исполнительный комитет СР и СД принял решение о желательности возобновления работ в Петрограде, но при этом умолчал об условиях возобновления работ⁵.

7 марта собрание 2 тысяч рабочих Выборгской стороны приняло постановление о возобновлении работ, одна-

ко предупредило, чтобы в дальнейшем все серьезные решения Совета предварительно обсуждались общим собранием рабочих⁶.

До 10 марта завод все еще почти бездействовал. Рабочие не спешили приступать к работе, собирались у станков, рассказывали об участии в демонстрации, о разгроме полицейских участков, о дружеских встречах с солдатами. Поднимался вопрос: будем ли ждать, что нам скажут, или же сами установим заводские порядки?

На летучем совещании партийного коллектива новобрапнельной мастерской, где присутствовали члены партии, вернувшиеся из тюрем и ссылок, решили избрать организатором партколлектива И. К. Наумова и его заместителем В. М. Горячева. Совещание постановило созвать общее собрание рабочих, на котором заслушать доклад депутата Петроградского Совета Орлова, который был меньшевиком, и обсудить вопрос о введении 8-часового рабочего дня, а также организовать заводской комитет.

В тот же день собрались рабочие. Председателем собрания был избран большевик Алексеев. Орлов сообщил о решении исполнительной комиссии Петроградского Совета Р и СД от 5 марта. Докладчик призвал рабочих поддержать это решение. Во время доклада с мест раздавались голоса: «Что решили о 8-часовом рабочем дне?», «Будет ли уплачено рабочим за дни забастовки?». На это Орлов ответил, что по этим вопросам решений не было.

После доклада разгорелась острая борьба между большевиками и меньшевиками. Меньшевики Михайловский, Яковлев, Треер призывали прислушаться к решению исполнительного комитета, приступить к работе и ждать дальнейших указаний, не предъявлять чрезмерных требований администрации, помнить о солдатах на фронте, не отталкивать от революции «живые силы».

Против предложений докладчика и меньшевиков выступили члены нашей партии Наумов, Горячев, Солдаткин и я. Мы говорили, что 8-часовой рабочий день есть программное требование нашей партии. Напоминали, что рабочие завода «Новый Парвайнеп» еще в 1915 г. выдвигали это требование, но тогда администрация отклонила его. Сегодня мы должны начать работать по восемь часов явочным порядком. «Живые силы», о которых говорили меньшевики, носили красные бантики в первые дни революции, а сейчас выступают против справедливых требований рабочих, начинают натравливать солдат

на рабочих. Рабочие дружно поддерживали выступления представителей нашей партии. Выступивший от эсеров-максималистов ⁷ Романов полностью поддержал предложения большевиков.

Подводя итоги, товарищ Алексеев сказал: «Да здравствует программное требование большевиков — 8-часовой рабочий день без снижения заработной платы! Полную оплату дней забастовки!» Собрание аплодисментами приветствовало его слова и проголосовало за предложение большевиков о введении 8-часового рабочего дня явочным порядком. Против голосовали только меньшевики ⁸.

От имени коллектива большевиков выступил Наумов с предложением об организации заводского комитета, который должен будет, говорил он, защищать интересы рабочих как перед правлением завода, так и перед другими организациями. В случае необходимости такие организации будут созданы и по мастерским. Меньшевики же предложили избрать не общезаводской комитет, а совет старост по мастерским, которые должны заниматься только улаживанием конфликтов между рабочими и администрацией ⁹.

Предложение большевиков было принято большинством. Завком избрали в составе семи членов — Солдаткина, Горячева, меня, Еримина, Лебедева, Никитина и Трера. Председателем завкома был избран я. Собрание поручило Алексееву и Наумову довести до сведения администрации решение собрания. Это был первый состав заводского комитета.

Лишь 10 марта было достигнуто соглашение между Петроградским СР и СД и Обществом заводчиков и фабрикантов, опубликованное 11 марта в «Правде», о введении 8-часового рабочего дня и о создании фабрично-заводских комитетов и примирительных камер ¹⁰.

Первые дни заседания заводского комитета проводились у рабочего места председателя. Решения протоколом не оформлялись, заявления рабочих не регистрировались и хранились в рабочем столе председателя. Завком категорически заявил начальнику мастерских, что он будет проводить свои заседания в его кабинете, если ему не будет предоставлено помещение. Это подействовало, и нам была выделена комната на втором этаже между новошрапнельной и снарядной мастерскими.

Заседания завкома проводились после работы. Свои решения завком внедрял в жизнь с боем. Он требовал

улучшения условий труда, организации столовой, усиления охраны завода, оплаты членов столовой комиссии, оплаты вызовов членов завкома или рабочих на заседания в районные и другие организации. Администрация завода, как правило, не соглашалась с требованиями завкома, ссылаясь на то, что в соглашении Петроградского Совета с Обществом заводчиков и фабрикантов это не оговорено. Если не действовали убеждения, завком прибегал к общему собранию рабочих и таким образом добивался поддержки своих решений.

Так, например, был решен вопрос об организации столовой и об оплате членов столовой комиссии.

При поддержке Выборгского районного комитета партии и Совета Р и СД завком организовал в ресторане «Зимний сад» питание рабочих близрасположенных предприятий. Завкомы «Нового Парвизайнена» и «Старого Парвизайнена» создали столовую комиссию, в которую вошли от завода «Новый Парвизайнен» Ильин, а от завода «Старый Парвизайнен» — Бубнов и Кривоносов, проводивший культурно-просветительную работу среди рабочих. В столовой часто организовывались лекции и доклады, где выступали А. В. Луначарский, В. Володарский, М. И. Лацис и другие видные ораторы.

При столовой была организована библиотека. Руководил ею рабочий завода «Старый Парвизайнен» поэт Иван Логинов. Он достал шкафы, где хранилась политическая и художественная литература, и наладил выдачу книг рабочим наших и других заводов района.

Первое время столовая комиссия контролировала работу столовой, а затем управляла ею. Администрация завода отказывалась оплачивать работу членов столовой комиссии. Тогда завком заявил, что вопрос будет поставлен на собрании рабочих с вызовом членов правления. Администрацию, видимо, это испугало, и она согласилась оплачивать членов столовой комиссии по среднему заработку.

Первые революционные завоевания рабочих обострили противоречия между рабочими и заводчиками. Последние обвиняли рабочих в снижении производительности труда, в нежелании работать. Члены завкома и большевики завода объясняли истинное положение дел: продолжавшаяся империалистическая война была причиной простоев завода, так как вызывала перебои в подвозе сырья и топлива.

Бывали случаи необоснованных требований рабочих

к завкому. Например, было заявление чернорабочих (как тогда называли неквалифицированных подсобных рабочих): они требовали уравнивания заработной платы всех рабочих — квалифицированных и неквалифицированных. Они мотивировали свое требование так: «Мы добились свободы, братства и равенства. А какое же равенство, если один зарабатывает полтора рубля в день, а другой 10—15». Как председатель завкома я согласился с ними в том, что оплата подсобных рабочих должна быть повышена, но уравнивать заработки рабочих нельзя. Для этого нужно, чтобы неквалифицированные рабочие стали квалифицированными, то есть могли бы выполнять работу более сложную, чем они выполняют. Вопрос этот был перенесен на общее собрание рабочих заводов. Зная намерение чернорабочих прекратить работу, после страстных прений приняли решение: «Учитывая серьезность переживаемого момента, собрание считает необходимым производить работы полностью. Всякое манкирование и требования чрезмерного увеличения заработной платы собрание считает позором и крайне вредным в смысле закрепления завоеванных нами свобод»¹¹.

В начале марта 1917 г. в «Правде» была помещена статья, которая призывала рабочих фабрик и заводов создавать свои вооруженные отряды для защиты революционных завоеваний¹². Рабочие живо откликнулись на этот призыв. Партийный коллектив завода «Новый Парвиаинен» решил немедленно приступить к организации заводского отряда Красной гвардии, обязал всех членов партии вступить в отряд и начать военное обучение. Начальником отряда был назначен от партколлектива Артемьев, а начальником штаба по рекомендации завкома — Куликов.

На первых занятиях пользовались деревянными самодельными ружьями. Одеты красногвардейцы были по-разному, кто в чем: кто в шляпе, кто в кепке, кто в длинном пальто, подпоясанном ремнем, кто в куртке. Строевыми занятиями руководил Куликов. Он уделял большое внимание снабжению отряда оружием. В этом ему помогали бойцы Н. Матвеев, В. Петров, А. Новиков, А. Лобанов и др. Позднее, с ростом отряда, где-то раздобыли гранаты и за оградой завода проводили обучение гранатометанию. На демонстрациях отряд Красной гвардии шел во главе рабочей колонны — сразу после партколлектива и завкома. Несколько позднее при отряде была организована санитарная часть. Начальником ее завком

назначил Анну Платонову — члена партии, которая провела большую работу по вовлечению в санчасть работниц и обучению их санитарному делу.

В борьбе за Советскую власть красногвардейцы завода «Новый Парвийнен» были в первых рядах Выборгского района.

В апреле 1917 г. Временное правительство выпустило так называемый «Заем свободы». Партийный коллектив завода под руководством Выборгского районного комитета партии развернул широкую агитацию среди рабочих против этого займа. На собрании рабочих завода 24 апреля в защиту подписки на «Заем свободы» выступил депутат Петроградского Совета Орлов. Против подписки на заем выступили члены партии Горячев, Солдаткин, я и Наумов. Мы разъясняли рабочим, что Временному правительству нужны деньги для продолжения империалистической войны, а рабочим нужен мир. Ни одной рабочей копейки на «Заем свободы»! Вот как должны ответить новопарвийненцы.

Меньшевики поддерживали подписку на «Заем свободы», особенно активно выступал Яковлев. Эсеры-максималисты поддерживали большевиков. Собрание проголосовало за резолюцию большевиков.

Во второй половине апреля 1917 г. производство на заводе «Новый Парвийнен» начало тормозиться в силу разных причин. Администрация связывала это с плохим снабжением завода топливом, сырьем, заготовками, отсутствием заказов, трудностями сбыта готовых изделий, изготовленных для военного ведомства. Однако правление завода действенных мер к устранению производственных неполадок не принимало. Об этом положении на заводе в «Известиях» была даже напечатана статья, в которой говорилось об угрозе рабочим быть уволенными: предполагалось назначить комиссию для выяснения причин такого положения ¹³.

Администрация завода предложила перевести заводы Парвийнена в Юзовку (ныне Донецк), где находились литейные заводы этого общества. Предложение это было сделано администрацией на совместном заседании завкомов «Старого» и «Нового Парвийнена». Мы не сразу поняли коварный замысел администрации. Под предлогом улучшения работы заводов администрация преследовала цель разгрузки Петрограда от революционных рабочих. Завкомы решили обсудить вопрос на общем собрании рабочих обоих заводов. Такое собрание

состоялось, и на нем было решено послать комиссию в Юзовку и выяснить там все условия жизни и работы рабочих. Через неделю, затраченную на поездку в Юзовку, возвратившаяся комиссия сделала доклад о результатах ознакомления с условиями жизни и работы, которые были куда хуже петроградских. Комиссия считала, что нужно улучшить работу завода на месте.

После горячих прений собрание решило воздержаться от перевода заводов в Юзовку. Избрали комиссию для проверки правильности заявления администрации об отсутствии на складах заводов горючего и других материалов, необходимых для нормального процесса производства. Это послужило началом работы завкома по контролю над производством ¹⁴.

В бурных событиях того времени партия большевиков направляла нашу работу и помогала разобраться в сложной обстановке. Ежедневно где-нибудь на Выборгской или на Петроградской стороне — у дворца Кшесинской, в цирке «Модерн» и в других местах организовывались митинги. Стены ломились от желающих послушать ораторов, многие оставались на улице. <...>

А. Е. Васильев
ПЕРВЫЙ ЗАВКОМ

 В осуществлении ленинского курса на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую большую роль сыграли массовые организации рабочего класса, в том числе и фабзавкомы.

Право на организацию фабрично-заводских комитетов (первоначально — советов старост) пролетариат завоевал в дни Февральской революции. Правда, еще раньше, даже до революции 1905 года, в цехах Путиловского завода имелись так называемые «образные старосты», получившие это название от слова «образ», то есть икона. В каждой мастерской была икона со своим святым и по назначению администрации перед нею устраивались молебны. Но эти «образные старосты» были верными слугами администрации. Они следили за настроениями рабочих и доносили об этом начальнику цеха. Что же касается советов старост, то они появились на нашем заводе только после Февраля.

Путиловцы выбирали завком в апреле 1917 года¹. Некоторое запоздание с выборами объясняется тем, что сформированный в марте Совет рабочих и солдатских депутатов Петергофского района сначала помещался на предприятии и отчасти осуществлял функции заводского комитета. Меншевистско-эсеровское руководство Совета всячески тормозило создание самостоятельной экономической организации рабочих.

Нарвский райком большевиков поручил организацию заводского комитета группе бывших путиловцев-подпольщиков, в том числе и мне. Прежде всего нам нужно

было убедить рабочих в том, что, например, такая организация, как примирительная камера, без участия завкома не сможет защищать их интересы, так как находится под влиянием буржуазии. После большой и кропотливой работы с людьми путиловцы на собраниях в мастерских и цехах стали требовать создания завкома.

Районный Совет, где засело немало меньшевиков и эсеров, вынужден был выполнять волю масс. На своем заседании 6 апреля он принял решение о создании организационной комиссии для проведения выборов в заводской комитет. Выборные собрания проходили с 10 по 15 апреля по округам Путиловского завода под руководством членов районного Совета и представителей заводоуправления². Выборы производились на основании всеобщего и равного избирательного права.

В состав завкома было избрано 22 человека, из них 6 большевиков, 1 меньшевик, 3 эсера, 1 анархист и 11 беспартийных, большинство из которых примыкало к большевикам. Первое заседание завкома (15 апреля) избрало председателя завкома и президиум³.

Хотя большевиков на заводе в первые дни после Февральской революции было еще мало, они оказали значительное влияние на исход выборов. Например, в шрапнельной мастерской, где работало 7 тысяч человек, в заводской комитет прошли 3 большевика и лишь 1 эсер.

Большевики-путиловцы терпеливо и настойчиво, на конкретных примерах разъясняли рабочим всю гнилость и продажность политики и программы меньшевиков и эсеров. Поэтому многие рабочие, находившиеся под влиянием соглашателей, стали переходить на сторону большевиков.

Постепенно в завкоме создалось твердое большевистское ядро. Кроме председателя, его заместителя и президиума, завком имел комиссии контроля и труда.

В составе комиссии контроля было четыре контрольные части: административно-финансовая; технико-производственная; снабжения и расходования сырья и полуфабрикатов; приемки и расходования топлива и использования отходов. Первые две части объединялись в бюро производства, вторые — в бюро снабжения.

Комиссия труда также разделялась на несколько частей: первая ведала расценками и нормами выработки, вторая — приемом, увольнением рабочих и разрешением трудовых конфликтов, третья — охраной труда, четвертая — культурно-просветительной работой.

Связь с городскими и местными большевистскими организациями, под руководством которых работал завком, поддерживалась через президиум и председателя комитета.

Основной своей работой завком считал контроль над производством, улучшение трудовых и бытовых условий рабочего класса, организацию и обучение отрядов Красной гвардии. По поручению завкома организацией Красной гвардии занимался М. Войцеховский ⁴.

В апреле же 1917 года на предприятии были организованы и цеховые комитеты. В обращении завкома к цеховым комитетам говорилось: «Приучаясь к самоуправлению в отдельных предприятиях, рабочие готовятся к тому времени, когда частная собственность на фабриках и заводах будет уничтожена и орудия производства вместе со зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса. Поэтому, делая маленькое дело, нужно постоянно помнить о той великой и главной цели, к которой стремится рабочий народ» ⁵.

Буржуазия, напуганная развитием революционных событий, прибегала к разным уловкам, чтобы обмануть и ослабить рабочий класс. В частности, Временное правительство пыталось удалить из Петрограда революционные войска, вывезти оборудование крупнейших промышленных предприятий ⁶. Кроме того, Временное правительство заявляло, что у него не хватает денег для выплаты заработной платы, в силу чего необходимо сокращение рабочих на больших заводах.

Все эти маневры буржуазии, поддержанные меньшевиками и эсерами, были разгаданы нашей партией. Чтобы сорвать замыслы контрреволюции, завком Путиловского завода установил строгий контроль над изготовлением продукции, предложил заводууправлению определить лимит расходования топлива и электроэнергии по мастерским. Так как администрация воспротивилась упорядочению графика расхода топлива в горячих цехах, то завкому пришлось установить контроль в самом аппарате заводууправления. Члены топливной комиссии совместно с представителями заводууправления изыскивали необходимое топливо и организовали доставку его на завод.

Центральная комиссия по найму и увольнению рабочих составила инструкцию ⁷, по которой увольнению в случае необходимости подлежали те рабочие, которые раньше не трудились на других предприятиях, а также

проработавшие на Путиловском заводе менее трех лет. Во время империалистической войны на завод поступило много крестьян, мелкой городской интеллигенции и буржуазии, боявшейся мобилизации в действующую армию. Многие из них поступили на завод за взятки работникам заводоуправления. Вот эти случайные на заводе люди, по мнению комиссии, в первую очередь подлежали увольнению.

Рабочий контроль был невиданной ранее формой привлечения трудящихся к руководству производством. Необходимо было обменяться по этому вопросу мнениями с другими фабрично-заводскими комитетами и выработать единые действия. В связи с этим Путиловский завком 29 апреля принял решение обратиться ко всем заводским комитетам Петрограда с призывом создать организационное бюро по созыву конференции фабзавкомов⁸.

Фабзавкомы предприятий города согласились с предложением путиловцев. И 30 мая в большом зале Таврического дворца открылась первая конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда⁹. В ее работе участвовали и путиловцы.

Завком Путиловского завода выдвинул перед администрацией требование создать новый единый тариф и повысить заработную плату всем рабочим до необходимого уровня прожиточного минимума. Борьба путиловцев за новый тариф была поддержана всеми металлистами Петрограда.

Еще в дни Февральской революции правление завода обещало рабочим производить оплату их труда по новому тарифу начиная с 7 марта. Однако это обещание не было выполнено. В мае, по настоянию завкома, дело было передано на рассмотрение Центральной примирительной камеры, которая состояла из фабрично-заводских акционеров и представителя союза металлистов. Завком направил туда своих представителей. Примирительная камера этот вопрос решила в интересах рабочих: им должны были выплатить разницу с 7 марта. Однако администрация завода, не желая платить рабочим, умышленно затягивала выполнение решения. <...>

По инициативе завкома 22 июня в Путиловском театре состоялось собрание представителей предприятий металлообрабатывающей промышленности города. На повестке дня стоял вопрос о новом тарифе. Присутствовали представители Центрального совета фабрично-заводских комитетов, правления союза металлистов, за-

водских комитетов предприятий, а также цеховых комитетов Путиловского завода. Совещание приняло резолюцию, в которой подчеркивалось, что дело путиловских рабочих считается делом всего петроградского пролетариата. Однако частное экономическое выступление при данных условиях было признано нецелесообразным. Поэтому совещание предложило путиловским рабочим сдерживать свое законное негодование по поводу затянувшихся конфликтов и готовить силы для скорого общего выступления¹⁰.

Совещание учло и то обстоятельство, что даже если заработная плата и будет повышена, то непрерывный рост цен на продукты питания и квартиры может свести на нет эту прибавку к зарплате. За союзом металлистов сохранилось право вести переговоры с предпринимателями и ведомствами о требованиях путиловцев.

Администрация Путиловского завода продолжала всячески тормозить работу предприятия, пыталась отправить оборудование в Пермскую губернию. С согласия Временного правительства она подготовила пароход с баржей для эвакуации станков. Однако рабочие и заводской комитет не допустили «разгрузки» завода¹¹.

В этих условиях встал вопрос об организации рабочего правления. Завком обратился по этому поводу за советом в ЦК большевистской партии, который одобрил эту идею. Одновременно в ответе ЦК указывалось на необходимость добиваться в правлении большинства рабочих, что полностью отвечало решениям первой конференции фабзавкомов. Состав правления по нашему плану намечался в количестве 18 человек: 12 от заводского комитета и 6 от дирекции и заинтересованных ведомств¹².

Но, конечно, Временное правительство потребовало, чтобы в состав правления вошло большинство назначенных им представителей. На это путиловцы не согласились, и переговоры ни к чему не привели.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция обеспечила переход Путиловского завода в руки народа.

Н. П. Капранов

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

На другой день после победы революции в Петрограде на Обуховском заводе состоялось общезаводское собрание рабочих, на котором был избран Совет, в него вошли 12 депутатов, а главой Совета стал эсер Г. Еремеев¹.

После Февральской революции на Обуховском заводе были созданы различные рабочие организации, в том числе был избран заводской комитет, членом которого стал и я.

Заводской комитет, как и первый состав членов Совета, был эсеровско-меньшевистский, и в нем было лишь несколько большевиков. Но мы держались крепко, используя каждый момент для проведения своей линии. Так, например, оборонческий заводской комитет еще продолжал вести работу по посылке подарков на фронт. В марте — апреле 1917 г. в состав рабочей делегации, отвозившей подарки на фронт, включен был и я. Перед отъездом я предварительно побывал в Невском районном комитете партии большевиков и получил там большевистскую литературу, которую доставил в 12-ю армию Северного фронта, штаб которой находился в Риге.

В штабе 12-й армии нас принял командующий Радко-Дмитриев. Во время беседы он сообщил, что военные действия на фронте прекращены как с нашей, так и с немецкой стороны. На передовых позициях появляются в большом количестве листовки на русском и немецком языках, призывающие к братанию. Распространяет их прапорщик Сиверс². Он даже среди офицеров ведет агитацию за

прекращение войны. Положение в армии было уже таково, что Сиверса арестовать было невозможно. Мы, несколько человек, попросили разрешения выехать в окопы. Командующий разрешил и дал проводника. Когда мы добрались до окопов, там было спокойно. Немецкие окопы находились в 300—400 метрах от наших позиций. Мы стали свидетелями того, как наш солдат возвращался от немцев. На этом участке фронта были сибирские полки, солдаты были очень рады встрече с нами, спрашивали, когда кончится война. Раздав привезенную мной большевистскую литературу, я разъяснил им политику большевиков в отношении войны.

О прапорщике Сиверсе мне еще раз пришлось услышать уже во время гражданской войны. В конце 1918 г., когда я как красный командир прибыл в 9-ю армию Южного фронта, узнал, что Сиверс командует бригадой.

Со второй половины марта 1917 г. большевистской партийной организацией на заводе и в районе руководил член Петербургского комитета РСДРП(б) Антон Слуцкий³. Он и Г. Чижев⁴, председатель заводской организации РСДРП(б), собрали в одном из классов обуховской школы собрание большевиков-обуховцев. На нем присутствовали А. Антонов, Г. Чижев, А. Гундоров, И. Преображенский, А. Медведков, П. Обухов, К. Ильин, Н. Потемкин, В. Егоров, я и др. На этом собрании Антон Слуцкий поставил перед нами задачу добиться того, чтобы как можно скорее покончить с влиянием эсеров и меньшевиков на заводе и в районе. Он отметил, что сделать это нелегко, поэтому, чтобы добиться успеха, нужно повести с ними беспощадную борьбу. Необходимо терпеливо изо дня в день разъяснять рабочим-обуховцам, что эсеры и меньшевики служат буржуазии, а не рабочему классу.

На этом собрании была оформлена на заводе первая легальная большевистская партийная организация. Партийный комитет большевиков разместился на Троицкой улице. Дела большевиков-обуховцев на заводе и в районе заметно улучшились. Большевистская организация хотя медленно, но неуклонно росла. В апреле 1917 г. во многих мастерских завода были уже организованы большевистские партийные группы, а вскоре среди парторганизаций Невской заставы большевики-обуховцы заняли ведущее место⁵.

3 апреля 1917 г. приехавший из города Антон Слуцкий сообщил большевикам, что сегодня в Петроград из-

за границы прибывает В. И. Ленин. Это сообщение обрадовало нас, и мы быстро собрались на встречу В. И. Ленина. До центра города ехали на паровой конке, а там шли пешком до вокзала. Когда пришли на площадь Финляндского вокзала, там уже стояли тысячи рабочих, солдат и матросов.

Тогда я в первый раз увидел В. И. Ленина. Хотелось уловить все, что он говорил, но это с трудом удавалось, так как восторженное настроение встречающих в некоторой степени мешало слышимости. Владимир Ильич, заканчивая речь, сказал: «Да здравствует социалистическая революция!» Раздалось громкое рабоче-солдатское «ура!».

Вместе с большевиками-обуховцами Гундоровым, Антоновым, Обуховым, Медведковым, Онуфриевым и другими я слушал выступление В. И. Ленина 18 апреля на Первомайской демонстрации на Марсовом поле, где Ленин говорил о значении 1 Мая и задачах русской революции.

31 мая я как член заводского комитета присутствовал на I Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов, где В. И. Ленин выступил с речью по вопросу о рабочем контроле над промышленностью⁶.

Обуховский сталелитейный завод с таким славным революционным прошлым не мог не быть в поле зрения В. И. Ленина, и вот в мае 1917 г. рабочие-обуховцы восторженно встретили В. И. Ленина на своем заводе.

Весть о прибытии Владимира Ильича быстро распространилась не только по заводу, но и в районе. Задолго до прибытия Ленина рабочие хлынули в открытые ворота завода к башенной мастерской. Конечно, всех желающих мастерская не могла вместить, даже если бы эта мастерская была в два-три раза больше.

В своем выступлении В. И. Ленин развивал основные положения Апрельских тезисов. Он говорил, что основная задача большевистской партии — это борьба за власть Советов и за перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Советы рабочих и солдатских депутатов должны установить контроль над производством и распределением продукции. Далее Владимир Ильич говорил, что война и при новом правительстве продолжает оставаться войной грабительской, империалистической, и призвал рабочих бороться против преступной войны, которую продолжает вести Временное правительство⁷.

Меньшевики и эсеры несколько раз пытались сорвать выступление В. И. Ленина.

Речь В. И. Ленина на митинге Обуховского сталелитейного завода вдохновила заводских большевиков, и все они стали под руководством А. Антонова, Г. Чижова, А. Слуцкого и З. Невского (Ф. Захарова)⁸ энергичнее готовиться к Октябрьским боям. Шире развернулась большевистская партийная работа среди рабочих завода и района. К этому нас призывала политическая обстановка.

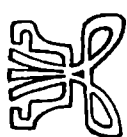
Временное правительство во главе с Керенским не думало прекращать войну. Страна была доведена до полной разрухи. Чувствуя назревание массовых политических выступлений рабочих, правительство Керенского решило провести «разгрузку» Петрограда от революционных рабочих⁹. Обуховский завод тоже намечался к эвакуации в один из приволжских городов. Шли разговоры о том, что с заводом будут направлены только квалифицированные рабочие, а чернорабочие — отправлены в армию. Не только чернорабочие, но и все обуховцы резко реагировали на такую «разгрузку».

Мне, как по линии заводского комитета, так и по поручению парторганизации, приходилось много работать среди чернорабочих завода.

8 июня 1917 г. под моим председательством состоялось заводское собрание, на котором присутствовало около 5 тысяч чернорабочих. Оно проходило в той же башенной мастерской, в которой выступал В. И. Ленин. Обсуждался вопрос о «разгрузке» Петрограда от революционных рабочих. После бурных выступлений была принята резолюция, в которой говорилось: «Собрание считает, что «разгрузка» имеет целью разгрузить Петроград от революционных рабочих. Собрание считает, что выход из тяжелого положения экономической разрухи — в регулировании и контроле всего производства государственной властью, находящейся в руках Советов рабочих и солдатских депутатов, и во введении трудовой повинности для буржуазии. В качестве практических мер собрание считает необходимым начать разгрузку города от праздношатающей публики на Невском, Морской и т. д. и вообще переход этого дела в руки центра из представителей заводских комитетов». Эта резолюция была напечатана в «Правде» 24 июня 1917 г. После июльских событий меньшевики и эсеры грозили расправой заводским большевикам, но предпринять что-либо серьезное они боялись. <...>

В. П. Виноградов

**КРАСНАЯ ГВАРДИЯ
ПЕТРОГРАДСКОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЗАВОДА**

 В мрачных заводских зданиях под грохот и стук машин создавалась великая армия вооруженного рабочего класса — Красная гвардия, которая заложила прочный фундамент Красной Армии и передала ей свой революционный дух, свою ненависть к буржуазии.

Февральская революция выдвинула форму вооружения рабочего класса в виде заводской рабочей милиции. В ней объединились наиболее активные участники революции для ее защиты в дальнейшей борьбе с ее врагами¹.

Либеральная буржуазия, к которой относим дирекцию Петроградского Металлического завода на Выборгской стороне, желая воспользоваться плодами победы рабочего класса над царизмом, не могла все-таки препятствовать созданию рабочей милиции, так как сама была заинтересована в восстановлении уличного порядка и сохранении своего собственного спокойствия.

Партийного влияния на нашу заводскую милицию в первые дни ее зарождения почти не было, а если и было, то только косвенное.

Наша заводская милиция была названа «1-м Выборгским подрайоном при Петроградском Металлическом заводе».

Построение рядов милиции было простое — по сотням, а сотни, в свою очередь, делились на десятки. Так, на нашем заводе было образовано четыре сотни и дополнительно, как особо ударная единица, была создана бое-

вая дружина. Формирование заводской милиции происходило не только из рабочих завода, но и из вольнонаемных. Из 166 человек заводской милиции в марте 1917 г. вольнонаемных и добровольно присоединившихся и зачисленных в списки заводской милиции солдат разных частей было 28 человек.

Несмотря на подъем пастроения среди рабочих заводов в первые дни победы, привлечение в милицию было недостаточное, сотни были не укомплектованы, в 1-й сотне состояло 47 человек, 2-й — 31, 3-й — 22, 4-й — 39, в боевой дружине — 14, обслуживающий комитет — из 13, а всего состояло 166 человек.

Помещалась милиция в особняке с громадным парком. Это была двухэтажная дача Дурново². В нижнем этаже помещалась федерация анархистов, а в верхнем наша заводская милиция.

Через несколько дней после формирования нашей заводской милиции встал вопрос об источнике оплаты милиционерам за время их службы. Так как милиция возникла для поддержания общественного порядка в районе завода и т. д., а вошли в нее большинство из рабочих, то необходимо было разрешить вопрос, кто же будет выплачивать жалованье. По мнению рабочих-милиционеров, единственными плательщиками в то время могли быть только предприниматели завода. Для этого потребовалось написать от заводского комитета отношение, в котором говорилось:

«Сим сообщаем заводууправлению, что милиционеров надлежит оплачивать по 15 марта с. г. по среднему заработку каждого рабочего, а с 15 марта по 1 апреля с. г. по 1 рублю в час, считая 8 часов в сутки».

Со стороны заводууправления, к нашему удивлению, к оплате милиционеров-рабочих особых возражений не встретилось, но вместе с тем завод, не желая, вероятно, нести расходы за свой счет по непредвиденной статье, поставил этот вопрос в Петроградском обществе заводчиков и фабрикантов. Это же «достопочтенное» учреждение в свою очередь переадресовало дело в Петроградское городское общественное управление. В письме говорилось, что в настоящее время многие рабочие петроградских фабрик и заводов несут обязанности милиционеров на городской территории по охране как вообще населения, так, между прочим, и заводов и фабрик, причем за полную неурегулированностью вопроса об оплате труда этих милиционеров и под давлением рабочих фаб-

рики и заводы решили оплачивать их временно за свой счет по 1 (14) апреля 1917 г.

Согласие оплачивать по 1 апреля для милиции имело цену очень небольшую, так как в заявлении говорилось, что оплату приходится производить под давлением рабочих. Поскольку под давлением за апрель выплатили, то и за май уплатят,— так рассуждали милиционеры. Кроме того, было выставлено также требование повысить с марта ставку дневной оплаты с 8 до 12 рублей.

Пришло время получения майского жалования, была предъявлена ведомость на 86 человек, заводоуправление оплатило по 12 рублей, но не с 1 (14) марта, а только за май. Узнали рабочие о повышенной оплате за май Металлическим заводом и тоже, в свою очередь, предъявили требование своей администрации об оплате в повышенном размере, указывая, как на прецедент, на Металлический завод. Рабочие выиграли дело.

Соседние заводоуправления, обескураженные событиями на Металлическом заводе, подали жалобу на действия его администрации в районное совещание Общества заводчиков и фабрикантов Выборгской стороны, где этому делу были посвящены три заседания...

Один из пунктов протокола такого заседания в начале июня за № 21 гласит следующее:

«С л у ш а л и о милиции:

Представители от заводов Меднопрокатного и «Феникс» сообщают, что ввиду того, что Металлический завод не подчинился постановлению районного совещания и доплатил за прежнее время милиционерам, которые были на службе города, этим заводам в силу местных условий также пришлось произвести эту доплату.

П о с т а н о в и л и: Принимая во внимание, что Металлический завод не подчиняется общим решениям района уже не в первый раз, просить председателя Совета отделения возбудить в Совете Об-ва зав. и фаб. вопрос о применении к Металлическому заводу каких-либо карательных мер».

Не подлежит никакому сомнению, что администрация Петроградского Металлического завода сделала маленький прорыв единого фронта в области оплаты, но из этого никоим образом не следует понимать, что администрация Металлического завода покровительствовала рабочей милиции. Она, как нам известно, не раз уже пыталась как-либо отделаться от нависшей на ее бюджете тяжести, и ясно также и то, что высшее командование петро-

градской общегородской милиции никоим образом не содействовало развитию заводской милиции, а всецело хотело ликвидировать ее как существующую параллельно с городской милицией.

Рабочая милиция была предоставлена самой себе. Из нижеприводимого письма особенно ярко рисуется отношение к заводской милиции как со стороны предпринимателей, так и представителей города:

Петроград, 24 мая 1917 г.

В Обществе заводчиков и фабрикантов. Здесь.

Заводская (из рабочих заводов) милиция предъявила требование заводам: напр., Металлическому, «Феникс», Меднопрокатному и Арматурно-электрическому об уплате каждому милиционеру с марта месяца по 12 руб. в день вместо 8 руб., как уже было уплачено. Названные заводы на собрании 23-го сего мая постановили посетить по этому делу начальника городской милиции Крыжановского³ с целью узнать его мнение и получить указания, как реагировать на это требование городской милиции.

Посещение начальника милиции было возложено на представителей заводов: «Феникс» и Меднопрокатного.

Сегодня, собравшись вторично, был заслушан доклад о посещении г. Крыжановского, которым было высказано следующее: «Существование заводской (рабочей) милиции⁴, — по его мнению, — совершенно недопустимо, ибо это является какой-то особой организацией, не предусмотренной положением о милиции; в городе должна быть одна милиция — городская, на обязанности коей лежит внешняя охрана всех жителей, а равно фабрик и заводов.

Оплату заводской милиции город не может принять на себя, и если заводы желают оплачивать особую заводскую милицию, то могут оплачивать за свой счет». Вместе с этим он сказал, что с первого июня с. г. будет произведена реорганизация милиции, причем заводская милиция будет совершенно изъята.

Вышеозначенные представители просили г. Крыжановского дать им письменное указание о недопустимости в дальнейшем существо-

вания заводской милиции, но получили отказ.

На сегодняшнем собрании было вынесено решение, что за март и апрель месяц никаких доплат не производить, а за май месяц уплатить по 12 руб. в день за милиционера, причем указать заводской милиции, что существование особой заводской милиции является излишним.

Вместе с этим было принято сообщить вышеизложенное «Совету Общества заводчиков и фабрикантов» и просить Совет, ввиду перехода милиции с 1 июня с. г. в ведение города, неотложно войти с представлением к г. Городскому голове о недопустимости особой заводской милиции и совершенном изъятии этого института, а также освободить заводы от оплаты каких бы то ни было милиционеров, если только на установление особых постов для охраны заводов не последовало особого ходатайства от самих заводов: устанавливаемые в этом случае особые посты должны содержаться за счет фабрик и заводов, и содержание их оплачивается Городскому управлению по действительной стоимости.

Упр. Петр. Металлическим заводом *Панков*.

Итак, после долгих мытарств заводской милиции было, в результате, отказано в уплате жалованья из средств заводов, в силу чего та часть рабочих, которая хотела оставаться в милиции, должна была подчиниться Петроградскому городскому управлению и войти в состав ее, остальная же часть — наиболее сознательные рабочие, не желая терять связь с заводом, не могли иначе поступить, как выйти из рядов милиции и вернуться снова к своим станкам. В то время рабочие-милиционеры говорили, что народная милиция сменяется милицией интеллигентов.

Можно с уверенностью сказать, что заключительным аккордом в деле дезорганизации заводской милиции был циркуляр начальника Петроградской городской милиции от 19 июня за № 84, который буквально ставил заводскую милицию вне всяких прав. Этот документ гласит:

Вследствие обращений заводууправлений в Управление милиции к Городскому общественному Управлению с требованиями об оплате произведенных ими расходов по милиции, каковые требования остаются без удовлетво-

рения, Управление милиции подтверждает, что оплата труда всех милиционеров производится Управлением милиции из средств Городского общественного управления; постановления же собраний милиционеров об оплате вознаграждения за несение службы отдельными предприятиями как незаконные комиссариатом ни в коем случае санкционироваться не должны.

Начальник милиции *Д. Крыжановский*.

Этим документом предприниматели воспользовались в своих интересах и все требования милиционеров направляли с отказом в Управление милиции. Таким образом, в силу зажима как со стороны заводууправления, так и со стороны городского общественного управления, заводская рабочая милиция как организация к началу июля 1917 г. перестала формально существовать. На заводе же остался ценный боевой кадр рабочих, а также осталась большая часть винтовок, которые хранились при заводском комитете.

С этим вооружением и с частью оставшегося кадра милиции начала создаваться Красная гвардия Металлического завода.

Очень трудно в настоящее время установить какую-либо официальную дату зарождения Красной гвардии на нашем заводе. Ее зарождению способствовал целый ряд событий, разыгравшихся на глазах самих рабочих.

В тот период, когда заводская милиция находилась в состоянии, близком к ликвидации, в доме, где она помещалась, т. е. на даче Дурново, произошло следующее:

В ночь с 7(20) на 8(21) июня 1917 г. Временное правительство приказало юнкерам очистить захваченную дачу Дурново от анархистов, для которых это помещение служило не только местом собраний, но и общежитием. Первым требованием прибывших военных частей было предъявлено также требование и милиции не только очистить помещение, но и оказать содействие выселению анархистов. Заводская милиция из помещения вышла, но выселять анархистов отказалась, после чего юнкера предложили анархистам через несколько минут очистить помещение. Анархисты в данный им срок из помещения не вышли и очистить дачу отказались, тогда к ним была применена грубая военная сила, причем был убит анархист Асниц, остальные были арестованы⁵.

Придя на завод, рабочие узнали о случившемся на даче Дурново и, не приступая к работе, устроили во дво-

ре завода общее собрание, на котором был поставлен на обсуждение вопрос об отношении рабочих к распоряжению Временного правительства об освобождении дачи и о происшедшем случае убийства. Собрание было весьма бурное, настроение приподнятое; выступали исключительно большевики, анархисты и максималисты и клеймили позором Временное правительство и поддерживающие его правые партии. Собрание закончилось в 11 часов утра.

Выбрали комиссию, поручив все дело расследовать и доложить о результатах общему собранию.

В два часа дня того же 8(21) июня было созвано вторичное общее собрание рабочих, на котором были сообщены результаты работы комиссии, и была принята резолюция, после которой завод забастовал, сняв как дневную, так и ночную смену. Необходимо отметить, что остатки заводской милиции в то время являлись единственной вооруженной силой, которой располагали рабочие завода.

Заводская рабочая милиция после этого случая переехала в стены завода и поселилась рядом с заводским комитетом в так называемом «китайском дворце»*, перестав официально существовать, но фактически от этого ее существование не прекратилось⁶. <...>

---

* Помещение это получило название «китайского дворца» благодаря тому, что во время войны на заводе работали чернорабочие китайцы, которым было отведено это помещение для отдыха после работы. (Прим. В. П. Виноградова.)

А. Е. Хохряков

ИЗ ЖИЗНИ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА В 1917 ГОДУ

 Для того чтобы понять, какая громадная и ответственная роль выпала на долю петроградского гарнизона в дни Октября, достаточно установить следующие три момента:

1. Петроградский гарнизон непосредственно «творил» революцию. Отдельные его войсковые части прочно связали свое имя с той или иной страницей этих исторических дней.

2. Петроградский гарнизон и по своему официальному положению (войска столицы), и по своей численности¹, и, самое главное, по своей организованности, по связи своей с военной организацией при ЦК РСДРП(б) был и оставался все время, начиная с февраля и до объявления демобилизации, примером для войсковых частей всей России.

3. Расположенный в красном Петрограде гарнизон отсюда, с тыла, давил линией своего поведения на фронт.

Только имея в тылу революционный гарнизон, могли быть спокойны за участь революции войска на фронте.

Все эти отдельные стороны вопроса полны громадного интереса для истории Октябрьских дней 1917 года.

1. В Гренадерском полку

Гренадерский полк², по справедливости, считался одним из самых большевистских полков бывшего петроградского гарнизона. Естественно поэтому, что части

полка неизменно принимали участие во всех значительных событиях дня.

Демонстрации 18 июня, июльская, охрана дворца Кшесинской, где помещался Петербургский комитет большевиков и Военная организация большевиков, охрана Петропавловской крепости — все это те страницы истории, где бесценно встречается Гренадерский полк [запасной батальон].

Такая роль полка определяется тем, что здесь с первых же дней Февральской революции была налажена самая тесная и живая связь с Военной организацией при ЦК РСДРП(б).

Здесь членом полкового комитета работал один из членов Петербургского комитета РСДРП и Военной организации солдат Мехоношин. В действующем Гренадерском полку на фронте работал большевик штабс-капитан Гинтовт-Дзевалтовский. Число сторонников у них обоих непрерывно росло, и когда автор этих строк в марте 1917 года вступил в Гренадерский полк, то из всех рот и команд полка уже заметно выделялась своим влиянием 4-я (большевистская) рота³.

Именно здесь были самые ожесточенные споры на тему: к чему война, нужно ли продолжать ее, кто ее виновник и т. д. Здесь же необычайно остро для того времени ставились и общие вопросы. Точно спала какая-то пелена с солдатских глаз, и правда предстала перед ними во всей своей ужасающей наготы.

Особенно поражали солдат и находили в их среде самый горячий отклик контрасты жизни тогдашнего Петрограда.

Помню, как однажды горячий спор закипел по поводу Гостиного двора.

Несколько солдат, вернувшись из города, возмущенно рассказывали, что Невский полон расфранченной публикой, Гостиный торгует всюю: всюду мародеры тыла, их жены и содержанки, и всюду автомобили, духи, кружева, наряды и смех... Слишком много смеху...

Как будто нет фронта, нет миллионов калек и убитых; как будто нет безработных и голодных. Как будто не было и революции... Солдаты раздраженно указывали, что в деревне нет керосина, мыла, нет гвоздей и соли, и шли прямым путем:

— Неужели мы делали революцию, чтобы герои тыла по-прежнему купались в довольстве, а крестьяне и рабочие по-прежнему гнили и гибли в окопах?!

Почва в Гренадерском полку была прекрасно подготовлена. Лозунги военной организации большевиков ждали только момента, чтобы быть претворенными в жизнь.

В деле развития среди солдат критического отношения к действительности и указания выхода из февральского тупика играла роль и близость казарм от дворца Кшесинской, где помещалась Военная организация.

Имя Ленина с первых же дней его прибытия в Петроград стало для гренадер живым символом.

Имя это знаменовало подлинную пролетарскую революцию и безжалостно ставило крест над Керенским, над его «постольку-поскольку»⁴, над всей шумихой фраз и лозунгов, которыми пытались прикрыться коалиционные министры.

Солдаты нутром чувствовали, что из дворца Кшесинской дует грозный, но живительный ветер, и толпами шли туда; ловили каждое слово Ленина и несли его в казармы.

Здесь они были почти полностью предоставлены самим себе.

Офицерство не играло в их жизни никакой, сколько-нибудь заметной, роли.

Солдатам приходилось самим строить свои организации и в них искать ответа на наболевшие вопросы.

2. Совет крестьянских депутатов от петроградского гарнизона

Одной из таких организаций для всех солдат петроградского гарнизона был возникший в конце весны Совет крестьянских депутатов от петроградского гарнизона⁵.

Солдаты ни на минуту не забывали, что они прежде всего в большинстве крестьяне, что военная служба только эпизод в жизни каждого из них, и поэтому, когда образовался Совет рабочих и солдатских депутатов, они живо почувствовали, что здесь нет необходимой полноты — нет Совета крестьянских депутатов. Эта законная потребность крестьян в серых шинелях и нашла себе разрешение в образовании особого Совета крестьянских депутатов от петроградского гарнизона. Депутатами здесь были избранники отдельных войсковых частей, кажется, по два человека от каждой роты и команды.

Совет собирался и работал в особом помещении (угол

бывшего Каменноостровского и Большого проспектов на Петроградской стороне).

Одним из вопросов, сильно волновавших в то время петроградский гарнизон, был вопрос о земельных сделках⁶. Газеты сообщали, что, боясь отобрания земель, многие помещики продавали свои имения иностранцам на случай, чтобы Учредительное собрание было впоследствии бессильно отобрать продажную землю. Сделки чаще всего были фиктивными; продавали имения подставным лицам, лишь бы они были иностранцами. «Продавали» боянам, учителям, управляющим и т. д.

Солдаты волновались, обсуждали вопрос по своим частям и в Совете крестьянских депутатов и, наконец, решили послать особую делегацию к председателю Совета министров Керенскому с требованием прекращения сделок на землю вообще.

Была избрана делегация из восьми — десяти членов Совета крестьянских депутатов от петроградского гарнизона и отправлена в Мариинский дворец к Керенскому.

Передать требование Совета и настаивать на получении немедленного согласия должен был пишущий эти строки, как один из членов Совета.

Керенский встретил делегацию крайне холодно, почти враждебно и, едва дослушав, резко оборвал: «Требований здесь быть не может, Совет крестьянских депутатов от петроградского гарнизона не может ничего предписывать правительству... Я передам этот вопрос министру земледелия, где вы и получите справку...»

Крутой поворот на каблуках, с ловкостью почти военного человека, и Керенский ушел бы, но вдруг из среды депутатов выступил один солдат и резко обратился к Керенскому:

— Насчет земли-то мы разберемся... Найдем концы. А вот странно, что вы, эсер, и принимаете как революционный министр в зале, где со всех сторон цари глядят... Спать бы их пора... А то противно...

Дело в том, что прием происходил в одной из зал Мариинского дворца, стены которой действительно были почти сплошь завешаны портретами бывших царей и их семейств. Керенский скопфузился, весь побагровел и как-то точно осел сразу.

С заискивающей улыбкой он обещал: «Да, да! Надо затянуть холстом или вынести. Да, да! Завтра же», — и торопливо стал за руку прощаться с делегацией.

3. Митинг солдат

Это было вскоре после прибытия в Россию Ленина, в период самой ожесточенной травли большевиков.

Полковой комитет решил созвать митинг с участием представителей всех партий и членов правительства, чтобы в живом обмене мнений возможно рельефнее обнаружилось разногласия, так волновавшие солдат полка.

От большевиков обещал приехать Ленин.

После речи Л. Г. Дейча⁷ собрание стало настойчиво требовать:

— Ленина! Ленина!

Между тем из дворца Кшесинской сообщили, что Ленин нездоров и приехать никак не может.

Этим воспользовались враги большевиков, и поднялся невообразимый шум:

— Конечно! Еще бы!

— Да он и не приедет. Шпионы немецкие!

— Приехали в запломбированных вагонах. Нарочно их прислал Вильгельм. Получили 20 миллионов марок.— И т. д.⁸

Митингу грозил срыв. Слушать бывших налицо представителей партии большевиков нечего было и думать.

Ораторы других партий довольно потирали руки.

До глубины души был возмущен Л. Г. Дейч.

— Это безобразие. Клевета на Ленина. Это нечестная борьба.

— Идите и объясните им историю приезда Ленина и роль Временного правительства,— обратился Дейч ко мне как председателю митинга.

— Я выступил бы сам,— прибавил он,— но мне плохо.

Действительно, с Л. Г. Дейчем сделался обморок.

Вооружившись наскоро газетами, где в то время большевики объясняли историю своего возвращения через Германию, я взял слово.

Шум стих.

Чувствовалось, что митинг ловит каждое слово и потому, что речь шла о бесконечно дорогом уже многим из этой солдатской массы — речь шла о Ленине.

По окончании митинга ко мне как председателю подходили отдельные группы, и смысл их заявлений был трогательно благородным.

— Мы можем не соглашаться с Лениным; может быть, мы не пойдем за ним, но клеветать подло. Нечестно это.

И тут же раздумчиво добавляли:

— А здорово он объясняет. Жаль, что не приехал. Разделал бы он всех этих ораторов. Как вчера говорил с балкона о диктатуре пролетариата! Куда этим... Жаль, что не приехал, из-за него-то больше и пришли мы...

4. Вопрос о выводе революционных войск из Петрограда

Позиция, занятая петроградским гарнизоном после 27 февраля, политическая непримиримость солдат и все возрастающее влияние на них партии большевиков — в лице, главным образом, Военной организации большевиков — все это не могло не беспокоить Временное правительство и лидеров других политических партий.

Для всех было ясно: для того, чтобы обессилить питерский пролетариат, надо убрать из Петрограда революционные войска. Надо заменить их войсками с фронта, иначе говоря, верными частями, и только тогда должно было наступить умиротворение.

Первоначально вопрос этот был поднят на общегарнизонном собрании 17 апреля 1917 года под видом вопроса «о реорганизации гарнизона»⁹. И на этом же первом заседании представитель Волинского полка жаловался: «У нас идет большая убыль тех людей, которые были с нами 28 февраля».

Позже вопрос ставился все с большей откровенностью. О выводе революционных войск говорилось так настойчиво, что пришлось заключить особый «договор» с Временным правительством о невыводе войск из Петрограда¹⁰.

Вопрос этот, конечно, живо интересовал солдатские массы и имел то громадное значение, что при обсуждении его солдатам приходилось конкретно сталкиваться с общими вопросами политики.

На собраниях, посвященных именно этому вопросу, солдаты впервые сталкивались с понятием контрреволюции, с замыслами Корнилова; впервые здесь ставились вопросы о конечных целях революции; каждое собрание, посвященное этому вопросу, неизбежно сталкивалось с вопросом об общей политике Временного правительства, о призывах большевиков. Отсюда также естественно и неизбежно собрание переходило к вопросу о войне.

— Кому нужна война? Нужно ли ее продолжать? Из-за чего возникла война? — И т. д. И это в каждой части,

во всех запасных батальонах Петрограда, в Кронштадте и у моряков.

И всюду неустанно работала Военная организация большевиков.

В ряде полков были особые ячейки, в других местах отдельные лица, но живая связь Военной организации с каждой значительной воинской частью почти неизбежно имелаась налицо и должна была приводить в отчаяние Временное правительство.

Вывести войска из Петрограда нужно, но сделать это втихомолку, без обсуждения, никак нельзя. А обсуждать вопрос — значит снова говорить о политике Временного правительства и снова отражать нападки и разоблачения Военной организации.

Получался своего рода заколдованный круг.

Но для солдат гарнизона это было, несомненно, полезно: их политический горизонт расширялся. На вопросе, так близко касавшемся их лично, они учились разбираться и в общих вопросах политической жизни страны.

5. После Тарнополя

Другим вопросом, столь же горячо волновавшим солдатские массы, но уже местного значения, вопросом в первую очередь только Гренадерского полка, было обсуждение положения, создавшегося на фронте после Тарнополя.

Как известно, действовавший на фронте Гренадерский полк отошел с линии фронта, создав нашумевший в свое время «прорыв фронта у Тарнополя»¹¹.

Отход этот был поставлен в теснейшую связь с успехом большевистской пропаганды, а так как вопрос шел о «спасении России», то «патриоты» решили использовать этот момент всюю.

Действовавший на фронте полк был, по словам делегата полка Жерякова, 24 июня окружен казаками, конницей и артиллерией; ротные и полковые комитеты были уведены казаками неизвестно куда. Комиссар Временного правительства Кириенко по готовым спискам вызвал из полка свыше 100 большевиков; их увели тоже неизвестно куда (позже большинство арестованных очутилось в Каменец-Подольской тюрьме, а самое «дело» окончилось, как известно, тем, что инициатор отхода капитан Дзевалтовский¹² в первых числах октября был судим и оправдан).

Над запасным Гренадерским батальоном в Петрограде нависла угроза расформирования. От него требовали отречения от тарнопольцев, которых, как водится, предлагали немедленно заклеить презрением и т. п.

Но в это же время приехали делегаты с фронта, и картина сразу резко изменилась.

Делегат Кременков с особым ударением подчеркивал, что полк не отказался переходить в наступление вообще, а не хотел только наступать по призыву Керенского как члена Временного правительства. Делегация утверждала, что если бы власть страны перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, они пошли бы в наступление как один, если бы их к тому призвали Советы.

А 26 июня собранию батальона были доложены тезисы, принятые действовавшим на фронте полком.

Они сводились к следующему:

1) Гренадерский полк в действующей армии отказывается в доверии Временному правительству и требует перехода всей власти к Советам рабочих и солдатских депутатов;

2) отказ от наступления, начатого Керенским;

3) исполнительный комитет, как видно, перешел на сторону капиталистов;

4) министры-социалисты — не социалисты больше, а капиталисты, буржуи и т. д.

Все это обсуждалось не только на собраниях батальонов или в полковом комитете, но шло дальше и глубже.

Делегаты с фронта расходились по ротам и командам, шли в другие полки, ехали в Кронштадт и в казармы к матросам. Запасный батальон из Петрограда откликнулся своему полку на фронте двумя постановлениями.

10 июня он принял резолюцию, где, между прочим, говорилось:

«Мы считаем, что правительство, состоящее в большинстве из буржуазии, только задерживает дальнейшее успешное развитие революции и мешает правильному и скорому разрешению вопроса о мире.

Вся власть народу, вся власть Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Только тогда свобода наша.

Только тогда может наступить конец войны.

Предлагаем товарищам солдатам других частей, крестьянам и рабочим всей России присоединиться в свою очередь к нашей резолюции, встать стойко на защи-

ту Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, требовать перехода всей власти к Советам».

Что же касается до отношения к действовавшему полку, в связи с обнажением им фронта под Тарнополем, то было решено послать туда особую, свою, солдатскую комиссию для расследования.

Причем в связи с докладом делегатов о том, что на фронте в третью линию окопов нашего действующего полка были посажены чехи, наши же пленные, вооруженные теперь, чтобы расстреливать первые две линии в случае их колебания,— особо обращалось внимание комиссии на то, что если бы даже фактически этого и не было, то знаменательно самое появление такой версии и вера солдат в то, что так могло быть.

Запасной батальон кипел. Доверие к Временному правительству было окончательно подорвано.

В обсуждение политических вопросов втягивались на почве этих чисто солдатских интересов все солдаты полка, даже наиболее отсталые и безразличные вообще.

И чувствовалось, что если ударит грозный час испытания, Временное правительство не встретит среди гренадер не только поддержки, но не увидит от них и пощады.

Живительный ветер дворца Кшесинской, связь с Военной организацией большевиков, выступления на полковых митингах Н. В. Крыленко, [П. В.] Дашкевича, В. И. Невского и бесхитростные, но полные огня речи делегатов с фронта (Бакулина, Жерякова, Кременкова и др.) — все это делало свою работу, и гвардии Гренадерский запасной батальон должен, по справедливости, войти в историю Октябрьских дней как одна из наиболее большевистских частей гарнизона.

А. П. Кучкин
**НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ
КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ**

 Это было через два месяца после свержения царизма. Я был делегатом I Всероссийского съезда крестьянских депутатов от военных гарнизонов Вятской и Пермской губерний.

Мне, человеку из глухой провинции, не видевшему крупных городов, Петроград показался гигантом. Машины, трамваи, ломовики, пролетки, тележки... Люди, люди без конца... И все куда-то спешат. Вися на подножке трамвая, я доехал до Народного дома, где должен был работать съезд. Сквозь сеть часовых и потоком льющихся взад и вперед по лестницам и коридорам людей я пробрался до комнатки, на двери которой было написано: «Здесь помещается фракция социал-демократов большевиков».

Еще до открытия съезда выяснилась его политическая физиономия. В кулуарах, где бойко продавалась и раздавалась литература, шли схватки. Максималисты и анархисты¹ грызлись с эсерами, трудовики² с кадетами. Со всеми спорили большевики; их окружали жадно вслушивавшиеся в спор крестьяне, которым хотелось понять, кто же такие большевики. Большевистские листовки, газеты, брошюры крестьяне разбирали весьма охотно: в их руках всегда можно было увидеть «Правду», «Солдатскую правду», в которой было напечатано «Открытое письмо к делегатам Всероссийского съезда крестьянских депутатов», написанное В. И. Лениным 7(20) мая 1917 года и опубликованное за его подписью 11(24) мая³.

На съезде немало было делегатов от интеллигенции; среди них преобладали кооператоры и военные, много офицеров.

Господствующее политическое течение — эсеровское, с различными оттенками: правые, левые, центр левый, центр правый. Большевиков на тысячу с лишним делегатов — всего два десятка с небольшим.

Наступило 4(17) мая — день открытия съезда⁴. С раннего утра места в зале заняты делегатами. В ожидании открытия все уткнулись в пахнущие краской свежие номера газет. В руках каждого делегата — пачка газет различного направления.

Долго пришлось ждать открытия. Заправила съезда появились за столом президиума, пошушукались, а потом исчезли. Но вот съезд открыт. Во главе его президиума, словно вождь клана, — эсер Авксентьев⁵ со своей патриаршей бородой. Речь его была тягучей и нудной. Казалось, что на трибуне стоит старообрядческий начетчик.

Большинство делегатов заранее было распропагандировано и подготовлено эсерами к поддержке коалиционного Временного правительства. По простоте душевной делегаты думали, что если есть в правительстве несколько так называемых «социалистов», то власть находится чуть ли не в руках самого крестьянства. Они еще не знали, что эти «социалисты» были в плену у буржуазии. Выступавшим министрам-«социалистам» устраивались овации.

Лидеры эсеров были довольны: в крестьянском съезде они видели противовес Советам рабочих и солдатских депутатов.

Особенно жгучим вопросом на съезде был вопрос о войне. Эсеры высказались за то, чтобы продолжать ее «до победного конца». Крестьянам, особенно солдатам, страшно надоела война. Им по душе были большевистские лозунги: «Долой войну!», «Немедленный мир через головы правительств воюющих держав!», но кто такие большевики, которых так поносили эсеры, в этом большинство делегатов не разобралось. Да тут еще, как на грех, прибыли и выступили с приветствиями иностранные «социалисты» — Тома, Вандервельде и другие⁶. Говорили они «от имени пролетариата». Они уверяли съезд, будто рабочие и крестьяне Англии, Франции, Бельгии хотят войны для разгрома немцев, чтоб получить затем «вечный мир». И съезд принял предложен-

ную ему эсерами резолюцию о войне «до победного конца».

Особенно остро волновал крестьян вопрос о земле. Эсеры выпустили лучших своих ораторов, и те умоляли крестьян не следовать призывам большевиков о немедленном захвате помещичьих земель, ибо это-де грозит крестьянской междоусобицей, кровопролитием, чем, мол, воспользуется контрреволюция, чтобы вернуть старый режим. Земельные комитеты⁷ на местах нужны, спору нет, но они должны быть разбавлены «сведущими людьми»,— это прежде всего. Затем они должны взять на учет и под контроль все земли. И только. Ни в коем случае не посягать на помещичью земельную собственность! Придет время, соберется «хозяин земли русской» — Учредительное собрание, и тогда решится вопрос о земле.

Нам, немногочисленной большевистской фракции, приходилось довольно трудно⁸. Не помню, велись ли протоколы заседаний фракции. Да и заседаний-то, как они понимаются, не было. Собирались, обменивались мнениями на ходу. Члены фракции теоретически были слабо развиты. Между тем от ее поведения на съезде зависело многое. Ленин горячо интересовался работой фракции и несколько раз приходил к нам. Той улыбки, которую я видел у Ленина после октябрьского переворота, тогда у него не было. На лице его лежала печать заботы, деловитости, спешки. Он всегда спешил и просил, чтоб его долго не задерживали.

Однажды фракция пригласила Ленина с просьбой, чтобы он дал ответы на ряд вопросов. Вопросы эти возникли в ходе работ съезда и в связи с «Открытым письмом» Ленина. Все, что нас смущало и что было непонятным, мы кратко сформулировали и изложили на бумаге. Когда пришел В. И. Ленин, ему подали этот вопросник.

— Вы сами читайте мне каждый вопрос отдельно, а я буду отвечать,— сказал он, возвращая листок и опустившись на стул.

Мы все были радостно удивлены тем, как кратки, понятны, просты были ответы Ленина. В пять минут он покончил с вопросником. Ни одного лишнего слова! Ответил, поднялся, кивнул на прощание головой и удалился. Нам стало стыдно: как это мы не понимали до сих пор таких простых положений? Из-за таких пустяков тревожили вождя!

22 мая (4 июня) В. И. Ленин выступил на съезде от имени нашей фракции с речью по аграрному вопросу⁹.

Стоявший в зале шум сразу стих, когда председатель известил, кому предоставляется слово. Откуда-то из-за президиума выдвинулась вперед фигура Владимира Ильича. Из кармана извлечены часы и зажаты в левой руке: чтоб не проговорить ни одной лишней минуты.

Только-только прозвучал мягкой картавостью приятный, сильный, немного гортанный голос Ленина, как с правой стороны зала закричали:

— На каком основании Ленину дается слово? Ведь он не делегат съезда! Не давать ему слова!

В зале поднялся ропот, гул. Председатель разъяснил злопыхателям, что Ленин выступает от имени фракции большевиков, что фракция вправе выставить докладчиком и не делегата.

Шум стих. Ленин продолжал речь.

Вначале с правых скамей слышались реплики. Но потом их не стало слышно. Делегаты, особенно крестьяне, напряженно всматривались в лицо и жесты Ленина. А он расхаживал на возвышении взад и вперед, голос его звучал сильно, его слова, четкие и ясные, были всем понятны.

Кончил Ленин речь — и раздалась дружная овация большинства съезда. Это было неожиданно даже для многих аплодирующих: так их захватила речь Владимира Ильича ¹⁰.

Г. Трусова

**КАК ВЫБОРЫ В РАЙОННУЮ ДУМУ
СДЕЛАЛИ МЕНЯ БОЛЬШЕВИЧКОЙ ***

Накануне выборов я получила из домового комитета семь списков кандидатов в местную районную думу; все они были под номерами и с печатью.

Пришла я домой на квартиру, на кухню, где жила, разложила списки на столе и стала их рассматривать. Прочитала удостоверение, на котором было написано мое имя, отчество и фамилия, а также и правила, поняла, что нужно подать этот конверт с одним каким-нибудь списком.

Но какой из семи списков должна я подать? Это для меня было неразрешимой и непонятной загадкой.

Хоть я и грамотна, но, к сожалению, не имела никакого понятия о партиях. Какая из них лучше?!

Я выросла у самостоятельных родителей, жила беспечно и беззаботно, думала только, как бы повеселиться да погулять. Замуж вышла. Муж получал хорошее жалованье, жила, не имея ни в чем недостатка и не испытывая нужды.

Но война положила этому конец. Мужа взяли на войну, он там и погиб, я осталась одна с малым ребенком. Вот теперь-то нужда схватила меня за горло, и мне пришлось пойти работать на завод. Зарабатывала жалкие гроши, жилось очень тяжело.

Уходя на работу, я оставляла ребенка почти без всякого надзора. Заболел мой Коленька и умер, и осталась

---

* В подлиннике: социал-демократкой.

я совершенно одна, жила на кухне в темном углу. Так и застали меня выборы в районную думу. Я сидела и рассматривала списки, не зная, какой из них выбрать и положить в конверт.

В квартире обратиться я ни к кому не могла, квартира была занята солдатками, такими же ничего не понимающими о партиях, как и я, они сами спрашивали одна у другой:

— Марья, а Марья, пойдешь подавать эти листки или нет? — говорила одна.

— А почему я знаю, какие подавать, — отвечала другая, — мое дело бабье, я не знаю, для чего это и на что, прежде нас никогда не спрашивали.

— Прежде-то, понимаешь, выбирали купцы купцов, а господа господ, а нас в сторонку, — не ваше, мол, дело, беднота захудалая, — а теперь и мы можем посылать своих людей в думу...

— А почему я знаю, на каком листе написаны наши и на каком — господа? Пусть выбирают, кто знает, а мое дело бабье, я не пойду.

Слушая все эти разговоры, я почему-то не сочувствовала им в душе и решила непременно принять участие в выборах и разузнать, какие списки наши, какой подавать, но от кого узнать — не знала.

Я положила все списки в кучку, сунула под подушку, а сама взяла бутылку и пошла за керосином. На улице собралась большая толпа народу, люди о чем-то шумно разговаривали и кричали.

И я подошла к ним послушать, о чем они так горячо спорят, а главное, я думала, не услышу ли чего о тех списках, что у меня были под подушкой. Мои думы оправдались, я услышала, что они спорят между собой за подачу двух списков, за номер первый и шестой.

Один мужчина говорил, что нужно голосовать за шестой, потому что эти люди, как прежде, так и теперь, стойко борются с буржуазией без всяких уступок и снисхождений. А другой возражал, что лучше голосовать за номер первый, так как эта партия боролась за свободу, не щадя своей жизни.

Хоть и хотелось послушать, что будут говорить дальше, но скоро должны были закрыться лавки, и я ушла. В лавке толковали опять про то же.

— Так ты мне, батюшка, советуешь подать листок номер первый? — спрашивала приказчика одна женщина.

— Да, тетенька, номер первый и подавай,— ответил приказчик.

В это время входит в магазин мужчина с черной бородой, останавливается посреди магазина и говорит:

— Здравствуйте!

А приказчик продолжает:

— Потому что эта партия — социалисты-революционеры, с давних времен боролись и жертвовали своей жизнью за свободу и благо народа.

— А шестой номер — это, бабушка, большевики-ленинцы, которых теперь никто не любит,— объяснял приказчик.

— А чем вы можете доказать, что лучше и полезнее для народа голосовать за первый номер, а не за шестой? — вмешалась в разговор борода.

Я насторожилась, старуха — тоже.

— А тем, товарищ, что эта партия боролась, жертвуя своей жизнью, гибла на виселице.

— А социал-демократы большевики разве не гибли, разве они мало жертв принесли в борьбе для блага народа? — возразил чернобородый. — Кто, бросая дорогую родину, гонимый и преследуемый царским правительством, эмигрировал и бежал за границу, кто наполнял сибирские и другие каторжные тюрьмы, кто томился в ссылке, в сибирской тайге, в Архангельской губернии, кто умирал в тюрьмах и в каторге, кого хватало и арестовывало царское правительство, судило за принадлежность к СДРП, отправляло в каторжные работы, кто терпел издевательства, истязания, побои и расправы и умирал в тюрьмах? Их как прежде не любило правительство и буржуазия и гнало за их стойкость в борьбе, так и теперь то же самое — не любят.

— Так-то так, товарищ, я с вами согласен,— мягче заговорил приказчик,— и большевики много принесли жертв в борьбе за свободу, это верно, только социалисты-революционеры насчет земельки крестьянам...

— А что у них особенного насчет земельки? Почитайте программу СДРП, она требует отобрать все земли — кабинетские, удельные, помещичьи, монастырские и другие — и отдать крестьянам без всякой платы, а ваши соц-революционеры склоняются к тому, чтобы землю отобрать по законной оценке, значит за плату¹. Вот почему большевиков и ненавидят буржуазные классы, потому что они без всякого снисхождения с ними борются. И я уверен, что большевики и в районных думах

будут стойко бороться с домовладельцами, купцами и всей буржуазией за улучшение положения беднейшего класса.

— О, господи, не поймешь, какая партия лучше! — вздохнув, сказала женщина.

Мальчик налил керосин, и я медленно вышла на шумную улицу.

Я издали заметила, что навстречу мне идет наша заводская работница, которая у нас считалась сознательной, и я подумала, что вот она верно знает, какой список нужно положить в конверт и за кого голосовать. Хоть теперь и было мне немного понятно, но все же я решила с ней посоветоваться.

— Здравствуй, Таня!

— Здравствуй, товарищ,— ответила она.

И так как я раньше никогда с ней не разговаривала, она прошла было мимо меня. Но я ее остановила:

— Таня, куда идешь?

— На собрание. Сегодня в Морском корпусе собрание, пойдем, послушаешь, что там будут говорить, довольно быть слепой, пора прозреть! — с улыбкой сказала она мне.

Я сбегала домой, отнесла керосин, прихожу, а с Таней рядом стоит еще одна работница и весело меня встречает словами:

— Вот и хорошо, товарищ, просыпайтесь,— как я читала в одном стихотворении:

Проснемся же скорей и станем на работу,
Довольно спали мы, нам бодрствовать пора...
И пусть душа живет одной святой заботой —
Трудиться для победы, правды и добра!

Пришли мы в Морской корпус. Вход свободный, огромная зала, народу много, много знакомых, здороваются, жмут друг другу руки, перебрасываются шутивными словами,— настроение веселое.

Сколько выступило ораторов, сколько говорилось речей, сколько было сказано правдивого и прекрасного в защиту рабочего класса! Я все время слушала с захватывающим душой вниманием.

Почему я раньше не ходила на митинги и собрания, почему так недоверчиво смотрела на Таню в мастерской, когда она нас призывала к организации? Теперь я поняла, что Таня поступила лучше всех нас.

Кончилось собрание, и мы пошли домой, с нами шло

много товарищей, мужчин и женщин, которые всю дорогу говорили о том, что было высказано на собрании. О предстоящих выборах в районную думу и какой нужно подать список.

— Ну, как, товарищ Груша, понравилось тебе на собрании? — спросила Таня.

— Очень, очень понравилось! — от души ответила я.

— Будешь теперь ходить на собрания?

— С удовольствием буду, только говорите, где и когда они будут.

— А что, разве это новенькая? — вмешался один рабочий.

— Да, новенькая, — сказала Таня.

— А много у вас в мастерской сознательных женщин?

— Пока мало, товарищ, но понемногу все проснутся.

— Пора! Пора! Просыпайтесь, товарищи женщины! — вскричал он и громко продекламировал:

Советует товарищ:

Работать давай,

Работы усиленной

Требуется край:

Работай руками,

Работай умом,

Работай без усталости

Ночью и днем.

Е. А. Гулярова
«ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!»

 В конце мая Вера Клементьевна Слуцкая¹ предложила мне работать при фракции большевиков на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов² по снабжению делегатов политической литературой.

— Вы будете нужны там и для связи фракции с райкомом,— добавила Вера Клементьевна,— а с гостевым билетом вы сможете присутствовать и на заседаниях.

Об этом я могла только мечтать.

Съезд открылся 3 июня на Васильевском острове в здании Кадетского корпуса, которое с тех пор знают все — оно вошло в историю.

Нам для книжного киоска отвели место справа от лестницы, ведущей на второй этаж в зал заседаний.

Стол наш немедленно окружили делегаты, среди которых, судя по репликам, были не только большевики. Делегатов привлекало у нас разнообразие тематики, дешевые брошюры в красочных обложках и, конечно, имена авторов. С жадностью расхватывали книги и брошюры Маркса и Энгельса, Карла Либкнехта, В. И. Ленина, особенно его «Письма о тактике» (изд. 1917 г.), работы М. С. Ольминского, А. М. Коллонтай и др.

Интерес к политической литературе был так велик, что многие солдаты-фронтовики и рабочие оставляли у нас не только деньги, отпущенные им для этой цели, но и свои собственные скудные сбережения.

Тут же у стола возникали короткие дискуссии.

Делегат в штатском костюме, взяв брошюру Коллонтай, громко и значительно прочел заголовок:

— «Кому нужна война».— И самоуверенно продолжал: — Всему народу. Мы верны договорам с союзниками, и нам нужна победа...

Другой иронически оборвал его:

— Эй ты, не воевал, видно. Чьим договорам верны? Царским! Не народным! А на черта нам Дарданеллы? Незачем рабоче-крестьянскую кровь проливать за такую победу.

На соседних столах меньшевиков и эсеров были разложены четыре-пять названий тонких брошюр, и вскоре делегаты перестали ими интересоваться³.

Вера Клементьевна Слуцкая, придя на съезд, удовлетворенно посмотрела на наш стол и иронически кивнула в сторону соседних:

— А у меков и эсеров — оппортунистическая пустота.

Книги из «Прибоя»⁴ на съезд привозил мой брат, Павел Гиляров, бывший в то время юнкером Михайловского артиллерийского училища. Как-то, притащив очередную партию книг, Павел развязывал тюки. В это время с лестницы спускались Ленин и один из руководителей «Военки» Дашкевич. Они остановились у нашего стола, и Дашкевич спросил:

— Юнкер тоже большевик?

— Без пяти минут, — ответила я.

Владимир Ильич улыбнулся, а Дашкевич сказал Павлу:

— Когда пять минут пройдут, приходите к нам, в большевистскую Военную организацию.

Когда я вошла в зал, он был уже переполнен делегатами и гостями. Все были охвачены взволнованным ожиданием, полны напряженного интереса к происходящему.

Устроившись среди делегации большевиков, занимавшей узкий сектор влево от трибуны, я с интересом оглядывала зал.

Преобладающим цветом одежды был серовато-зеленый. Это были солдаты и офицеры, представители фронта и тыла, причем тыловики были, как правило, подтянутые и чистенькие. Меньше было рабочих в пиджачках и косоворотках, кое-где виднелись интеллигенты в обычных тройках. Женщин-делегаток я не заметила совсем.

Вдруг среди фронтовиков я увидела знакомое лицо — делегата от одной из армий Кавказского фронта,

эсера. Сразу после Февральской революции мы с ним были выбраны в Джевизликский Совет.

Увидя его здесь, в зале, я огорчилась. В Трапезундском фронтовом Совете, правда, преобладали эсеры и меньшевики, но Совет в селении Джевизлик был большевистским: там работал П. Джапаридзе (Алеша)⁵, который после побега из Сибири был в нашем госпитале заведующим хозяйством и проводил большую подпольную работу среди солдат. Отношения большевиков с эсерами и меньшевиками в Джевизликском Совете уже тогда, в марте, были прохладными, и теперь, столкнувшись со мной, этот делегат даже не поздоровался. «Видно,— подумала я,— такого наговорили ему за это время о «предательстве» Ленина и большевиков, что он и здороваться не хочет с большевичкой».

Открыл I Всероссийский съезд Советов меньшевик Чхеидзе, бывший тогда председателем исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В своей вступительной речи Чхеидзе призывал к единству всех революционных сил, под которыми имел в виду все партии, называвшие себя социалистическими.

А какое единство могло быть между прислужниками Временного правительства — оборонцами и большевиками — обличителями этого правительства и империалистической войны? Сама постановка вопроса была порочна, фальшива и направлена против большевиков.

Правда, заранее было известно, что съезд не будет большевистским. Из 1090 делегатов 248 были меньшевиками, 285 — эсерами. Большевики вместе с поддерживавшими их объединенными социал-демократами составляли группу в 115 человек. Если учесть, что меньшевики и эсеры составляли на съезде блок, то станет понятным, что большевики не смогли бы повести съезд за собой. Задача большевиков сводилась к принципиальной агитации за ленинские лозунги, за то, чтобы отвоевать ими на свою сторону хотя бы часть делегатов, одураченных меньшевиками и эсерами.

Видимо, поэтому Ленин не считал нужным постоянно присутствовать на заседаниях. Он приезжал или ко времени своих выступлений, или в те дни, когда ожидал выступления интересовавшего его оратора. Но случалось, что он подолгу задерживался на съезде.

В президиуме съезда каждая крупная партия (в том числе и большевики) занимала пять мест. Они заполнялись по решению каждой фракции. И нам приятно было

увидеть среди эсеров-меньшевистских лидеров своих товарищей — Н. В. Крыленко, В. П. Ногина...

На второй день, 4 июня, после оглашения приветствий от членов английского парламента, уговаривавших съезд не соглашаться на сепаратный мир с Германией, выступил бундовец-меньшевик Либер. Он делал доклад об отношении к Временному правительству, или, как он выразился, «о революционной демократии и правительственной власти». Либер пространно доказывал необходимость коалиции социал-демократов с буржуазией и утверждал, что Советы в Петрограде не могли взять всю власть целиком в свои руки, так как в провинции большинство не идет за Советами и они могли бы оказаться изолированными от народа. Это было искажением действительного соотношения сил: в дни апрельского правительственного кризиса массы только и требовали, чтобы Советы взяли всю власть.

Вслед за внешне неприглядным Либером на вечернем заседании 4 июня выступил эффектной наружности министр почт и телеграфов меньшевик Церетели.

Доказывая необходимость «сплочения всех сил страны», так как в такой тяжелый момент якобы ни одна политическая партия не согласится взять на себя всю полноту власти, он решительно закончил витиеватую фразу словами:

— Такой партии в России нет.

— Есть! — неожиданно и очень отчетливо прозвучал в зале сильный возглас.

В. И. Ленин с места решительно заявил: «Есть», имея в виду партию большевиков.

Этот факт давно стал достоянием истории. Но как были потрясены все тогда! Прошло полвека, но те из нас, кто был в тот момент в зале и дожил до наших дней, не могут забыть, как замер тогда зал, какая установилась тишина. Многие вздрогнули, другие повернули головы, стараясь разглядеть того, кто произнес это слово.

А Ленин уже быстро шел к трибуне⁶ — следующее слово было записано за ним, и тысяча пар глаз, восторженных, негодующих, любопытных, провожала вождя большевиков.

Делегаты не вскакивали с мест, не окружали трибуну, как это иногда изображают на картинах художники. Они сидели и слушали энергичную, исполненную железной логики и страсти речь. Но надо было видеть,

как сидели и слушали! Руки впивались в спинки передних стульев, и, казалось, ленинские слова стирают усталость и угрюмость с солдатских лиц.

Ленин в речи об отношении к Временному правительству утверждал невозможность длительного существования двоевластия. Или буржуазное правительство разгонит Советы, и они бесславно умрут, или Советы должны стать единственным полновластным органом страны. Быть или не быть — так стоит вопрос.

Делегаты с напряженным вниманием следили за речью. Раздавались одиночные всплески иронического смеха, но их заглушали аплодисменты.

Ленин продолжал говорить.

Он разоблачал политику Временного правительства нового состава: кроме обещаний, оно ничего не сделало. Ярко нарисовал картину экономического кризиса в стране: анархия в промышленности, спекуляция, неслыханные прибыли капиталистов... Указывая на меры, которые необходимо предпринять, Ленин говорил о необходимости установления рабочего контроля над производством и распределением. Он предлагал хоть на несколько недель арестовать крупнейших миллионеров, чтобы вскрыть их обманные операции, грабеж народного достояния, спекуляцию на голоде, требовал опубликования сведений о прибылях капиталистов.

Выход из войны, говорил Ленин, не в сепаратном мире с Германией, а в дальнейшем развитии революции, в передаче всей власти Советам...⁷

Когда положенный регламент кончился и Чхеидзе прервал Ленина, съезд подавляющим большинством проголосовал за продление времени оратору.

Слушая Ленина, я иногда поглядывала на своего знакомого эсера. Он сидел с полуоткрытым ртом. Первоначальное недоверчивое любопытство на его лице постепенно сменялось гаммой различных настроений: то живым сочувствием, то сомнением, то радостным согласием.

Зал проводил Владимира Ильича долгими аплодисментами, и аплодировали не только на скамьях большевиков⁸.

По лицам сидящих в президиуме соглашателей было видно, что они недовольны настроением зала. Чтобы ослабить впечатление от выступления своего политического противника, они сразу же дали слово эсеру Керенскому.

Керенский не смог предложить никакой положительной программы. Вся его речь была истерической полемикой с Лениным, с программой большевиков. Один из делегатов, не удержавшись, иронически заметил с места:

— И это речь министра-социалиста!

Керенский утверждал, что «мы еще не созрели для идеальной программы», поэтому нам необходима коалиция с буржуазией. Ухватившись за фразу Ленина о временном аресте нескольких капиталистов, Керенский клеветнически утверждал, будто бы программа большевиков состоит из требований «арестовать, разгромить, убить».

Блестящий отпор Керенскому дал Анатолий Васильевич Луначарский, состоявший тогда в группе социал-демократов межрайонцев — союзников большевиков.

В ответ на демагогические обвинения Керенского Луначарский сослался на слова Маркса о прекрасноразговорщиках-демократах, не замечающих, как реакционеры, люди дела, подготавливаются свернуть им шею. Да и Февральская революция, напомнил Луначарский, не обошлась без насилия.

В конце своего выступления Луначарский внес резолюцию об окончательном упразднении Государственной думы и Государственного совета и о переходе всей власти к съезду Советов.

После речи министра труда меньшевика Скобелева заседание закончилось.

На другой день ко мне подошел мой джевизликский знакомый.

— А знаете, ваш Ленин многое правильно говорит, — в раздумье сказал он. — И насчет капиталистов, и насчет опубликования тайных военных договоров. Действительно, какое это равенство, когда у капиталистов миллион в кармане, а у меня, крестьянина — шиш?

— Не многое правильно, а вся правда у Ленина, и скоро вы это поймете, — ответила я.

Насколько вырос со вчерашнего дня интерес делегатов разных партий к большевикам, можно было судить не только по беседам и спорам в зале, в коридорах, на лестницах, но и по тому, что многие, еще вчера обходявшие стороной стол с большевистской литературой, теперь подходили и спрашивали ленинские книги.

Уже не было сомнения в том, что речь Владимира Ильича поколебала многих простых людей, заставила

их усомниться в эсеров-меньшевистской «правде», хотя они и состояли в соглашательских партиях.

Постепенно увеличивалось количество воздержавшихся при голосовании за резолюции сторонников Временного правительства. Медленно, но росло число голосов, отданных большевикам.

Еще больше делегатов голосовало совместно с большевиками 9 июня за упразднение таких дореволюционных органов власти, как Государственная дума и Государственный совет. Эсеров-меньшевистские лидеры утверждали, боясь обидеть буржуазию, что после создания Временного правительства эти органы перестали существовать, что их заседания — это «частные совещания». А что на этих «частных совещаниях» зреет будущее контрреволюции, соглашатели замечать не желали.

Петроградские рабочие и солдаты под руководством большевиков хотели в субботу 10 июня провести мирную манифестацию под лозунгом «Вся власть Советам!», продемонстрировав свою волю перед I съездом Советов. Но меньшевистско-эсеровские вожди испугались влияния демонстрации на делегатов съезда и поздно вечером 9 июня предложили съезду запретить это выступление. Съезд проголосовал за запрещение демонстрации. Большевистская фракция съезда, а затем ЦК РСДРП(б) в ночь с 9 на 10 июня по предложению В. И. Ленина приняли решение об отмене демонстрации⁹.

Рано утром 10 июня собрался актив Петроградской организации большевиков¹⁰. Там были и большевики — делегаты I съезда Советов. Я. М. Свердлов сообщил о постановлении ЦК подчиниться решению съезда об отмене демонстрации. Это было оправдано еще и тем, что по сведениям, полученным президиумом Петроградского Совета, на демонстрантов будут брошены казаки. Товарищ Свердлов распределил делегатов по заводам и воинским частям, отмечая в списке, кто и куда направится, чтобы от имени ЦК убедить массы не выходить на демонстрацию.

Я в паре с делегатом из Латвии, высоким белокурым рабочим, была направлена на Франко-Русский завод. Однако организованность рабочих была столь велика, что нам не пришлось их отговаривать. Заводской комитет на основании сообщения «Правды»¹¹ уже объявил решение ЦК, и рабочие спокойно разошлись.

Когда мы сообщили об этом Я. М. Свердлову, при-

ехав в назначенное место, он сказал, что отовсюду поступают такие же сведения.

— После объезда предприятий нашими,— сказал Яков Михайлович,— туда же приезжают меньшевистско-эсеровские говоруны, а делать им нечего. Пусть убедятся, что в наших рядах не анархия, а образцовая дисциплина.

После двухдневных прений «Об отношении к войне» 12 июня была принята опять эсеров-меньшевистская резолюция. Зато большевики одержали частичную, но важную победу. Они предложили раздельное голосование резолюции о войне и резолюции о мире. Первую — о прекращении войны — внес Преображенский, причем заранее было ясно, что она не пройдет. Вторую — о мире — внес С. Шаумян. В ней давалось большевистское понимание «аннексии» и «мира без аннексий». Эта резолюция могла бы объединить широкие массы съезда. Так и случилось. Точного подсчета голосов не было, но шум одних, горячие аплодисменты слева возвестили, что наша резолюция о мире была принята ¹².

Вечером Чхеидзе объявил, что надо подробнее рассмотреть вопрос о запрещенной съездом демонстрации 10 июня. Соглашатели решили обвинить большевиков и петроградский пролетариат в военном заговоре для совершения насильственного политического переворота в стране. Они предлагали создать комиссию для расследования, какие «темные силы» готовили этот «заговор».

От большевиков с заявлением-протестом против действий съезда выступил В. П. Ногин. Он заявил, что ложное обвинение против большевиков выдвинуто Церетели для того, чтобы разоружить революционный Петроград. Напрашивается вывод, что Церетели и его соратники — буржуазные министры — сами готовят гражданскую войну, кровавые столкновения.

— Почему,— спрашивал товарищ Ногин,— президиум съезда и исполком Совета не берутся расследовать, какие подлинно темные силы готовились расстрелять мирную рабочую демонстрацию?

Однако председатель съезда не дал дочитать Ногину заявление фракции, и тогда большевики в знак протеста покинули зал заседания.

С нашей делегацией вышла и я в соседнюю комнату. В ней среди делегатов я увидела товарища Ленина, хотя во время заседания его не видела: вероятно, он пришел в самом конце. Переговорив с товарищами, Влади-

мир Ильич быстро направился ко мне и со свойственной ему деликатностью сказал:

— Товарищ Гилярова, вернитесь, пожалуйста, в зал заседаний. Нам важно знать, каковы будут выступления делегатов и решение съезда.

И Ленин добавил, что, поскольку я на съезде только гость, фракционная дисциплина на меня не распространяется.

Я почувствовала себя очень счастливой, получив такое важное поручение от Владимира Ильича, поспешила в зал и села в опустевшем большевистском секторе.

А в зале действительно разворачивались интересные события.

Даже меньшевики предостерегали с трибуны своих лидеров, что их отчаянную борьбу с большевиками используют враждебные революции газеты «Биржевые ведомости» и «Новое время», которые и без того все отчеты о съезде помещают под заголовком «Борьба с большевиками».

Два рядовых делегата, побывавших на заводах, пытались убедить съезд, что рабочие действительно крайне недовольны разрухой в стране и бездеятельностью правительства, что они действительно собирались провести мирную демонстрацию. Однако речи этих делегатов быстро обрывали якобы за недостатком времени.

Президиуму опять удалось проташить решение о создании комиссии для выявления «темных сил». <...>

М. И. Лацис
ИЗ ДНЕВНИКА АГИТАТОРА

 Начиная с самых февральских дней мне приходилось работать агитатором в Выборгском районе. Уже к началу мая мне на подмогу явился товарищ Кирилл (Шутко)¹. Чтобы учесть результаты нашей работы и чтобы отчитываться перед райкомом, а главным образом перед самими собой, мы решили завести дневники агитатора. Эти дневники, по тогдашнему нашему замыслу, преследовали почти исключительно практическую цель — получение и учет опыта в целях учета настроения масс и выявления направления революции.

Теперь эти дневники проливают свет на далекое прошлое и позволяют разобраться в событиях, перепутавшихся в голове в силу бешеного темпа революции и непрерывного чередования событий.

Дневник товарища Кирилла, если не ошибаюсь, в одной своей части был мною передан в архив Выборгского райкома. Я его не имею под рукой. Но зато я раскопал свои записки, которыми и делюсь с читателем.

* * *

21 июня (8.VI).

Тревожный день. Анархисты из дачи Дурново вывели на улицу три завода: Металлический, «Розенкранц» и «Феникс». Это демонстрация протеста против выселения анархистов и рабочих из дачи Дурново. Но ясно чувствуется, что это не основная причина, что это только лишний случай, снова взбудораживший растущее негодование

масс против нового нажима буржуазии. В массах накопилось недовольство. Они чувствуют, как контрреволюционная рука буржуазного правительства ложится на их спины и волнуются за завтрашний день. Другие заводы с трудом удалось удержать от выступления.

В силу всего этого пришлось перенести назначенное на завтра совместное совещание Цека *, Пека **, райкомов, профсоюзов и фабрично-заводских представителей на сегодня. На совещании решили организовать демонстрацию из войсковых частей и рабочих, наметив ее на субботу в 2 часа дня². Опрос представителей показал, что настроение местами очень приподнятое, а местами не поддается учету. Ставились на голосование три вопроса: 1) есть ли в массах такое настроение, что они рвутся на улицу; 2) выйдут ли они на улицу, несмотря на отговаривание Сов[ета] раб[очих] депутатов; 3) устроить ли демонстрацию.

Голоса разделились следующим образом:

	За	Против	Воздержалось
Первое предложение	58	37	52
Второе »	47	24	80
Третье »	131	6	22

Итак, демонстрация будет. Принимаются следующие лозунги: 1) Всю власть Сов[етам] Р., С. и Кр. депутатов!»; 2) «Долой царскую Думу и Государственный совет — оплоты контрреволюции!»; 3) «Отменить приказы против солдат и матросов!»; 4) «Пересмотреть декларацию прав солдата!»³; 5) «Долой министров-капиталистов!»; 6) «Ни сепаратного мира, ни союза с буржуазией!»; 7) «Хлеба голодающим, земли крестьянам, мира всему миру!»; 8) «Всеобщее вооружение народа!»; 9) «Долой грабительскую дороговизну!»; 10) «Мы против немедленного наступления на фронты!»; 11) «Долой капиталистов-локаутчиков!»; 12) «Контроль над производством!» Этот список пополняется самими районами.

22 июня (9.VI).

Подготовка к демонстрации. Митинг в Московском полку. Высказались за выступление. Батальонный комитет еще был в раздумье, не знал, верить ли моему

* Центральный Комитет; далее также: ЦК.

** Петербургский комитет; далее также: ПК.

рассказу, и разослал вестовых по гвардейским частям. Оттуда получили ответ, что ничего не знают. Вышло, что мы Московский полк обманываем. Только к вечеру дело выяснилось, и «москвичи» успокоились.

Митинг в моторно-пontonном батальоне кончился не в нашу пользу. Если он вообще выступит на демонстрацию, то только частично.

Вечером собрание заводских представителей. Представлено 28 заводов, 4 войсковых части (1-й пулем[етный], Москoвск[ий], 1-й запасный и мот[орно]-понтон[ный]). Разработали план выступления, дали директивы руководителям и массе.

Настроение тревожное. Выяснилось, что войска без оружия на демонстрацию не выйдут и демонстрация получится вооруженной... Да и рабочие, имеющие револьверы, обязательно возьмут их с собой. Это совершенно несомненно. А отсюда явствует, что демонстрация может вылиться в вооруженную борьбу и положить начало открытой гражданской войне, если только буржуазия задумает чинить демонстрантам какие-либо препятствия. Исполнительный комитет прямо-таки умоляет не выступать, указывая, что английский посол Бьюкенен давно готов к контрреволюционным попыткам, что где-то даже уже припрятаны казаки и т. п.⁴

Но как раз это лишний раз убедило нас в необходимости дать удар своевременно всей притаившейся и исподтишка действующей контрреволюции.

На вечернем совещании во дворце Кшесинской (пом[ещение] Пека) из представителей ЦК и исп[олнительной] комиссии Пека был поднят вопрос об отсрочке демонстрации. За это высказывались тт. Ногин и Каменев. Но большинство все же признало, что демонстрацию отложить нельзя. Следует только лишний раз подчеркнуть, что демонстрация должна быть мирной.

Я передал наказ нашего районного совещания, который состоял в том, что ЦК, в том случае, если демонстрация действительно выльется в вооруженную, должен заявить исполкому, что солдаты вышли на демонстрацию вооруженными против всякого увещевания и что теперь ничего другого не остается, как занять исполкому соответствующую линию, чтобы не вызвать эксцессов, т. е. возложить ответственность на них.

Хотя почти все говорят, что демонстрация будет мирная, но совершенно определенно явствует, что это может быть и не так. Стоит контрреволюционерам сделать хотя

бы провокационные попытки напасть на невооруженную часть демонстрации, как начнется борьба. Заговорят винтовки, затрещат пулеметы, револьверы вылезут из внутренних карманов.

Это нельзя не учитывать. Но большинство товарищей почему-то на это закрывают глаза и не дают себе отчета, что же делать в таком случае, если начнется вооруженное столкновение. Только один лишь Смилга предложил не отказываться от захвата почты, телеграфа и арсенала, если события развернутся до столкновения. Но это предложение отклонили. Какое легкомыслие! Что только не может случиться!

Я с этим примириться не могу. Должен же я иметь ответ на всякий исход. Ну, так и буду действовать. Сговорюсь с тт. Семашко⁵ (1-й пул[еметный] полк) и Рахья⁶, чтобы в случае необходимости быть во всеоружии и захватить вокзалы, арсенал, банки, почту и телеграф, опираясь на Пулеметный полк.

Что-то тревожно кругом. Волнует исход демонстрации. Но страха нет.

23 июня (10.VI).

Демонстрация ЦК отменена. Это выбило нас совсем из колеи.

С 8 часов утра по всему городу разъезжают на автомобилях члены С. Р. и С. Д., устраивают собрания на заводах и в войсковых частях, разбрасывают листовки и усиленно агитируют против демонстрации. Сначала показалось, что это они ломаются в открытую дверь, но потом стало ясно, что они хотят опозорить большевиков, делая вид, что они отговорили рабочих и солдат от демонстрации, что массы большевиков *не послушались*.

Но повсюду эта меньшевистская и эсеровская братия получила такую нахлобучку, что пора бы им задуматься и изменить свое поведение. Но разве свою природу изменишь?..

На мою долю выпало отчитать Чхеидзе в Пулеметном полку. Ушел он с позором.

Все негодуют по поводу постановления ЦК. Не знаю, чем это кончится. В «Старом Парвиайнене» некоторые члены в возмущении разорвали свои членские билеты. «Старый Промет» вынес резолюцию, порицающую деятельность ЦК. Но к вечеру ропот успокаивается. Начинают примиряться и понимать, что при создавшемся положении, пожалуй, другого выхода нет⁷.

24 июня (11.VI).

Экстренное заседание Пека. Власти предписали очистить дворец Кшесинской в 24 часа. Решили подчиниться насилию и выехать. Пока на Галерной дают помещение из четырех комнат. Но этого совсем недостаточно. Приняли решение купить ротационную машину.

С докладом о создавшемся положении выступают Ленин и Зиновьев. Умы были страшно взвинчены, и можно было ожидать резких прений. Но после выслушивания докладов настроение разряжается⁸.

Оказывается, что на съезде Советов социал-изменники выступили со следующими предложениями: Дан от имени меньшевиков внес резолюцию, требующую от большевиков беспрекословного подчинения большинству. В противном случае большевики будут заклеены как враги революции и прогнаны из Советов.

Церетели на это ответил, что предложение Дана — чистые пустяки, что резолюциями бороться нельзя, а надо вырвать оружие из рук тех, кто не умеет им распоряжаться. И эти слова были им сказаны в состоянии, близком к истерике и мертвенной бледности. Словом, человек порывал со всем своим прошлым и стал слепым орудием в руках капиталистов⁹.

Итак, все теперь возможно: аресты, разоружение рабочих, расформирование полков, отобрание наших типографий... Словом — залезай хоть в подполье.

Наша фракция так и ответила: подчиняться не будем, лучше уж тогда в подполье, нежели изменить революционному марксизму.

Все это, конечно, сбавило боевое настроение собравшихся, но прения все же были резкие. Заседание переносится на завтра.

25 июня (12.VI).

Заседание ПК не состоялось. Военная организация выехать из дворца Кшесинской не смогла. Какие же меры примут власти для выселения? На заседании исполнительной комиссии было решено предписать всем членам партии покинуть конференцию в даче Дурново¹⁰. С этим поручением туда был направлен уполномоченный.

В городе тишина перед бурей. Слух об отставке Керенского.

26 июня (13.VI).

Заседание ПК. Стало известно, что Совет депутатов готовит свою манифестацию в противовес намечавшейся нами демонстрации. Желают этой манифестации придать всероссийский масштаб. На этот маневр меньшевиков Пека ответил постановлением использовать эту манифестацию и превратить ее в демонстрацию против Временного правительства и пагубной политики исп[олнительного] ком[итета] С. Р. и С. Д. Выступим с теми же лозунгами, что были заготовлены для нашей отложенной демонстрации ¹¹.

На съезде Советов перелом в нашу сторону. Резолюция Дана не принята. Центр тяжести от большевиков переносят на разруху. И для съезда стало ясно, что он стал в хвосте движения, отсюда и решение об устройстве манифестации на 18 июня (ст. ст.) по всей России.

А это ведь наша победа. Нельзя не признать, что даже отмененная демонстрация была своего рода грозной демонстрацией. Это была мертвая зыбь, которой испугались отставшие от движения соглашатели. Ведь немало они попотели, работая за отмену демонстрации, и повсюду их провожали с гиканьем ¹².

27 июня (14.VI).

«Старый Парвизайнен» вручил знамя Московскому полку. Этот случай я использовал, чтобы солдатам раскрыть глаза на политику Временного правительства, и указал на задачи, стоящие перед революционными рабочими, крестьянами и солдатами.

Вечером общее собрание района. Одобряется решение ЦК об отмене демонстрации. Решили влиться в советскую * манифестацию с нашими заготовленными лозунгами. Приняли протест против ареста Хаустова ¹³.

28 июня (15.VI).

Идет усиленная подготовка к демонстрации на 18/VI. Сегодня состоялось совещание заводских представителей. Принимается решение выступить с теми же лозунгами, которые были заготовлены к отмененной демонстрации. Стало известно, что Совет Р. Д. хочет использовать устраиваемую манифестацию для проводов своих делегатов на Стокгольмскую конференцию ¹⁴. Мы примем все меры, чтобы эти расчеты разрушить.

---

* назначенную I Всероссийским съездом Советов.

29 июня (16.VI).

Идет усиленная подготовка к демонстрации. Заводы справляются своими силами. Мы не в силах бы послать в один день повсюду агитаторов. Как выросли наши рабочие!

30 июня (17.VI).

Подготовка проходит удачно. По всем заводам на общих собраниях принимаются наши лозунги. То же в войсковых частях.

1 июля (18.VI).

День манифестации соглашателей и демонстрации революционных масс...

В голове движения выстраиваются: районный Совет Р. и С. Д., за ним Московский полк с оркестром, потом Центральный Комитет большевиков, Петроградский комитет, Военная организация, Военная конференция, броневики, Выборг[ский] районный комитет, «Междурайонная комиссия»¹⁵, Шуваловский подрайон¹⁶, финны, за ними анархисты, а потом заводы и войсковые части. Колонны замыкает 1-й пулеметный полк. Колонны выстроились на Выборгской стороне у Литейного моста и двинулись по Литейному проспекту до Невского, отсюда на Марсово поле и набережной обратно через Троицкий мост.

Колышется целое море красных знамен, и все, куда ни помотришь, наши революционные лозунги.

Меньшевики и эсеры блокировались и устроили свою манифестацию. Они идут по левой стороне улицы рядом с нашей бесконечной колонной. Идут они жалкой кучкой, всего человек 300. А кучка все тает и тает. В наших рядах слышатся возгласы: «Это двойное самоубийство. Хватило храбрости писать на своих плакатах: «Полная поддержка Временному правительству». Им не хватает только одного лозунга: „Мы требует поливки улиц“».

Рабочие краснеют, бросают знамена и переходят на нашу сторону. Скоро некому знамена нести. Когда их колонна подходит к Невскому, их осталась такая жалкая кучка, что теряется в массе народа. Они сами чувствуют свою ошибку выступления отдельной колонной и на Невском вклиниваются в наши ряды, размещаясь сейчас же за анархистами.

Да, это с их стороны было двойное самоубийство.

На Марсовом поле у братских могил выстроились лидеры соглашательских Советов. К ним подходит делегация Военной конференции и требует освобождения Хаустова. Обещают это немедленно сделать.

Там стоит и Плеханов. Что он думает в эту минуту, когда бесконечной вереницей мимо него тянутся большевистские отряды, встречаемые солдатами и делегациями, стоявшими у могилы, криками «ура!»? Отец русской революции не опознает своего творения. Время оставило его позади ¹⁷.

Демонстрация уже на Троицком мосту, а на Литейном еще виднеется хвост ее.

И это только один Выборгский район. И по остальным районам рабочие не отстают. Весь Питер ошетинился. Рабочие вынесли сегодня на улицу свою волю: «Долой Временное правительство! Вся власть Советам!»

Что в эту ночь думают соглашатели?

2 июля (19.VI).

Новая тревога. Оказывается, что анархисты силой освободили т. Хаустова и еще других 7 человек из «Крестов». В ответ на это в три часа ночи правительственные власти сделали набег на дачу Дурново ¹⁸. Присутствовали при этом министр юстиции Переверзев, Половцев и Козьмин да еще прокуратура. Казаки ворвались во дворец и все разгромили, разграбили. Одного из анархистов убили, другой от ран скончался, а человек 70 увели под конвоем семеновцев, преображенцев и литовцев в какую-то казарму.

Рабочие заводов «Розенкранц» Металлического, «Феникса» и «Ст. Промет» целый день не работают. Ждут призыва выступить против Вр[еменного] правительства. От других районов являются делегаты разузнать правду. Звонят от всех заводов. Волнение общее. Массы приходится унимать.

По этому поводу сегодня в Таврическом дворце состоялось совещание заводских представителей и партийных делегатов. Приняли решение — требовать освобождения в 24 часа всех арестованных, за исключением уголовников, и выбрали следственную комиссию, которой поручено собрать материал в 24 часа.

Вечером экстренное заседание Совета Р. и С. Д.

Телеграф принес извещение о наступлении и победе наших войск на фронте ¹⁹. Виновники наступления не смогли скрыть удовольствия по поводу наступления и

выпустили экстренный выпуск «Известий», в котором восхищались победой и храбростью Керенского. По центральным улицам манифестации. Несут портреты Керенского, украшенные цветами. Чем не царь? Только короны недостает... В толпе слышатся возгласы: «Слава богу, началось. Теперь бы открыть поход на анархистов, а потом и на большевиков».

Но к вечеру солдаты на Невском рассеяли одну манифестацию.

Сегодняшняя манифестация как бы ответ на нашу демонстрацию. Черт возьми! Это наступление может разрушить все наши планы. Чего доброго, при удаче поднимется еще шовинистический угар, а тогда не скоро станет наш час.

3 июля (20.VI).

Тревожный день. Рабочие завода «Розенкранц» обходят Московский и Пулеметный полки и приглашают к выступлению. Приходится приложить много усилий, чтобы унять разбушевавшиеся страсти. Создается такое впечатление, что не удастся удержать ни рабочих, ни солдат. Это я и высказываю в Пека, где принимаем решение созвать совещание из Пека и Цека для выработки обращения к рабочим. Проводится та мысль, что надо стараться удержать рабочих от выступления, но если уж это не удалось бы и они все же вышли бы на улицу, то взять руководство в свои руки и стараться направить движение в сторону нажима на Советы, чтобы они взяли власть в свои руки.

4 июля (21.VI).

День проходит сравнительно спокойно. Только в Пулеметном полку волнение, так как уже хотят уменьшить состав рот, отправляя часть из них на фронт.

Управа районной думы переходит совсем в наши руки ²⁰. Головой избран тов. Михайлов, членами — гг. Ульянова (Крупская), Мансырев ²¹, Кучменко ²², Чугурин и др.

5 июля (22.VI).

Настроение солдат настороженное. На Сампсониевский проспект заехал автомобиль С. Р. Д. с плакатами: «Вперед, за Керенского!» Московский полк его задержал, воззвания разорвал, а автомобиль отправил в Пулеметный полк.

На такие войска «опирается» власть...

К вечеру было созвано совещание из Цека, Пека и Военной организации, но состоялось только частное совещание²³. Пришли к заключению, что, несмотря на настроение солдат и рабочих масс, нам все же боя принимать еще нельзя, невыгодно. Лучше обождать, чтобы правящие партии опозорили себя окончательно начатым наступлением. Тоже игра наша.

6 июля (23.VI).

Идут перевыборы в Совет Р. Д. На «Ст. Барановском» на место 3-х эсеров выбраны 2 большевика и один максималист. В городе сравнительно спокойно.

7 июля (24.VI).

Обрабатываю юношей, разъясняя текущий момент и задачи молодежи.

8—13 июля (25—30.VI).

Выборы в Совет Р. Д. Повсюду почти проходят наши кандидаты. <...>

М. С. Кедров

**ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП
(БОЛЬШЕВИКОВ)**

Подготовка конференции

 Организационная работа по созыву Всероссийской конференции военных организаций, начатая приблизительно в конце мая, протекала с большой спешкой, урывками между выполнением огромных текущих задач, лежавших на Военной организации в этот период времени.

«Военке» надо было поддерживать и укреплять связь больше чем с 50 крупными воинскими единицами Петрограда и его окрестностей; это требовало обширного аппарата и исключительного напряжения сил.

Насущная задача заключалась в расширении влияния Военной организации и на те воинские части, которых еще вовсе не коснулась большевистская «зараза». Таковыми были юнкерские училища, казачьи части и пр.

Штаб «Военки» — дворец Кшесинской — представлял собой в полном смысле слова кипящий котел. С утра и до поздней ночи здесь не прекращался поток солдатской массы; за саперами следовали павловцы, за павловцами — гренадеры, за ними — матросы, бронедивизионцы и т. д. Все идут в «Военку» — одни за тем, чтобы получить ответ на жгучий вопрос, другие, чтобы информировать о жизни в батальоне и обсудить создавшееся положение, вступить в члены «Военки», дожидаться и унести с собой свежий номер горячо любимой «Солдатской правды», другие, чтобы отдать ей, дорогой нашей защитнице, единственную ценность и былую гордость каждого солдата — георгиевские кресты и медали.

Беспрерывные совещания, заседания, собрания. Просят агитатора на митинг на сегодня, на завтра, на после-

завтра. И в Петроградский полк, и в Егерский, и в Измайловский, и в Кексгольмский — в десяток мест одновременно.

Что делать? Как быть? Обращались в ПК (Петроградский * комитет РСДРП(б)) за помощью, но он сам не справлялся со своей работой, и приходилось с ним еще делиться нашими агитсилами. Материала для газеты не хватает, бумага на исходе, экспедиция хромает. К тому еще новая беда: типография градоначальства впредь отказывается печатать «Солдатскую правду», пока не будут оплачены полностью старые счета, а денег нет.

Через члена «Военки», Киселева из 1-й запасной автотроты, в порядке боевого приказа, пригоняется пятитонный грузовик, быстро разукрашивается красными плакатами.

«Товарищи рабочие и солдаты! Судьба «Солдатской правды» в ваших руках! Поддержите, кто чем может. Каждая ваша копейка закрепит союз рабочих и крестьян».

Грузовик мчится в рабочие районы, предусмотрительно избегая появляться в центре.

Через несколько часов громадина возвращается, нагруженная доверху «германскими миллионами» — бумажными пятаками, копейками, марками и другим ценным добром¹. На несколько номеров «Солдатская правда» обеспечена.

Состав руководящего органа — Военной организации при ЦК РСДРП(б) вместе с техническим персоналом не превышал 20 человек. Из этих 20 человек главная тяжесть всей работы легла на плечи двух товарищей — В. И. Невского и Н. И. Подвойского. Ни один более или менее важный вопрос, ни одно более или менее ответственное заседание или митинг не проходили без деятельного участия этих товарищей.

Но работа с каждым днем разрасталась, и охватить ее оказывалось не под силу ничтожной кучке работников «Военки». Этим объясняются организационные дефекты, которыми страдала подготовка конференции, секретарем оргбюро которой я был.

24 мая в «Солдатской правде» было опубликовано воззвание Военной организации по поводу Всероссийской конференции, которая назначалась на 8 июня в Петро-

---

* Так в тексте, следует: Петербургский.

граде. Норма представительства — 1 делегат от каждой большевистской военной организации, для крупных организаций 1 делегат от каждых 200 солдат — членов партии. В конце воззвания приведен и порядок дня конференции: 1) цель, задачи и устройство Всероссийской военной организации и ее отношение к общерабочей социал-демократической организации; 2) общероссийская солдатская и крестьянская газета; 3) отношение с.-д. военных организаций к постановлениям Общероссийской конференции, бывшей в Петрограде 24—29 апреля с. г.²; 4) вооружение народа и рабочая гвардия; 5) выборы.

Это воззвание, написанное весьма простым и ясным языком и касавшееся наиболее больных вопросов фронта, как кончить войну и кто этому мешает, отражало в себе всю лихорадочную спешку «Военки».

Не говоря о многочисленных пропусках и опечатках, затруднявших чтение, воззвание не было обстоятельно проработано, и некоторые положения его, не вполне отчетливо сформулированные, могли породить в умах политически слабо развитой массы не совсем верные представления о ближайших задачах Военной организации. Таковы, например, заключительные слова воззвания: «создать всероссийскую организацию солдат, которые вместе с рабочими поведут с собой все крестьянство на завоевание власти и на борьбу с капиталистами и помещиками»³.

В следующем номере «Солдатской правды» появилось второе воззвание, более выдержанное. В нем была изменена норма представительства — 1 делегат на 100 организованных партийцев, так как «многочисленности конференции опасаться нечего: чем больше будет участников, тем большее значение будут иметь постановления конференции».

И в этом новом воззвании не обошлось без опечаток: в середине воззвания днем открытия названо 8 июня, в конце того же воззвания — 15 июня.

Открытие конференции 16 июня

15 июня большинство делегатов уже съехалось в Петроград.

Главное ядро составляли рядовые солдаты, небольшой процент приходился на офицерский состав и на штатских товарищей.

Все товарищи солдаты приписывались на полное довольствие к воинским частям петроградского гарнизона, и такой припиской достигалась двойная выгода: делегатам не надо было думать о жилище и питании, и устанавливалась живая связь между фронтом и тылом.

К открытию конференции, 16 июня, с мест прибыло 120 делегатов. Вместе с членами «Военки» и делегатами петроградского гарнизона общая численность конференции, вероятно, достигала 150 делегатов⁴.

На конференции были представлены все фронты, но далеко не равномерно: большинство делегатов были с Северного фронта, ближайшего к Петрограду, значительно меньше — с Западного; с Юго-Западного и Румынского фронтов явилось всего несколько человек, что объяснялось не только отдаленностью этих районов, но и препятствиями, которые ставило командование делегатам, запрещая отпуска и пр., а отчасти преобладавшими на этих фронтах настроениями так называемого «революционного оборончества». Кавказский фронт дал только одного делегата. Из Москвы, Харькова, Саратова, Екатеринослава, Казани и других крупных городов также прибыли делегаты.

Открылась конференция кратким приветственным словом Невского. Президиум был избран в составе: Ленина, Подвойского, Невского, Володарского и других и утвержден следующий порядок дня конференции: 1) доклады с мест; 2) отношение к резолюциям Всероссийской конференции РСДРП(б) (24/IV) — доклад Зиновьева; 3) текущий момент: организация власти и Советы рабочих и солдатских депутатов — доклад Ленина; 4) война, мир, наступление — доклады Крыленко⁵ и Розмирович⁶; 5) национальное движение и национальные полки — доклад Сталина; 6) демократизация армии — доклад Крыленко; 7) цели, задачи и форма Военной организации — доклады Подвойского, Черепанова⁷, Невского; 8) аграрный вопрос — доклад Ленина; 9) общероссийская, солдатская и крестьянская газета — доклад Невского; 10) всеобщее вооружение народа — доклад Дашкевича; 11) выборы⁸.

Затем было приступлено к заслушиванию докладов с мест.

Из докладов было видно, что настроение фронта довольно пестрое. В общем солдатская масса на стороне революционной социал-демократии, но большевикам приходилось проделывать большую и тяжелую работу, что-

бы разоблачить клевету, распространявшуюся про большевистскую партию.

«Лишь при терпеливом, вдумчивом объяснении нашей позиции,— заявляли докладчики,— солдатская масса становится на нашу точку зрения». Выяснилось, что солдатские большевистские организации в большинстве слабы. Причина — отсутствие опытных работников, репрессии и запугивания со стороны начальства. Отношение солдатской массы к наступлению отрицательное. Господствует мнение, что наступление подвергнет риску не только армию, но и завоевания революции. Чтобы спровоцировать наступление, образуются различные «ударные» группы, батальоны смерти и пр. На Северном фронте провокация сможет иметь успех только на Двинском участке, где солдаты менее сознательны. На других участках этого фронта возможность наступления исключена (доклад Васильева) *.

Уже в первый день конференции боевое настроение делегатов поднялось еще более в связи с наступившими исключительными днями революции.

Доклады с мест казались устаревшими, так как с фронта ползла уже зловещая весть, что революционные армии, повинаясь приказу «социалиста» Керенского, идут умирать во славу английских, французских и прочих империалистов.

По всей стране вновь зашевелилась и закипела недобитая в феврале гидра реакции. Она жаждала само сердце революции — красный Петроград — обескровить, увести из него революционные полки и при помощи казачьих частей и при содействии соглашательского Совета расправиться навсегда с ненавистными большевиками.

«Революция в опасности! Надо спасти ее» — такая мысль рождалась тогда в голове не одного делегата-бойка.

— Завтрашний день, 18 июня, да будет днем смотра наших сил. Пусть меньшевистско-эсеровский Совет призывает к демонстрации и «полной» безусловной поддержке Временного правительства... Покажем, на чьей стороне сочувствие петроградских масс... Все на улицу!

* Предлагается отказаться на этот день от вечернего заседания; всем делегатам направиться в воинские части и принять участие в митингах и в проведении большевист-

---

* Тов. Васильев — один из редакторов «Окопной правды». (Прилеч. М. С. Кедроза.)

ских лозунгов. Шумно и восторженно принимается предложение.

Ночь... В одной из комнат «Военки» идет лихорадочная работа. Режут, шьют, лепят, мажут. Выбились из сил, а заказы все прибывают.

— Товарищи, уже для нас, как вы хотите, а надо пошить,— убеждают только что пришедшие солдаты, подавая кусок кумачу.— У нас в батальоне все большевики!

18 июня

Хороший день... Красный, солнечный. Все улицы и проспекты заливаются празднично ликующими, живыми потоками, текущими к Марсову полю, центру демонстрации. Море знамен, и на сотнях их краткие, но много говорящие надписи: «Долой контрреволюцию!», «Долой черносотенные IV Государственную думу и Государственный совет!», «Долой 10 министров — капиталистов!», «Мы против наступления!», «Вся власть Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

Стройной колонной влилась конференция военных организаций на Марсово поле и прошла мимо братской могилы.

У барьера, по-наполеоновски скрестивши руки на груди, стоял Г. В. Плеханов и, вглядываясь в плывущие мимо красные полотна, искал милых шовинистическому сердцу лозунгов. Напрасно. Их было всего три, три жалких уродца, призывающих к поддержке Временного правительства: группа казаков, Бунд⁹ и плехановский выкидыш — «Единство»¹⁰.

В конце Марсова поля произошел инцидент, который мог повлечь за собой катастрофу. Раздались провокационные крики: избивают! стреляют! Нам навстречу в панике бежали группы демонстрантов. Сбивали с ног, мчались по полю неизвестно куда. Ряды встречных демонстрантов дрогнули. На минуту воскресли времена самодержавия. Но скоро все выяснилось: у Троицкого моста у бундовцев, несших злосчастное знамя, другая группа демонстрантов отбила знамя и бросила его в Неву. Только и всего.

На вечернем заседании конференции 18 июня продолжалось слушание докладов с мест. Все делегаты находились под впечатлением грандиозной демонстрации, и доклады слушались вяло. Вынесено постановление в даль-

нейшем докладов с мест не заслушивать и предложить делегатам представить их в письменном виде.

Большое оживление внес краткий доклад редактора «Окопной правды» поручика Хаустова, арестованного Керенским и только что освобожденного анархистами из «Крестов».

19 июня

В этот день состоялись доклад Зиновьева «Об отношении к резолюциям Всероссийской конференции РСДРП 24—29 апреля 1917 г.» и доклады Подвойского, Черепанова и Невского «О целях, задачах и формах военной организации». О первом докладе никаких следов в нашей периодической печати, по крайней мере в тех номерах газет, которые имелись в моем распоряжении, не сохранилось. В докладе Подвойского подчеркивалось и развивалось положение Ленина о руководящей роли пролетариата в революции и о союзе рабочих и крестьян — залоге конечной победы.

Невский дал краткую историю возникновения Военной организации. Черепанов указывал на необходимость установить теснейшую связь с фронтовыми военными организациями.

Заседание неоднократно прерывалось внеочередными заявлениями по поводу осады и штурма правительственными войсками дачи Дурново, занятой анархистами и несколькими районными отделами профсоюзов. Для выяснения положения и доклада конференции была избрана специальная комиссия спешных дел.

Доклад В. И. Ленина

Центральное место в работах конференции занимал, несомненно, доклад Владимира Ильича о текущем моменте, сделанный им 20 июня на утреннем заседании¹¹. В. И. Ленин отметил изменившуюся со времени Апрельской конференции партии обстановку*. Если в то время положение отдельных социалистических партий не вполне определилось, то теперь, в условиях только что свер-

---

* Приводим здесь единственный репортерский отчет о докладе, помещенный в «Новой жизни» № 54 от 21 июня. Из представителей меньшевистских газет президиум нашел возможность допустить на конференцию только корреспондента «Новой жизни» при условии объективного освещения ее работы. (Примеч. М. С. Кедрова.)

шившихся событий обнаружилась их действительная политическая физиономия. Наблюдается, что между эсеровскими и меньшевистскими массами, с одной стороны, и их вождями, с другой, открывается глубокая пропасть. Вожди этих масс постепенно освобождаются не только от социализма, но и от демократизма. Это видно из отношения министров-«социалистов» к трем жизненным вопросам момента.

В вопросе о земле «социалистическая» часть правительства явно разошлась с воззрениями крестьянства, помогая помещикам сохранять в своем распоряжении принадлежащие им земли.

В вопросе об отношении к местному самоуправлению азбучной истиной демократизма является положение, что на местах власть должна быть избираема самим народом, а между тем на этой почве между Временным правительством и мирным органом самоуправления происходили многочисленные конфликты, и «социалистическая» часть министров активно боролась против действительно демократических начал.

И наконец, в вопросе о наступлении «социалист» Керенский добился того, чего не мог добиться явный империалист Гучков¹².

Революционные социал-демократы должны направлять свою деятельность к проявлению классового сознания демократических масс. Они поэтому должны беспощадно разоблачать этих бывших вождей мелкобуржуазной демократии, указывая демократии единый путь, по которому впереди ее пойдет революционный пролетариат.

Переходя далее * к настроениям, господствовавшим в некоторых партийных кругах и сводившимся к тому, что нечего дальше ждать, пора большевикам захватить власть в свои руки, Владимир Ильич горячо и резко выступил против подобных взглядов. Его точку зрения вполне разделяли немногие делегаты. В большей же части конференции его взгляд вызвал разочарование или даже недовольство. Делегаты этой группы ожидали, что В. И. Ленин, вне сомнения, одобрит их революционность и «левизну».

А Ильич говорил¹³:

---

* Во время этой части речи В. И. Ленина корреспондент «Новой жизни» не присутствовал: был ли он под благовидным предлогом удален или сам ушел — не помню. Дальнейшую часть доклада В. И. Ленина привожу по сохранившейся у меня записи (Примеч. М. С. Кедрова.)

«Мы должны быть особенно внимательны и осторожны, чтобы не поддаться провокации... Один неверный шаг с нашей стороны может погубить все дело.

Какое соотношение сил имеем мы в настоящий момент по сравнению с апрелем?

Массы уже разуверились в буржуазном кадетском правительстве... Но они идут еще за соглашателями, эсерами и меньшевиками. Результаты только что закончившихся выборов в районные думы наглядный тому пример.

Что мы имеем даже здесь, в самом центре революции?

За наш список подано всего 150 тыс. голосов, и лишь одна районная дума (из 12) нами завоевана¹⁴.

Если и удалось бы сейчас власть взять, то наивно думать, что, взявши ее, мы сможем удержать.

Мы не раз говорили, что единственно возможной формой революционного правительства являются Советы рабочих, солдатских, крестьянских и т. д. депутатов.

Каков же удельный вес нашей фракции в Советах? Даже в Советах обеих столиц, не говоря уже о других, мы в ничтожном меньшинстве. А что показывает этот факт? Нельзя от него отмахнуться. Он показывает, что массы в большинстве своем колеблются и еще верят эсерам и меньшевикам.

Это — основной факт, и он определяет поведение нашей партии. Как можно толкнуть мелкую буржуазию к власти, если эта мелкая буржуазия теперь уже может, но не хочет взять ее.

Нет, чтобы серьезно, не по-бланкистски идти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов, терпеливо, неуклонно, изо дня в день разъяснять ошибку масс, их мелкобуржуазные иллюзии.

Сорвать эту нашу линию хотят контрреволюционеры, они всяческими средствами пытаются спровоцировать нас на преждевременное, сепаративное выступление, но мы на эту удочку не пойдем, нет, мы не доставим им такого удовольствия.

А когда массы увидят, что соглашательское правительство их обманывает, так как находится всецело в руках российской и союзнической буржуазии и пляшет под ее дудку, а события последних дней (наступление) как нельзя лучше разоблачают этот обман, то массы придут к единственно оставшейся некомпromетированной партии, к большевикам.

Не нужно предупреждать событий. Выжидательная тактика — наилучшая сейчас. Время работает на нас».

Одна особенность речи Владимира Ильича бросилась мне тогда в глаза.

Владимир Ильич тему своего доклада старался, по возможности, сузить, выделить одно-два основных положения и на них заострить внимание конференции. К этим основным мыслям он возвращался в течение всей своей речи и снова повторял их, подчеркивал, вдавливал, врезал и вжигал их в мозг слушателя. Доклад В. И. Ленина имел громадное значение и сыграл роль ливня, освежившего и охладившего раскаленную атмосферу конференции.

В. И. Ленин сделал на конференции еще второй доклад «Аграрный вопрос», о котором в имеющихся в нашем распоряжении бюллетенях Всероссийской конференции и другой литературе, к сожалению, ничего не упоминается¹⁵.

Дальнейшая работа конференции

Останавливаться на всех докладах, которые были заслушаны конференцией в последние дни и перечень которых приведен в порядке дня ее, в нашей краткой статье мы не имеем возможности.

Ограничимся указанием, что в докладе Крыленко «О войне»¹⁶, а равно в речах других докладчиков подчеркивалось, что не продолжением бойни, не втыканием в землю штыков, не бумажными воззваниями к правительству, а лишь превращением буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую может быть положен конец империалистической войне.

Коснемся здесь еще доклада по национальному вопросу, с которым очень многим делегатам пришлось столкнуться впервые, — доклада И. В. Сталина «О национальных полках»¹⁷.

Приводим из «Новой жизни» заметку об этом докладе: «Сталин критикует национальную политику Временного правительства. Финны захотели оформить свою, существовавшую уже десятки лет автономию. Временное правительство воспротивилось этому. Украинцы захотели реализовать свое право на самоопределение. Временное правительство заявило свой протест и против этого, передавая все эти вопросы в Учредительное собрание.

Это вызывает обострение национальной борьбы. Фин-

ны раньше и не думали об отделении от России, а теперь приехавшие из Финляндии наши товарищи, финские социал-демократы, вынуждены констатировать появление и развитие крайних сепаратистских стремлений в Финляндии. То же будет на Украине».

И. В. Сталин предлагает резолюцию: признать за Украиной право на полное национальное самоопределение вплоть до государственного отделения и создания национальных полков.

По докладу развернулись оживленные прения. Часть ораторов указывала на опасность для революции в случае отделения от России целых областей. Другие доказывали, что допускать возможность государственного отделения значит потворствовать шовинистским стремлениям финской, украинской и прочей буржуазии. Пролетарии не имеют отечества и не заинтересованы в отделении от России. В частности, относительно образования национальных войск на Украине указывалось, что за создание национальных полков ратуют главным образом помещики и офицеры, которые пытаются, несомненно, использовать эти силы в контрреволюционных целях.

После горячих прений резолюция, предложенная И. В. Сталиным, конференцией принята».

В последний день конференции были произведены выборы во Всероссийское бюро большевистских организаций. Были избраны Невский, Подвойский, Крыленко, Беляков, Каганович, Кедров и еще несколько человек.

Заккрытие конференции. Поездка в Кронштадт

В день закрытия конференции, 23 июня, для участников ее был устроен в доме Кшесинской концерт — прототип тех концертов и спектаклей, которые стали традиционными для наших партийных съездов и съездов Советов.

Несмотря на бешеную травлю большевиков со стороны всей буржуазной и соглашательской прессы, в концерте приняли участие видные оперные и драматические силы. Из отдельных номеров программы бурное одобрение вызвала ария из оперы «Севильский цирюльник» «Что такое клевета?»

Ария была как нельзя более к моменту. Отвечавшая настроением конференции и спетая с большим подъемом,

ария увлекла и потрясла неискушенную в музыке аудиторию.

После закрытия конференции большинство делегатов продолжало оставаться в Петрограде, ожидая выхода из печати резолюций, принятых конференцией.

В один из ближайших дней (24—26 июня) состоялась экскурсия конференции почти в полном составе в красный Кронштадт на пароходе, специально присланном для этой цели Кронштадтским Советом рабочих и солдатских депутатов¹⁸. Во время поездки Подвойский разучивал с делегатами «Интернационал», слова и мотив которого в то время мало кто знал.

Кронштадтцы торжественно встречали на набережной прибывший пароход. После приветствия председателя Совета — Кирилла Орлова двинулись в манеж, где состоялся митинг...

Значение конференции

Значение июньской конференции, прежде всего, заключалось в закреплении смычки между пролетариатом и солдатской массой, в создании базы единого рабоче-солдатского фронта.

Если многих делегатов привело в ряды нашей партии исключительно отношение ее к империалистической войне, то на конференции они имели возможность убедиться, что не только в вопросе о войне, но и в разрешении земельного и продовольственного вопросов, в вопросе о власти большевистская партия действительно защищает интересы трудящихся масс.

Для делегатов конференция явилась своего рода партийной школой, заложившей в них твердые основы большевизма, давшей им руководство к действию, осветившей им подлинное значение революции и происходивших событий и начертавшей устами Ленина ближайшие задачи и верный путь к захвату власти и победе социалистической революции.

Нужно было терпеливо, изо дня в день, рассеивать мелкобуржуазный туман в массах и помнить, что без привлечения их на сторону пролетариата победы быть не может. Нужно было строить и крепить большевистские организации, отменяя колеблющиеся, чуждые и сомнительные элементы.

Никаких компромиссов, никаких соглашений с мелкобуржуазными партиями¹⁹. Железная дисциплина. Во-

енная централизация. Безоговорочное подчинение Центральному Комитету партии, направляющему все революционное движение и руководящему всем революционным движением.

Правда, конференции не удалось предупредить стихийного выступления революционных полков, вспыхнувшего в Петрограде несколько дней спустя после закрытия ее²⁰. Но кто знает, не будь конференции, удалось ли бы ЦК нашей партии и его Военной организации овладеть тогда движением и направить его в русло мирной политической демонстрации.

Значение конференции сказалось главным образом не тотчас после окончания ее и не в Петрограде, а на фронте, по возвращении туда делегатов.

И если четыре месяца спустя Великая Октябрьская революция дала власть в руки пролетариата, то в подготовке этой победы некоторую роль, несомненно, сыграла и июньская Всероссийская конференция фронтовых и тыловых организаций РСДРП большевиков.

А. Р. Вильямс
ДЕМОНСТРАЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ

Июльская демонстрация

18

июня явилось предупреждением о надвигающейся буре, а 3 июля она разразилась со страшной силой. Началось с появления длинных колонн пожилых солдат из крестьян с лозунгами «Отпустите 40-летних домой собирать урожай»¹. Затем с заводов, из казарм и жилых кварталов потоками хлынули люди, устремившиеся к Таврическому дворцу, у ворот которого целые сутки добивались удовлетворения требований. По улицам, завывая сиренами, разъезжали броневые автомобили с развевающимися на башнях красными флагами. словно разбушевавшиеся гигантские дикобразы, проносились набитые солдатами грузовики с торчащими во все стороны штыками. Распластавшись во весь рост на крыльях автомобилей и выставив из-за фар винтовки, лежали снайперы, высматривавшие провокаторов.

Этот клокочущий поток разлился намного шире того, который протекал по улицам 18 июня, и носил куда более грозный характер, потому что поблескивал сталью штыков и извергал проклятья, выражающие гнев нескончаемой серой колонны. Это было вылившееся само по себе возмущение народа против правителей — угрожающее, лютое и неистовое.

Под черным знаменем шла группа анархистов во главе с портным Ярчуком. Изнурительный труд наложил на него свой отпечаток. всю жизнь просидел он согнувшись с иглой над своей работой, и это задержало его рост. Теперь вместо иглы он орудует револьвером, видя в нем средство избавления от рабства у иглы.

— Каковы ваши политические требования? — спросил его Гамберг*.

— Наши политические требования?..— замялся Ярчук.

— К чертовой матери капиталистов,— вмешался огромного роста матрос.— А другие наши политические требования,— добавил он,— долой войну вместе с проклятым правительством.

В одном из переулков стоял автомобиль, из окон которого высывались дула пулеметов. Шофер вместо ответа на наш вопрос о его требованиях указал на полотно с надписью «Долой министров-капиталистов!».

— Нам надоело упрашивать их, чтобы они покончили с голодом и истреблением людей,— пояснил он.— Они даже слушать нас не хотят. Ну ничего, дождутся, когда залают вот эти две собачки, тогда сразу услышат,—и он любовно погладил пулеметы.

Немногое нужно, чтобы спровоцировать толпу, если у каждого кипит в душе гнев и до предела напряженные нервы, а в руках оружие. К тому же в провокаторах не было недостатка. Агенты черносотенцев из кожи лезли вон, стремясь разъярить толпу, толкнуть ее на бунт и погромы. Они выпустили из тюрьмы на волю сотни две уголовников², чтобы те учиняли грабежи и насилия, надеясь таким образом погубить революцию и снова посадить на трон царя. Кое-где им и в самом деле удалось учинить кровавую резню.

В один из напряженных моментов у Таврического дворца, где стеной стояла огромная толпа, раздался провокационный выстрел. За этим выстрелом последовали десятки других³. Люди стали кричать, шарахнулись к колоннам, потом отхлынули назад, опускались на четвереньки, ложились на землю. Когда стрельба прекратилась, шестнадцать человек уже не смогли подняться. А в это время всего лишь в двух кварталах от места происшествия военный оркестр играл «Марсельезу».

Стрельба на улицах вызывает панику. В ночной тьме, когда стреляют из замаскированных бойниц, с крыш и из подвалов, когда противника не видно и огонь ведут и по своим и по чужим, толпы народа мечутся взад и вперед, спасаясь от пуль на одной улице, но попадая под свинцовый дождь на другой.

Три раза за эту ночь наши ноги скользили по лужи-

---

* Переводчик.

цам крови на мостовой. На Невском сплошь были выбиты окна и рамы, вспыхнул настоящий бой на Литейном, после которого на камнях остались двенадцать казачьих лошадей. Возле убитых лошадей стоял высокий извозчик. На глазах у него блестели слезы. (Извозчик мог еще примириться с тем, что во время революции убито 56 и ранено 650 человек, но видеть гибель 12 хороших лошадей было ему невмочь.) ⁴

Большевики решают принять участие в демонстрации

Только благодаря тому, что Петроград имел большой опыт баррикадных и уличных боев, а также благодаря прирожденному здравому смыслу народа, побоище не стало еще более кровопролитным. Десятки тысяч рабочих, руководимых большевистской партией, явились стабилизирующей силой, которая препятствовала тому, чтобы выступление масс разрослось в вооруженное столкновение. Большевики очень хорошо видели, что выступление носит стихийный, неорганизованный характер. Они понимали, что выступление масс может привести к страшным последствиям, если не придать ему определенной целенаправленности. И большевики решили продемонстрировать грозную силу масс перед Центральным Исполнительным Комитетом Советов. В этот комитет, избранный на I Всероссийском съезде Советов, входило 256 человек ⁵. Он заседал в Таврическом дворце, куда и стекались массы.

Одни только большевики могли повлиять на эти массы. У главного подъезда дворца большевистские ораторы встречали каждый полк и делегацию, обращаясь к ним с краткой речью.

Нам со своего места очень хорошо было видно все это огромное стечение народа; местами над толпой возвышались одиночные фигуры солдат-артиллеристов на лошадях, а над всей массой людей переливались пурпурные полотнища знамен.

Под нами бушевало человеческое море. На поднятых вверх лицах отразились страх, надежда и негодование, мы это отчетливо видели, несмотря на сгущавшиеся сумерки. Со стороны центральной части города доносился рев двигавшейся толпы, приветствовавшей бронеавтомобили. Фары автомобилей наведены на оратора. На стене дворца выделялась его огромная черная тень. Каж-

дый жест оратора, увеличенный в десятки раз, стремительно летящим силуэтом проносился по белому фасаду.

— Товарищи,— говорил этот гигантского роста большевик,— вы хотите революционных преобразований. Этого можно добиться лишь одним путем: создав революционное правительство. Правительство же Керенского только называется революционным. Оно обещает землю, но земля по-прежнему остается у помещиков. Оно обещает хлеб, но хлеб все еще находится у спекулянтов. Оно обещает узнать, наконец, у союзников цели войны, но союзники настаивают только на одном: продолжать войну.

В правительстве разрастается серьезный конфликт между министрами-социалистами и буржуазными министрами⁶. Это завело правительство в тупик, и оно неспособно что-либо сделать.

Вы, петроградцы, пришли сюда, к Центральному Исполнительному Комитету Советов, и говорите: «Берите власть в свои руки. Мы поддерживаем вас своими штыками». Вы хотите, чтобы Советы стали правительством. Этого же хотим и мы, большевики. Но мы помним, что Петроград — это еще не вся Россия. Поэтому мы требуем, чтобы Центральный Исполнительный Комитет Советов созвал делегатов со всей России. И съезд должен будет провозгласить Советы правительством России.

Каждая колонна встречала это заявление радостными восклицаниями и возгласами: «Долой Керенского!», «Долой буржуазное правительство!», «Вся власть Советам!»

— Не допускайте насилия и кровопролития,— слышалось в ответ напутствие уходившим колоннам.— Не слушайте провокаторов. Не доставляйте радости нашим врагам, убивая друг друга. Вы уже в достаточной степени продемонстрировали свою силу. Теперь спокойно расходитесь по домам. Когда придет время применить силу, мы призовем вас⁷.

К бурному потоку демонстрантов примазались также и анархисты, черносотенцы, германские агенты, хулиганы и те неустойчивые элементы, которые всегда становятся на сторону того, у кого больше пулеметов. Для большевиков теперь было совершенно ясно: подавляющее большинство революционно настроенных рабочих и солдат Петрограда были *против* Временного правительства и за Советы. Они хотели, чтобы Советы стали правительством. Но большевики опасались, как бы этот шаг не оказался преждевременным. Они говорили: «Петро-

град — это еще не вся Россия. Другие города и армия на фронте, может быть, еще не созрели для столь решительного шага. Только делегаты от Советов всей России могут решить этот вопрос».

В Таврическом дворце большевики всеми способами старались убедить членов Центрального Исполнительного Комитета Советов созвать II Всероссийский съезд Советов⁸. Вне его стен они прилагали все усилия, чтобы успокоить и умиротворить взволнованные массы. Это была задача, которая потребовала от большевиков максимального напряжения всех сил и способностей.

Матросы требуют: «Вся власть Советам!»

Некоторые колонны пришли к Таврическому дворцу в весьма воинственном настроении. Особенно озлобленными были кронштадтские матросы, приплывшие по реке на баржах отрядом в восемь тысяч человек. Двое из них погибли в пути. Матросы прибыли сюда не на воскресную прогулку, чтобы посмотреть на дворец, поговорить возле него, а потом повернуться и уйти назад⁹. Они потребовали выслать к ним министра-социалиста, и без промедления.

К ним вышел министр земледелия Чернов. Для выступления он взобрался на извозчичью пролетку.

— Я пришел сообщить вам, что три буржуазных министра ушли в отставку. Теперь мы с большой надеждой смотрим в будущее. Вот законы, которые дадут крестьянам землю.

— Хорошо,— закричали из толпы.— А вступят ли ваши законы в силу немедленно?

— Они вступят в силу сразу же, как только позволят обстоятельства,— ответил Чернов.

— Знаем мы эти обстоятельства,— загудели в толпе.— Нет! Мы хотим осуществления этого *сейчас, немедленно*. Передайте всю землю крестьянам *немедленно*! И чем только вы занимались все эти недели?

— Я не обязан отчитываться перед вами в своих поступках! — побледнев от гнева, закричал Чернов.— Не вы назначили меня министром. Меня назначил Совет крестьянских депутатов. Я ответственен только перед ним.

Такой ответ вызвал у матросов негодование. Раздались голоса: «Арестовать Чернова! Арестовать его!». Десятки рук потянулись к министру, чтобы стащить его с пролетки. Некоторые же, наоборот, втаскивали его на-

верх. В потасовке на нем разорвали пиджак, а самого оттеснили в сторону.<...>

Демонстранты требовали взятия власти Советами немедленно.

В конце концов матросов удалось убедить, что для передачи власти Советам будет созван II Всероссийский съезд Советов. Провозглашая здравницы Советам и грядущей революции, они постепенно успокаиваются и мирно расходятся.

Разгром демонстрации. Расправа с большевиками

Именно созыва II Всероссийского съезда Советов и не хотели меньшевики, располагавшие тогда большинством в Центральном Исполнительном Комитете Советов. Они крайне отрицательно относились к идее превращения Советов в правительство, имея на это немало причин. Главная из них состояла в том, что они испытывали смертельный страх перед теми самыми массами, которые выдвинули их на высокие посты. Интеллигенция в буржуазном обществе не доверяет массам, стоящим ниже ее. В то же время она преувеличивает способности и благие намерения стоящей над ней крупной буржуазии.

Меньшевики всячески противились переходу власти в руки Советов. Они вовсе и не собирались созывать II Всероссийский съезд Советов ни через две недели¹⁰, ни через два месяца и вообще когда-либо. Но они испугались этой разгневанной толпы, ворвавшейся во двор и стучащей в двери дворца. Их тактика состояла в том, чтобы утихомирить народ, и они искали помощи у большевиков. Но эти интеллигенты вели двойную игру. Они сговорились с Временным правительством о разгроме демонстрации и вызове с фронта войск «для подавления мятежа и восстановления в городе порядка».

Вскоре с фронта прибыли войска¹¹: батальоны самокатчиков, резервные полки и затем длинные колонны кавалеристов с пиками, острия которых зловеще поблескивали на солнце. Это казаки — давние враги революционеров, вселяющие страх в каждую рабочую семью и доставляющие радость буржуазии. Теперь на улицах толпилась хорошо одетая публика, которая приветствовала казаков и кричала: «Расстреляйте этот сброд!», «Повесьте большевиков!»

По городу прокатилась черная волна реакции. Полки,

принимавшие участие в демонстрации, разоружены¹². Снова введена смертная казнь¹³. Большевистские газеты запрещены¹⁴. Сфабрикованные полицией фальшивки, в которых большевиков представляют как германских агентов, переданы в печать для опубликования. Царский прокурор Александров отдал распоряжение о привлечении большевиков к суду, обвинив их в государственной измене по статье 108 Уголовного кодекса. Таких активных деятелей большевистской партии, как Луначарский и Коллонтай, бросили в тюрьму¹⁵. Ленин и другие вожди большевиков вынуждены уйти в подполье. Во всех кварталах устраивались внезапные облавы, а рабочих повсеместно арестовывали, убивали.

Ранним утром 5 июля я был разбужен пронзительными криками, доносившимися с Невского. До моего слуха доносилось цоканье копыт и вопли, отчаянная мольба о пощаде и ругань — все это слилось в один страшный вопль, от которого мороз пробежал по коже. Потом я услышал звук падающего тела, стоны умирающего и — воцарилась тишина. Затем пришел какой-то офицер и объяснил, что на Невском схватили рабочих, расклеивавших большевистские прокламации. Налетевшие казаки исполосовали их нагайками и шашками, а одного рабочего рассекли пополам, и труп бросили на мостовую¹⁶.

Такой оборот дел привел буржуазию в восторг. Но не рано ли она ликует? Буржуазия не представляет, что стоны зарубленного рабочего донесутся до самых отдаленных уголков России, призывая его товарищей к отмщению и оружию. В тот июльский день буржуазия приветствовала Волынский полк¹⁷, вошедший под звуки оркестра в город, чтобы разогнать народную демонстрацию. Преждевременные радости! Буржуазия не знала, что в одну из грядущих ноябрьских ночей она увидит этот полк в первых рядах восставших, торжественно передавших народным Советам всю полноту власти.

Войска были вызваны в Петроград, чтобы овладеть им, но получилось в конечном итоге так, что Петроград овладел ими.

Влияние этого бастиона большевизма неотразимо. Петроград был подобен огромной домне революции, в которой перегорают всякое равнодушие и косность. Какими бы безучастными и инертными ни были прибывающие в город люди, из него они уезжали с революционным накалом. <...>

А. Ф. Ильин-Женевский
ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА
В ПЕТРОГРАДЕ

 Приближение июльских дней чувствовалось всюду. Стихийно нарастало недовольство широких солдатских масс контрреволюционной политикой Временного правительства.

В редакцию «Солдатской правды», где я в то время работал, каждый день большими кипами приходили простые солдатские письма с жалобами на тех, кто тормозит проведение в жизнь революционных начинаний и с угрозами по адресу буржуев и контрреволюционеров.

Такой же рост оппозиционных настроений мог я наблюдать и в той воинской части, в которой я непосредственно служил, а именно в запасном Огнемётно-химическом батальоне. Здесь почти ежедневно велись оживленные дебаты и споры по вопросам текущего момента, но, в общем, эта часть была настроена еще оборончески, и в комитетах ее заседали выбранные с начала революции меньшевики, эсеры и беспартийные неопределенного толка. <...>

Впоследствии меньшевики и эсеры пытались изобразить июльские события как заранее обдуманное и подготовленное выступление большевиков. Это, конечно, совершеннейший вздор. Для многих ответственных работников нашей партии июльские события явились столь же неожиданными, как и для меньшевиков и эсеров. События своей бурной стремительностью превзошли ожидания и спутали предположения и прогнозы очень многих. Здесь почти буквально повторялось то, что мне в июне месяце пришлось видеть в Кронштадте. Масса своим

стихийным напором толкала руководителей на решительные действия. Особенно много хлопот доставлял нашей военной организации 1-й пулеметный полк. Он стремительно рвался на улицу, причем официально разговоры шли о демонстрации, а неофициально ответственные представители полка охотно говорили о том, что полк при огромном количестве пулеметов, которое у него имеется, может один без труда свергнуть Временное правительство. Конечно, на такого рода авантюру комитет военной организации никоим образом не мог дать своего согласия¹. <...>

За первым пулеметным полком выступили 180-й, запасный гвардии Гренадерский и целый ряд других петербургских полков. Движение грозило перейти в стихийный бунт. Тогда Центральный Комитет нашей партии решил принять на себя руководство начавшимся движением и назначил на 4 июля мирную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!».

Я все это время безвыходно находился в редакции «Солдатской правды». 3 июля мельком побывал на общегородской конференции, которая происходила в это время во дворце Кшесинской².

Большинство районных делегатов находилось в крайне возбужденном состоянии; часть настаивала на необходимости вооруженного восстания. «Какая тут может быть мирная демонстрация,— кричал, сильно жестикулируя, какой-то высокого роста делегат,— на улицах стрельба, это новая революция!»

Действительно, в центре города уже стреляли. Люди, притаившиеся на чердаках и балконах буржуазных домов, обстреливали первые группы демонстрантов пулеметного и других полков, выступивших в этот день по собственной инициативе. Однако партийные центры считали вооруженное выступление преждевременным и стояли за придание движению мирного характера.

Вот и 4 июля — день, назначенный для демонстрации. Погода прекрасная. Ярко светит солнце. С утра во дворце Кшесинской чувствуется приподнятое настроение. По Каменноостровскому проспекту время от времени проходят воинские части. У дворца Кшесинской они останавливаются и кричат «ура». С балкона им отвечают. Раздаются речи. Кажется, что демонстрация удалась на славу.

В радужном настроении направляюсь я в свой запасный Огнеметно-химический батальон. Мне стыдно, что

моя часть примкнет к общему движению последней. Я смутно надеюсь, не двинулась ли она уже, увлеченная общим потоком демонстрантов. Оказывается — нет: все на месте. Сегодня как раз состоится пленарное собрание всех комитетов и судов батальона. Первым в порядке дня стоит вопрос о демонстрации. Я беру слово, но, по выражению лиц аудитории, я вижу, что моя речь успеха иметь не будет. Угрюмо молчат офицеры, которых чуть не половина, остальные, с простыми деревенскими лицами, сидят в смущении: трудно им, не привыкшим к политическим вопросам, разбираться, кто тут прав, кто виноват.

Возражает меньшевик. Как сейчас помню лицемерно-ласковое начало его речи: «Дорогие товарищи! Мне очень жаль, что приходится выступать против своего товарища по партии, но только он — большевик, а я меньшевик». Далее на сцену появляется знаменитое воззвание ЦИК Советов, этого «полномочного органа революционной демократии», и это оказывается решающим³. Большинство голосует за резолюцию, предлагающую присоединиться к резолюции ЦИК Советов. На лицах офицеров видно злорадство. Больше всех ликует присутствующий здесь же помощник командира батальона подпоручик Надеждин. Он хочет воспользоваться случаем, чтобы окончательно меня уничтожить. И он вносит предложение довести до сведения ЦИК, что я, вопреки его постановлению, звал солдат с оружием в руках выйти на улицу и присоединиться к демонстрации. Собрание покорно принимает и это предложение.

Я возвращаюсь во дворец Кшесинской: здесь настроение также далеко не такое радужное, как утром. Говорят о стрельбе, которая была опять в центре города, и о жертвах. Порядочно пострадали кронштадтские матросы, которые в количестве до пяти тысяч пришли сегодня на демонстрацию. Некоторые матросы, отбившиеся от общего отряда, оказались арестованными Временным правительством — это страшно сердит матросов. Они клянутся, что не уйдут из Петрограда до тех пор, пока не освободят своих товарищей.

Хотя демонстрация официально уже закончена, но ЦК решает оставить их, так как, по имеющимся у нас сведениям, Временное правительство концентрирует вокруг себя верные ему части, и неизвестно, чего еще от него можно ждать. Я вижу этих матросов, так как часть их остается ночевать во дворце Кшесинской. Сегодня у

них особенный, боевой вид: через плечо болтается винтовка, у пояса с одной стороны — револьвер, с другой — японский штык. Они и держатся как-то особенно, точно на параде.

5 июля. С утра начинают ползти тревожные, волнующие слухи: говорят, что на Дворцовой площади собираются войска Временного правительства, которые вот-вот будут двинуты на дворец Кшесинской⁴. Почти все главные мосты разведены — это еще более рождает слухи. Дворец Кшесинской начинает мало-помалу приготавливаться к обороне: всюду устанавливаются пулеметы, поддерживается тесная связь с большевистскими частями.

Неожиданно появляется выпускающий редактор «Правды» — Константин Степанович Еремеев и сообщает потрясающую новость: сегодня утром в помещение «Правды» ворвался отряд «инвалидов» и произвел форменный разгром⁵. Сам Еремеев был арестован, но его, как одетого в солдатскую форму, приняли за простого солдата-караульного, и он вскоре был отпущен.

Кто-то сообщает, что со стороны Дворцовой площади по направлению ко дворцу Кшесинской двигаются четыре грузовика, набитые вооруженными матросами Гвардейского экипажа, — части, настроенной в то время весьма реакционно. Тов. Подвойский, председатель военной организации, начинает быстро распределять роли... <...> Всех солдат и матросов, находящихся во дворце, он предупредил, чтобы без его распоряжения не было произведено ни одного выстрела, в особенности долго давал он инструкции пулеметчику, находящемуся в угловой беседке сада дворца Кшесинской; он был несколько отделен от остальных и должен был действовать самостоятельно, не дожидаясь команды. Всем защитникам дворца Кшесинской были розданы патроны. Пулеметы были снабжены необходимым количеством пулеметных лент. Все это делалось с лихорадочной быстротой, так как ожидали каждую минуту нападения войск Временного правительства. <...>

Было решено запастись необходимым количеством патронов. С этой целью т. Подвойский делегировал т. К. С. Еремеева и меня к начальнику кронверка Петропавловской крепости потребовать у последнего необходимое нам количество патронов.

Как сейчас помню растерянный вид офицеров Петропавловской крепости, с которыми нам пришлось столк-

путья; они были между двух огней: с одной стороны — воля революционного гарнизона, с которым они не могли не считаться, с другой — гнев их непосредственного начальства. Начальник кронверка встретил нас очень любезно, но заявил, что без разрешения управления артиллерийского склада, которое помещалось на Малой Дворянской, 14, он ничего выдать не может. <...> ...Мы разыскали автомобиль и двинулись дальше. В артиллерийском складе мы увидели забавную картину. Чиновничество, не будучи уверено, существует ли еще Временное правительство, лебезило перед нами, на словах обещая все, но на деле боясь пальцем двинуть, чтобы не попасть под ответственность. Пользуясь положением, мы говорили с ними как власть имеющие, грозили всякими карами, но они все-таки так и не выдали нам разрешения на патроны, цепляясь за всевозможные формальные предлоги. Вернувшись во дворец Кшесинской, мы сделали обо всем этом доклад президиуму военной секции.

Между тем мосты по-прежнему продолжали оставаться разведенными, а в воздухе носились зловещие слухи. Это не предвещало ничего хорошего. К тому же мы оказались лишенными телефонной связи. Телефонные барышни объявили нам бойкот.

Когда я попробовал поговорить по телефону по поводу выпуска очередного номера «Солдатской правды», мне со станции в телефонную трубку посыпался целый град насмешек и ругательств. Я, однако, решил не сдаваться и начал убеждать барышню в том, что мне необходимо переговорить по срочному делу. Барышня, в свою очередь, стала стыдить меня за то, что я «работаю на немецкие деньги». Наш спор закончился неожиданным образом. Какая-то другая барышня, выхватив трубку у первой, громко закричала мне в самое ухо: «Это, вероятно, сам Ленин говорит! Шпион! Мерзавец!» и с этими словами повесила трубку. Так я и остался стоять у телефонного аппарата.

Чтобы выяснить положение, я предложил президиуму Военной организации послать делегацию к командующему войсками Петроградского военного округа ген. Половцеву. Эта делегация должна была указать генералу Половцеву, что с нашей стороны не предполагается никаких агрессивных действий, выяснить причину разведения мостов, выяснить намерения генерала Половцева относительно нас и параллельно посмотреть, что делается на Дворцовой площади. Правильны ли слухи, что там

концентрируются войска, которые будут направлены против нас.

Президиум Военной организации согласился со мной, и в качестве делегатов к генералу Половцеву были направлены К. С. Еремеев и я. Для того чтобы попасть на Дворцовую площадь, пришлось объехать почти весь город. Все мосты были разведены, за исключением Дворцового и Биржевого, где одна половина моста была поднята, а у другой стоял караул и проверял документы у всех проезжающих. У нас потребовали специальный пропуск от штаба округа на право пользования автомобилем, но когда узнали, кто мы и с какой целью едем, — пропустили.

Прохожие центральной части города с удивлением и интересом смотрели на нас. Наш внешний вид в достаточной степени выдавал нас. Достаточно сказать, что шофером и его помощником у нас сидели кронштадтские матросы — предмет ужаса и ненависти запуганной и озлобленной буржуазии. Однако матросы несколько не смущались производимым ими впечатлением и спокойно посматривали по сторонам, а ленточки их головного убора игриво трепыхали в лучах яркого летнего солнца.

На Дворцовой площади действительно были расположены войска, но в очень небольшом количестве. Там и сям стояли ружья, сложенные в козлы. Зато сам штаб округа представлял собою невиданное явление: из всех окон торчали десятки солдатских голов. Некоторые солдаты совсем вылезли из окон и стояли на подоконнике или сидели, болтая в воздухе ногами. К. С. Еремеев, глядя на эту картину, усмехнулся. Мне тоже пришла в голову мысль, что, может быть, в то время, как мы там готовились к воображаемому нападению, здесь сами боятся, как бы мы на них не напали. И мосты-то разведены, может быть, только в целях самосохранения. Эта мысль придавала мне бодрости.

В штабе округа нам сообщили, что генерал Половцев находится у себя в квартире в том же здании, но вход с соседнего подъезда, что он три ночи не спал, страшно устал и, вероятно, теперь отдыхает. Мы прошли по указанному нам направлению. Пришлось подождать некоторое время в передней. Швейцар с ужасом стал рассказывать нам, что такое тут недавно творилось. «Приехали они, — между прочим заявил он, — на грузовике и начали наш штаб из пулемета обстреливать». — «Кто же это они?» — спросили мы. «Да большевики!» — уверенно ответил

швейцар. Мы, конечно, уверили его, что это, очевидно, провокация, так как никто из большевиков не мог из пулемета обстреливать здание штаба. Наконец, вышел адъютант ген. Половцева и пригласил нас в кабинет. Он заявил, что генерал Половцев только недавно прилег, но он все же доложит ему о нашем прибытии.

Скоро мы увидели и самого генерала Половцева. Он вышел к нам минуты через две, позевывая и застегивая на ходу черкеску, в которую он был одет. С нами он был в высшей степени любезен и предупредителен.

Мы задали ему три основных вопроса, которые нас интересовали: 1) почему была разгромлена редакция «Правды», 2) почему разведены мосты и 3) правильны ли слухи о концентрации против нас правительственных войск?

Половцев объяснил нам, что им был дан приказ разоружить все вооруженные группы людей в пределах города, и так как в помещении редакции «Правды» находились вооруженные люди, — они также подлежали разоружению. О разгроме и бесчинстве Половцев, по его словам, узнал сам лишь недавно, и им немедленно был отдан приказ вернуть награбленное, а начальнику отряда он сделал строжайший выговор. Разведение мостов он объяснил как меру чисто предупредительного характера и категорически заверил, что не собирается идти против большевиков вооруженной силой. Ни т. Еремеев, ни я не придавали его словам большого значения, и мы были правы. Ближайшие же события показали, что Половцев самым наглым и бесстыдным образом врал.

Распроставшись, мы взяли в штабе округа пропуск на право проезда на нашем автомобиле и спустились вниз. Любопытные сценки суетни в штабе пришлось нам понаблюдать. Между прочим, я совершенно ясно помню хлопчущую фигуру студента в блестящем студенческом мундире и с винтовкой через плечо. Это был настоящий прообраз будущей белой гвардии.

Выйдя из дверей на площадь, мы увидели картину, которая заставила нас насторожиться. Оказывается, пока мы беседовали с генералом Половцевым, наш автомобиль с сидящими в нем двумя матросами привлек к себе внимание толпившейся около штаба публики. Матросов стали расспрашивать, кто они и зачем сюда приехали. Матросы отвечали очень неохотно. Это показалось публике еще более подозрительным, и она стала угрожающе скапливаться около автомобиля, выкрики-

вая ругательства по адресу флота, который поддерживал предателей и шпионов большевиков.

Видя такую картину, мы быстрыми шагами направились к автомобилю и заняли в нем свои места. Толпа еще более заволновалась. «Они хотят уезжать! — раздались возгласы. — Это большевики! Не пускать их!», а в задних рядах кто-то даже крикнул: «Бей их!» Минута была рискованная. Однако матрос быстро включил мотор, и автомобиль рванулся вперед, заставив шарахнуться в сторону стоявших перед ним людей. Под угрожающие крики толпы мы скоро завернули на Миллионную улицу и здесь уже могли вздохнуть спокойно.

Прежде чем вернуться во дворец Кшесинской, мы решили проехать по городу и посмотреть, не скопляются ли где-либо войска Временного правительства. На улицах мы не обнаружили ничего особенного. Народу было мало. Всюду было тихо и спокойно. Марсово поле, за которое мы особенно беспокоились, было совершенно пусто. На Литейном проспекте в двух или трех местах лежали трупы убитых в перестрелке казачьих лошадей, вокруг них толпились любопытные.

В нескольких местах нас останавливали патрули, и нам приходилось предъявлять пропуск, полученный нами в штабе округа. Наконец, достаточно обзрев город, мы направились на Мойку, в редакцию газеты «Правда», чтобы составить акт по поводу произведенного там разгрома.

Когда мы сошли с автомобиля и поднялись в редакцию, ужасное зрелище представилось нашим глазам. Во всех комнатах грудami валялись разбросанные рукописи и бумаги, ящики столов были вывернуты, и многие из них продавлены, по-видимому, ногой. Вообще бросалось в глаза дикое озлобление, с которым был произведен разгром. Пишущая машинка, разломанная ударом чего-то тяжелого, была зашвырнута в угол комнаты; телефоны были оборваны, а самые трубки были даже все унесены. Вскоре прибыл старший милиционер и стал составлять по просьбе К. С. Еремеева акт о происшедшем. Я же вернулся во дворец Кшесинской, где сделал доклад о всем виденном и слышанном. От т. Подвойского узнал, что в мое отсутствие приезжал с т. Каменевым меньшевик Либер и также заверил, что никакого нападения на дворец Кшесинской не предвидится⁶.

Так как мне нужно было ехать в типографию «Труд» на Кавалергардскую улицу выпускать очередной номер

газеты «Солдатская правда», а мосты были разведены, то я уговорился переехать Неву на маленьком пароходике, прибывшем из Кронштадта. <...>

В типографии было небезопасно. Караула никакого не было, а бродившие под окном толпы были настроены очень враждебно, да и от расположенных вблизи конных и казачьих полков можно было ожидать всяких эксцессов. На всякий случай мы написали коменданту Таврического дворца записку с просьбой прислать караул для охраны типографии. Через некоторое время в помещение редакции, гремя шпорами, вошел какой-то блестящий офицер: «Я к вам от коменданта Таврического дворца,— развязно заявил он, прикладывая руку к козырьку,— мы пришлем к вам караул казаков». — «Почему казаков?!» — удивился я. «Да, видите ли, казаки хуже всего к вам относятся, и если какая-нибудь казачья часть придет вас громить, то она невольно остановится и воздержится, увидев, что вас охраняют казаки». Это казалось более чем подозрительным, однако я не стал пререкаться с офицером и даже, наоборот, поблагодарил его. Офицер расшаркался и ушел. Но никакого караула, ни казачьего, ни неказачьего, нам так и не было прислано.

Закончив работу поздно ночью, я направился домой и здесь увидел, что нахожусь в довольно затруднительном положении. В самом деле, как мне добраться на Выборгскую сторону? Мосты разведены, а пароходик, на котором я сюда приехал, уже, несомненно, давно уплыл... Я пошел вдоль набережной, надеясь на какой-нибудь счастливый случай. Мне действительно повезло. В одном месте, несмотря на ночное время, я увидел лодку и сидящего в ней человека. За небольшое вознаграждение он согласился перевезти меня через Неву. Когда мы собрались уже отчаливать, в лодку вскочил еще один запоздалый пассажир — солдат в расстегнутой шинели и без фуражки. Солдат этот оказался одним из демонстрантов, потерявшим во время перестрелки свою часть. Он рассказал нам о настоящем бое, который произошел на Марсовом поле между его частью и казаками. Казаков было больше, и солдаты оказались в тяжелом положении, но неожиданно им оказали поддержку матросы с барок, открывшие в тыл казакам ружейный огонь. Где солдат потерял свою фуражку, он так и не помнил. <...>

На другое утро, 6 июля, около 9 часов утра мы с Рощалем отправились во дворец Кшесинской... Придя во дворец Кшесинской, мы узнали потрясающую новость.

Три четверти часа тому назад звонил по телефону помощник главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, штабс-капитан Козьмин и предложил отрядам, находящимся во дворце Кшесинской, немедленно сложить оружие. «Если через полчаса,— заявил он,— оружие не будет сдано, по дворцу Кшесинской будет открыт артиллерийский огонь». Таким языком заговорило Временное правительство, когда почувствовало за собою силу, и вчерашние уверения и обещания были, конечно, сразу же забыты⁷.

Тов. Подвойский, который говорил по телефону с Козьминым, чтобы выиграть время, заявил, что сейчас во дворце нет никого из ответственных работников и потому необходимо продлить данный срок, чтобы успеть их уведомить.

Однако Козьмин остался непреклонен. Сейчас происходило летучее собрание, которое обсуждало вопрос о том, как бы выиграть время. Одни советовали пока перебраться в казармы запасного гвардии Гренадерского полка, который все время был с нами и за нас, другие рекомендовали перейти в Петропавловскую крепость. Надо было торопиться, так как срок, данный Козьминым, уже истек, и каждую минуту можно было ожидать начала артиллерийского обстрела. Большинство голосов решило идти в запасный гвардии Гренадерский полк, и мы с Рощалем отправились туда первыми, чтобы предупредить полковой комитет, а остальные стали собираться, чтобы идти туда следом за нами.

В помещении комитета Гренадерского полка оказалось много офицеров, которые окружили нас и с натянутой любезностью стали расспрашивать о происходящих событиях. Мы весьма неохотно удовлетворяли их любопытство.

Между тем время шло, а никто из наших товарищей из дворца Кшесинской не появлялся. По-видимому, в наше отсутствие что-то произошло. Тогда мы покинули Гренадерский полк и направились во дворец Кшесинской. По дороге от одного из наших товарищей мы узнали, что вопрос о переходе в последнюю минуту был перерешен и все направились в Петропавловскую крепость. «Только вы не идите туда,— предупредил товарищ,— Петропавловская крепость уже окружена войсками Временного правительства и вам все равно туда не попасть». Однако мы направились дальше. <...>

Слова повстречавшегося нам товарища о том, что

Петропавловская крепость окружена войсками Временного правительства, оказались несколько преувеличенными. Я благополучно прошел мимо дворца Кшесинской и скоро уже был у массивных ворот Петропавловской крепости.

Здесь я увидел Н. И. Подвойского, поспешно сажающегося в автомобиль. «Я уезжаю в ЦИК Советов,— на ходу крикнул он мне,— оставляю крепость в ваше с т. Мальцевым распоряжение». Тов. Мальцев, прапорщик, член Всероссийского бюро военных организаций, стоял тут же. Попрощавшись с т. Подвойским, мы пошли делать необходимые распоряжения по обороне крепости. У нас было большое количество пулеметов и несколько легких воздушных [зенитных] пушек. Некоторые пулеметы были выставлены прямо на валу крепости, привлекая к себе всеобщее внимание. Мы распорядились их несколько отвести. Другие просто стояли в куче внизу. Мы распределили их также по местам. Больше всего нужно было опасаться провокационных выстрелов, поэтому мы строго-настрого запретили отвечать на отдельные выстрелы с неприятельской стороны и стрелять только в случае явного нападения. На валах мы установили наблюдателей.

Между тем кольцо войск Временного правительства все суживалось и суживалось вокруг нас. Уже ясно видно было, как перебегали в Александровском парке от дерева к дереву вооруженные солдаты. Вскоре на наших глазах без единого выстрела был занят дворец Кшесинской. Сопrotивляться нам во что бы то ни стало было безумием и бессмыслицей. В нашем распоряжении находилось всего около 300 матросов да человек 200 пулеметчиков 1-го запасного пулеметного полка. Вопрос мог быть лишь о том, чего хотят от нас наши враги. Если они хотят нашей жизни,— да, тогда, конечно, мы будем защищаться до последней капли крови!

Между тем от осаждающих войск пришел парламентер, который предложил нашим парламентарам пойти во дворец Кшесинской для переговоров. Быстро было созвано небольшое общее собрание, на котором в качестве парламентаров были выбраны: кронштадтский анархист Ярчук, один матрос, фамилии которого я не знаю, и я. Вместе с нами отправилось несколько офицеров гарнизона Петропавловской крепости, членов гарнизонного комитета.

Пройдя сквозь цепи осаждающих войск, мы вступи-

ли наконец во дворец Кшесинской. Как все изменилось здесь за такой короткий срок! Всюду звенят шпоры, всюду офицеры. Только одно знакомое лицо попадаетеся нам навстречу. Это член Петербургского комитета партии тов. [И.] Рахья. Он сидит на столе, недалеко от входа, вокруг него толпятся солдаты, вероятно, он арестован.

Парламентерами со стороны Временного правительства являются меньшевик Богданов, уполномоченный ЦИКа Советов, как он себя называет, помощник главнокомандующего, штабс-капитан Козьмин и поручик Мазуренко⁸, один из главных руководителей похода против большевиков. У поручика Мазуренко рука на черной перевязи, а лицо строго и неумолимо. На наш вопрос, чего же они от нас хотят, он ответил кратко: «Разоружения и сдачи».

Мы заявили, что в крепости находятся только солдаты и матросы, охранявшие дворец Кшесинской в качестве караула. Устраивать бойню солдат с солдатами — безумие. Пусть Временное правительство гарантирует безопасность, и солдаты разойдутся по своим казармам, а матросы сейчас же сядут на пароходы и вернутся в Кронштадт. Если Временное правительство опасается возможности перестрелки, то мы согласны погрузить оружие на отдельный пароход, который также последует в Кронштадт.

Однако эти условия не были приняты представителями Временного правительства. Они категорически требовали сдачи и разоружения.

Нельзя не упомянуть о той гнусной роли, которую сыграли при этих переговорах офицеры гарнизона Петропавловской крепости, отправившиеся вместе с нами. Они также категорически требовали нашей сдачи и, забывая о том, что мы перешли в Петропавловскую крепость, следуя настойчивому приглашению солдат гарнизона, и что нас атакуют, а не наоборот, восклицали с неподдельной злобой: «Вы находитесь у нас, и вы еще хотите устраивать какое-то сражение. Это безобразие, не забывайте, что мы хозяева крепости!» и т. п.

«Ваш Центральный Комитет,— говорили парламентарии Временного правительства,— также согласен на то, чтобы вы сдали оружие. Вот здесь имеется его представитель». Мы посмотрели по указанному направлению и увидели т. Сталина, с печальным и мрачным лицом. «Сдаваться?» — спросил я вполголоса, подходя к нему. «Ничего больше не остается!» — ответил тов. Сталин⁹.

Посоветовавшись с другими делегатами, я сказал представителям Временного правительства, что мы согласны сдать, но так как это вопрос серьезный, то нам необходимо вынести его на решение остальных наших товарищей, находящихся в Петропавловской крепости. Вместе с нами туда же отправились Богданов и т. Сталин. Первым взял слово Богданов. В своей напыщенной речи он говорил о «воле фронта», о «полномочном органе революционной демократии», о «немецких интригах» и грозил испортить все дело, но, к счастью, выступавшие после него товарищи Сталин и Ярчук несколько разрядили атмосферу, и собрание подавляющим большинством высказалось за сдачу оружия. На сцену появились грузовики, и, точно дождь, посыпались на них револьверы, винтовки и штыки. Я с т. Сталиным и Мальцевым прошли в небольшой буфет, устроенный гарнизоном Петропавловской крепости, и там за бутылкой квасу стали обсуждать происходящие события. Тов. Сталин был страшно озлоблен против вождей меньшевиков и эсеров и ежеминутно восклицал: «Какие мерзавцы! Какие негодяи!» Через некоторое время т. Сталин уехал, а я поднялся на вал крепости и стал смотреть, что делают наши враги. Там же находилось много матросов, которые лежали на свежей траве, согретаемые ярким летним солнцем, и перекидывались остротами.

В лагере осаждавших было некоторое движение. Одни части оставались, чтобы принять от нас оружие и переписать нас, другие строились и отправлялись по домам. Между прочим, совсем недалеко от нас прошла небольшая часть матросов Гвардейского экипажа, щегольски, с иголочки одетая. Их появление вызвало у нас на валу целый град насмешек. «Компотники!» — громко крикнул кто-то из матросов, и его восклицание было покрыто дружным взрывом хохота остальных. Между тем время шло, а нас все еще не отпускали. Некоторые начали уже волноваться. Говорили, что, вероятно, это новая измена и предательство. Неожиданно на сцену появился обед, приготовленный для нас солдатами гарнизона. Такая заботливость тронула нас и подняла несколько упавшее было настроение.

Наконец часов около трех приехало несколько человек военных и штатских и, устроив столы тут же на воздухе, стали переписывать всех арестованных. Переписанных тут же освобождали,

Приезжал еще на короткое время Богданов и пред-

лагал освобожденным матросам отправиться на пароход под конвоем, объясняя, что это предохранит их от самосуда толпы, но матросы категорически от конвоя отказались.

Я полагал, что меня как офицера задержат на более продолжительное время и даже, может быть, вовсе не освободят из-под ареста, но, к моему удивлению, я был на общих основаниях записан и немедленно освобожден.

Проходя через ворота крепости, мимо часовых войск Временного правительства, я услышал, как один из них громко выругался: «Черт возьми! — сказал он, — ну и обманули же нас сегодня. Сказали, что в Петропавловской крепости грабители, а здесь, оказалось, все свои же солдаты и матросы». Слушая эту реплику, я неожиданно ясно понял, какое громадное агитационное значение будут иметь эти события для последующего хода революции.

ПИТЕРСКИЕ РАБОЧИЕ ОБ ИЮЛЬСКИХ ДНЯХ

Ефимов

ПУТИЛОВСКИЙ ЗАВОД

 В пушечной мастерской Путиловского завода с утра 3 июля ходили слухи, что состоится митинг у главной конторы завода на улице. Всех рабочих интересовало, кто будет оратором, и о чем будут говорить. Товарищи, агитировавшие за митинг, отвечали, что министры-капиталисты хотят послать новые войска для срыва братания с германскими войсками на фронте. Узнав об этом, рабочие пришли в боевое настроение, говорили, что надо гнать военного министра с.-р. Керенского. Около двух часов дня рабочим сообщили, что приехала делегация от 2-й пулеметной команды, которая созывает митинг рабочих, а заводской комитет не решается на это. Рабочие, сгорая нетерпением, собрались у старой главной конторы завода, шумя: «Открывай митинг». Вошли солдаты, которые подтвердили слухи, заявив рабочим, что они получили приказ отправиться 4 июля на фронт, но решили ехать не на германский фронт против германского пролетариата, а против своих министров-капиталистов.

Услышав это, собравшиеся рабочие (около 10 тысяч чел.) закричали: «Долой таких министров!». Далее пулеметчики заявили, что они сегодня выступают в 4 часа на автомобиле с пулеметами. «Двинем, двинем!» — закричали рабочие; члены заводского комитета пробовали убедить собравшихся, что надо действовать более организованно. Рабочие настаивали идти, и вот в 4 часа собрались на улицах ¹.

Я забежал в партийный районный комитет большевиков (Новосивковская ул.) и спросил товарищей, что бу-

дем делать. Тов. Гессен Сергей сказал, что выступать не будем, но оставить рабочих на произвол судьбы не можем, поэтому идем с ними вместе. В этот момент прибежал член районного комитета тов. Чудин с вестью, что во всех районах рабочие выступают, придется партийным поддерживать порядок.

Собрались и мы — пошли. У Нарвских ворот народу масса, будто бы не осталось никого на квартирах. Женщины кричат: «Все должны идти, никто не должен оставаться. Мы будем охранять квартиры».

Некоторые из рабочих предложили идти в комендатуру и взять винтовки для защиты от юнкеров Керенского. Пришли в комендатуру на Обводный канал с просьбой к коменданту выдать винтовки. Комендант отказал, ссылаясь на распоряжение Временного правительства, и заявил, что он окажет рабочим вооруженное сопротивление. Безоружные рабочие решили двигаться дальше. Пошли к Невскому. Тут на самом деле начали рабочим чинить препятствия интеллигенты, офицеры, студенты. Они врывались в наши ряды, вырывали наши знамена, на которых было написано «Долой войну!» Рабочие выталкивали буржуев опять на панель, а сами продолжали идти по Невскому. Тогда интеллигенты и прочие начали стараться рассеять выступивших, убеждая их, что это германские шпионы хотят впустить в Петроград германцев и похоронить революцию, которая так дешево досталась. Рабочие на это отвечали: «Это вам дешево досталась революция — спиной народа, а нам-то нет». В сумерки выступившие рабочие приустиали и стали расходиться; проходя обратно по Невскому, спорили с буржуазией и интеллигенцией, кое-кому попало от них, — и наоборот.

На другой день, 4 июля, путиловцы выступили более организованно и без оружия.

4 июля рабочие собрались в пушечной мастерской. На трибуну вышли члены Совета, некоторые из них говорили за войну, другие против и призывали рабочих продолжать манифестировать против войны более организованным порядком в мирной обстановке. На это рабочие согласились и собрались у Нарвских ворот. В этот момент явились приехавшие из Кронштадта матросы. Тов. Семен Рошаль определенно заявил собравшимся, что матросы никогда не отстанут от рабочих, никому не позволят противиться, что матросы вместе с рабочими на улицах, и предложил демонстрировать без вооруже-

ния и поддерживать порядок. Собравшиеся у Нарвских ворот солдаты не пожелали идти без винтовок, и все тронулись². Когда рабочие подошли к Сенной площади, на колокольне «Спаса» начали звонить. Когда демонстранты подошли к Гороховой, раздался выстрел, другой, третий, как будто бы из пулемета. Солдаты подняли винтовки и дали залп по колокольне церкви. Выстрелы замолкли, и демонстранты опять пошли дальше. У Гостиного двора на демонстрантов налетела компания юнкеров и студентов и выхватила было у них плакат. Рабочие сопротивлялись, получилась давка, кто-то выстрелил, пишущему эти строки разбили голову, сильно помяли ногами бока и грудь.

4 июля рабочие пушечной мастерской судили-рядили на своем импровизированном митинге, кто виноват в стрельбе на улицах... Вечером 5 июля члены партии собрались в Путиловской столовой, Товарищ Гессен предложил выяснить виновников выступления на заводе. Даже присутствующие на этом собрании беспартийные говорили, что виновником выступления рабочих на улице надо считать само Временное правительство.

И. М. Коган

ФАБРИКА «СКОРОХОД»

Районный комитет большевиков весной и летом 1917 г. уделял фабрике «Скороход» большое внимание; на каждом из общих собраний был представитель комитета партии. Из лидеров партии посетили тогда фабрику: Ленин — 1 раз, Зиновьев — 2 раза, Володарский — 4 раза, их выступления имели большое влияние на рабочих, так что в конце апреля все резолюции на общих собраниях рабочих и заседаниях заводского комитета принимались большевистские, а членами Совета от рабочих фабрики, кроме 4-х эсеров, были и 2 молодых члена партии большевиков. Эсеры, члены Совета, голосовали на заседаниях Совета за резолюции эсеровские, а не проводили резолюции, принятые на общих собраниях рабочих фабрики. За это им было высказано от общего собрания порицание и недоверие со стороны рабочих и было решено переизбрать новых членов Совета. Перевыборы произошли тайным голосованием, в результате чего громадным большинством голосов прошли 5 большевиков и один эсер.

После этого в скором времени эсеры хотели провести на общем собрании рабочих предложение отработать за 1 мая в следующее воскресенье, но это им не удалось благодаря выступлениям большевиков на общем собрании, а также агитации по отделениям.

В мае на фабрике еще шире развернулась работа, прилив членов в партию большевиков стал больше, распространение большевистских газет дошло до 5000 экз. в день. Знаменитое наступление Керенского дало последний толчок, даже более отсталые люди шли на демонстрацию с лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Да здравствует власть Советов!»³

Утром 5 июля *, не приступая к работе, рабочие фабрики устроили общее собрание, на котором был сделан доклад членом Совета от фабрики, большевиком Коганом, о текущем моменте. Докладчик говорил о мирной демонстрации воинских частей и многих заводов и фабрик с лозунгом: «Вся власть Советам!» и призывал рабочих фабрик присоединиться к мирной демонстрации.

На этом собрании выступал также от эсеров член военной секции Петроградского Совета; три оратора призывали не выступать, но общее собрание рабочих фабрики постановило выступить с лозунгом «Вся власть Советам!». Часов в 11 утра рабочие стройными рядами, свыше 4000 чел., вышли на Забалканский просп. со знаменем и плакатами. Охрана фабрики, человек 40, вооруженных винтовками, шла вокруг демонстрантов, на случай отпора нападению. Передовые работники, могущие выступать (Коняшин, Коган, Смирнов-Хромой и др.), сели на грузовой автомобиль со знаменем в руках и поехали на заводы «Динамо», Речкина, «Артура Коппеля» и «Сименса — Шуккерта» и призывали рабочих присоединиться к демонстрации. Заводы эти были еще под большим влиянием эсеров и меньшевиков. После митингов к скороходовцам присоединилась только часть рабочих этих заводов.

Часов около 12 дня все двинулись в путь с пением революционных песен. До Литейного пр. шло все благополучно, но на Литейном уже даны были по демонстрантам провокационные выстрелы из буржуазных домов. Но эти выстрелы не расстроили рядов. Все шли стройно и дружно пели песни. У Таврического дворца рабочие остановились <...>. После <...> рабочие прошли на Шпалер-

---

* Так в тексте, должно быть: 4 июля.

ную улицу, а члены Совета от фабрики передали резолюцию общего собрания дежурному рабочей секции Петроградского Совета.

Часа в 4 дня скороходовцы получили распоряжение двинуться обратно другой дорогой, чтобы миновать Невский пр., но им нельзя было миновать Невского, и как раз, когда скороходовцы шли мимо Невского, на углу Николаевской ул. на них сделали нападение человек 300—400, которые хотели отобрать у них знамя и плакаты, но фабричная охрана, вооруженная винтовками, и часть рабочих загородили нападавшим дорогу и задержали их, пока не прошли все скороходовцы, спокойно затем дошедшие до Московской заставы в стройных рядах и с революционными песнями.

После июльских дней, в дни реакции, эсеры опять приподняли головы и пришли на общее собрание рабочих «Скорохода» с провокационными выступлениями. Их ораторы утверждали, что Ленин деньги получает из Германии и что все большевики — немецкие шпионы. Но скороходовцы им не верили. За выступление в июльские дни на фабрике «Скороход» и других заводах, за призыв идти на демонстрацию — член заводского комитета эсер Милешко донес в районный Совет на Когана — большевика.

Московский районный Совет⁴ тогда состоял в большинстве из эсеров. Контрразведке арестовать Когана не удалось. Большевистское настроение на фабрике крепло. В течение месяца после июльских дней в коллективе большевиков на фабрике прибавилось 150 чел. новых членов партии. После разгрома юнкерами типографии газеты «Правда» и на «Скороходе» были частые сборы денег на помощь газете, дававшие большие суммы. Один раз сбор денег дал до 5000 рублей; т. Равич передала их с резолюцией съезду партии большевиков, который был тогда нелегальным⁵.

Заводской комитет почти весь состоял из большевиков. Он тоже много приносил пользы партии большевиков, распространяя большевистские газеты и литературу. Когда в трудное время редакция большевистской газеты «Рабочий и солдат» обратилась через тов. Когана в заводской комитет с просьбой дать заимообразно 10 тысяч рублей на закупку за границей бумаги, которую трудно достать было в Петрограде, то заводской комитет сейчас же выдал редакции эту сумму.

ЗАВОД «ГАЛЕРНЫЙ ОСТРОВОК» *

В июльские дни 1917 г. я был на заводе «Галерный Островок». Работал, как член партии, среди широких масс. В первое время после Февральской революции отношение к нам, большевикам, на заводе было такое, что даже не давали выступать. О передаче власти Советам не хотели было слушать. Приезд т. Ленина из-за границы подлил масла в огонь. Но первое его выступление у нас на заводе на митинге, где было 15 000 чел. и выступали эсеры, разделило рабочие массы как нашего, так и бывшего Франко-Русского завода. С этого дня рабочие стали вступать в партию прямо группами. Завод стал наполовину большевистским. На перевыборах Совета, как районного, так и Петроградского, прошло 6 большевиков и 1 эсер⁶. 21 апреля завод выступил на митинг к Кадетскому корпусу... В этот день завод получил первое боевое крещение: на углу Садовой и Невского один рабочий был ранен. На другой день рабочие на заводе требовали у представителей власти дать отчет на митинге. Без этого не приступали к работе. Нам еле удалось уговорить рабочих, что теперь поздно искать виновников, а надо требовать вооружения всех рабочих и разоружения буржуазии.

На первом съезде фабрично-заводских комитетов в Соляном Городке делегатами от завода был я, затем один меньшевик и эсер. По основным вопросам наши резолюции раскололи съезд, и мои 2 соперника голосовали со мной и по поводу заработной платы, и о роли заводских комитетов, и по докладу М. Скобелева⁷. Резолюции были приняты наши. А один из соперников на своем партийном собрании разорвал свой партбилет и перешел к нам в партию через несколько дней. После доклада на местах о конференции рабочие бузили, и уже заметно стало, что не сегодня-завтра взрыв должен быть.

Наступили июньские дни, когда наша партия хотела организовать мирное выступление. После отмены его рабочие стали говорить, что мы вступаем в соглашение и они без нас выступают сами. Еле удалось успокоить рабочих, говоря, что скоро Петроградский Совет назначит общую мирную демонстрацию с лозунгами: «Долой

---

* Адмиралтейский судостроительный завод.

10 министров-капиталистов!», «Да здравствует власть Советов!» На этом успокоились.

Стали выбирать в районную думу, и наш завод целиком голосовал за большевиков. Тогда рабочих волновал вопрос о заработной плате и прожиточном минимуме. Были вытребованы М. Скобелев и К. Гвоздев для доклада⁸. После их докладов рабочие требовали забастовки. Нам пришлось сдерживать рабочих, другим партиям не давали говорить. Пришлось нам доказывать, что один завод не добьется того, что надо всем выступать и что, когда так будет, мы всех призовем к борьбе. Указывали, что сейчас рано решительно выступать, нужна большая организованность и выдержка. Наше предложение было принято, и забастовка не была объявлена, а была выбрана комиссия от общего собрания, которая должна была обойти другие заводы морского ведомства и узнать, как у них, и тогда созвать конференцию для разрешения вопроса. В комиссию попал и я. Объехали Путиловский, Балтийский, Обуховский, Ижорский, Металлический заводы и Кронштадтский порт. Положение везде было одинаковое. Везде бурлили рабочие, рвались в бой на улицу.

16 июня у нас был назначен общезаводской митинг с докладом Виктора Чернова. Эсеры купили букет живых цветов для подарка селянскому министру. После его доклада выступили гг. Луначарский, Харитонов, Пахомов, Крутов. Если бы нам не удалось удержать рабочих, не знаю, что могло бы случиться. Не только букет цветов был бы вырван у Чернова, но и он сам был бы сброшен. Была принята резолюция т. Луначарского: «Долой войну! Все на улицу 18 июня!»

Рабочие требовали, чтобы тех, кто голосовал за войну, отправили на фронт.

18 июня показало, что скоро будет пороховой взрыв. Так подошел день 3 июля. Я жил тогда около Нарвских ворот вместе с путиловцами. Прихожу в 6 час. вечера домой, товарищи говорят: «Мы сегодня бросили работать, будем выступать на улицу». Я указывал, что не время, мы проиграем, мы не готовы. Направились вместе на митинг на Путиловский завод. Двор завода был полон рабочими. Все кипело от недовольства и злобы. Требовали кончать митинг и всем с оружием в руках идти на улицу к Совету с лозунгами: «Долой правительство! Вся власть Советам!» Выступавшие наши товарищи, кажется, В. Володарский⁹ и другие, просили сегод-

ня не выступать, указывая, что в Таврическом дворце заседает рабочая секция, которая и вырешит вопрос, что делать, а сегодня надо разойтись по домам. Не тут-то было. И с большим трудом удалось уговорить, что если выступать, так без оружия, мирной демонстрацией протеста. Наконец, рабочие согласились, и в 10 час. вечера многотысячная армия рабочих вышла за ворота, имея во главе небольшой отряд Красной гвардии с винтовками.

У Нарвских ворот наша партия устроила митинг, призывая вернуться обратно, не ходить в город. Но удержать многотысячную армию рабочих было немыслимо, никто о возвращении и слушать не хотел. Шествие тронулось в город, по пути к нам примыкали отдельные группы рабочих. Мы благополучно дошли до Таврического дворца, где были вызваны тт. Ленин, Луначарский и др. Выступившие товарищи просили идти на завод, говоря, что если надо будет, то будут вызваны. Только в 5—6 ч. утра начали мы расходиться по домам.

Прихожу в 8 час. утра, смотрю, рабочие не работают. Заявляют: «Мы работать не будем. Путиловцы вчера кончили». Взяли знамена, чтоб выйти на улицу. Я стал разъяснять, что путиловцы сегодня должны работать, если понадобится — будет дан общий сигнал. Был устроен митинг. Выступавший т. Пахомов говорил, что наша партия не зовет к выступлению и выступать не следует. После этого разошлись по работам, но в 10 час. влетает несколько рабочих в заводской комитет за знаменами. Говорят, что кронштадтские моряки приехали. «На улицу!»

Мы получили указание районного комитета взять руководство над выступлением рабочих, выйти на улицу на поддержку армии. Мы тронулись с Покровской площади, за нами «Треугольник». Дошли до Сенной. Тут с колокольной нас стал поливать пулемет. Нам здесь опять попало: «Зачем пошли без оружия — не знали, что в нас будут стрелять?» Здесь отряд красногвардейцев заставил замолчать пулемет.

На Невском опять началась стрельба. На Литейном из подвала вытащили пулемет и офицера, который тут же был убит.

Дошли до Таврического дворца. Отсюда никто не хотел уходить, но, на наше счастье или несчастье, пошел дождь. Все стали разбегаться по домам. Впереди нас шел 3-й запасной полк.

Только вышли мы на Литейный, как казаки открыли стрельбу по полку.

Вечером с одним товарищем по заводу мы отправились домой. На Невском остановились у кучки, где студенты ругали большевиков за то, что они вывели рабочих на улицу. Я не удержался, слыша ложные обвинения, и в разгаре не выдержал, дал студенту по лицу. Схватили нас казаки, отправили сперва в милицию, потом к Пальчинскому для выяснения личности. Только по настоянию рабочих нас выпустили 6 июля.

Когда мы вернулись на завод, у нас шел митинг. Эсеры приехали со всей своей «тяжелой артиллерией» обстреливать большевиков. Настроение у рабочих было подавленное. Эсеры хотели воспользоваться этим и сваливали [вину] на большевиков. Когда эсеры требовали выдать зачинщиков, то даже раздались отдельные голоса: «В Неву Пахомова, Короткова и других большевиков». Но номер их не прошел. Тов. Пахомов хорошо возражал, назвав их трусами, облитыми рабочей кровью. После него эсерам не дали говорить и сказали определенно, чтоб больше их ноги на заводе не было. В этом, можно сказать, рабочие сдержали свое слово. 3—5 июля показало, что только с оружием в руках можно добиться своего, а наша партия на заводе стала еще авторитетнее. Все рабочие, которые по ошибке попали к эсерам и меньшевикам, перешли к нам в партию.

Г. Я. Лиздин

ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ РАЙОН

Это было в 1917 г. После приезда в Петроград т. Ленина и прочтения им его 10 тезисов¹⁰, подходит раз ко мне старый рабочий Балтийского завода и спрашивает: «Скажи, сколько ты получил от Ленина привезенного золота». — «А ты верно знаешь, что Ленин привез золото?» Рабочий мнется и, потупив глаза, несмело отвечает: «Мне так говорили, что все большевики получили». Краткая пауза. Пристально взглянув на одурманенного рабочего, я отвечаю: «Да, я много получил от Ленина, но это не золото, которое он презирает и не имеет. Он научил меня честно бороться за рабочий класс и понимать наши задачи. Долой провокаторов...» Вскоре картина изменилась.

С 1917 г. на выборах в Советы, городскую и районную думы начали побеждать большевики. Вышедшие из подполья, они создали энергичный районный комитет, помещавшийся сначала на Большом просп. в д. № 82, а потом переведенный на 16-ю линию, а в Гавани был организован подрайон. Работа кипела вовсю. Но параллельно были созданы эсеровский, меньшевистский и социал-демократический междурайонный комитеты. Борьба между этими организациями велась серьезная. Агитаторы их налетали на заводы, фабрики и другие учреждения, на собраниях развращая понятия о текущей революции, приплетая провокацию о германском золоте и продажности большевиков. Нередкими гостями являлись на заводах и фабриках Брешко-Брешковская¹¹, Коноплева, Зензинов, М. Спиридонова¹² и др. Несмотря на их старую революционность, наши товарищи Урицкий, Володарский, Ленин <...> (которых мы приглашали в такие моменты, когда собственными силами не в состоянии были бороться с этими заступниками буржуазного строя) разбили эсеров и меньшевиков, и рабочие поняли свои заблуждения.

...Наступили июльские дни 1917 г., с фронтов начали поступать неблагоприятные известия; заволновались рабочие и начали требовать прекращения войны, передачи всей власти Советам и окончательного удаления Временного правительства. Вопрос встал очень остро.

Помню, как солдаты 180-го запасного полка, находившиеся во временных казармах, в беседе со мною прямо так и заявили: «Довольно церемониться с керенщиной, что же спят ваши там, во дворце Кшесинской, пойдем прогоним Керенского...» Действительно, в 180-м запасном полку настроение против керенщины было боевое, исключая учебной команды, которая подпала под влияние меньшевиков. На основании решений нашего «центра», много пришлось употребить усилий членам райкома*, чтобы убедить недовольные массы солдат и рабочих выждать более подходящий момент.

---

* Первый легальный В.-О. районный комитет большевиков в февральские дни 1917 г. был выбран из семи товарищей. Председателем был Иванов от «Сименс — Шуккерта», а секретарь — от Балтийского завода. Но в скором времени комитет был переизбран, и в него вошли прибывшие старые подпольщики Ионов, Слуцкая и др. (Примеч. Г. Я. Лиздина.)

СЕСТРОРЕЦКИЙ ОРУЖЕЙНЫЙ ЗАВОД

4 июля 1917 г. рабочие Сестрорецкого оружейного завода, во главе с организацией большевиков, все как один человек, стройными рядами вышли на улицу с лозунгами «Вся власть Советам!». В этот день была послана от сестроречан делегация в Питер с наказом, в котором было выставлено основное требование к Совету рабочих и крестьянских депутатов¹³ взять власть в свои руки, разогнав коалиционное и фактически буржуазное правительство. Наказа в сестрорецких архивах не сохранилось, ибо при налете карательного отряда Керенского все было изъято и уничтожено им в июльские дни.

Характерно для Сестрорецка то, что в движении 4 и 5 июля активное участие принимали все рядовые члены рабочих из местных организаций партий социал-революционеров и меньшевиков.

4 июля была грандиозная демонстрация рабочих и населения. В этот день рабочие обошли весь дачный район Сестрорецка, населенный крупной буржуазией.

День 5 июля прошел в собраниях и митингах.

Вечером 5 июля были получены через делегатов из Питера сведения о том, что необходимо пролетариату временно воздержаться от захвата власти. На основании этого было решено с утра 6 июля приступить к работе.

...В ночь на 10 июля Сестрорецк окружается цепями карательного отряда во главе с капитаном Гвоздевым и целой сворой офицеров и юнкеров. Как выяснилось, главе отряда были даны неограниченные полномочия вплоть до расстрела рабочих... В составе отряда, кроме офицерства и юнкеров, было несколько сот казаков, как пеших, так и конных, затем мощный броневой отряд с шестью бронемашинами и несколько грузовиков.

При внезапном захвате города отрядом рабочие настолько были выдержанны, что не было ни одного факта сопротивления, и на появление отряда смотрели безразлично и даже утром явились как всегда на завод, на работу. Это, конечно, не могло не возмутить усмирителей, ждавших сопротивления.

В первую ночь и часть дня отряд производил обыски и разгром частных квартир, преимущественно большевиков. Затем были разгромлены местный комиссариат, военная и партийная организация большевиков.

В партийном комитете большевиков были уничтожены все архивы и дела.

Параллельно с этим главой отряда заводскому комитету был предъявлен ультиматум о покорности Временному правительству и о сдаче оружия рабочими. Срок ответа был двенадцатичасовой. Было официальное предупреждение, что по истечении этого срока будет открыта стрельба...

В дальнейшем события протекали так:

Заводской комитет, имевший в своем составе абсолютное большинство большевиков во главе с т. Восковым¹⁴, уже заранее знал, что прибытие карательного отряда в Сестрорецк неизбежно. В местной парторганизации уже был определенный план действий на этот счет.

В результате капитан Гвоздев на ультиматум получил ответ на 8 часов ранее срока, гласивший, что рабочие, у коих имеется оружие, согласны его сдать.

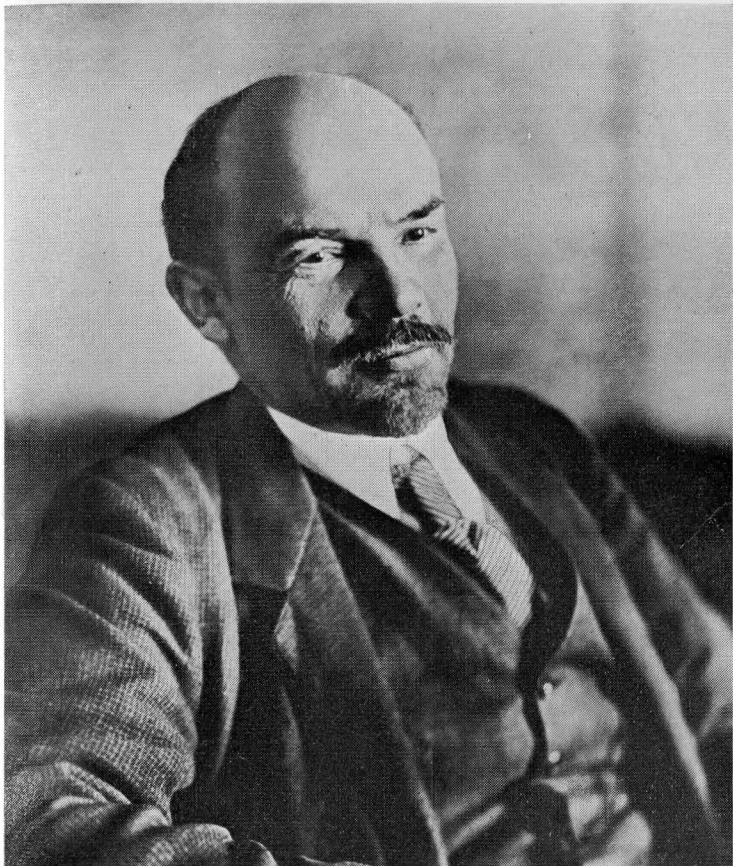
С полудня 10 июля и часть дня 11 происходила сдача рабочими оружия. В результате отряду сдано было в большинстве негодное оружие, как то: старые дробовики, берданки и т. д. Все же винтовки были спрятаны в надежные места. Склады винтовок и патронов были большевиками еще за день ранее увезены в лес за озеро и спрятаны. Руководители отряда, видя, что с оружием их провели и сдали только часть, решили произвести массовые обыски, но в жизнь их не провели, ибо заметили, что солдатский состав отряда начинает поддаваться на агитацию рабочих и волнуется.

В результате капитан Гвоздев решил уехать.

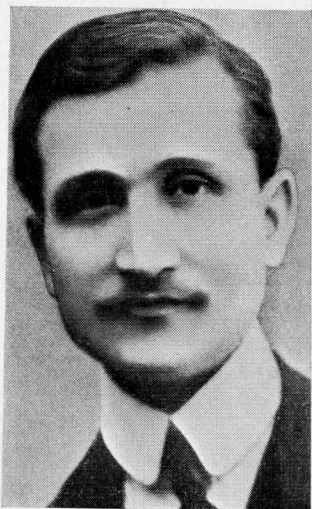
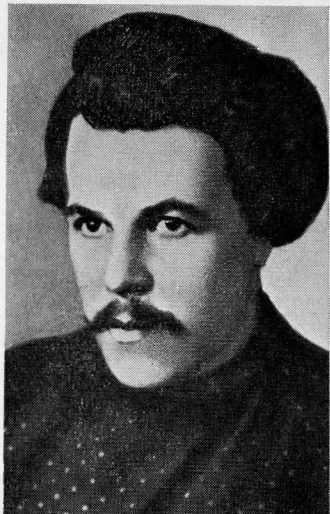
В качестве заложников на всякий случай отрядом офицеров при отъезде были арестованы тт. из заводского комитета и увезены с собой. Арестованы были т. С. Восков, Илья Андреев, Ал-др Никитин, Казимир Коршанский и др. Впоследствии, на энергичные требования рабочих завода, все арестованные товарищи были освобождены.

После описанного случая с карательным отрядом влияние большевиков на рабочих усилилось.

В. И. Ленин. Петроград (Смольный)

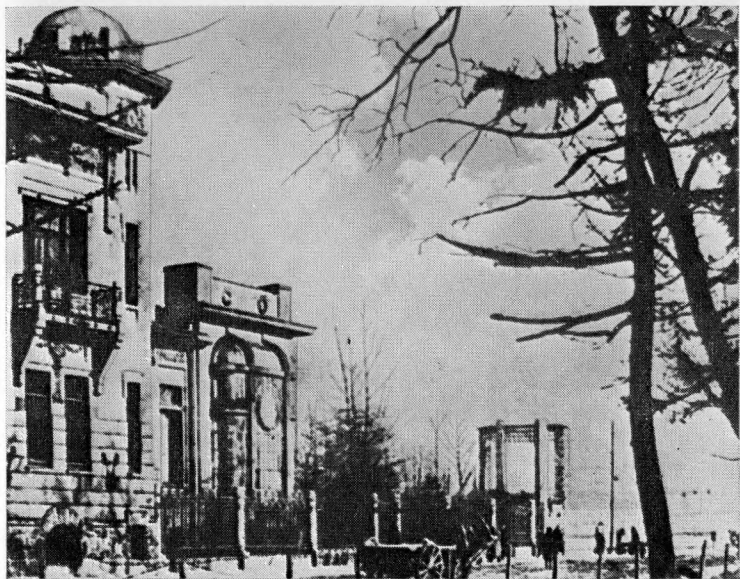

Н. К. Крупская.

В. Н. Залезский.

В. П. Виноградов.

А. А. Бабицын.

Особняк Кшесинской. Здесь в марте — июне 1917 года помещались ЦК и ПК партии большевиков.

Выступление В. И. Ленина на
заседании солдатской секции
Петросовета. Апрель 1917 г.

Пролетаріи всѣхъ страхъ соединяйтесь!

ТОВАРИЩИ,

30 марта открылъ свою работу Рождественскій районъ Петербургскаго Комитета Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи. Намъ рѣшительно необходимо опредѣлить и подсчитать свои силы, для чего нужно каждому товарищу, желающему работать въ нашихъ рядахъ, сейчасъ-же немедленно записаться въ районъ. Предъ нами раскрывается огромная организаціонная работа, для которой нужно напрячь всѣ силы. Въ нынѣшнемъ году нашъ пролетарскій праздникъ 1-е мая мы будемъ праздновать одновременно со всѣми нашими товарищами во всемъ мірѣ т.-е. 18-го апрѣля, такъ какъ нашъ календарь отстаетъ отъ правильнаго европейскаго календаря на 13 дней.

Чтобы намъ достойно отпраздновать великій пролетарскій день,—день 1-го мая,—мы должны быть прекрасно организованы и своей организованностью показать примѣръ всѣмъ тѣмъ, кто еще не вошелъ въ партійную организацію, а живетъ своей частной жизнью.

Товарищи, объединяйтесь!

Товарищи, записывайтесь въ мѣстный районъ Р. С.-Д. Р. П.

Товарищи, немедленно приступайте къ партійной работѣ!

Да здравствуетъ Р. С.-Д. Р. П.

Адресъ района: Большая Болотная, д. 13.

Демонстрация в Петрограде
18 апреля (1 мая) 1917 г. На
переднем плане: группа членов
ЦК и ПК РСДРП(б).

noting "! Oracoda...

хорош, красивый, уютный

"рбз. гашура" = реакционал гашура

(α) ακρίβεια (υποχρεωτική ακρίβεια)

8/18 *naegeliania*

(8) *unvollständige*

(5) *apud Fagnola*

III "Red Oak" (S. 48)
June 11, 1917

Д. 56 (б. в.)
из собрания

Harvey K. H. H. H.

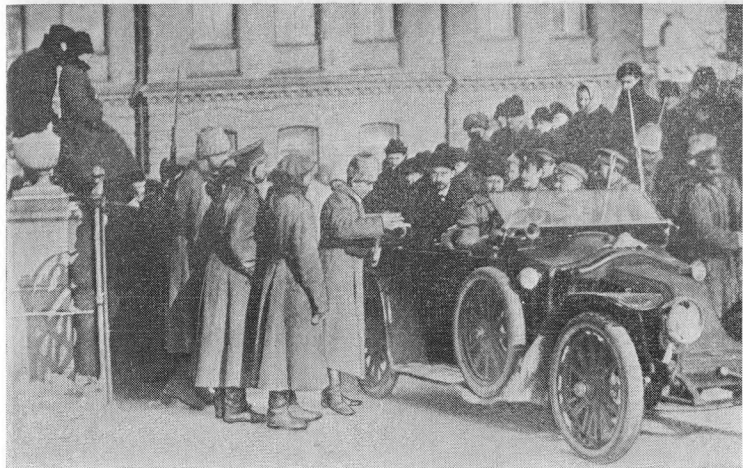

М. И. Лацис.

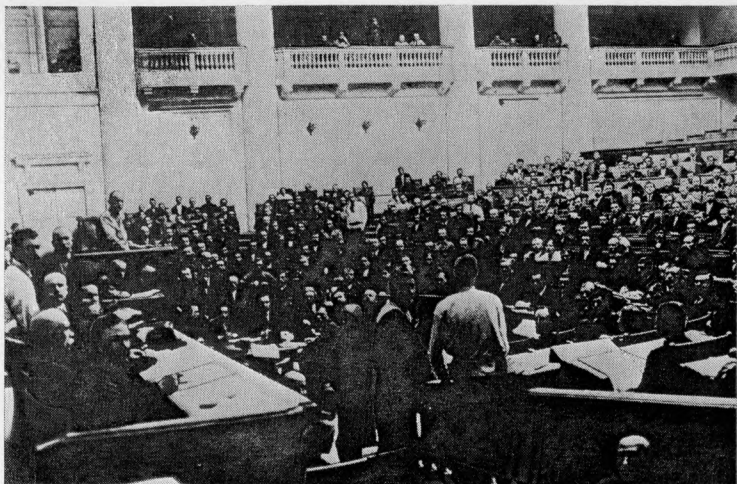
А. Р. Вильямс.

Е. А. Гилярова.

А. Ф. Ильин-Женевский.

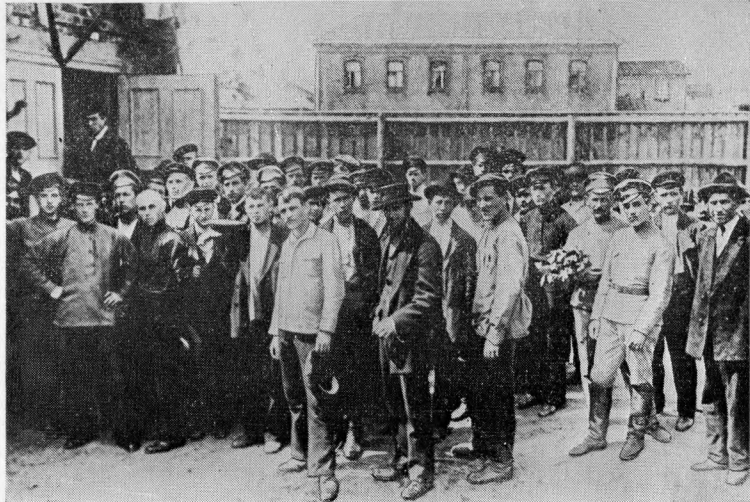
Проверка пропусков у въезда
в Таврический дворец. 1917 г.

Первая конференция фабзавкомов. Таврический дворец, май 1917 г.

Разоружение контрреволюционной военщиной солдат — участников июльской демонстрации в Петрограде.

Мобилизация петроградских рабочих на борьбу с корниловщиной. Август 1917 г.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

РОССІЙСКАЯ С.-Д. Р. ПАРТІЯ.

Фракція С.-Д. большевиковъ Петрогр. Совѣта
рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.

Членскій билетъ № 127

Товарищъ

Василій Кудринъ

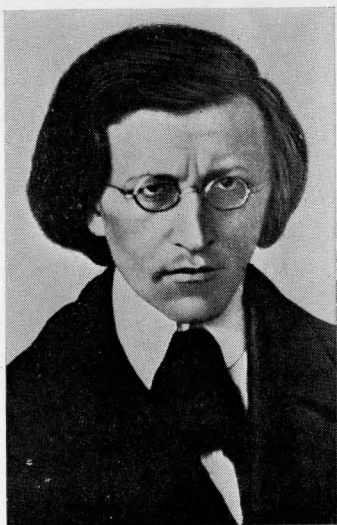
Откуда делегированъ въ Совѣтъ Военно-Подпольный

Предсѣдатель

Секретарь

М. Ефремовъ

Билет члена Петроградского
Совета рабочих и солдатских
депутатов.

Г. К. Орджоникидзе (Серго).
И. Н. Колбин.

В. А. Антонов-Овсеевко.
Н. Ф. Измайлов.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Н. ЛЕНИНЪ.

ГРОЗЯЩАЯ КАТАСТРОФА И КАКЪ СЪ НЕЙ БОРОТЬСЯ.

Солдатская и Крестьянская
библіотека.

№ 13.

Цѣна 40 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.

Тип. „Сов. Раб. и Солд. Дел. Вас. Остр. , Тучковъ, п. 17.

1917.

Титульный лист брошюры В. И.
Ленина «Грозящая катастрофа
и как с ней бороться».

Красногвардейцы завода «Вулкан», Август—сентябрь 1917 г.

Г. К. Орджоникидзе
ИЛЬИЧ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

В дни 3—4 июля 1917 г. была сделана первая серьезная попытка покончить с властью коалиционного правительства Керенского — Терещенко — Чернова — Церетели. Попытка не удалась, и началась бешеная травля нашей партии и наших вождей. Тов. Ленин был объявлен германским шпионом, и, одновременно, правительство отдало приказ об его аресте¹.

Юнкера рыщут повсюду — ищут Ленина, но его уже нет на квартире. Разговоры: «Удрал к Вильгельму», «Найдешь ты его, как бы не так».

Таврический дворец. Здесь только и говорят о вчерашнем дне, о нашем выступлении, о том, что у нас в организации не все обстоит благополучно. Так говорят левые с.-р., так говорят даже некоторые видные большевики. В рабочих районах минутное смущение, но оно живо проходит. Среди павловцев и измайловцев довольно ясно слышны голоса: «Подвели, мы не знали, что большевики германские шпионы». Ленина ищут, но не находят. Некоторые наши товарищи ставят вопрос о том, что Ленину нельзя скрываться, он должен явиться: «Иначе у партии не будет возможности оправдаться перед широкими массами», «Вождю партии брошено тяжкое обвинение, он должен предстать перед судом и оправдать себя и партию». Так рассуждали очень многие видные большевики.

Вместе со Сталиным спешим к Ильичу. Там уже Зиновьев, Н. К. Крупская, Ногин и В. Яковлева. Пошли

разговоры о том, надо ли Владимиру Ильичу явиться и дать арестовать себя. Ногин довольно робко высказался за то, что надо явиться и перед гласным судом дать бой. Таково было мнение значительной части московских товарищей. Владимир Ильич со свойственной ему ясностью доказал, что никакого гласного суда не будет. Сталин решительно против явки к властям. «Юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге», — говорит он. Ильич, по всему видно, тоже против, но немного смущает его Ногин. Как раз в это время заходит Е. Стасова и сообщает о вновь пущенном по Таврическому дворцу слухе, что Ленин, якобы, по документам архива департамента полиции провокатор. Эти слова на Ильича произвели невероятно сильное впечатление. Нервная дрожь перекосила его лицо, и он тоном, не допускающим возражения, заявил, что надо ему сесть в тюрьму.

Меня и Ногина посылают в Таврический дворец для переговоров с членом президиума ВЦИК и Петроградского Совета Анисимовым об условиях содержания Ильича в тюрьме. Мы должны были добиться гарантий от него, что Ильич не будет растерзан озверевшими юнкерами. Надо было добиться, чтобы Ильича посадили в Петропавловку (там гарнизон был наш) или же, если он будет посажен в «Кресты», то добиться абсолютной гарантии, что он не будет убит и будет назначен гласный суд. В случае утвердительного ответа Анисимова под вечер Ильича везут в тюрьму, где, конечно, его прикончили бы, если бы этой величайшей преступной глупости суждено было совершиться.

Анисимов на Петропавловку не согласился. Что касается гарантий в «Крестах», заявил, что, конечно, будут приняты все меры. Я решительно потребовал абсолютных гарантий (чего, конечно, никто не мог дать), пригрозив, что в случае чего-либо перебьем всех их. Анисимов был рабочий Донбасса. Мне показалось, что его самого охватывает ужас от колоссальной ответственности этого дела. Еще несколько минут, и я заявил ему: «Мы вам Ильича не дадим». Ногин тоже согласился с этим.

Спешу обратно и при выходе встречаю тов. Луначарского, поручившего мне передать Ленину, чтобы он ни в коем случае не садился в тюрьму, ибо в данный момент в руках коалиции находится власть только формально, фактически она в руках корниловцев, а завтра, может быть, и формально перейдет к ним.

Я передал Ильичу и Сталину, находившемуся у него, разговор с Анисимовым, мнение т. Луначарского и прибавил, что Анисимов не знает, в чьих руках будет завтра он сам. Решили, что никаких разговоров дальше не может быть. Ильич вместе с т. Зофом (ныне военным комиссаром флота) и с одним рабочим из Сестрорецка благополучно вышли из города ².

Через несколько дней Сталин предложил мне поехать к Ленину, чтобы, с одной стороны, информировать Ленина, а с другой — получить от него директивы. Мне был дан адрес тов. Емельянова ³, жившего недалеко от Сестрорецка, и пароль. С большой осторожностью я взялся за это, боясь, как бы не подцепить шпика и не провалить местопребывание Владимира Ильича.

Прибыл я на станцию ночью. Побродив немного, я нашел дом, в котором жил т. Емельянов. Самого т. Емельянова не оказалось дома, и жена его послала проводить меня своего 9—10-летнего сына.

Мы пошли к озеру, сели в лодку и, переправившись на другой берег, пошли по кустарнику. Я решил, что т. Ленин живет на какой-нибудь даче. Вдруг мы остановились около сенокоса, где стоял небольшой стог сена. Мальчик окрикнул по имени кого-то. Вышел какой-то человек. Он оказался отцом этого мальчика. Поздоровался с ним. Объяснил ему, в чем дело... Думаю, дальше поведет к Ленину.

В этот момент подходит ко мне человек бритый, без бороды и усов. Подошел и поздоровался. Я ответил просто, сухо. Тогда он хлопает меня по плечу и говорит: «Что, т. Серго, не узнаете?». Оказалось, что это тов. Ленин. Я восторженно пожал ему руку... Пошли разговоры. Через несколько минут Ильич предложил мне поужинать с ними черным хлебом и селедкой. Больше у них ничего не было.

После этого «ужина» беседу перенесли в «апартаменты» Ленина и Зиновьева. Таковыми являлся стог сена, на который мы и влезли. Свежее сено пахло великолепно, было тепло. Долго я рассказывал, что делалось в городе в их отсутствие, каково настроение среди рабочих, солдат, что делается в нашей организации, в Петроградском Совете, в меньшевистском ЦИК и т. д.

Владимир Ильич, выслушав меня и задав ряд вопросов, сказал:

— Меншевистские Советы дискредитировали себя; недели две тому назад они могли взять власть без осо-

бого труда. Теперь они — не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь только путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября — октября. Нам надо перенести центр тяжести на фабзавкомы. Органами восстания должны стать фабзавкомы.

Все это я слушал с напряженным вниманием, впечатление было ошеломляющее. Нас только что расколотили, а он предсказывает через месяц-два победоносное восстание.

Когда я передал Ильичу слова одного товарища, что не позже августа — сентября власть перейдет к большевикам и что председателем правительства будет Ленин, он совершенно серьезно ответил: «Да, это так будет».

Далее Ильич дал ряд директив, как вести работу, как сейчас же создать наряду с легальным ЦК нелегальную ячейку того же ЦК, наряду с легальным печатным органом — нелегальную типографию, чтобы договаривать в нелегальных листках то, что не дадут говорить в легальной прессе.

Разговор был прерван, так как я от усталости незаметно уснул. Утром вместо 6 часов я проснулся в 11. К этому времени Владимир Ильич приготовил ряд маленьких статей, письма к Сталину и другим товарищам⁴. Я взял их, попрощался и ушел. <...>

И. Н. Колбин

КРОНШТАДТ

ОТ ФЕВРАЛЯ ДО КОРНИЛОВСКИХ ДНЕЙ

 Революция освободила из тюрьмы старых бойцов: Т. Ульянцева, И. Сладкова, С. Пелихова и др. Из Петрограда приехали С. Рошаль и К. Орлов. 4 марта соорганизовался Кронштадтский комитет нашей партии, в состав которого вошел и я¹. На первое время наш партийный комитет поместился в здании управления коменданта города, дабы быть в непосредственной близости к морским казармам. Было очевидно, что революция победила. Перед нашей партийной организацией встала серьезнейшая задача охватить рабочие, солдатские и матросские массы и повести их за собой к новым боям. Нужно было организовать и подготовить массовый приток в нашу партию матросов, солдат и рабочих. Для этого безотлагательно требовался печатный орган, нужна была своя кронштадтская большевистская газета. Представители Кронштадтского комитета поехали в Питер и стали просить о том, чтобы нам дали товарища, способного редактировать газету. ЦК партии командировал к нам Петра Ивановича Смирнова...

10 (23) марта Временное правительство предложило кронштадтскому гарнизону принести присягу на верность Временному правительству. В ответ на это Кронштадтский Совет на своем заседании 12(25) марта принял следующий ответ: «Свободному народу присягать не нужно. Не народ должен давать присягу Временному правительству, а Временное правительство народу».

Кажется, 15(28) марта вышел первый номер нашей газеты «Голос правды»². Газета сразу же приобрела ши-

рокую популярность среди солдат, матросов и рабочих. Это не понравилось первым руководителям Кронштадтского Совета³, примазавшимся к революции, господам Красовским и Животовским, которые повели агитацию против нашей газеты и нашей партии. <...>

23 марта (ст. ст.), по случаю похорон жертв революции в Петрограде, в Кронштадте был устроен парад войскам. После парада рабочие, солдаты и матросы собрались к зданию комитета нашей партии и отсюда под знаменем комитета прошли по городу и направились в Морской манеж, где на двадцатитысячном митинге была принята резолюция большевиков⁴. Через три дня в том же Морском манеже кронштадтские женщины на своем митинге заявили, что «женщины-работницы будут бороться вместе со всем рабочим классом не только за демократическую свободу, но и за полное уничтожение капиталистического строя, за диктатуру пролетариата и за социализм». В этот же день на десяти тысячном митинге была принята резолюция о войне, предложенная нашей партией.

31 марта (ст. ст.) на заседании исполнительного комитета по докладу члена фракции большевиков т. А. М. Любовича было принято постановление о демократизации армии и флота, предложенное фракцией большевиков.

В связи с жалобами родственников арестованных офицеров Керенский прислал в Кронштадт прокурора Переверзева, который от имени Временного правительства обусловил работу Следственной комиссии по разбору офицерских дел следующими пунктами:

1. Производить предварительное следствие только по тем делам арестованных офицеров, против которых имеются обвинения.

2. Препровождать в Государственную думу всех арестованных офицеров, против которых нет определенных обвинений, но которых не принимает команда.

3. Освободить тех, против которых нет обвинений и которых команда согласна принять в свою часть.

Конечно, исполнительный комитет против такого предложения ничего не имел, и оно было принято. Это в сильной мере облегчило работу Следственной комиссии, ускорило разгрузку тюрьмы и опровергло нелепые слухи о том, что в тюрьме, якобы, издеваются над арестованными. Распространяемые различные нелепые слухи, с одной стороны, и революционная деятельность Кронштад-

та — с другой обратили на себя внимание фронта, и в Кронштадт началось паломничество различных делегаций из действующих армий. Первой такой делегацией была делегация от первой армии, прибывшая в Кронштадт 2 (15) апреля.

Кронштадтом стали интересоваться не только солдаты, но и генералы; 5(18) апреля в Кронштадт прибыл командующий Петроградским военным округом генерал Корнилов. Однако Корнилов не получил той встречи, которая обычно устраивалась... Его пригласили на митинг, где он заявил, что верой и правдой служит революции. Во время речи генерала Корнилова на трибуну вышел матрос т. Павлов и предложил генералу Корнилову дать клятвенное обещание перед собравшимися солдатами, матросами и рабочими в том, что он не изменит революции. Корнилов лицемерно опустился на колени перед Морским собором и всенародно произнес свое клятвенное обещание, которое, конечно, постарался нарушить через две недели, когда отдал приказ расстреливать безоружных рабочих⁵.

На следующий день вслед за Корниловым в Кронштадт пожаловала «соглашательская богородица» Брешко-Брешковская.

8(21) апреля в Кронштадте произошел следующий инцидент. Следственная комиссия, рассмотрев дело капитана Альмквиста и не найдя против него достаточных обвинений, направила его в распоряжение Государственной думы без всякого конвоя, с одной только препроводительной бумажкой. На пристани его увидели солдаты той части, в которой он раньше служил. Им не было известно об его освобождении. Они сочли его поездку в Петроград за побег, сообщили об этом в свою часть и находившимся на пристани солдатам и матросам. Капитана Альмквиста сейчас же арестовали и вдобавок еще порядочно побили. Собралась громадная толпа, которая с арестованным Альмквистом направилась к зданию Совета и стала требовать отставки Следственной комиссии.

В результате всего этого исполнительный комитет 14(27) апреля постановил реорганизовать Следственную комиссию и опубликовал обращение к населению с призывом к спокойствию и выдержке.

21 апреля (ст. ст.) матросы, солдаты и рабочие узнали о том, что в связи с нотой Милюкова о верности России союзникам и о соблюдении тайных договоров на заседании Кронштадтского Совета принята эсеровская ре-

золюция. Эта резолюция вызвала на местах резкий протест. После обеда к зданию комитета нашей партии стали собираться матросы, солдаты и рабочие. Собралось свыше шести тысяч человек, и на устроенном тут же митинге была принята следующая резолюция:

«Принимая во внимание, что Временное правительство своей нотой от 18 апреля (ст. ст.) бросило вызов всему пролетариату и становится на путь контрреволюции, постановляем: всеми силами бороться за свержение Временного правительства и за переход всей власти в руки Советов»⁶.

Такая же резолюция была принята на двухтысячном митинге рабочих Пароходного завода. Через некоторое время в Морском манеже собралось до 20 тысяч матросов, солдат и рабочих. Узнав об этом, мы с т. Энтиным организовали там митинг. На митинге была принята вышеприведенная резолюция. По окончании митинга мы всей массой, с плакатами «Долой Временное правительство!», «Долой тайные договоры! Да здравствует мир без аннексий и контрибуций!», направились демонстрировать по городу и подошли к зданию Совета. В это время на автомобиле подъехал Семен Григорьевич Рошаль, который, не зная ничего о демонстрации и о принятом решении исполнительного комитета по данному вопросу, по просьбе демонстрантов выступил с речью как член Кронштадтского комитета партии большевиков, но не как член исполнительного комитета. Однако меньшевики и эсеры, раздосадованные своим банкротством, узнав о выступлении т. Рошалья, поставили на заседании исполнительного комитета вопрос об его исключении из исполнительного комитета. То, что массы рабочих, моряков и солдат не захотели тащиться в хвосте буржуазии совместно с меньшевиками и эсерами, было приписано исключительно деятельности т. Рошалья, якобы нарушившего постановление исполнительного комитета. Пользуясь своим большинством, соглашатели исключили т. Рошалья из исполнительного комитета, невзирая на то, что он туда входил как представитель партии большевиков, а не как выборный член. Это решение, несмотря на протест нашей фракции, было подтверждено затем и на пленуме Совета. Политика меньшевиков и эсеров сводилась к тому, чтобы какими бы то ни было средствами избавиться от своего энергичного противника, прекрасного полемиста, всегда разоблачавшего их соглашательскую политику.

Факт исключения т. Рошаля из исполкома не остался бесследным. Этот возмутительный поступок соглашателей вызвал массовый протест моряков, солдат и рабочих. На следующий день после заседания Совета, на котором было подтверждено исключение т. Рошаля, на всех кораблях и в береговых командах были вынесены резолюции протеста, а в тех морских частях, где делегатами Совета были не большевики, произошли перевыборы. Учитывая это, наша партия повела кампанию за перевыборы всего Совета, который создался в первые дни революции, когда подбор людей в большинстве случаев был чисто случайным.

25 апреля (ст. ст.) в связи с протестом морских частей против исключения т. Рошаля из исполнительного комитета, был поставлен вопрос о пересмотре этого постановления. Эсеры, в виде протеста против пересмотра, на время покинули зал заседания Совета. Решение об исключении С. Рошаля было отменено. Таким образом, соглашательский Совет испугался давления масс и изменил свое решение. Однако соглашательская политика Совета продолжала процветать. 28 апреля (ст. ст.) по вопросу о «займе свободы» была принята меньшевистская резолюция. 2(15) мая на своем последнем заседании Совет принял постановление о поддержке коалиционного министерства.

5(18) мая приступил к работе новый состав Совета. В новом составе места распределялись следующим образом: 93 большевика, 91 эсер, 68 беспартийных и 46 меньшевиков⁷. Наша фракция таким образом из самой маленькой стала самой большой. Но все же она не составляла большинства в Совете. Поэтому вся дальнейшая работа Кронштадтского Совета не была вполне выдержанной и в большой мере зависела от случайного подбора голосов, а именно, куда склонятся беспартийные, всегда колебавшиеся между большевиками и эсерами и голосовавшие по настроению. Кампания по перевыборам, начатая нашей партией, заставила изменить свою физиономию и меньшевиков, и эсеров. Как те, так и другие приняли защитную окраску, подделываясь под настроение Кронштадта и наименовав себя интернационалистами. Левые фразы, демагогически разбрасываемые левыми эсерами, дали им возможность пока удержаться в Совете на втором месте, но меньшевикам и это не помогло, и в новом составе Совета они уже не смели претендовать на самостоятельность, вынуждены были послушно та-

щаться в хвосте левых эсеров или отдавать свои голоса большевикам.

Вслед за перевыборами Совета на кораблях, стоящих в Кронштадте, стали выносить резолюции о передаче власти Советам. 11(24) мая на двадцатитысячном митинге, устроенном на Якорной площади, была также принята резолюция о передаче власти Советам, и это не замедлило сказаться на работе Совета. 13(26) мая Кронштадтский исполнительный комитет вынес постановление о том, «что единственной властью в Кронштадте является Совет рабочих, солдатских и матросских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит непосредственно в контакт с Временным правительством. Административные места в городе Кронштадте замещаются членами исполнительного комитета»⁸.

Одновременно с этим исполнительный комитет принял постановление об отделении церкви от государства и школы от церкви.

В ответ на это постановление исполкома последовало заявление комиссара Временного правительства, члена Государственной думы, октябриста Пепеляева, о том, что он подает в отставку, так как ему теперь нечего делать в Кронштадте⁹. Исполнительный комитет вполне согласился с его заявлением. Он не имел ни малейшего желания просить господина Пепеляева о том, чтобы он оставался в Кронштадте. <...>

Через два дня в Кронштадт приехал т. Луначарский, который также выступил на заседании Кронштадтского Совета. Это заседание от 16(29) мая вошло в историю как начальная дата существования так называемой «Кронштадтской республики». Дело в том, что на этом заседании Кронштадтский Совет подтвердил постановление исполнительного комитета от 13 мая и в развитие его принял следующее решение: «По делам государственного значения Совет входит в непосредственное сношение с Петроградским Советом». Временное правительство было заменено Петроградским Советом. Если предыдущие постановления, принятые исполкомом как по вопросу о власти, так и об отделении церкви от государства, были предложены фракцией большевиков, то последнее предложение о замене Временного правительства Петроградским Советом было предложено левыми эсерами. Резолюция была принята голосами эсеров, большевиков и беспартийных, меньшевики голосовали против резолюции¹⁰.

Эта резолюция вызвала переполох не только во Временном правительстве, но и среди соглашателей, сидящих в Петроградском Совете. Все буржуазные газеты и даже плехановское «Единство» подняли дикий вой о том, что Кронштадт отложился от остальной России и образовал самостоятельную республику. Подлый ренегат Алексинский опубликовал в газете «Единство» даже рисунок не существовавших в Кронштадте пятикопеечных бон, якобы имеющих хождение на «свободном острове Котлин». Кронштадтцев обвиняли в том, что они якобы работают на немецкие деньги. Эта гнусная клевета иногда находила для себя почву и среди несознательных солдат и рабочих. В Кронштадт присылали письма, в которых спрашивали, почему Кронштадт отделился от остальной России. В Кронштадт приезжали делегации для того, чтобы посмотреть несуществующую «Республику». Петроградский Совет поддался тоже распространяемой провокации про Кронштадт и принял резолюцию, в резкой форме осуждающую Кронштадтский Совет. В связи с этим, а также в связи с травлей и клеветой, ведущихся против Кронштадта, Кронштадтский Совет на своем заседании от 24 мая (ст. ст.) принял следующую резолюцию: «Согласуюсь с тем, что Петроградский Совет признал власть Временного правительства, мы, со своей стороны, также признаем его власть для Кронштадта. Однако признание не исключает критики его действий и желания, чтобы революционная демократия создала новую организацию центральной власти, передав всю власть в руки Советов. Но пока этого нет, мы признаем все распоряжения Временного правительства и протестуем против попыток приписать нам намерение отделить Кронштадт от остальной России» ¹¹.

За эту резолюцию было подано 195 голосов, 26 против и 22 воздержалось. Данная резолюция была принята вопреки всем стараниям господ соглашателей из Петроградского Совета и социалистических министров. Еще 21 мая (ст. ст.) в Кронштадт прибыли члены президиума Петроградского Совета меньшевики Чхеидзе и Либер и правый эсер Гоц, которые в поте лица старались обработать Кронштадтский Совет. Сначала на митинге, а затем на заседании Совета они встретили дружный отпор со стороны большевиков и левых эсеров. Потерпев фиаско, это трио убралось восвояси, а через три дня, 24 мая (ст. ст.), пожаловали в Кронштадт господа министры: Скобелев и Церетели. Однако, как видно из вышеприве-

дешной резолюции, и их визит не дал желанных результатов ¹². <...>

После их отъезда травля против нашей партии и Кронштадта увеличилась. Даже в самом Кронштадте появились провокационные листовки против С. Рошалья. Все это побудило Кронштадтский Совет опубликовать обращение к революционному народу с опровержением клеветы, возводимой на Кронштадт. Кроме этого, Совет постановил послать делегацию по побережью Балтийского моря для информации о положении дел в Кронштадте. <...>

Сделав свое дело, делегация вернулась в Кронштадт. Однако друзья Кронштадта были и в других местах России. Вой клеветников покрывался приветствиями и сочувствием Кронштадту, сыпавшимися со всех концов: с фронта, из Москвы, Иваново-Вознесенска, Сибири, Донбасса и из других городов и местностей.

На демонстрации 18 июня (ст. ст.) Кронштадт выступил под следующими лозунгами:

Долой 10 министров-капиталистов! Вся власть Советам!

Рабочий контроль над производством и распределением!

Вооружение рабочих! Против расформирования революционных полков!

Немедленное опубликование тайных договоров царского правительства и объявление справедливых условий мира!

Против политики наступления на фронте!

За мир! хлеб! и свободу!

Под этими лозунгами кронштадтцы выступили и в знаменитые июльские дни, которые вскоре наступили.

3 (16) июля в Кронштадт прибыли делегаты от 1-го пулеметного полка. В это время в Морском манеже была лекция. Делегаты явились туда, сообщили о начавшемся выступлении в Петрограде и просили кронштадтцев поддержать это выступление. Присутствующие на митинге матросы, солдаты и рабочие разошлись по кораблям и казармам, и через час на Якорной площади состоялся грандиозный митинг. Выступившие на митинге товарищи Рошаль и Раскольников пытались успокоить собравшихся. В ответ на это раздавались возгласы: «Мы здесь занимаемся разговорами, а в Петрограде на улицах льется кровь, надо браться за оружие и идти в Петроград!» Рошаль, хотевший закончить свою речь призы-

вом к спокойствию, был заглушен протестом и, не докончив своей речи, сошел с трибуны. Это был первый случай, когда масса не захотела слушать т. Рошалья. Вслед за ним выступил левый эсер т. Брушвит, начавший развивать ту же мысль, что и т. Рошаль, и точно так же был заглушен криками «Долой!». После этого начали выступать какие-то неизвестные до сего времени ораторы и призывать массы к оружию. Эти безответственные выступления в сильной мере подожгли собравшихся и начали раздаваться возгласы: «Идем на пристань и поведем в Петроград». <...>

На экстренном заседании Совета... поставленный на голосование вопрос об участии в вооруженной демонстрации был принят единогласно. Даже комиссар Временного правительства, правда, избранный Кронштадтским Советом, Парчевский голосовал тоже за участие в демонстрации. Тотчас же было отдано распоряжение о немедленной разводке паров на кораблях и о том, чтобы в 6 часов по гудку Пароходного завода произвести завтра сбор на Якорную площадь, откуда и направиться к месту посадки... Еще до конца заседания из Петрограда позвонил по телефону член нашего Кронштадтского комитета партии И. Флеровский, который сообщил, что рабочая секция Петроградского Совета решила принять участие в демонстрации. Это сообщение еще усилило подъем настроения у присутствующих на заседании товарищей. К решению принять участие в демонстрации присоединились и кронштадтские меньшевики-интернационалисты. Таким образом, Кронштадт единодушно решил выступить на демонстрацию.

На следующее утро раздались гудки, и Якорная площадь быстро покрылась стройными рядами матросов, солдат и рабочих. Свыше десяти тысяч активных бойцов направились в Петроград продемонстрировать свою волю за переход власти в руки Советов. Поход был совершен в большинстве на пассажирских пароходах, а по-сему никакого порядка в следовании судов не наблюдалось. И если бы Временное правительство вздумало принять такие меры, какие предлагал помощник морского министра капитан 1-го ранга Дудоров командующему Балтийским флотом адмиралу Вердеревскому, — топить все корабли, идущие на поддержку из Кронштадта, то Временное правительство легко могло бы расстрелять несколько кораблей, поставив для этого легкую батарею на дамбе Морского канала.

По прибытии в Петроград наших демонстрантов встретил т. Флеровский, который сообщил порядок движения. По сообщенному им маршруту мы должны были пойти к дому Кшесинской, где помещался Центральный Комитет нашей партии, и оттуда совместно с другими организациями мы должны были двинуться к Таврическому дворцу.

Раздались звуки военного оркестра, и стройные ряды кронштадтцев двинулись по Университетской набережной к Биржевому мосту... Перепуганные обыватели таращили глаза на небывалое зрелище и удивленно перешептывались друг с другом.

Наконец перешли на Петроградскую сторону и по Кронверкскому проспекту подошли к дому Кшесинской. На балконе появились Яков Михайлович Свердлов и Анатолий Васильевич Луначарский. Демонстранты остановились и, сомкнувшись рядами по-военному, построились против дома. Тов. Луначарский произнес коротенькую, но горячую речь на тему текущих событий. Кронштадтцы уже знали т. Луначарского и встретили и проводили его громом аплодисментов. Несмотря на то, что уже было время идти на демонстрацию, да и эсеры с анархистами требовали этого, кронштадтцы пожелали выслушать т. Ленина... Владимир Ильич появился на балконе, и буря рукоплесканий огласила Александровский парк и прилегающие улицы. В короткой речи Владимир Ильич передал кронштадтцам привет питерского пролетариата и выразил уверенность, что, несмотря на временные zig-zagi, наш лозунг «Вся власть Советам!», в конце концов, должен победить.

Снова кронштадтцы построились в походные колонны и под звуки «Интернационала» двинулись через Троицкий мост на Марсово поле. Эсеры заметили, что впереди кронштадтцы несут плакат Центрального Комитета нашей партии, и стали требовать его удаления. В противном случае они грозили уйти с демонстрации. Получив отказ с нашей стороны, они отделились. Однако никто, кроме их лидеров, с демонстрации не ушел; все рядовые члены партии эсеров остались в строю. Это обстоятельство впоследствии было использовано ими для обвинения наших товарищей в срыве мирного характера нашей демонстрации.

Кронштадтцы спокойно прошли по Невскому и повернули на Литейный. В конце растянувшейся на большое расстояние нашей колонны находились безоружные

рабочие, и среди них много женщин. Когда эта концевая часть демонстрантов вошла на Литейный, то она подверглась жесточайшему обстрелу. В результате обстрела несколько человек было ранено. Однако демонстранты не дрогнули и продолжали свой путь дальше. На углу Литейного и Пантелеймоновской улицы мы подверглись еще более жестокому обстрелу. Стройные ряды кронштадтцев дрогнули, часть бросилась в подъезды, часть легла на мостовую и, наконец, некоторые остались посреди улицы и стали вести беспорядочную стрельбу по невидимому врагу. Несколько человек пали убитыми и ранеными. Наконец замешательство несколько улеглось... порядок был несколько восстановлен, но все же он был далек от того, что было до обстрела. Как мера предосторожности, по бокам выделились цепи с ружьями наизготовку. Они держали винтовки наведенными на окна и приказывали закрывать таковые. В таком порядке кронштадтцы дошли до Таврического дворца. ...Группа моряков Машинной школы арестовала эсера В.Чернова, но потом он был освобожден.

Из мирной демонстрации соглашательский Центральный Исполнительный Комитет и Временное правительство постарались создать сказку о вооруженном мятеже. Они вызвали обманым путем войска с фронта для разгрома вооруженных солдат, матросов и рабочих.

В то время демонстрация считалась законченной, и все части начали расходиться по домам. Кронштадтцы также, временно еще оставаясь в Петрограде, разошлись на ночевку по отведенным для них квартирам, разделившись на 4 части, а именно: в Морской корпус, в Дерябинские казармы, в Петропавловскую крепость и в дом Кшесинской. В ночь с 4 на 5 июля (ст. ст.) никаких столкновений не произошло, но на утро 5(18) числа создалось угрожающее положение. Ночью юнкера разгромили редакцию газеты «Правда» и готовились к нападению на Центральный Комитет партии. На долю кронштадтцев выпала задача обороны ЦК партии большевиков. <...>

В скором времени стало известно, что на Петроградской стороне появились казачьи разъезды. К вечеру было получено постановление ЦК нашей партии о том, что демонстрацию надо считать законченной, и предлагалось всем вернуться на свои места. Кронштадтцы все решили вернуться в Кронштадт, и значительная часть, находившаяся на Васильевском острове, благополучно вернулась. Но меньшинству, почти исключительно морякам,

которые находились в Петропавловской крепости и в доме Кшесинской, выехать не удалось, а посему они подверглись осаде со стороны прибывших с фронта войск 5-й армии. Нашим товарищам был предъявлен унижительный ультиматум о сдаче оружия. Мосты оказались разведенными, и наши товарищи не имели возможности добраться до пристаней. Ночь наши товарищи проспали спокойно, а утром началось правильное наступление со всех сторон на Петропавловскую крепость и на дом Кшесинской. Начались дипломатические переговоры между кронштадтцами и военной комиссией ЦИКа, состоящей из Войтинского, Либера, Богданова и Суханова. И так как ночью кронштадтцы сумели большую часть оружия отправить на катерах в Кронштадт, то они согласились сдать оставшееся у них оружие. Дом Кшесинской был раньше оставлен кронштадтцами, которые перешли в Петропавловскую крепость, а при выходе из крепости кронштадтцы не потеряли самообладания и зло смеялись над усмирителями, которые вызвали с фронта целую армию для борьбы с безоружными людьми.

Однако Временное правительство и соглашательский ЦИК не ограничились только вызовом войск с фронта. Они замыслили еще более гнусное дело: натравливание одних кораблей на другие. Вот какого рода телеграммы давал помощник морского министра Дудоров на имя командующего Балтийским флотом адмирала Вердеревского¹³.

«Временное Правительство по соглашению с Центральным Исполнительным Комитетом приказывает немедленно прислать «Победитель», «Орфей», «Гром» и «Забияку» в Петроград. Идти полным ходом и, если потребуется, противодействовать прибывшим кронштадтцам. Если эти суда окажутся ненадежными, заменить их другими.

4/VII НР. 2294. *Дудоров*».

Затем была послана вторичная телеграмма следующего содержания:

«Временное Правительство по соглашению с ЦИК приказывает вам принять меры к тому, чтобы ни один корабль без нашего разрешения не мог прибыть в Кронштадт. Предлагаю не останавливаться перед потоплением такого корабля подводной лодкой, для чего полагаю необходимым подводным лодкам занять заблаговременно позицию.

НР. 8295. *Дудоров*».

Получив такие телеграммы, адмирал Вердеревский не посмел привести их в исполнение, так как не располагал такими кораблями, которые бы согласились выполнить столь гнусный приказ, а посему он вынужден был обратиться за советом в Центральный комитет Балтфлота¹⁴. Центробалт немедленно познакомил с содержанием этих телеграмм все корабли. Было созвано объединенное собрание всех комитетов судов и Центробалта¹⁵. На этом собрании была избрана делегация в Петроград с резолюцией о передаче власти Советам. На этом же собрании было решено сместить с должности комиссара Временного правительства господина Оникко. Как известно, делегация Балтфлота, прибывшая в Петроград, была арестована. Также был снят с должности и арестован адмирал Вердеревский. <...>

7(20) июля вечером на заседании исполнительного комитета была оглашена телеграмма Керенского следующего содержания:

<...>

«1) Центральный комитет Балтийского флота немедленно распустить, переизбрав его вновь.

2) Объявить всем судам и командам Балтийского флота, что я приказываю немедленно изъять из своей среды подозрительных лиц, призывавших к неповиновению Временному правительству и агитирующих против наступления, представив их для следствия и суда в Петроград.

3) Командам Кронштадта и линейных кораблей «Петропавловск», «Республика» и «Слава», имена которых запятнаны контрреволюционной деятельностью и резолюциями, приказываю в 24 часа арестовать зачинщиков и прислать их для следствия и суда в Петроград, а также принести заверение в полном подчинении Временному правительству. Объявляю командам Кронштадта и этих кораблей, что в случае неисполнения настоящего моего приказа они будут изменниками родины и революции, и против них будут приняты самые решительные меры. Товарищи, родина стоит на краю гибели из-за предательства и измены, ее свободе и завоеваниям революции грозит смертельная опасность...

Во имя родины, революции, свободы, во имя блага трудящихся масс, призываю вас сплотиться вокруг Временного правительства и всероссийских органов демократии и грудью отразить внешнего врага, охраняя тыл от предательских ударов изменников.

Военный и морской министр *А. Керенский*¹⁶.

Этот истерический вой и угрозы взбесившегося мелкого буржуа вперемешку с мещанским хныканьем о родине и революции произвел на кронштадтцев обратное действие. Рассчитанный на устрашение, он на самом деле вызвал огромное возмущение. В ответ на этот возмутительный приказ истерика Кронштадтский Совет принял следующую резолюцию:

«1) Во всех выступлениях и резолюциях мы преследовали, преследуем и будем преследовать только интересы революции, во имя освобождения трудящихся.

2) Никаких контрреволюционных зачинщиков в своей среде и вообще в Кронштадте мы не знаем, а посему никаких арестов производить не можем.

3) Мы даем заверение Временному правительству в подчинении, но стоим на точке зрения перехода власти в руки Советов»¹⁷.

На всех кораблях и в береговых частях были приняты резолюции протестов против гнуснейшей клеветы социал-предателя на революционный Кронштадт и против разгона Центробалта. Все корабли и морские части в знак протеста избрали в Центробалт старых делегатов, чем подчеркнули отрицательное отношение к грозному приказу Керенского.

10 (23) июля наш партийный комитет выпустил воззвание ко всем трудящимся, в котором указывалось на то, что «жизни вождей угрожает опасность. Неприкосновенность личности превратилась в пустой звук... Арестована делегация Балтийского флота и окриком Керенского разогнан ЦК Балтфлота... Типография и редакция центрального органа большевиков газеты «Правда» и «Солдатская правда» разгромлены...

Революция в опасности, но она велика и могуча, она перенесет все беды и козни контрреволюции. Революция не умерла, она живет.

Да здравствует революция!»¹⁸

13 (26) июля был получен приказ... на имя коменданта крепости о закрытии нашей газеты «Голос правды», что и было приведено в исполнение. Явившийся для выемки и наложения ареста комендант крепости старичок генерал Герасимов¹⁹ извинился тысячу раз в том, что на его долю выпала столь неприятная обязанность. Закрытие газеты было только соблюдением простой формальности. Прочитав приказ о закрытии газеты, комендант удалился, а работа редакции, ничем не нарушаемая, продолжала протекать обычным порядком. Пришлось изменить

только заголовок газеты, вместо «„Голос правды“ — орган Кронштадтского Комитета РСДРП большевиков» написать «„Пролетарское дело“ — орган фракции РСДРП большевиков Кронштадтского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов»²⁰.

С закрытием центральных газет на долю нашей газеты выпала обязанность обслуживать петроградский пролетариат. И надо отметить то, что с этой задачей наша редакция справилась с честью. Благодаря островному положению Кронштадта здесь наша партия не подверглась разгрому и продолжала свободно развивать свою деятельность.

...Временное правительство на следующий день, т. е. 14 (27) июля, решило привести свою угрозу в исполнение. Частями 5-й армии был занят форт «Красная Горка», пушки которого были наведены на Кронштадт. То же самое пытались проделать и по отношению к форту «Ино», но там бдительность оказалась лучше, да и сам форт был устойчивее, поэтому попытка правительственных войск не увенчалась успехом. В самый Кронштадт прибыл отряд самокатчиков во главе со штабс-капитаном Артамоновым. Вместе с ними прибыла делегация от 5-й армии для ознакомления с Кронштадтом. Кронштадту был предъявлен ультиматум о замене выборных комиссара и коменданта крепости назначенными от Временного правительства. Против назначения коменданта крепости Кронштадтский Совет не возражал при условии подходящей кандидатуры, а по вопросу о комиссаре Временного правительства было постановлено: рекомендовать на эту должность меньшевика-оборонца прапорщика Эдиета. В конце концов, комендантом крепости был назначен штабс-капитан Артамонов, по партийной принадлежности правый эсер. Под влиянием левых эсеров он впоследствии стал дружно работать с Советом. Комиссаром Временного правительства был утвержден прапорщик Эдиет.

Образцовый порядок и масса культурно-просветительных организаций в Кронштадте произвели хорошее впечатление на делегатов 5-й армии. Они убедились во лжи, которую распространяет про Кронштадт Временное правительство. Солдаты по-товарищески разговаривали с кронштадтцами и приглашали нас приехать в Петроград, в их части, для того, чтобы осветить истинное положение Кронштадта. В результате всего делегаты 5-й армии уехали из Кронштадта в хорошем настроении, штабс-ка-

питан Артамонов добросовестно изложил свое впечатление о Кронштадте, и войска, введенные на «Красную Горку», были оттуда отозваны. Так грозный ультиматум рассеялся как дым, и Кронштадт зажил опять своей прежней жизнью. Вскоре в Кронштадт приехала следственная комиссия под председательством Группы для расследования по делу о выступлении 4 и 5 (18) июля.

17 (30) июля на заседание Кронштадтского Совета прибыли делегации с фронта от 9-й и 12-й армий. Они возмущались травлей, ведущейся против нашей партии и революционного Кронштадта. Товарищ Орленко, представитель 12-й армии, сказал: «Мы узнали о том, что 5-я армия пошла на подавление контрреволюции в Петроград. На это мы говорили, что если там восстала буржуазия, то в Петрограде есть революционный гарнизон, который сумеет подавить контрреволюцию, но здесь что-то другое. Мы получали газету «Окопная правда», которой мы только и утешались, но за последнее время ее не стало, тогда мы решили поехать в Петроград и узнать, в чем дело. Мы узнали, что выступали петроградские полки, рабочие и кронштадтцы и требовали перехода власти к Советам, они шли мирно, а их расстреляли. За власть Советов стоите не только вы одни, но и мы. У нас в 12-й армии все латышские полки и 8 сибирских полков стоят за передачу власти Советам. Наши офицеры говорят нам, что свобода — это дело хорошее, но хотят забрать фабрики, заводы и землю, разве это допустимо. Мы говорим: куй железо пока горячо, что в борьбе всякий себе добывает счастье, и рабочие куют счастье для нас. Сегодня мы в мундире, а завтра мы рабочие. Когда мы съехались со всего фронта в Петроград, то у нас у всех оказались одинаковые резолюции, все хотят власти Советов». Эта простая речь солдата в корне разоблачала трусливую политику социал-предателей, испугавшихся взятия власти и вверивших судьбы революции в руки кучки авантюристов во главе с Керенским.

После этого наши товарищи-кронштадтцы побывали в гостях у солдат 5-й армии, в том самом экспедиционном отряде, который был вызван с фронта для подавления выступления 3 и 5 июля (ст. ст.). Выступление кронштадтцев на митингах этого отряда имело колоссальное значение. Симпатии солдат были теперь всецело на стороне кронштадтцев.

День ото дня Кронштадт приобретал все большую популярность среди трудящихся масс. Это был самый сво-

бодный уголок во всей России, и неудивительно, что со всех концов стекались сюда рабочие и солдаты для того, чтобы излить свои наболевшие вопросы и получить практические указания, как нужно вести подготовку к грядущим великим боям.

В тот момент, когда в Кронштадте собирались для обмена мнениями лучшие сыны революции, в Петрограде собирались все силы ожившей контрреволюции для того, чтобы решить вопрос, как скорее и проще смогут они задушить революцию. Под вывеской Государственной думы стекались все силы реакции и открыто повели погромную агитацию против Советов. На этом совещании прогрессист Масленников заявил, что «к революции примазалась кучка сумасшедших фанатиков, проходимцев и предателей, называющих себя Центральным Исполнительным Комитетом». «Правильно!» — раздались одобрительные возгласы, и на слова председателя: «Я просил бы таких резких выражений не употреблять», — Пуришкевич заявил: «Почему нельзя, когда это верно. Пора говорить настоящим языком»²¹.

Из этой краткой выдержки речей и реплик, произнесенных на настоящем языке контрреволюции, и не где-нибудь в Чухломе, а в самом Петрограде, видно было, что контрреволюция почувствовала себя достаточно сильной, чтобы начать открыто действовать. Подлая деятельность социал-предателей расчистила путь для контрреволюции, и социал-лакеи услышали свою собственную оценку от тех, ради кого они так старательно клеветали на большевиков и революционный Кронштадт. Между тем росла и крепла мощь нашей партии и революционного Кронштадта. В своем наказе, данном делегатам ЦК Балтфлота, моряки заявили, что «единственный выход из создавшегося положения революционный Кронштадт видит в переходе всей власти в руки Советов. Россия, свергнувшая царизм, должна свергнуть и капитализм».

Кронштадтский Совет в связи с закрытием нашей газеты «Голос правды» выразил резкий протест и осудил безответственную политику Временного правительства.

21 июля (ст. ст.) в Кронштадт собрались делегации от 29 полков с фронта и от рабочих Петрограда и Сестрорецка. На объединенном митинге всех делегаций и кронштадтцев была принята резолюция протеста против разгула реакции, с требованием разгона черносотенной Государственной думы.

Происходившие в эти дни выборы в городскую думу

дали по 25 мест большевикам и левым эсерам, остальные все фракции и группировки не собрали и одной трети мест. Между нами и левыми эсерами было достигнуто полное соглашение, на основе которого и начала свою работу городская дума.

В предвыборной кампании в городскую думу была разоблачена фальсификация, учиненная председателем Совета, студентом Ламановым, который, пользуясь своим положением, опубликовал список беспартийных кандидатов в думу за подписью председателя Совета, чем пытался ввести в заблуждение избирателей, выставляя свой список как якобы предложенный Советом. Это обстоятельство заставило поставить вопрос об освежении Совета, и было принято решение о перевыборах.

6 (19) августа в Кронштадт прибыла из Петрограда экскурсия во главе с т. Володарским. На устроенном митинге, насчитывавшем более двадцати тысяч человек, была принята следующая резолюция:

«Мы, солдаты, матросы и рабочие Петрограда, Кронштадта и Сестрорецка, шлем привет гонимым и оклеветанным вождям пролетариата и протестуем против ареста товарищей большевиков, против разгрома партийных организаций, против дикого разгула реакции, против контрреволюционной диктатуры, вводящей смертную казнь, ссылку, изгнание и стремящейся уничтожить все завоевания революции.

Мы протестуем против политики соглашения с буржуазией, против отсрочки выборов в Учредительное собрание и выражаем уверенность в том, что организующиеся силы пролетариата — революционных моряков, солдат и беднейших крестьян — сметут обнаглевшую контрреволюционную диктатуру и заменят своей действительно революционной диктатурой пролетариата».

Из этой резолюции ясно видно, что революционный Кронштадт борется теперь не только за простой переход власти к Советам, а за диктатуру пролетариата, не за мирное соглашение с мелкой буржуазией, а за вооруженное восстание пролетариата и беднейшего крестьянства против буржуазии и всех колеблющихся элементов.

11 (24) августа состоялось первое заседание вновь избранного Совета, в состав которого вошло: 98 большевиков, 93 беспартийных, 72 левых эсера, 12 меньшевиков-интернационалистов и 7 анархистов²². Таким образом, удельный вес нашей партии возрос, в то время как у других партий он резко упал. За счет левых эсеров и мень-

шевиков усилились беспартийные, и явились анархисты. Это говорило о том, что те крестьянские мелкобуржуазные массы солдат, которые вначале шли за меньшевиками и эсерами, в них разочаровались, но они не осознали еще необходимости идти вместе с единственно последовательно революционной партией большевиков. Они или стали более пассивны и отдали свои голоса беспартийным, или метнулись в крайность и пошли за анархистами. Конечно, здесь имело место и влияние событий 3 и 5 июля (ст. ст.) Однако оставалось неопровержимым фактом то, что, несмотря на преследование* нашей партии, ряды ее не поределели, а возросли.

Новый Совет подтвердил свое отношение к Временному правительству и высказался за власть Советов.

26 августа (ст. ст.) началось наступление генерала Корнилова на Петроград. В это время наша делегация была послана в Центральный Исполнительный Комитет Советов с требованием освобождения наших товарищей, находящихся в «Крестах». Когда я пришел к Чхеидзе для изложения своих требований, он умоляюще обратился ко мне с просьбой поехать в Кронштадт и передать Совету его просьбу от имени ЦИКа о присылке немедленной помощи для борьбы с Корниловым. В отношении арестованных товарищей он обещал принять меры к их освобождению, но это был с его стороны только обман. В данную минуту он боялся отказать кронштадтцам, так как требовалась их помощь. В ответ на просьбу Чхеидзе мы заявили, что Кронштадт всегда готов поддерживать борьбу ЦИКа против контрреволюции, но ЦИК сам отверг нашу помощь и обратился за поддержкой к контрреволюционным генералам для борьбы против революционных кронштадтцев. Чхеидзе попросил не вспоминать старые обиды и теперь, перед лицом опасности, угрожающей революции, сплотить свои силы вокруг ЦИКа. На заявление о том, что по распоряжению ЦИКа у нас было отобрано оружие 6 июля, Чхеидзе заявил: «Все, что вам нужно, мы вам выдадим, как только вы приедете в Петроград». Мы вернулись в Кронштадт и доложили об этом исполкому. На имя Кронштадтского Совета было получено обращение ЦИКа и просьба прислать войска для защиты Петрограда.

На следующий день Кронштадтский Совет постановил послать пятитысячный отряд для защиты Петрогра-

---

* В тексте: разгром.

да. Помимо этого было решено усилить гарнизон форта «Красная Горка» и выслать отряд в район Петергоф — Ораниенбаум²³.

Для руководства отрядом Совет назначил трех комиссаров: от большевиков — меня, от эсеров — Брушви́та и от максималистов²⁴ (в таковых превратилась часть беспартийных) — Рывкина. Одновременно с отрядом Кронштадтский Совет послал делегацию в Центральный Исполнительный Комитет Советов с наказом, предложенным нашей фракцией, следующего содержания:

«Отменить смертную казнь²⁵, немедленно передать все помещичьи земли в руки крестьянских комитетов, узаконить 8-часовой рабочий день и установить контроль над производством и распределением, конфисковать военную прибыль и обложить все капиталы и имущества, провозгласить право народов на самоуправление, декретировать демократическую республику и немедленный созыв Учредительного собрания, отменить тайные договоры и предложить демократический мир.

Для осуществления этих требований передать всю власть в руки Советов».

Когда наш отряд прибыл в Петроград и проследовал в боевом порядке к Смольному, его внешний вид, дисциплина и порядок произвели необычайное впечатление не только на рабочих, но и на обывателей.

Струсившая буржуазия сразу переменяла свой тон по отношению к кронштадтцам и устами газеты «Биржевые ведомости» стала воспевать хвалебные гимны кронштадтцам. На следующий день по прибытии нашего отряда в Петроград «Биржевка» писала:

«Вчера Петроград впервые после революции увидел дисциплинированные части. Это были стройные колонны кронштадтских моряков. На эти части Временное правительство может положиться в своей борьбе против изменников революции».

Этот язык трусливого обывателя говорил о том, что хотя Корнилов с «Дикой дивизией» и подошел к Петрограду, все-таки мощный отпор, данный контрреволюции питерским пролетариатом и прибывшими к нему на помощь кронштадтцами, внушал страх буржуазии, и она рядилась в революционную тогу.

Соглашательский ЦИК изрядно перетрусил при виде генеральского сапога Корнилова и сразу изменил свое отношение к кронштадтцам. Вместо той клеветы, которая лилась на нас из уст соглашательских журналистов

и ораторов, нам вручили охрану своей персоны, оставив кронштадтский отряд в Петрограде для охраны Центрального Исполнительного Комитета и Временного правительства.

По окончании корниловского мятежа Чхеидзе прислал Кронштадтскому Совету следующую телеграмму: «Комитет народной борьбы с контрреволюцией приветствует Кронштадтский Совет, принявший столь активное участие в мобилизации революционных сил, и с удовлетворением констатирует приезд кронштадтского отряда в тревожные дни в Петроград. Отряд оказал существенное содействие делу успокоения. Прошу Совет передать товарищам, входившим в отряд, признательность и благодарность Центрального Исполнительного Комитета. Чхеидзе».

После корниловского мятежа авторитет Кронштадта значительно возрос, и перед нами встала задача подготовки к вооруженной борьбе за установление диктатуры пролетариата.

Огромная роль, которую сыграл Кронштадт в великие дни Октябрьского переворота, всем известна.

Н. Ф. Измайлов

ВЕРНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ
(Матросы Балтфлота
в июльские дни 1917 г.)

ременное правительство считало самым опасным своим врагом матросов Балтфлота и поэтому внимательным образом следило за настроением матросов и действиями ЦКБФ¹.

Настали тревожные дни. 3 июля помощник морского министра Керенского капитан 1-го ранга Дудоров по распоряжению Временного правительства и ЦИКа прислал командующему Балтфлотом адмиралу Вердеревскому ряд секретных телеграмм². Одна из них требовала немедленной высылки миноносцев «Победитель», «Забияка», «Гром» и «Орфей» в Петроград, где им надлежало войти в Неву. В пути было приказано идти полным ходом. Посылку держать в секрете, причем указывалось, что в случае невозможности посылки указанных миноносцев выслать другой, наиболее надежный дивизион. Другая телеграмма приказывала комфлоту не допускать самочинного выхода ни одного военного корабля с передовой линии в Петроград и Кронштадт. В противном случае приказывалось не останавливаться перед потоплением таких кораблей подводными лодками, а лодкам предлагалось занять заблаговременно необходимые позиции.

Все эти секреты быстро стали известны ЦКБФ, который 4 июля созвал экстренное собрание пленума Центробалта совместно с комитетами судов, находившихся в то время на Гельсингфорсском рейде. На этом чрезвычайно бурном собрании, происходившем на бывшей царской яхте «Полярная звезда», был заслушан доклад ко-

мандующего флотом адмирала Вердеревского, который огласил присланные из Петрограда секретные телеграммы. По докладу комфлота пленумом было принято решение:

1. Послать в Петроград делегацию из шестидесяти пяти человек (от каждого корабля по одному представителю) во главе с членами ЦКБФ товарищами Ховриным, Крючковым, Лоосом и Измайловым.

2. Делегации сделать подробный доклад ЦИКу Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о контрреволюционных действиях Временного правительства и произвести арест помощника морского министра Дудорова, доставив его в ЦКБФ для предания суду как врага революции.

3. Состоявшему при командующем флотом комиссару Временного правительства Онипко покинуть штаб флота и отправиться в Петроград.

Кроме того, делегации поручалось заявить ЦИКу о том, что действующий Балтфлот целиком одобряет действия петроградских рабочих и кронштадтских матросов и поддерживает их требования о передаче власти Советам.

Судовой комитет миноносца «Орфей» предложил ЦКБФ свои услуги для поездки с делегацией в Петроград. Этим он хотел засвидетельствовать перед лицом флота свою солидарность со всеми матросами и заявить свой протест Временному правительству, считавшему его своей опорой и верным стражем буржуазии.

Пятого июля рано утром делегация Балтфлота на миноносце «Орфей» вышла из Гельсингфорса в Петроград. Настроение матросов было прекрасное, но командир «Орфея», посматривавший на нас волком, не внушал нам никакого доверия. В пути нами была получена радиотелеграмма за подписью Керенского, сообщавшая о подавлении Временным правительством большевистского движения в Петрограде. Это сообщение для нас было неожиданным, вследствие чего оно создало среди неустойчивых членов делегации некоторую панику и растерянность.

В Петрограде мы пришвартовались к стенке у Николаевского моста³. Погода была пасмурная, временами лил дождь. В 17 часов мы прибыли в Таврический дворец. Он был до отказа наполнен солдатами, вызванными с фронта Керенским как для охраны дворца, так и для охраны Временного правительства.

По пути в Таврический дворец нам попало несколько убитых лошадей, валявшихся среди улицы на мостовой. На улицах царила полная тишина, людей почти не было.

Ночь с 5 на 6 июля мы провели в Таврическом дворце. Почти никто не спал. Всю ночь в залах дворца устраивались среди солдат летучие митинги, выступали меньшевики и правые эсеры. Были здесь⁴ Войтинский, Гоц, Богданов и другие, в один голос призывавшие солдат к организованности и сплоченности своих рядов для дружного отпора против врагов революции большевиков — «шпионов германского генерального штаба». Чего только не говорилось на этих митингах против большевиков и матросов Балтики!

Шестого июля состоялось заседание пленума ЦИКа с участием делегации Балтфлота. На этом пленуме Войтинский сделал погромный доклад о выступлении большевиков. После Войтинского делегация флота заставила меньшевистско-эсеровское собрание полностью выслушать решительную ультимативную резолюцию матросов Балтики. В момент оглашения этой резолюции в зале заседания поднялся неистовый шум, дикий свист и зверский топот со стороны эсеров-меньшевистских делегатов. Заседание ЦИКа окончилось поздно, около 3 часов ночи. Делегация по возвращении на миноносец не успела как следует расположиться спать, как раздались неожиданно дудка и голос командира миноносца Зубова: «Все наверх!»

Когда мы вышли на верхнюю палубу, то увидели стоявших на верхнем мостике помощника морского министра капитана 1-го ранга Кукеля и представителя начальника петроградского гарнизона. На берегу против нашего миноносца стояли два броневика и рота гардемарин и юнкеров. Командир миноносца скомандовал: «Смирно!» Кукель тут же начал оглашать особое постановление Временного правительства об аресте всей делегации Балтфлота с предупреждением, что к сопротивляющимся будут приняты самые суровые меры вплоть до применения огнестрельного оружия. Когда Кукель кончил, я вошел на мостик и заявил:

— Мы, члены ЦКБФ, решение Временного правительства считаем для себя необязательным и допустить ареста делегации не можем!

Одновременно через председателя судебного комитета мною было отдано приказание команде миноносца от-

дать швартовы и вместе с прислужниками Временного правительства идти в Кронштадт; в случае же обстрела со стороны гардемарин и броневиков открыть по ним артиллерийский и пулеметный огонь.

Под влиянием своего контрреволюционного командира старшего лейтенанта Зубова команда отказалась исполнить отданное мною приказание, и только это обстоятельство заставило нас сдаться. 7 июля в 7 часов утра вся делегация в количестве шестидесяти пяти человек была обезоружена, арестована и на грузовиках отправлена в штаб Петроградского военного округа. Оттуда в тот же день в 18 часов мы были отправлены, также на грузовиках, в знаменитую петроградскую одиночную тюрьму «Кресты».

Когда нас подвозили к воротам тюрьмы, там стояла огромная толпа людей, состоявшая из полубуржуазно-мещанской интеллигенции, которая при нашем появлении возбужденно кричала:

— Надо немедленно расстрелять этих изменников родины и революции. Расстрелять их без следствия и суда, как немецких шпионов.

Нас ввели в тюрьму, разместили по одиночкам, а толпа продолжала неистовствовать до 3 часов ночи, и от ее рева дрожали стены «Крестов». Толпа стремилась ворваться в тюрьму, чтобы произвести самосуд над участниками июльской демонстрации, и в особенности ее возмущение было направлено против матросов Балтфлота.

Вся делегация, за исключением членов ЦКБФ⁵ Дыбенко, Крюкова, Ховрина, Лооса и меня, была освобождена через три дня. Мы же оставались еще долго в петроградской тюрьме «Кресты» и были освобождены только перед корниловским мятежом с передачей под надзор высшего начальства своих кораблей, с лишением активного и пассивного избирательного права.

Через несколько дней после ареста балтийской делегации были арестованы и доставлены в «Кресты» из Кронштадта товарищи Семен Рошаль и прапорщик Ремнев⁶, из Гельсингфорса — товарищи Антонов-Овсеенко, Устинов⁷, Прошьян⁸ и Любицкий⁹. Вскоре за делегацией за разглашение секрета был арестован командующий Балтфлотом адмирал Вердеревский, который был посажен в Петропавловскую крепость.

Следствие по делу об аресте делегации производилось прокурором по особо важным делам при Временном правительстве адмиралом Фелициным. Вместе с Фе-

лициним в «Кресты» иногда приезжали Соколов¹⁰, Бунаков¹¹ и Чхеидзе. Всем членам Центробалта, находящимся в «Крестах», предъявлялось обвинение в измене родине, в самочинном уводе в Петроград военных судов с передовой линии действующего флота, в обращении их против Временного правительства и, наконец, в шпионаже в пользу германского генерального штаба и в получении от последнего через Ленина золота.

Все следователи уговаривали нас чистосердечно сознаться в предъявленных нам обвинениях, особенно в последнем, т. е. в получении денег из Германии через Ленина, обещая немедленное освобождение и смягчение нашей дальнейшей участи.

После ареста делегации Балтфлота Керенский отдал приказ о роспуске Центробалта второго созыва¹², о выдаче всех подстрекателей и зачинщиков выступления против Временного правительства.

Б. З. Шумяцкий
НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

 Кавалергардская, 40... Сколько образов вызывает в памяти этот ныне необитаемый, разрушенный дом. А между тем ленинградские рабочие, многие рабочие других городов и районов и бывшие солдаты империалистической армии хорошо помнят, что в этом доме до 3—5 июля 1917 г. помещались редакция, контора и типография центрального органа нашей партии — газеты «Правда»¹. Старые ленинградцы знают, что здесь юнкера и казаки последнего правительства русской буржуазии разгромили типографию, созданную на трудовые гроши питерского пролетариата², рассыпали наборы, спутали материалы, исковеркали машины. Но не только этот погром помнит этот уголок старого Петрограда. Он помнит и августовские, и сентябрьские, и октябрьские дни, приведшие русский пролетариат к победе.

I

Издание «Пролетария» и поиски типографии

Я вернулся из Сибири в Питер к началу VI съезда нашей партии. Велись уже подготовительные работы к съезду, велись они полуконспиративно. Ильич был в подполье, но рука вождя чувствовалась везде и во всем. Тезисы, проекты, резолюции, директивы — все это исходило от Ильича, жившего в то время в сестрорецком шалаше.

Уже начался съезд, а у партии, кроме популярно-агитационной газеты «Рабочий и солдат», не было еще своего печатного органа. И вот во время заседаний съезда

Я. М. Свердлов предлагает мне взять на себя организацию издания центрального органа.

Он рекомендует арендовать большую частную типографию, чтобы выпустить вначале «2—3 номера газеты не особенно яркого содержания», и уже затем, «обосновавшись» и связавшись с ее рабочими, «начать крыть по-настоящему».

В течение недели я безуспешно пытался найти такую типографию, которая приютила бы наш партийный орган. Я ежедневно совершал обход ряда типографий. Однако никто из их владельцев не хотел принимать наш «социальный заказ». Во всех типографиях нам отказывали. И в этих «любезных» отказах всегда звучала нескрываемая классовая неприязнь к нашему начинанию. Тут мы еще раз воочию убедились в правоте утверждений Ильича относительно характера буржуазной свободы печати: свобода-то печати была Временным правительством декларирована, а вот типографии и бумага находились в руках капиталистов, которые даже за плату не хотели печатать большевистской газеты.

Потеряв надежду найти типографию, я предложил Свердлову:

— А что, если мы попытаемся восстановить типографию «Правды» и будем печататься у себя дома?

Яков Михайлович отнесся к предложению хотя и сочувственно, но с присущим этому талантливому организатору нашей партии скепсисом:

— Восстановить-то восстановить, но центральный-то орган нужен нам сейчас до зарезу!

Все же предложения он не отверг. Взялся переговорить с членами ЦК и при следующей нашей встрече уже принес мне согласие и даже выдал три аршина керенок на восстановительную работу. Помню, с какой радостью я принял это задание. И хотя у меня не было еще никакого готового плана, тем не менее на вопрос Якова Михайловича о плане работ я разразился целым каскадом всяких предложений, из которых, думаю, Яков Михайлович понял только одно,— что мысль об организации центрального органа захватила меня целиком.

Работая в это время по партлинии за Нарвской заставой, я, естественно, оттуда и начал рекрутировать первую восстановительную колонну в составе нескольких наборщиков-ручников, нескольких разборщиков и одного печатника. Через два-три дня уже подобрался штат в 8—10 человек.

Восстанавливаем свою типографию

Приблизительно за неделю до выхода первого номера органа ЦК большевиков «Пролетарий»³ мы с наборщиками, разборщиками, печатниками и несколькими ремонтными рабочими рано утром, пробравшись через пролом в ограде дома № 40 по Кавалергардской, вошли в разгромленное помещение конторы и типографии «Правды»⁴. Мы нашли там полнейший хаос: кассы были выброшены из реалов, шрифт и материал грудami лежали на полу. Кругом разбросаны обрывки рукописей и оттиски гранок. Сверху все покрыто густым слоем пыли и грязи. Одним словом, не производственное предприятие, а «Мамай воевал».

Первым делом мы решили разбиться на бригады и произвести первичную уборку помещения. Работали так до полудня. После полудня мы взялись за приборку и уборку касс в реалы и закончили эту работу лишь к вечеру. Вечером, с большой опаской, мы решили включить свет. Опасения наши питались тем, что помещение типографии через смежные усадьбы с двух сторон имело соседями корниловские части в составе двух казачьих полков, расквартированных на углу Шпалерной и Кавалергардской⁵.

Квартиранты нижнего этажа дома также не внушали особого доверия. Это все была озлобленная против большевиков гостинодворская публика и обитатели той части петроградских трущоб, откуда еще во времена самодержавия черная сотня рекрутировала своих наемных погромщиков.

Вот почему, посоветовавшись, мы решили электрический свет включать только в наборной, окна которой выходили не на Кавалергардскую улицу. Так мы работали до поздней ночи. Выходить из помещения было явно рискованно, поэтому мы тут же расположились и на ночлег.

На другой день часть рабочих отправилась осматривать наиболее пострадавшие печатные машины. Картина разрушения в печатном цехе была еще более мрачной. Две наши ротационные машины были наполовину разрушены. Юнкера⁶ Керенского, руководимые каким-то несомненным «спецом», хорошо выполнили волю пославших их: они пустили ротационные машины на задний ход и переломали зубья у шестерен. Поэтому обе ротации, являвшиеся главным достоянием типографии, при-

обретенной на собранные питерским пролетариатом в «железный фонд „Правды“» гроши,— были окончательно выведены из строя.

На наше счастье оказалось, что значительная часть плоских машин⁷ находилась в удовлетворительном состоянии. Немедленно же закипела ремонтная работа, и к вечеру мы уже могли привести в движение несколько плоских машин.

Весь третий день нашей работы был посвящен разборке шрифта по кассам и разборке ротационных машин. Разборка производилась в ожидании приезда из Финляндии механика-инструктора, которого со дня на день должен был привезти с собой А. В. Шотман⁸.

Все мы работали, совершенно не выходя из помещения, кормились теми тремя буханками хлеба, которые были принесены с собой. Шутя мы называли этот хлеб «хлебом Нового завета». Порции хлеба выдавались каждому работающему не больше тех, какие позже, в дни гражданской войны, мы получали от Наркомпрода. И тем не менее работа спорилась, шла хорошо, настроение у всех было повышенное и необычайно бодрое.

На четвертый день мне пришлось сделать вылазку, чтобы повидаться с Я. М. Свердловым и получить от него задания по выпуску первого номера «Пролетария» и по другим печатным работам.

Встреча состоялась в помещении издательства «Прибой», во время его переезда в какое-то монастырское подворье. Вообще надо сказать, что это партийное издательство в деле организации центрального органа играло выдающуюся роль. Оно давало нам денежные средства и не раз выручало и позже, когда нужда стучалась в дверь. Касса издательства всегда была к услугам центрального органа.

Яков Михайлович передал мне ряд статей Ильича, Сталина, тексты двух воззваний ЦК и ПК и долго допытывался, уверены ли мы, что типография сможет начать регулярный выпуск газеты, сможет ли легально исполнять наши партийные заказы.

Во время этой беседы к Якову Михайловичу пришел Ф. Э. Дзержинский. Из беседы с ним я узнал, что ЦК в это время создавал «юридическое лицо» нашей типографии путем превращения ее в «Товарищество рабочей печати», во главе которого были поставлены Дзержинский и Менжинский.

Нагруженному заказами и снабженному Я. М. Сверд-

ловым массой советов по части конспирации (как в доброе старое время), мне предстояло вернуться в нашу формально легальную, а фактически подпольную типографию. По условиям конспирации, возвращаться среди белого дня даже в нашу *собственную* типографию было нецелесообразно, и я направился в одну из инженерных частей к члену Военной организации большевиков Малыгину, для того, чтобы организовать регулярное снабжение работающих в типографии и в походной редакции «Пролетария» провиантом.

Малыгин дал мне несколько буханок хлеба и обещал ежедневно через специально для этого организованную связь, через охотничью команду полковника И. В. Зылатина, охранявшую Таврический дворец, регулярно снабжать нас черным солдатским хлебом. Должен отметить, что Малыгин выполнил свое слово, и мы каждый день получали от него щедрый хлебный рацион.

Приближался выход первого номера газеты «Пролетарий». Все работающие в типографии и я, представлявший в своем лице походную редакцию этой газеты, хотели устроить ЦК подарок — выпустить газету не в малом формате, как выпускалась до разгрома «Правда», а в формате большой газеты, благо запас рулонной бумаги в типографии имелся значительный. Прибывший незадолго до этого вместе с финляндским монтером Шотман какими-то героическими усилиями и при значительной помощи рабочих петроградских машиностроительных заводов вчерне уже отремонтировал одну из наших ротаций.

III

Их свобода печати...

Мы с волнением ожидали выхода «Пролетария». Накануне этого выхода, поздно вечером, вдруг слышим стук в ворота, шум и крики: «Открывайте, черти полосатые!»

Сговорившись, что я буду изображать «фактора» (не что среднее между управляющим и старшим наборщиком или старшим метранпажем), мы пошли и открыли ворота. Ввалилась ватага казаков, предводительствуемая подвыпившим штатским, именовавшим себя начальником милиции. Отрекомендовавшись и попутно доложив, что он является членом партии эсеров, этот милицкий начальник с вооруженными казаками ворвался в помещение типографии и стал требовать заведующего. Я заявил, что я являюсь «фактором».

— На кой черт мне фактор? Никакого фактора я не признаю! Подать мне сюда заведующего!

Я еще раз, но уже настойчивее повторил, что я как фактор заменяю здесь заведующего типографией и, в свою очередь, просил указать, чем мы обязаны такому неожиданному и бурному визиту.

Милицейский начальник, показав ордер на обыск, заявил, что они присланы по указу властей Временного правительства произвести осмотр, что делается в этой «чертовой кухне» (т. е. нашей типографии). Я ответил, что к «чертовой кухне» отношения не имею, а руковожу по наряду своих хозяев работой по приведению в порядок всех цехов разгромленной в июльские дни типографии.

— Хозяев? Это что же — немецкого кайзера?

— Прошу вас выражаться точнее и корректнее, — заявил я ищейке Керенского. — Типография эта принадлежит «Т-ву рабочей печати», предприятию легально действующему, и поэтому я прошу отвести все недостойные намеки насчет связи типографии с кайзером, ибо это затрагивает уже не только политическую честь предприятия, но и честь всех нас, работающих в этой типографии, которые ненавидят империализм и буржуазную власть кайзеровской Германии не менее, чем такую же власть и империализм Франции, Англии и России.

— Да вы же, черт возьми, большевики! — раздраженно заявил ищейка Керенского, и его возглас подхватили казаки наряда.

— Что с ними разговаривать. Обыск! Обыск! Обыск! — завопили они. И все они рассеялись по типографии.

Мы решили не давать обыскивающим возможности учинить новый разгром и поэтому следовали за ними по пятам.

Заглянув во все закоулки обеих этажей, обыскивающие потребовали показать им то отделение, в котором делается газета, намекая, очевидно, на стереотипную.

Нам стало ясно, что среди обыскивающих нет людей, знающих типографское дело, и поэтому мы решили их провести, не показывая помещения, где готовились матрицы и ожидалась отливка стереотипа. Мы провели «гостей» вниз, в печатное отделение, к тискальным станкам, и несколько человек наперебой начали объяснять им процесс «делания» газеты.

Ничего не поняв, обыскивающие еще раз направились вверх, в наборное отделение, и стали шарить по реалам

и на столе у метранпажа. Так как все гранки были рассованы и так как на столе у метранпажа стояло только несколько объявлений, то обыскивающие так и не могли установить, что мы готовим выпуск первого номера органа ЦК большевиков «Пролетария».

Переписав нас всех, они с шумом и ругательствами удалились, обещав в «случае чего» вернуться и «задать жару».

Выждав около часа, не пожалуют ли «гости» вновь, мы приступили к верстке полос первого номера, к читке корректуры, к изготовлению матриц и к отливке стереотипа. Тут же, на столе метранпажа, я писал недостающие статьи и заметки...

В 3 часа утра мы пустили ротацию, и...— ура! — через несколько часов еще не зажившие от июльских ран ее «пальцы» начали сбрасывать свежие номера возродившейся в образе «большой» газеты «Пролетарий» нашей родной «Правды».

В 7 часов утра А. Садовский⁹— член Военной организации большевиков — подал из автопарка бронечастей Временного правительства грузовик. Передав нам мешок с солдатским хлебом, он принял наш ответный подарок партии и петроградскому пролетариату — несколько десятков тысяч экземпляров первого номера «Пролетария».

К 8 часам утра * газета появилась во всех рабочих районах, вызвав своим появлением бурю восторга среди питерских рабочих и солдат и страшный переполох в стане агентов Временного правительства и соглашателей¹⁰. <...>

---

* 13 августа 1917 г. (Примечание Б. З. Шумяцкого.)

И. П. Флеровский

VI СЪЕЗД РСДРП(б)

то был один из наиболее замечательных съездов нашей партии прежде всего потому, что он собрался в момент крутого перелома в политическом положении революционной России. Июльские события отбросили социал-соглашательские партии в объятия контрреволюционной буржуазии, власть фактически перешла в руки военной, палаческой клики, для которой Временное правительство являлось лишь маскировочной ширмой. Кончился мирный период развития революции. Съезду предстояло определить *новую тактику* борьбы за переход власти к рабочему классу и беднейшему крестьянству, за социалистическую революцию.

Съезд был примечателен и по числу делегатов и по партийному стажу. На съезде присутствовало 157 делегатов с решающим голосом и 110 с совещательным...¹ Кроме того, ряд делегатов был арестован в пути. За короткое время, прошедшее после Апрельской конференции, число членов партии утроилось, партия стала мощным 240-тысячным коллективом, крепко сплоченным вокруг Ленинского ЦК.

По партийному стажу делегатов съезд состоял почти исключительно из подпольщиков,— только 4 делегата работали в большевистских организациях меньше одного года. 77 делегатов имели стаж с 1903—1906 годов². Радостно было встретить старых товарищей по партийной работе, по тюремному заключению, этапам и ссылкам.

«Здравствуйте, товарищ Макар!» — Тот секунду смот-

рит на меня, затем лицо его расплывается в улыбке и он крепко жмет мне руку. Мы весело вспоминаем, как он, тов. Ногин³, после Лондонского съезда⁴ прибыл к нам в Сормово, как мы встретились случайно на улице и как я принял его за подозрительную личность. Еще бы! Вид у него был совсем не подходящий для Сормова: котелок на голове, щегольское пальто, в руке изящный саквояж, а на лице роскошные рыжеватые усы. К тому же спросил он у меня улицу и номер дома, где жил товарищ, к которому была партийная явка. Я с наивной резкостью ответил: «Не знаю!» А через пару часов ко мне пришел товарищ и пригласил пойти с ним, сообщив при этом: «Приехал цекист». Входим — и я вижу того «подозрительного». Он протянул мне руку и заодно засмеялся.

К нам подходит и тот, у кого была явка, тов. Данилов. Он старейший сормовский большевик, чертежник, и сейчас на съезде делегатом от Сормовской, моей родной организации...

Вот Исаак Кизельштейн⁵. Он москвич. Весной 1909 года я приехал на Московскую областную конференцию делегатом Сормовской организации. Член областного бюро Станислав (Вольский), тогда известный отзовист, поручил Кизельштейну, работавшему при бюро, отыскать мне ночевку и, на «крайний случай», сам указал одну квартиру, но опасную. Кизельштейн весь вечер знакомил меня с Москвой, а около двенадцати часов ночи повел на «крайний случай», где лишь после долгих уговоров меня решились впустить. Конференция не состоялась. Но за несколько дней я близко познакомился с работниками Московского областного бюро — Донат-Шулятиковым, Манцевым и другими и вернулся в Сормово, нагруженный литературой и вооруженный сведениями о внутрипартийных разногласиях, о борьбе Ленина против отзовизма и ликвидаторства⁶. В конце того же года мы встретились с Кизельштейном уже в Пинеге, в архангельской ссылке, а затем во время войны в сибирской ссылке, в Верхотенском уезде. Сейчас на съезде он — делегат от Калужской партийной организации.

Вот тов. Воробьев, канавинский рабочий. С ним вместе мы удирали летом 1907 года от полиции, окружившей нашу Нижегородскую общегубернскую партийную конференцию.

Я. М. Свердлов. С ним я познакомился недавно, — это он меня направил в Кронштадт на партийную работу. Но мы с ним земляки, нижегородцы, и у нас много общих

друзей и товарищей. Больше всего товарищей по Питеру. Вот М. С. Ольминский⁷, встречи с ним у меня были в 1913 году в редакции журнала «Просвещение», который он редактировал. Старейший член партии, бывший народовец. Он открывал VI съезд партии.

Вот Лацис (Дядя), Евдокимов, с которыми в 1915 году шли этапом в сибирскую ссылку. Милый товарищ Самойлова Конкордия — прообраз Наташи в кинотрилогии о Максиме. И много других... Но вернемся к Кронштадту.

На съезде Кронштадтская партийная организация, включавшая три тысячи членов партии, имела троих делегатов, в числе которых был и пишущий эти строки. В канун открытия съезда — 25 июля (7 августа) состоялось частное совещание делегатов съезда, на котором присутствовало 30 человек с решающим голосом и 20 — с совещательным⁸. Был принят регламент съезда, а затем обсуждался порядок докладов с мест. Этим докладам придавалось весьма большое значение — необходимо было иметь после июльских дней картину общего положения в России и состояния партийных организаций, в особенности находившихся под ударом наступающей контрреволюции. Ведь и съезд проходил в полулегальных условиях. Многие товарищи были арестованы. Вынужден был скрываться, преследуемый ищейками Керенского, наш вождь Владимир Ильич Ленин.

Доклады с мест были намечены от областей, и только трем городам были предоставлены самостоятельные выступления: Петрограду, Москве и Кронштадту. Кронштадт и наша парторганизация могли гордиться тем большим значением, которое придавала партия революционному городу-крепости.

На следующий день съезд начал свою работу. В докладе от организационного бюро по созыву съезда Я. М. Свердлов с сожалением отметил, что «съезду придется отказаться от тех докладчиков, к голосу которых мы привыкли прислушиваться»⁹.

Особенно остро чувствовалось отсутствие Владимира Ильича. Ведь ни один партийный съезд, за исключением первого, ни одна партийная конференция не проходили без его участия и руководящего влияния. Впрочем, нам, кронштадтским делегатам, было известно, что и на этом съезде слово Ленина будет сказано. Накануне отъезда из Кронштадта я читал корректуру ленинской статьи, присланной Кронштадтскому комитету для напечатания. Она

вот-вот должна появиться на съезде — эта небольшая брошюра под скромным заголовком «К лозунгам»¹⁰.

После отчетных докладов ЦК — о политической (Сталин), об организационной (Свердлов) и издательской деятельности ЦК съезд перешел к заслушиванию докладов с мест¹¹. Этим докладам было уделено четыре заседания, — так велик был интерес делегатов к положению на местах. И это естественно. Доклады с мест представляли материал по обмену опытом. Из них мы узнали о наиболее успешных методах партийной работы, о причинах неудач и т. д. Так создавался важный коллективный опыт, обобщаемый в резолюциях и решениях руководящих органов партии. Делегаты нередко вспоминали Кронштадт, заразительную силу его борьбы с правительством и соглашательскими партиями. Тов. Николай (Подвойский), председатель центра Военной организации партии, рассказал, как кронштадтские матросы-большевики помогли рассеять гнусную клевету на Ленина о переезде его через Германию: «Мы... вызвали около 200 товарищей из Кронштадта, которые рассыпались по казармам, вели там беседы с солдатами и в значительной степени сумели поколебать то недоверие к большевикам, которое появилось в полках»¹².

С докладом о деятельности кронштадтской партийной организации мне довелось выступить на шестом заседании съезда 28 июля¹³. Много выступавший на митингах, на заседаниях Кронштадтского и Петроградского Советов, сломавший немало копий на протяжении своей партийной жизни в спорах с меньшевиками и эсерами, здесь, на трибуне съезда, я испытывал глубочайшее волнение и даже некоторую робость. Чем это объяснить? Должно быть, тем чувством большой ответственности за каждое слово, произносимое с этой, важнейшей для члена партии, трибуны. После своего выступления я беседовал с рядом товарищей на эту тему, оказывается, они испытывали те же чувства.

Я назвал Кронштадт революционной Меккой. Секретарям, записывающим речи (стенографисток на съезде не было), это слово, очевидно, не понравилось, и оно в отчете было опущено. А между тем это сравнение, хотя и внешнее, поверхностное, тем не менее мне представлялось ярким и показательным. Магометане всего мира стремятся в Мекку на поклонение своим религиозным святыням. Конечно, рабочие и солдаты со всей России и фронта стремились в Кронштадт не для поклонения. Их привле-

кал чрезвычайный интерес к интенсивной революционной жизни города, стремление или жестоко укорить его, или поучиться на кронштадтском опыте. Сравнением с Меккой я хотел подчеркнуть силу и широкий размах массового стремления трудящихся в Кронштадт. Так меня и поняли делегаты съезда. Говоря о последствиях июльских событий, в которых Кронштадт занял видное место, я отметил, что на первых порах был некоторый упадок настроений, но он скоро миновал. «События,— говорил я,— ясно показали кронштадтцам, что к активности должна прибавиться революционная... *осторожность*». Последнее слово не мое, я сказал — выдержка, секретарю понравилось записать другое. Опущено также то, что в ходе июльских событий кронштадтцы приобрели недостающий им революционный опыт, об отсутствии которого накануне июльских дней говорил В. И. Ленин.

Восьмое заседание съезда — 29 июля (11 августа) — началось с объявления перерыва на полчаса для совещания президиума и членов ЦК. Дело в том, что в этот день было опубликовано постановление Временного правительства, предоставляющее министрам — военному и внутренних дел — право закрывать съезды и собрания¹⁴. Было совершенно ясно, что это постановление направлено против нашего съезда и что над съездом нависла угроза закрытия. Ввиду такой угрозы совещание решило немедленно произвести выборы ЦК¹⁵. В протоколах выборы ЦК не отражены. Они происходили закрытым голосованием, причем предварительно обсуждалась каждая кандидатура, кроме кандидатур широко известных товарищей, а во время обсуждения кандидат удалялся за дверь обширного зала в помещении «Сампсониевского братства» (Выборгская сторона)¹⁶, где происходил съезд. Были избраны вместо девяти двадцать один член ЦК и 10 кандидатов¹⁷.

Рост партии и объема партийной работы потребовал расширения состава руководящего органа.

На следующий день съезд сменил место своей работы. «Глубже забрались в старое подполье», — шутили делегаты. Мы перешли к Нарвской заставе и разместились в небольшой классной комнате школы¹⁸. Было очень тесно, но как-то уютнее и товарищески интимнее. Здесь были сделаны доклады о текущем моменте¹⁹, и как раз к этому времени из Кронштадта была доставлена брошюра Ленина «К лозунгам». Каждому делегату был вручен экземпляр брошюры, и все жадно принялись за чтение

работы вождя. Кое-кому показалось очень странным предложение Ленина снять столь привычный и дорогой лозунг — «Вся власть Советам!». Но предложение вытекало из ленинского анализа политической обстановки после июльских событий, а оспорить этот анализ было просто невозможно. «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка». Ведь Советы-то, пока с меньшевистско-эсеровским большинством, стали жалкими придатками фактически контрреволюционной власти. «В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат». «Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики...» «Эту власть надо свергнуть». И наконец: «Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями — вот единственный выход...»²⁰

Некоторым делегатам показалось, что Ленин вообще ставит над Советами крест и хочет заменить их какими-то иными организациями. Как бы предвидя возможность таких выводов, Владимир Ильич пишет: «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так»²¹.

Ленинский анализ «текущего момента» имел решающее значение для съезда. Он был положен в основу доклада Сталина и большинства выступлений делегатов. Докладчик уже не говорил, что «идет глухая борьба» между двумя властями — официальной и фактической²². Он прямо определяет: «Что такое Временное правительство? Это — кукла, это — жалкая ширма, за которой стоят кадеты, военная клика и союзный капитал — три опоры контрреволюции».

Резолюция по докладу «О политическом положении», а затем и манифест, выработанный Центральным Комитетом по поручению съезда, отразили ленинские положения и ленинское вдохновляющее и руководящее влияние на съезд.

По пересмотру программы съезд ограничился подготовительной работой секции. Новая программа была на-сущно необходима, но в создавшихся политических условиях обсуждать и принимать ее было просто невозможно. Съезд принял «протокол секции», в котором было записано: «В недалеком будущем необходим созыв специаль-

ного съезда для выработки новой партийной программы». ²³

3(16) августа съезд закончил работу.

КОРНИЛОВЩИНА

Удивительно, как опрометчивы в своих действиях буржуазные и мелкобуржуазные политики! После июльской победы они решили, что с большевизмом покончено: большевистские полки разоружены и удалены из столицы, на фронте введена смертная казнь, многие большевики арестованы, их вождь вынужден скрыться, партия почти загнана в подполье, массы деморализованы и т. д. Словом, «порядок» торжествует, и апофеозом этого торжества явилось Государственное совещание в Москве ²⁴, объединившее Керенского с Корниловым, Церетели с фабрикантом Бубликовым. Впрочем, здесь, в Москве, вышла небольшая осечка: торжество победителей было омрачено всеобщей забастовкой московских пролетариев. Но стоит ли обращать внимание на такие пустяки, когда в Большом театре собрался «цвет российской общественности»!

Ограниченные в своем мышлении, буржуазные политики и марксистообразные политиканы меньшевизма не замечали того внутреннего процесса революционизирования, которым были охвачены массы рабочих, солдат и крестьян. Растерянность, рожденная крахом надежд на мирное завоевание власти Советами, быстро проходила и сменялась стремлением с боку взять в свои руки судьбы государства. Особенно отчетливо этот процесс проходил в Кронштадте. Решения партийного съезда здесь были встречены с величайшим сочувствием: они нашли благодарную почву среди кронштадтских масс, обогащенных опытом июльского поражения. Кронштадтцы поняли, что партия большевиков была права, предупреждая их о преждевременности выступления. Кронштадтские матросы и солдаты увидели, что большевики не оставили их в демонстрации и в беде поражения и сделали все, чтобы вывести их с наименьшим уроном, — значит, это и есть подлинная партия трудящихся. И наконец, съезд партии дал ясную перспективу, показав неизбежность нового подъема революционной борьбы и победы социалистической революции.

Вскоре после съезда, 6 августа, в Кронштадт на трех пароходах с оркестрами прибыли петроградские и сестрорецкие рабочие числом около пяти тысяч. С ними

было и несколько делегатов съезда, стремившихся повидать «красный Кронштадт». Эта поездка была организована Петроградским комитетом партии. А встречу в Кронштадте, в которой участвовал добрый десяток тысяч людей, организовал наш партийный комитет. Огромная демонстрация питерцев и кронштадтцев направилась к Якорной площади, и здесь был устроен митинг, на котором присутствовало более 15 000 человек. Выступали делегаты съезда: Володарский, Антон Слуцкий, Алеша Джапаридзе и др.²⁵

Надо было видеть, с каким восторгом встречались их речи, их призывы быть готовыми по зову партии к свержению правительства контрреволюции.

Через несколько дней прошли выборы в Совет третьего созыва, и эти выборы ярко отразили рост влияния большевиков и заметный упадок влияния соглашательских партий. Наша фракция стала самой многочисленной, она насчитывала 98 членов, несколько уменьшилось число эсеров, хотя и «левых» — со 100 до 73 членов и почти на нет сошли меньшевики — с 40 до 12 членов.²⁶ Характерно и то, что фракция беспартийных (96 членов) объявила себя «максималистской», т. е. также готовой бороться за социалистическую революцию. Это скоропалительное превращение было, конечно, кронштадтским политическим курьезом, но весьма показательным по настроению масс.

В нашей партийной работе, в ее направленности произошли серьезные изменения. До июльских событий почти все наше внимание было приковано к митингам на Якорной площади, на судах и в частях гарнизона, к выступлениям в Совете. Теперь партийный комитет признал необходимым не ограничиваться освещением текущих событий, а уделять главное внимание углубленной работе, кружковой и лекционной, дабы выработать, как тогда говорили, у молодых членов партии революционно-марксистское мировоззрение.

Мне довелось прочесть цикл лекций по истории Великой французской революции. Для того времени это была превосходная тема, дающая возможность аналогий с российской революционной действительностью. Замечательные ленинские сравнения меньшевиков с жирондистами и определение большевика как якобинца²⁷ с социалистической программой выслушивались матросами с большим интересом. Лекции я читал в Морском манеже, и с каждой лекцией число слушателей, главным образом матро-

сов, росло. Слушатели были весьма активны, задавали много вопросов, а после лекции, как правило, группа человек в десять и больше вплотную окружала меня; завязывалась оживленная беседа и даже споры. В этих беседах я невольно обратил внимание на молодого, задорного в спорах матроса Машинной школы, с красивым, выразительным лицом. И даже не в задоре было дело, а в том, что в его замечаниях было заметно знакомство с литературой о революции, чувствовалось влияние работы Кропоткина «Великая французская революция 1789—1793». Мы познакомились и даже подружились, несмотря на различие взглядов. Это был Анатолий Железняков²⁸, тогда убежденный и горячий анархист.

А новые события, чрезвычайно ускорившие ход революции, надвигались...

Соглашательские мозги крепки задним умом. Керенский на Московском государственном совещании чувствовал и вел себя как именинник. А вот потом, в показаниях по «делу Корнилова»²⁹ он пишет, что Московское совещание вообще чрезвычайно важный этап «в развитии движения за утверждение в России военной диктатуры. Это был пролог к 27 августа (к выступлению Корнилова.— И. Ф.). Здесь русская республиканская реакция окончательно осознает себя... Здесь производится подсчет сил, здесь объединяются те общественные круги, которые идейно и материально питают это движение. Здесь сильно увеличивается круг активных конспиративных работников, здесь, наконец, впервые был представлен России ее будущий диктатор Корнилов».

27 августа верховный главнокомандующий армии генерал Корнилов привел в исполнение контрреволюционный заговор, задуманный и подготовленный им вместе с Керенским³⁰. По соглашению с премьер-министром Керенским, на Петроград была двинута «Дикая дивизия»³¹ и казачьи части под общим командованием генерала Крымова. История контрреволюционного похода широко освещена в печати, и на ней мы останавливаться не будем. Отметим лишь то, что касается Кронштадта. Корнилов в инструкции, данной генералу Крымову, уделяет Кронштадту особое внимание. Он приказывает Крымову: «...выделить одну бригаду с артиллерией на Ораниенбаум и по прибытии туда потребовать от кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк»³². При этом он ссылается на согласие министра-председателя Керенского. Крымову не удалось вы-

полнить инструкцию Корнилова, но часть «Дикой дивизии» в Кронштадте появилась,— об этом любопытном эпизоде расскажем ниже.

О наступлении корниловских войск на Петроград в Кронштадте был получен одновременно ряд сообщений. В наш партийный комитет поступило предложение ЦК партии немедленно выслать отряды матросов на защиту Петрограда³³. При этом указывалось, что отпор корниловской контрреволюции отнюдь не является защитой Временного правительства, что последнее также является орудием контрреволюции, проводимой лишь иными методами, что «спасение народа, спасение революции — в революционной энергии самих пролетарских и солдатских масс».

Исполком Совета получил телефонограмму за подписью Чхеидзе с просьбой выслать войска, «верные Временному правительству и Советам». Как далек был тон этого обращения от прежних меньшевистско-эсеровских характеристик кронштадтцев! Тут и «доблестные сыны революции», и «самые надежные» ее защитники...

Немедленно было созвано заседание Кронштадтского Совета. Оно было коротким, но весьма выразительным. В выступлениях ораторов от имени всех фракций, кроме меньшевистской, было отмечено, что Кронштадт, хотя и не является верным Временному правительству и считает это правительство контрреволюционным, но против Корнилова выступит со всей решительностью и революционной энергией.

Тут же было решено — выслать немедленно двухтысячный отряд матросов и сформировать новые отряды для дальнейшей отправки в случае необходимости. В итоге были высланы три отряда общей численностью в 3600 человек³⁴.

Было решено также послать во ВЦИК делегацию из представителей всех фракций Совета с требованием: ввести представителей Кронштадтского Совета во ВЦИК и одного представителя в «Комитет по борьбе с контрреволюцией»³⁵, организованный ВЦИК.

Известно, что никаких сражений с войсками Корнилова вести не пришлось. Исход борьбы с корниловщиной решили не полководцы, а сами солдаты, массы, народ.

На кронштадтцев была возложена задача внутренней охраны столицы, ее важнейших объектов. Кронштадтцы принимали участие в ликвидации «пятой колонны» —

аресте в Петрограде контрреволюционных офицеров, присланных ставкой со специальным заданием³⁶. Моряки 2-го флотского экипажа выезжали в «Дикую дивизию» с агитационными целями.

30 августа мне довелось выступить на пленарном заседании ВЦИК и исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов с сообщением о мероприятиях Кронштадтского Совета в связи с корниловщиной. Я отметил, что Кронштадт встал не на защиту правительства Керенского, что это правительство само является врагом народа. Революционный Кронштадт боролся и будет до конца бороться за подлинно народную, рабоче-крестьянскую власть. В заключение я огласил требование Кронштадтского Совета предоставить его делегатам места во ВЦИК и «Комитете борьбы с контрреволюцией». Собрание постановило предоставить кронштадтцам четыре места во ВЦИК и одно место в «Комитете борьбы» с совещательным голосом. Это решение было прямым нарушением установленного порядка выборов во ВЦИК, куда члены могли быть избраны лишь съездом Советов, но перепуганным корниловщиной соглашательским партиям было уже не до формальностей.

Характерным эпизодом корниловщины явилось посещение Кронштадтского Совета делегатами одной из частей «Дикой дивизии». Среди них оказались не только кавказские горцы, но и русские парни, впрочем, по внешнему виду ничем не отличавшиеся от горцев. Они явились с просьбой принять их часть в Кронштадт, объясняя эту оригинальную просьбу тем, что им сейчас в дивизии житья не будет, что их расстреляют «за измену». После короткого обсуждения Совет решил принять конников, хотя конница крепости не полагалась. Как же радовались такому решению горцы, как благодарили они Совет! На следующий день часть в конном строю прибыла в Ораниенбаум, а затем на кронштадтских судах была переправлена на форт Ино и стояла там вплоть до Октябрьской революции. После Октябрьского переворота революционизированные горцы отбыли на родину устанавливать там Советскую власть.

Корниловщина явилась историческим исходным моментом к новому революционному подъему масс, к их большевизации, к стремительному росту влияния партии как в массах, так и в Советах. Никакие потуги соглашательских партий противостоять революционному потоку — ни Демократическое совещание, ни предпарла-

мент ³⁷ — не могли остановить могучего поступательно-го хода революции.

Вскоре партия вновь могла выставить свой боевой лозунг «Вся власть Советам!». Но содержание этого лозунга было уже иное. Не мирным порядком, а только через восстание, через свержение Временного правительства мог осуществиться этот лозунг. И Советы были уже не те, что в мае — июне. Они, новые по составу, могли стать и стали органами восстания, прежде чем превратились в органы диктатуры пролетариата, поддержанной беднейшим крестьянством.

Н. А. Милютин
В ДНИ КОРНИЛОВЩИНЫ

Длинный стол перегородил надвое большой зал. На столе два сло-
манных пулемета. Вдоль стола с
обеих сторон длинные скамьи. За
столом, между пулеметами, оша-
лело заседает наш мало удачный
председатель ревкома¹. Он же начальник штаба, шлис-
сельбуржец Яков Штейн. Буйная шевелюра Яшки вся
устремлена к входу, очки захватаны до отказа, глаза
смотрят отсутствующе: бедняга не спал дней пять. Пе-
ред ним стопка бумаги, чернила и печать. Яша мрачно
ишет «мандаты», упорно дышит на печать и шлепает ею.

Кругом на полу спят красногвардейцы, добровольные
сестры из работниц сансклада, десятка два шинелей.
Спят как попало. Вот почти детская головка молодой ра-
ботницы уютно прижалась к рваному солдатскому сапо-
гу, из-за оторванной подметки которого торчит мокрая
солома. Вот чья-то откинута рука лежит на лице с при-
свистом храпящего соседа. Чья-то голова мирно устрои-
лась на куче сваленных гранат и пулеметных лент. Все
это освещает лампа-молния.

Пытаюсь растолковать Якову обстановку фронта.
Предлагаю срочно построить две баррикады: одну у Пу-
тиловской ветки под мостом, что у завода Артура Коппе-
ля, вторую — у Бычьего переезда против трамвайного
парка. За стенами Новодевичьего монастыря устроить
помост для стрелков да пробить пару дыр в земле для
пулеметных гнезд. Все это сделать немедленно, так как
фронт в любой момент могут прорвать. Вчера мы ездили

в глубокую разведку — корниловцы настроены мрачно, зачем идут, не знают, но ждут какую-то дивизию «диких». Обстановка может измениться каждую минуту. У нас цепь ничтожна. Пехота с фронта ушла почти вся². Значительные группы меньшевиков также ушли вместе с эсерами. Снабжения никакого. Надо послать боеприпасы, да хорошо бы, связавшись с путиловцами, отодвинуться к Румянцевской роще, что резко сократит линию фронта и обеспечит нам быструю связь вдоль Путиловской ветки. По заводам надо немедленно послать людей, попытаться расколоть эсеров и меньшевиков, оторвав от них молодежь и вообще кого удастся.

Яков со всем согласен, пишет какие-то приказы, записки. Бегу на «Скороход» и к трамвайщикам организовать баррикады. В трамвайном парке нашлась колючая проволока. Делаем наспех козлы, окутываем колючкой, тянем к Бычьей*. Затруднение с помостом — в монастыре нет досок. Наконец, повезло: в трапезной нашли длиннющие столы. Приладили их в два этажа. Получились чудесные бойницы. Через пару часов у Бычьей все было готово для доброй драки: достаточно забросить козлы с колючкой — и никакая кавалерия не прорвется в город.

Спешим на боковые улицы: здесь надо сделать добрую пробку от заставы. Задачу решаем тем, что складываем штабеля ящиков с бутылками, которые оказались на каком-то складе. Хуже на Забалканском у Путиловского моста. Здесь крутят эсеры от «Сименса»³. Что-то бубнит старик Друт, плюется все тот же Крючков. Сил не хватает, надо в штаб за подмогой. Там застаю Леонова, рабочего Вагоностроительного завода Речкина. Исключительно колоритная фигура, маляр-старовер, борода лопатой, веселые, с хитрецей и смешинкой глаза. Это надежнейший большевик и прекрасный конспиратор. Он вчера со своим отрядом ушел в разведку с заданием как можно глубже обследовать Царскосельскую дорогу. Репортует:

— Так что, товарищ Николай, занял станцию Н., казаки удрали!

— А сколько их было?

— Поди, с сотню.

— Врешь!

---

* Бычья ветка — участок Октябрьской ж. д. (Примеч. Н. А. Милютин.)

— Ну, вот еще, я и сам еле ноги унес!

— ? ? ?

— Да вишь ли, дело-то какое вышло. Идем это, понимаешь, мы и калыкаем, а кругом никого. Подошли к станции. Опять никого. Ну, мы это решили отдохнуть, ребята стали завертывать самокрутку, ну а я, как это по религии полагается, известно, не курю. Хорошо. Только это мы уселись, а тут топот. Глядим — казаки, да уж у самой станции! Ребята, известно, под вагоны — стрекача. Ну, нырнул и я под платформу и сижу, а кто-то из-под вагона и пальни раз да другой. Казаки тоже. Потом все стихло. Посидел это я минут с десятков, слышу — тихо. Выглянул — никого. Стало быть, мои орлы удрали и казаки вроде этого — тоже. Я станцию и занял. Ну, вот и пришел сообщить: чего ж одному-то там оставаться. Еще грех какой выйдет или повесят, ведь винтовку не бросишь, коли в руки попала.

— А где же ребята?

— А кто их знает, что-то не попались дорогой!

— Как же это ты, малярный генерал, армию свою растерял? Куда это годится?!

— Да, дело дрянь, факт. Да ведь народ-то у меня какой? Деревня все, маляры.

— Ну что ты городишь, скажи — трусили вы все.

— Это факт безусловный. В рай-то кому раньше времени охота, а главное, без толку. Только я им, скобарям, нашкипидарю зады-то, уж не подкачаем в другой раз!

— Ладно уж. Вот тебе задание: дуй под Путиловскую ветку. Надо закрыть проезд под мостом.

Подробно объясняю обстановку и задание. Если эсеры будут мешать, взять их «вождей» и послать сюда в штаб.

— Идет: сейчас оборудую. Вот только портянки перемотаю, а то подбилась складочка, трет, проклятая.

Он усаживается на Яшин стол и стаскивает сапоги.

В это время приходят красногвардейцы, посланные Яковом к начальнику милиции за патронами. Начальником милиции был Сталюков, член нашей партии. Красногвардейцы говорят, что он патронов не дал, ссылаясь на запрещение комиссара Временного правительства. Велю привести Сталюкова в штаб. Через 10—15 минут является.

— Ты что же это?

— А как же, ведь не могу же я не исполнить приказа правительственного комиссара!

— Да ты что? Ошалел?

— Как хотите. Я не могу!

Переходим в соседнюю комнату. Здесь приходится объяснить Сталюкову обстановку. Не помогает.

— Ну, будет болтать! Если ты сейчас же не выполнишь приказа председателя ревкома Штейна, то я, как командующий Красной гвардией, расстреляю тебя в двадцать четыре секунды. Понял?

— Понял.

— Ну?

— А вы меня поддержите потом перед комиссаром?

— А ты его пошли... к нам сюда, мы его поддержим у забора, сволочь этакую, пока гашетку спускать будут!

— Сейчас пришлю все по записке.

Через полчаса патроны были посланы на фронт. За это же время прислали и сколоченный наспех санотряд, забрав из аптеки больничных касс перевязочные материалы и необходимые медикаменты. Заведующий аптекой побубнил, пофыркал, но сделал все как следует.

Около полуночи. Собираюсь проверить пикеты и заводскую охрану, а там опять к своим ребятам в окопы. На скорую руку пьем чай из огромного (ведра на два) медного чайника, неизвестно как и откуда сюда попавшего. Со мной собирается человек 20—30 из отдохнувших ребят. Кумекаем с Яковом, как бы набербовать еще с сотню парней.

Вдруг со стороны Путиловской ветки слышен цокот копыт.

Что за чудо: у нас ни одного конного. Насторожились... Вот всадники подъехали к углу... Повернули в переулок, где вход в штаб, остановились... Кто-то тяжело поднимается по лестнице... Вошли. Оборачиваюсь к входу. Сверкнули серебряные погоны. Офицеры! Неужели прорван фронт? Но нет, больше ничего с улицы не слышно. Что-то не то.

Вошедших трое. В полутьме лиц почти не видно. Надо действовать. В кармане шинели палец на гашетке кольта, а на лице равнодушное спокойствие.

— Что скажете?

— А нам надо вашего главного начальника.

— Вот начальник штаба, а я командующий Красной гвардией района.

Пришедшие выхватывают шашки. Кровавым отблеском молнии сверкнули клинки и... повернутые эфесами, тянутся в наши руки.

— Мы сдаемся,— говорит ближайший горец.

— Меня зовут Хаджи Мурат Дзарахохов⁴, мы представители татарского горского полка. Нам сказали, что в Петрограде резня и надо установить порядок. Однако когда мы пришли сюда, то нам здесь делегаты Советов рассказали совсем другое. Мы не хотим больше идти с князьями, мы решили идти домой в свои аулы. Мы много воевали. Братоубийственной войны не хотим. Мы не будем убивать петроградских рабочих.

Высокий горец с седыми усами что-то говорит Хаджи Мурату. Тот переводит:

— Это командир одной сотни. Он спрашивает, отпустите ли вы их на родину, если они перейдут к вам.

— Видите ли, друзья, этот вопрос я решить не могу. Прошу вас посидеть здесь. Мы сейчас обсудим ваше предложение и через короткое время дадим ответ. А теперь, предварительно, пара вопросов. Во-первых, как вы проникли сюда, где перешли линию фронта, по каким дорогам ехали? Затем, сколько у вас людей, что думает ваше командование о переходе к нам?

Хаджи Мурат на минуту задумался. Какая-то кривая усмешка отразилась у него на лице. Медленно отвечает, водя пальцем по столу:

— Ехали мы от Кронштадта*. Дороги хорошо не знаю. Нас было четверо. По нас стреляли. Один где-то упал, очевидно, убит. Я урядник, почти один говорю по-русски. Придем все. Командиров мы решили не слушать. Они князья, а мы бедные люди. Те, что приехали со мной,— делегаты. Нам верят. Дайте нам пропуск через фронт, и мы приведем всех людей, если обещаете нас не трогать и отпустить домой.

— Ладно. Подождите.

Быстро оглядываю комнату. Кругом все встали. В руках винтовки. Лица их, кого видно,— суровые, напряженные до боли. Яков Штейн спокоен, он смотрит в тяжелом раздумье на пол.

Забираю под мышку шашки и кинжалы. Идем в смежную комнату. С нами несколько красногвардейцев.

— Ну?!

— Плохо. Они видели, что на фронте у нас дело — дрянь. Прорваться — пустяк. Надо их расстрелять и отходить на вторую линию. Видал, как они смотрят в сторону? Видал усмешку этого Хаджи? Провокация!

* Надо полагать, от Ораниенбаума. Хаджи, видимо, ошибся.
(Примеч. Н. А. Милютин.)

Я беру слово.

— Видите ли, ребята, я был в тылу у Корнилова. Солдаты митингуют. Наши агитаторы работают вовсю. Генералам не верят. Думаю, что можно рискнуть, приняв меры.

Я предлагаю: оружие им вернуть, пусть едут и ведут своих сюда к штабу. Я с парой добровольцев останусь здесь. Остальные переходят к баррикаде у Бычьей ветки и в монастырь. Все пикеты, охрану фабрик собираем на баррикадах. Туда же перетащим нашу трехдюймовку. Матросам на Красную Рогатку передаем, чтобы пропустили их, а потом сосредоточили у шоссе кулак, и если это окажется провокацией, то я думаю, что мы сумеем их уничтожить перекрестным огнем. Ну?

— А ты? — спрашивает меня Павлов, который вернулся от Рогатки.

— Ну, что я? Я уверен, что все будет хорошо. Пойми, если они перейдут к нам, какое это будет иметь значение.

— Нет, — говорит Яков, — лучше не рисковать. Ведь мы пускаем их в город. Что наша баррикада? Да и кто знает, сколько их? Перерубят, а там до Смольного ни одной заставы. Да и на Лиговке у нас кот заплакал.

Создалось безвыходное положение. Третьего члена ревкома (М. Н. Федорова) в штабе не было. Как быть? Решаю единолично: я, как командующий районом, беру все на себя. Яков согласен. Идем. Возвращаю Хаджи Мурату оружие и говорю:

— Мы вам верим. Приведите сюда всех, кто не согласен выступать против народа. Кто хочет, может уезжать домой, а кто пожелает, останется с нами.

Быстро заговорили делегаты... спор... Ясно, я не ошибся. Хаджи Мурат убеждает в чем-то седого. Потом говорит:

— Верьте нам. Пусть кто хочет останется с вами. Я тоже не пойду домой. Я бедный человек и буду с рабочими. Мы благодарим вас за доверие и не обманем. Оставьте одного из нас заложником.

— Не надо. Это ни к чему. Посзжайте.

— А пропуск?

— Мы скажем, чтобы вас пропустили. Поезжайте!

Ушли. Процокали подковы. Скорей гонцов по заводам. На Бычью! Скорей. Все, что можно — туда. Отрезать Лиговку у железной дороги. Трехдюймовку установить против трамвайного парка, наведя на Триумфаль-

ные ворота⁵. К ней назначаю комиссаром Павлова как одного из самых надежных. Пулеметы — в гнезда монастырской стены, а командиром к ним маляра Леонова. Командиром на баррикаде — матроса Кошкина и какого-то офицера с русой бородкой.

Проходит пара горячих часов.

— Ну, пора, на баррикады! Все! Каждую минуту можно ждать.

Хмуро стоят красногвардейцы. Часть неохотно уходит. Гоню всех. Яков решительно садится за стол. Наливает в кружку чай и пьет, громко чмокая.

— Ты что же?

— Сейчас.

— А вы? Не слышали боевого приказа, что ли?

— Ну, Николай, не кипятись, мы тоже подождем: чего-то чаю захотелось.

— Чего? Обалдели, что ли?

Молчат. Кое-кто выбирает из лент патроны, рассовывает по карманам. Один матрос становится у окна на Забалканский и раскладывает по подоконнику ручные гранаты. Ругаюсь. Ничего не помогает. Штаб полон людей, готовых на все. Яков пьет чай и снова берется за свою печать.

Что же это? Окружили плотным кольцом. Чувство какой-то безграничной близости к этим людям горячей волной заливают грудь. Вместе с тем как-то особенно остро почувствовал огромную, свыше человеческих сил, ответственность за их жизнь. Кричу, что я один пойду на баррикаду, если у них нет сознания ответственности за судьбу города.

— Да там трамвайщики, а уж мы с тобой... вместе...

Но поздно. Опять цокот копыт. Гляжу на лица товарищей.

Кто-то громко сплевывает. Яша смотрит глазами наивного ребенка. Группа работниц деловито собирает свое барахло с пола. Надевают сумки.

Смолкли под окном копыта. Идут. Вот Хаджи Мурат. Он рапортует: «Такие-то сотни татарского конного полка явились в распоряжение революционного народа».

Вздых облегчения. Искрами радости засветились глаза. Все задвигались. Жмут руки пришедшим, хлопают их по плечам. Горцы просят достать фураж и хлеба. Черт возьми, где же взять фураж? Вопросительно гляжу кругом.

— Сейчас обмозгуем. В обозах заводов наберем,— весело говорит кто-то.— И за хлебом дело не станет: у нас своя пекарня, там есть запасы.

Через полчаса на площади митинг. Горят костры. Внимательно слушают кавалеристы незнакомые речи. Но вот Хаджи Мурат берется переводить. Он багровеет. Его черкеска в свете костра, как крылья гигантской огненной птицы.

— Война войне!

— Мир хижинам, война дворцам!

— Землю и власть народу!

— Долой князей!

Громкие гортанные крики кавалеристов заглушают колокольный звон, которым кто-то в азарте решил приветствовать горцев. От Путиловской ветки до Московских ворот все полно вооруженными. Вот высоко поднято алое знамя райкома.

Бейтесь, сердца пролетариев,— победа ваша обеспечена! Опора Корнилова — «Дикая дивизия» — у нас! ⁶.

Наутро большой митинг у «Скорохода». Рабочие, работницы, солдаты «Дикой дивизии». Горячо говорит Хаджи Мурат. Его простые слова проникают в самые сокровенные глубины сердец горцев. Они начинают понимать смысл великой борьбы пролетариата. Они понимают, что их дурачили князья. Это было, но этого больше не будет! Зреет твердое решение: никуда не уходить, остаться здесь, в красном Петрограде, отдать себя на борьбу за народ.

Выбрали делегатов в Смольный. С ними, конечно, Хаджи Мурат.

После митинга ко мне подходят горцы. Они просят принять их в ряды Красной гвардии, они уже не верят Временному правительству. Кое-как объясняю им, что и мы не верим Кишкиным и Бурышкиным, что мы — большевики и будем до конца драться за подлинную власть трудящихся.

Вечером в трамвайном парке, в ночлежном доме и в столовой «Скорохода», где стоят части горцев, ведем беседу. Как искры, вспыхивают горячие споры. Среди горцев идет расслоение. К ночи решили: несколько сотен останутся у нас, они будут исполнять приказы только большевистского штаба. Остальные направляются в Кавалергардские казармы, чтобы дальше идти домой.

Лопнул и рассыпался фронт Корнилова. Но не расходятся отряды красногвардейцев. Они готовятся к новым

боям. Н. И. Подвойский присылает нам в помощь еще офицеров. Организуем настоящее обучение рабочих военному делу. Ожил и «Стригунок» (так мы окрестили доставшуюся нам бронемашину). Кое-что забрали у Корнилова.

Растут наши силы и боеспособность.

В. Ф. Малаховский

КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА

 Я приехал в Петроград в конце августа 1917 года с Западного фронта после ареста и отсидки за агитацию большевистских идей. В волость, к которой я был приписан, из полка, где служил солдатом, была прислана бумага, согласно которой, на основании только что после июльских событий изданного Керенским распоряжения, я, наряду с тысячами других, навсегда изгонялся из армии, как «предатель родины и недостойный сын отечества».

Однако это меня ничуть не смущало. Побыв некоторое время на империалистическом фронте в солдатской среде, я не только теоретически, в силу принадлежности к партии большевиков издавна *, но и практически горел желанием поскорее приложить свои силы к делу пролетарской революции и к свержению достаточно уже выявившего себя и всем ненавистного правительства Керенского.

Поэтому, не желая ждать и использовать официальный партийный порядок по подысканию работы, я через своих старых друзей решил пойти на рядовую, но обязательно военную работу.

И с сентября я уже стал работать в качестве инструктора Красной гвардии. В старой армии я более не нуждался и с радостью отдавался работе в родной рабочей среде.

---

* С лета 1910 года, когда вступил в руководимый П. Ф. Кудели за Невской заставой в Петербурге социал-демократический кружок. (Примеч. В. Ф. Малаховского.)

Положение революции и Красной гвардии к этому моменту было не блестяще.

После событий 3—5 июля контрреволюция задрала голову и неистовствовала всюду. Наряду с разгромом большевистских органов печати и организаций, убийством отдельных большевиков Временное правительство арестовывало вождей пролетариата, объявляло скрывшихся вне закона и т. д.

Одновременно с этим главное внимание Временного правительства, в большей части состоявшего из представителей «революционной демократии»¹, было направлено в сторону разоружения пролетариата, расформирования ненавистной истинным хозяевам (буржуазии и помещикам) этого правительства Красной гвардии.

В это время Красной гвардии пришлось частью замаскироваться в форму заводской милиции. Конечно, число последней было несоразмерно велико для охраны заводов. И так как в заводской милиции служба обыкновенно происходила по очереди, ни для кого не было секретом, что это и есть Красная гвардия. Но уничтожить совсем Красную гвардию буржуазия и Временное правительство не могли. Они поэтому постарались изъять некоторое количество оружия, хотя и эту операцию провести сколько-нибудь удовлетворительно им не удалось.

Однако районные органы Красной гвардии, организованные по заводам, существовавшие в виде троек, комиссий, а кое-где называвшиеся и штабами, рассыпались к сентябрю довольно основательно. Так, когда я пришел инструктором на завод «Новый Лесснер», в Выборгском районе фактически не существовало ни штаба, ни тройки.

В районе, помимо меня, было еще четыре-пять инструкторов военной организации при Петербургском комитете РСДРП(б), и нами, инструкторами, обслуживались заводы «Новый Лесснер», «Эрикссон» и еще несколько ближайших заводов.

Отряды Красной гвардии существовали и на других заводах, можно сказать везде, хотя тогда статистики не велось и анкет также не было заведено. Отряды были не только на крупных заводах, но и на мелких, например на Оптическом, Струк-Эквалы. Отряд последнего завода послужил верой и правдой впоследствии, во время переворота.

Из этого уже видно, насколько незначительно в то время было влияние военной секции при Центральном Комитете партии. За это ее справедливо упрекали на за-

седании ЦК и собрании активных работников в октябре², когда подсчитывались силы и решался практически вопрос о выступлении.

Конечно, извинением военной секции служит та колоссальная и незабываемая работа ее, которая была проделана ею в частях гарнизона. На организацию же в военном отношении рабочих и Красной гвардии не хватало времени, силы и не было опыта.

На эту сторону партией, к сожалению, обращалось мало внимания, и мы в значительной степени были предоставлены самим себе³.

Между тем в Октябрьском перевороте Красной гвардии было суждено сыграть выдающуюся роль.

Мы решили использовать время на учебу, видя, насколько в этом нуждаются рабочие. Работая на оборону, рабочие не были мобилизованы, поэтому военной службы не проходили и, за малым исключением, не имели никакого знакомства с военным делом.

И вот началась муштровка. Сначала мы не решались злоупотреблять обучением на улицах и занимались в помещениях внутри завода. Так было на «Новом Лесенере», то же происходило и на других заводах.

Но вскоре, как только перешли от одиночного обучения к строю, мы вынуждены были выйти на улицу. Недолги были наши колебания, ибо особенно опасаться в нашем красном и сильном рабочем районе у нас не было оснований.

Таким образом, нами быстро были захвачены полянки (свободные от застроек площади земли), которых имелось в Выборгском районе немало вблизи заводов.

На этих полянках мы развешивали свои шеренги, рассыпались строем, делали перебежки, наступления, маршировали, упражнялись во владении оружием. Работа кипела вовсю. Целый день инструктировали мы сменяющиеся рабочие отряды, надрывались до хрипоты, наподобие унтеров в запасных батальонах.

Нужно, впрочем, сказать, что среди нас был лишь один из, так сказать, командного состава, это — подпрапорщик⁴ Соколов, кажется, убитый впоследствии. Остальные были исключительно рядовые и потому старались, как умели. Что и не умели, то восполняли усердным и искренним желанием научить тому, что сами знали.

Пожаловаться на своих учеников мы никак не могли. Несмотря на то, что в рядах Красной гвардии находились

не только молодые ребята, но часто люди весьма зрелого возраста, учение шло на славу.

Будучи развитее и смышленнее обычного элемента солдатчины — крестьян, рабочие быстро, с жаром и интересом усваивали воинские премудрости и успевали не по дням, а по часам, затмевая успехи обучения в царских казармах.

Политическое затишье перед корниловщиной отражалось на самочувствии отрядов в том смысле, что некоторые не видели в ближайшем будущем момента, когда потребуется применение результатов этого обучения. Это, несомненно, охлаждало некоторых рабочих, думавших, что они успеют еще до выступления выучиться военному делу. В общем и целом, отряды не только не рассыпались, но постепенно росли, чему, очевидно, способствовал также метод наглядной агитации — обучение рабочих на улице и сопутствующие ему беседы и разговоры.

Затишье оказалось весьма непродолжительным. Не успели мы еще что-нибудь сделать в смысле восстановления разорванных общерайонных связей, как разразилась гроза корниловского наступления.

«Не краснобаи, а люди дела» — генералы — не дремали, спеша использовать момент для восстановления ничем не прикрытого полного господства буржуазии и помещиков.

Наступление Корнилова оживило политическую жизнь. Рабочий класс встрепенулся, как потревоженный муравейник. С низов стали раздаваться требования перехода к решительным действиям. Отряды Красной гвардии начали необычайно пополняться, еще усерднее готовиться к борьбе, усиленно искали оружия. Прежде чем можно было решить, что нужно предпринять, начали прибывать отряды из окрестностей. Прибывшими из Шлиссельбурга красногвардейцами, в количестве 600 мужчин и женщин, была доставлена баржа с гранатами и взрывчатыми веществами⁵.

Помню, когда корниловщина была подавлена, пришлось подумать, что делать с этим грузом. Тогда оружие было роздано частями по заводам, главным образом нашего района («Новый Лесснер», «Эриксон», «Парвиайнен»), так как в других районах публика не решалась принимать, ибо чувствовала себя слабее. Военная организация у них была еще мало палажена.

Как известно, Красной гвардии не пришлось в дни корниловщины проявить себя так или иначе⁶. Вооружен-

ные силы контрреволюции, опиравшиеся на темноту и невежество, обречены были на поражение, как только они начали приближаться к сердцу революции — Петрограду. Отряды Корнилова не пошли против революции, и его силы буквально растаяли, как снег под лучами солнца.

В это время мы спешно и лихорадочно работали над сплочением нашей организации. Со стороны исполнительного комитета Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов, бывшего всецело в руках большевиков с начала революции, были выделены новые работники. Кажется, что была «тройка». Из этих выделенных приняли горячее участие лишь тов. Михаил Стакун (рабочий завода «Новый Лесснер») и прапорщик Вишневецкий. Не помню точно, но думаю, что вряд ли последний входил в эту «тройку». Вернее, он представлял «военку» и был командирован районным комитетом. Из членов районного исполнительного комитета в «тройку» входили товарищи Василий Каюров и Александр Куклин.

Задачи и необходимость объединения всех этих разбросанных по заводам отрядов были ясны для всех, а для нашего ядра — инструкторов — тем более.

После того как влились товарищи от районного исполнительного комитета, у нас дело пошло быстро.

Красная гвардия существовала тогда на основах добровольчества. Для того чтобы в нее вступить, необходимо было иметь рекомендацию двух товарищей из рядов Красной гвардии или членов социалистической партии или рекомендации фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов. Писаной конституции не существовало, если не считать опубликованного в апреле месяце в «Правде» * устава, который касался в общих чертах организационной стороны, предлагая лишь объединяться в десятки, сотни и т. д.⁷ Но для всех были ясны задачи Красной гвардии и правила товарищества, ее этика.

Агитируя в старой армии за демократизацию ее строя, выборность начальников и т. п., мы и к Красной гвардии не могли подходить иначе, и наоборот, — старались это проводить наиболее полно и добросовестно.

Для того чтобы создать штаб, мы решили созвать конференцию из выбранных от каждого строя делегатов по

---

* «Правда» № 44 от 29 апреля (12 мая) 1917 г. (Примеч. В. Ф. Малаховского.)

норме, которую сейчас не помню. Протоколы этой конференции и выработанный на ней новый устав были опубликованы в № 50 «Солдатской правды» (орган военной организации при ЦК РСДРП(б))⁸.

На этой конференции был избран районный штаб в числе, если не ошибаюсь, 11 человек. Туда входили: Вишневецкий, Стакун, Лось (от завода «Новый Лесснер»), я; фамилии других не помню. Решено было добиваться объединения в общегородском масштабе, так как считали, что переворот был неизбежен в ближайшем будущем. Для усиления же состава отрядов и для того, чтобы оповестить о своем существовании, конференция решила обратиться с воззванием.

Важнейшим же решением этой конференции нужно признать принятие нового устава Красной гвардии. Подготавливаясь к созыву конференции, я написал новый устав, учитывая почти не применявшийся, напечатанный в апреле, а также практику последних месяцев и принципы организации регулярной армии. Этот проект, после тщательного обсуждения и с целым рядом поправок, был принят конференцией и затем получил широкое распространение.

Апрельский устав не отвечал потребностям всей практики. Новый устав делал большой шаг вперед, уточняя внутреннюю жизнь Красной гвардии и ее организацию.

Главное же в уставе было то, что он предусматривал не партизанскую работу десятков, а построение Красной гвардии по принципу армии: взводы, роты и т. д., сведение их в крупные единицы, придание отдельной части (таковой являлся батальон) вида специальной части оружия. Всеми этими частями должны были руководить районные и главный штабы.

На общегородской конференции Красной гвардии, созванной за несколько дней до переворота, наш устав был взят за основу⁹.

В общем и целом, применение к Красной гвардии армейских принципов было принято, но общегородская конференция, руководимая И. Юреневым, незначительным большинством, при энергичных возражениях всей выборгской делегации, которая была самой большой на конференции, внесла ряд поправок, которые лишь запутывали ясность и терминологию организации. Не желая предавать забвению старые наименования, Юренев и другие их отстаивали. Так, например, по этому уставу боевой единицей признавался «десяток», но десяток этот состо-

ял из 13 человек. Затем четыре десятка уже составляли армейский взвод. Три взвода составляли не роту, а дружину; три дружины уже назывались по-армейски — батальоном. Сам центр Красной гвардии не назывался привычным для солдатского уха — «штаб», а, по дипломатическим соображениям, тягучим и непонятным названием: «Центральная комендатура рабочей Красной гвардии».

Впрочем, эти изменения на практике не прижились. Никто их не называл десятками и дружинами. В дальнейшем повсюду применялись военные названия: отделение, взвод, рота и т. п. Несмотря на советы конференции, районные центры Красной гвардии назывались штабами, и сама Центральная комендатура через несколько дней после конференции переименовала себя в Главный штаб Красной гвардии.

К первым же заседаниям районного штаба мною был подготовлен текст воззвания, который был принят штабом, напечатан и распространен в десяти тысячах экземпляров, попав далеко за пределы района¹⁰.

То обстоятельство, что могли издаваться такие листки, призывающие весьма недвусмысленно к организации для свержения ига капитализма и тиранов, делегаты Красной гвардии могли собираться открыто и печатать в газете отчеты о своих конференциях, а Красная гвардия обучаться на улицах города, — все это достаточно убедительно показывало всю слабость и беспочвенность Временного правительства и его движущих сил.

Корниловщина показала многое и заставила немало людей, ранее доверявших Временному правительству, согласиться с большевиками, что без дальнейшего развития и углубления революции она обречена на поражение, а рабочие и крестьяне — на закабаление.

Что могло дать Временное правительство? Сперва диктатуру генералов и усмирение рабочих. Дальше — полное политическое и экономическое господство буржуазии и помещиков и война без конца во славу «Дарданелл» и «союзников»

Подобные перспективы подливали масла в огонь нарастающего движения. Красная гвардия росла не по дням, а по часам. По рассказам и описаниям мне представляется, что часто во многих районах из-за * слабости и неслаженности аппарата, организующего Красную

---

* В тексте: благодаря.

гвардию, последний не был в состоянии использовать даже примитивно те огромные силы, которые к нему приливали. Это явление имело место даже в нашем районе, где аппарат создан раньше других, а на предприятиях (следовательно, и в отрядах) находились передовые, квалифицированные, толковые рабочие, привычные к организации и солидарным действиям. Движение явно перерастало не успевающую развиваться организацию, захлестывало ее.

После корниловщины в штабе было обращено особое внимание на усиление вооружения. Сначала было с этим трудно, так как Главный штаб Красной гвардии (Центральная комендатура) ¹¹ организовался лишь в последние дни перед переворотом; тем не менее, кое-где частично добывали оружие через солдат, особенно через тех, которые были членами «военки». Так, очень скоро в помещении отряда на заводе «Новый Лесснер» (помещение конторки одной мастерской) очутился пулемет и несколько лент с патронами.

Чем ближе было к перевороту, тем все больше дело вооружения упрощалось. Когда же Военно-революционным комитетом были назначены комиссары ¹² в воинские части и базы и, в частности в склад огнестрельных припасов на Выборгской стороне, дело вооружения пошло совсем хорошо. Не успевали получать и перевозить оружие. Тут уже мы получили не только несколько сот револьверов системы «Наган», несколько тысяч винтовок, пулеметы, но даже снаряды и пять артиллерийских орудий, полученных из Петропавловской крепости. <...>

Получали вооружение со склада огнеприпасов, из Сестрорецкого оружейного завода и через Главный штаб Красной гвардии.

За несколько дней до переворота и сразу после него несколько подвод целыми днями занимались перевозкой оружия частью в штаб, а главное, на заводы, для вооружения отрядов и, в особенности, для хранения про запас. Хотя повсюду в воинских частях и базах были комиссары Военно-революционного комитета, мы считали более надежным иметь запасы на заводах, чтобы в случае надобности обратить заводы в наши бастионы.

Наш районный штаб, выбранный на конференции во второй половине сентября ¹³, сконструировался сначала в следующем виде: был выделен президиум в составе трех товарищей — Вишневецкого (председатель), меня (секретарь), Стакуна (казначей). Затем вскоре приехал из

поездки в провинцию тов. Кирилл Орлов (с завода «Ай-ваз»), которого, как старого работника среди военных и красноармейцев, мы кооптировали в штаб и избрали председателем. Остальные члены штаба оставались на заводах и только во время переворота работали неустанно в штабе, имея каждый определенную функцию.

Помимо работы в области усиления обучения в отрядах и добычи вооружения, штаб занялся формированием частей, сведением в боевые единицы, выделением специальных частей, почти исключительно пулеметных команд.

Число членов Красной гвардии все прибывало¹⁴. Не помню сейчас, сколько мы планировали реально частей. Но выходило так, что уже в конце сентября на «Новом Лесснере» сформировался батальон; в дни переворота там уже было 1000 человек, т. е. два батальона. Благодаря тому, что во многих отрядах появились пулеметы, стали усиленно обучаться стрелять из них, и было уже сформировано несколько пулеметных команд. Нужно сказать, что в штабе, который помещался в одной маленькой комнате квартиры дома, где была больничная касса завода Лесснера, оружие не оставлялось, а все, что добывалось, немедленно пересылалось на заводы.

В той же квартире, где был штаб, помещался Выборгский районный комитет нашей партии, который являлся, так сказать, нашим шефом и где работала (секретарем) покровительствовавшая нам тов. Женя Егорова.

Но мало времени судьба определила нам для усовершенствования нашей организации.

События надвигались. Контрреволюция точила свои зубы.

Ленин из своего подполья также торопил партию. В нашей партии шли споры между колеблющимися и сторонниками немедленного выступления. В штабе Красной гвардии, конечно, ни одного колеблющегося. Все мы, в большей или меньшей мере, горели желанием решительных действий и в этом отношении от всех красногвардейцев во всех отрядах получали громкие выражения аналогичных единодушных желаний и нетерпения. «Когда же?» — спрашивали отовсюду. Помню свои личные переживания: как я горел огнем, как жаждал конца колебаниям и окончательного твердого решения выступить. Необыкновенное, незабываемое действие производили на меня статьи Ленина, находили ликующий отклик в душе, волновали и зажигали. <...>

С. С. Гончарская
**КАК ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ
СТАЛ БОЛЬШЕВИСТСКИМ**

 наступили июльские дни. Контрреволюция свирепствовала. Но чем яростнее травила и преследовала она большевиков, тем быстрее росло классовое сознание широких масс, которые поняли, кто защищает их интересы. Партии меньшевиков и эсеров таяли, а партия большевиков росла и крепла. За один только месяц после июльских событий в питерскую организацию большевиков вступило более 10 тысяч новых членов¹.

Видя, что влияние большевиков растет, ВЦИК и президиум Петроградского Совета не ставили даже вопроса о пере выборах Советов рабочих и солдатских депутатов. Тогда мы использовали в борьбе за большевизацию Советов сильное орудие демократии — отзыв депутатов и замену их другими.

От профсоюза прачек депутатами в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов были выбраны Коллонтай, Сахарова-Уватова, Иванова и Матвеева. Две последние беспартийные, но они всегда голосовали с большевиками.

Так как наш профсоюз численно вырос со времени его организации, мы получили право еще на одно место в Совете рабочих и солдатских депутатов. На проведение выборов требовалось согласие профсоюзов. Но в его руководстве было засилье меньшевиков, и они нарочно затягивали довыборы до назначения руководителя нашего профсоюза, надеясь поставить на это место меньшевичку и тем самым провести в Совет рабочих и солдатских депутатов своего человека.

Когда я приступила к работе, члены союза категорически потребовали довыборов депутата в Совет рабочих и солдатских депутатов, и руководство профсоюзов вынуждено было пойти на это. На общем собрании были выдвинуты три кандидатуры, в том числе и моя. Другие кандидаты сняли свои кандидатуры в мою пользу. Я была выбрана единогласно. Результаты голосования встречены были дружными аплодисментами.

На следующий день с удостоверением от правления и выпиской из протокола собрания я отправилась в Смольный.

Я очень волновалась, и когда в секретариате внесли мою фамилию в списки депутатов и вручили мне депутатское удостоверение, я вихрем выбежала на улицу, держа в руках драгоценную книжечку. Всю ночь я не могла уснуть от радостного волнения: я — депутат Петроградского Совета!

После VI съезда партии мы стали резче выступать против Временного правительства, а после корниловщины уже беспощадно громили его и соглашателей. Страсти бурлили. Рабочие и солдаты Петрограда с нетерпением ждали призыва партии к оружию.

На заседании Петроградского Совета 18 августа выступил министр-«социалист» Церетели с речью, в которой пытался оправдать решение правительства о введении смертной казни для солдат. Он говорил:

— Нельзя дать свободу действий возбужденной солдатской стихии. У солдат в руках оружие, которым они угрожают революции. Положим, сегодня вы вынесете резолюцию протеста против смертной казни. Зачем? Ведь вы завтра не будете свергать правительство...

Мы, депутаты-большевики, перебиваем его и кричим:

— Нет, будем свергать, будем!

К нам присоединились многие солдаты. Поднялся шум. Церетели свысока посмотрел на нас, простых людей, не доросших, мол, до понимания государственных вопросов, и продолжал:

— Нет, не будете.

Шум повторяется. Тогда и он, выведенный из равновесия, продолжал громко, стараясь перекрыть шум.

— Вы не будете звать полки на улицу! А резолюциями вы не добьетесь отмены смертной казни!

Поднялся такой шум, что Церетели не удалось больше ничего сказать. Его так и согнали с трибуны, не дав закончить речь.

За меньшевистско-эсеровскую резолюцию голосовала ничтожная кучка².

О выступлениях Церетели в Совете мы информировали массы, срывая маску с меньшевиков и эсеров. Возмущение росло с каждым днем. Борьба становилась все напряженнее. Администрация предприятий нанимала специальных громил, спаивала их и выпускала против большевистских ораторов.

— На тачку его — и в Обводный! — кричали хулиганы, пытаясь избить оратора-большевика, но получали достойный отпор от самих рабочих. Число депутатов-большевиков в Совете все увеличивалось³. Не только рабочие переизбирали своих депутатов, посылая в Совет большевиков вместо меньшевиков и эсеров, но и солдаты тоже стали переизбирать своих депутатов, посылая в Совет большевиков или сочувствующих им.

Однажды парторганизация небольшого завода Сан-Гален, * где членов нашей партии было очень мало, обратилась в наш райком с просьбой прислать докладчика. Послали меня. Было известно, что этот завод является цитаделью меньшевиков. Рабочие собрались в новом одноэтажном домике. Чистая, светлая, большая комната. Среди присутствующих находились и интеллигенты. Вот выступают меньшевики и эсеры. Они держатся самоуверенно, убеждены в успехе.

Наконец получила слово и я. Привожу конкретные факты о предательском поведении меньшевиков и эсеров в Совете. Меньшевистско-эсеровские ораторы начинают первничать.

— Это большевистские сказки, ложь! — кричат они.

Я спокойно продолжаю:

— Не большевики — изменники революции. Товарищи, знайте, что рука меньшевика Церетели, которая пожала руку Бубликову⁴, не поднялась против смертной казни для солдат!

Группа соглашателей, сидевшая особняком, подбежала к трибуне, крича:

— Кто вы такая? Откуда вы знаете? Это клевета!

— Я депутат Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. — И подняла высоко, так, чтобы все видели, свое депутатское удостоверение.

Крикуны не унимались:

— Откуда вы выбраны в Совет?

---

* Так в тексте, следует: Сан-Галли.

— От профсоюза прачек!

— Таких прачек не бывает, так прачки не говорят!

Соглашатели рассчитывали на поддержку рабочих, но никто из рабочих не выступил на их стороне. Тогда они попытались сорвать собрание, крикнув:

— Мы оставляем собрание. Кто с нами?

Никто из рабочих не поднялся с места, и они ушли одни. Собрание продолжалось. Оказалось, что депутаты этого завода никогда не отчитывались перед избирателями. Рабочие забросали меня вопросами, к мы долго беседовали после ухода меньшевиков и эсеров.

* * *

30 августа стало ясно, что корниловская авантюра провалилась, что корниловщина разгромлена. На заседании Петроградского Совета 31 августа товарищи с радостью сообщили о победе. Председательствовал Чхеидзе. На этом заседании Совета присутствовало много делегатов от военных частей, приведенных под Петроград Корниловым. Они уверяли депутатов, что их обманули, что они никогда не выступили бы против питерцев.

Затем были предложены две резолюции по текущему моменту. Резолюция большевиков резко осуждала политику соглашателей, которые поддерживали контрреволюционную буржуазию и помещиков⁵. Меньшевистская резолюция ядовито, как обычно, осуждала слишком большие требования большевиков. Меньшевики были уверены, что за ними идет большинство Совета, и не очень заботились о защите своей резолюции.

Каково же было их разочарование, когда большинство депутатов проголосовало за большевистскую резолюцию! Меньшевики решили, что тут какое-то недоразумение, ошибка. Кстати сказать, мы, большевики, также не были еще достаточно уверены в том, что уже имели большинство в Совете. Президиум заявил, что при голосовании много депутатов отсутствовало, и предложил переголосовать резолюцию, под шумок пытаясь возобновить прения. Но большевики потребовали немедленного, без прений, вторичного голосования. Нам важно было убедиться в том, что большинство Совета за нами. Ведь это было впервые в Петроградском Совете.

Вторичное голосование не изменило положения. Мы получили также большинство голосов. Мы ликовали. Но звонок председателя прервал наше торжество. Чхеидзе заявил, что президиум считает сегодняшнее голосование

педействительным, так как многих солдатских депутатов на заседании нет, они находятся за городом, там, где еще недавно готовились к боям с корниловцами.

— Президиум созывает внеочередное заседание Совета для проверки голосования, — сказал Чхеидзе.

Заседание Совета было закрыто. Мы возмутились, но пришлось подчиниться. Бюро нашей фракции собралось на несколько минут и предложило явиться нам на следующее заседание Совета в обязательном порядке. Кроме того, мы должны были известить всех товарищей нашей фракции, отсутствовавших на данном заседании.

Об этом экстренном заседании Совета узнали питерские рабочие. Гости заполнили весь коридор зала заседания. Военская часть, вызванная для охраны порядка, не в силах была удержать натиск желающих попасть в зал. Пришлось вызвать еще одну воинскую часть, но и после этого невозможно было справиться с «наступающими».

Открыл заседание Чхеидзе⁶. Снова началось обсуждение резолюции, развернулись горячие прения. Чтобы добиться большинства, соглашатели связали голосование за резолюцию с выражением доверия президиуму. Они были убеждены, что только большевики выразят недоверие президиуму. Была выпущена меньшевистская «тяжелая артиллерия» — Церетели. Он важно заявил:

— Этот вопрос политический. Если в Совете большинство будет большевистским, то политическая линия Совета изменится, а президиум (мы это честно заявляем) своей политической линии менять не будет. Необходимо поэтому проверить, доверяет ли большинство депутатов президиуму или нет.

Большевики прекрасно понимали суть этой демагогии. Тогда от большевиков выступил Володарский. Он сказал:

— Товарищи, нам предлагают голосовать за доверие президиуму. Ну что ж, проголосуем за доверие или недоверие. Только мы, депутаты, будем помнить, что голосуя за доверие президиуму, мы голосуем за политику Керенского, а политика Керенского, напомним вам, — это земля не крестьянам, а помещикам, это «война до победного конца», это защита интересов капиталистов, а не рабочих, это сговор с корниловцами, это смертная казнь для солдат. Эту политику поддерживает президиум Совета. Мы уверены, что каждый депутат крепко подумает, прежде чем решится голосовать за доверие такому президиуму.

Соглашатели почувствовали, что почва у них под ногами заколебалась, и из кожи лезли, чтобы добиться большинства. Приступили к голосованию. Результат голосования дал большинство большевикам. Тогда соглашатели придумали новый трюк: группа меньшевиков и эсеров в письменной форме потребовала поименного голосования. Президиум, конечно, поддержал их. Объявили перерыв и стали готовиться к поименному голосованию. У дверей, ведущих в зал заседаний, поставили два стола. У каждого стола расположилась комиссия из трех человек: большевика, меньшевика и эсера. Каждой комиссии вручили список депутатов Совета. Через одни двери должны были выходить голосующие за большевиков, через другие — за меньшевиков и эсеров. Наш выход был, конечно, налево, их — направо.

Поименное голосование началось в 11 часов вечера. Сверка списков с депутатскими удостоверениями шла очень медленно. Соглашателям все казалось, что голосовать намереваются лица, не являющиеся депутатами Совета и сочувствующие большевикам.

Часы показывают 12, 1, 2, 3 часа ночи, а депутаты, голосующие за большевиков, все идут и идут. Вот закончили уже голосование соглашатели, а голосующих за большевиков еще много. Только в 4 часа утра кончилось поименное голосование.

Получив на сто с лишним голосов больше⁷, чем получили соглашатели, мы торжествовали победу. С нами вместе торжествовали присутствующие в коридоре гости, упорно дожидавшиеся результата голосования. Молодежь, взявшись за руки, отплясывала, кружилась, выражая этим свой восторг.

Входим все в зал. Появляются члены президиума. Лица у всех бледные, головы опущены. Чхеидзе держит в дрожащих руках бумагу с результатами голосования. Не поднимая глаз, он загробным голосом сообщает:

— За недоверие президиуму голосовало большинство депутатов. Итак, президиум складывает полномочия.

Вот тут-то и прорвалось. Этого только и ждали. Последних слов Чхеидзе никто уже не слышал. Все встали, и зал потрясли оглушительные аплодисменты и крики: «С победой! С победой!». Солдаты кидали вверх шапки, тут и там целуются, жмут друг другу руки. Мало кто заметил, как члены президиума исчезли за боковыми комнатами зала.

Так мы одержали нашу большую победу. <...>

В. А. Антонов-Овсеенко
НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СОВЕЩАНИИ

ти господа ничему не научились. Мельница их красноречия молола пустоту. Они этого не замечали. Знаки времени были на стенах перед ними. Они их не видели.

Петроградский Совет 31 августа принимает большевистскую программную резолюцию¹.

Они уверены, что это случайно, что сейчас вот они восстановят положение. На 9 сентября они созвали пленум Петроградского Совета, и Чхеидзе заявил официально об отставке президиума исполкома ввиду принятия резолюции, противоречащей его линии. В расчете на большинство соглашательский блок предлагает не принимать отставки. Голосуют выходом в двери. За президиум и его соглашательскую политику — 414, против — 519, воздержалось — 69. Отставка принята!²

Новый президиум пока составлен из президиумов рабочих и солдатской секций. В рабочем — мы большинство, солдатский еще не переизбран, в нем меньшевики с эсерами. Через несколько дней произошли перевыборы в солдатской секции Совета: президиум переходит также в наши руки³.

Петроградский Совет из главной опоры соглашательской политики стал главной опорой борьбы с этой политикой.

После корниловщины так происходило почти повсеместно.

Сотни постановлений, телеграмм направлялись во ВЦИК со всех концов страны. Почти все они заключали

осуждение Временного правительства, требование установить однородную социалистическую власть. Рабочекрестьянские и солдатские массы глубоко всколыхнулись в ответ на корниловское покушение. Лихорадочно вооружались, организовывались, готовились к борьбе с «белым генералом» и его пособниками. И в этой своей подготовке, и в этой борьбе они видели естественного и единственного верного руководителя в лице нашей партии.

В целом ряде губернских и уездных Советов мы завоевываем большинство. 6 сентября пленум Московского Совета принимает резолюцию Питерского Совета от 31 августа. Президиум Московского исполкома наш.

Еще во время корниловщины власть на местах переходит к ревкомам, образованным для борьбы с контрреволюцией. Ревкомы продолжают сохранять эту власть, опирающуюся на вооруженных рабочих и солдат, и по ликвидации генеральского мятежа.

Фактически это было осуществление власти Советов. Это было возрождением Советов как органов революционной борьбы ⁴.

Керенский, очевидно, понимал это. 4 сентября он отдает приказ о роспуске ревкомов и «комитетов спасения и охраны революции», создавшихся «в целях борьбы с мятежом Корнилова в городах, деревнях, на железнодорожных станциях... Самочинных же действий в дальнейшем быть не должно, и Временное правительство будет с ними бороться...» ⁵ Но даже Комитет народной борьбы с контрреволюцией при ЦИК отказался подчиниться этому приказу Керенского... ⁶

И партия восстанавливает свой лозунг: «Вся власть Советам в центре и на местах!» ⁷

Растет неудержимо и гигантски влияние нашей партии.

Слабеет влияние соглашателей, дезорганизуются их ряды, расшатывается их программная установка.

В партии эсеров Чернов, разгрузившись от министерского портфеля, ударяется в сплошную оппозицию правительству и завоевывает для своей путаной «линии» большинство в центральном комитете эсеров, оттесняя отпетых кадетских подпевал (Савинкова, Лебедева, Керенского, Авксентьева). Левые эсеры, до той поры ворчливо уживавшиеся в едином эсеровском болоте, объявляют себя независимыми, выпускают свой манифест, слагая с себя ответственность за соглашательскую политику ЦК своей партии.

Меньшевики сведены в Питере почти на нет. Но все еще копошатся в общей тухлявой каше и Церетели, и Потресов, и Дан, и «интернационалист» Мартов, и «новожизненец» Суханов ⁸.

Политика ЦИК отражает эти колебания, эту неуверенность соглашательского большинства ⁹. ЦИК, с одной стороны, освящает «Директорию», возглавленную Керенским, и обещает ей поддержку, с другой — поддержку обещает лишь на время, решая, что вопрос о власти будет окончательно разрешен до учредилки * Демократическим совещанием, совещанием различных демократических организаций, подписавшихся под пустозвонной декларацией Чхеидзе, оглашенной на Государственном совещании, значит, без кадетской партии и без цензовиков. Созыв такого совещания назначен на 12 сентября.

Одновременно с тем, как меньшевистско-эсеровский ЦИК как будто предрешал самым составом Демократического совещания, что цензовики будут устранены от власти, Керенский повел секретные совещания с кадетами и московскими промышленными «тузами» о вступлении их в его правительство ¹⁰.

Мы приехали в день открытия совещания. Много разговоров с питерцами.

Накануне состоялось собрание фракции большевиков ЦИК с большевистской делегацией ¹¹. Доклад Каменева. Доклады с мест. Приподнятость настроения, партийное влияние усилились повсюду.

Но партийная мысль еще не вполне окристаллизовалась. Отдельные товарищи сохраняют еще некоторые «доисторические» иллюзии; кое-кто договаривается до того, что революция вообще должна будет замкнуться рамками буржуазной демократии, кое-кто не понимает роли II съезда Советов и учредилки, не понимает, что движение уже уперлось в восстание. И даже, к удивлению, Володарский несколько скептичен.

Красный зал Александринки ¹². Наша фракция довольно многочисленна ¹³, хотя организаторы постарались «обезбольшевичить» совещание, обеспечить большинство за соглашателями. Из 1425 мест городским самоуправлениям дано 500 голосов, кооператорам — 150, Советам же всего — 300, профсоюзам — 100, фронту и тыловым частям — 150 и т. д.

Что за пестрорядь!

---

* Учредительного собрания.

Нет только представителей кадетской партии. Не то, что кадетов — этих под всякими «коопвидами» или под видом земцев предостаточно, но официально на совещание созвана только «демократия».

«Изоляция большевиков» — этот стратегический маневр проделывали кадеты, увлекая за собою меньшевиков и эсеров. Не удалось! Еще до корниловщины не удалось. Милюковы — Родзянки увлекли Либерданов, но Либерданы по дороге растеряли массы.

Корниловщина завершила этот процесс.

На Демократическое совещание Либерданы явились без прочих «живых сил»¹⁴, но с неистребимой тоскою по этим «силам».

Этой тоскливостью проникнуты все их «песнопения».

...Открывает совещание Чхеидзе. «Мы на краю пропасти». «А попали в столь неловкое положение из-за экстремистов» (большевиков тож). Экстремисты создали почву для контрреволюции. «В результате — коалиция Гинденбурга и Корнилова», «штыки Вильгельма угрожают революционному Питеру». Спасение — в единении всех сил демократии на платформе, оглашенной Чхеидзе на Московском совещании.

И тотчас появляется «спаситель»... Навстречу овации, шагом тореадора выступает Керенский. Тусклая фигурка диктатора застывает в наполеоновской позе.

И впечатление этой тусклости, этого убожества мелкобуржуазного кумира все растет по мере его жалкой, лицемерной речи.

Изобличенный всесветно в подозрительных махинациях с контрреволюционным генералитетом, явно замешанный в «странные» передвижения 3-го конного корпуса к Питеру, только что приехавший из ставки, где всячески «петлил», запутывал расследование корниловщины, этот презренный политический шарлатан не может, однако, удержаться от попытки «оторваться».

— ...Я не могу говорить, пока не почувствую, что здесь нет никого, кто мог бы лично мне бросить обвинения, которые раздавались в последнее время.

— Есть! Есть! — грохают наши ложи. (Особенно гулок сидящий рядом со мной т. Одиссей.)

Керенского передергивает. Кооператоры и прочая слякоть возобновляют овацию.

— ...Позвольте изложить то, что называется корниловщиной и что вскрыто и уничтожено мною...

— Советами! Вопреки вам! — протестуем мы.

Сбивчиво, путано, как вор, пойманный за руку, выкрикивает диктатор свои объяснения. И каждое его заявление подсекается негодующим голосом рабочих делегатов.

— С июля меня упрекали — «Бонапарт!» («Правильно!») Да, я знал о подготовке выступления. («Сам готовил!») Ставка выдвигала ультиматумы. («Вы торговались!») Корнилов ко мне приходил, я знал, чего они хотели. («Кто они!») Конный корпус был вызван потому, что было уже известно о заговоре. («Ложь!») Отказываюсь дальше говорить теперь. («Почему?») Будьте настороже. Остерегайтесь ложных путей... Правительство ежедневно получает сведения о растущей анархии. Только сегодня сообщают из Гельсингфорса, что его революционные силы не позволят помешать самовольному открытию сейма.

— Правильно! Правильно! — Громовые аплодисменты.

Керенский поднимает руку:

— ...И в этот же момент, согласно другой телеграмме, немецкая эскадра, используя прекрасно известное ей положение дел, приближается к Финскому заливу!

Кооператоры воют...

— Фигляр! Шут! — кричим мы...

Керенский осанится:

— Я, товарищи, сказал все...

— Смертная казнь!?

— Смертная казнь восстановлена по единодушному требованию армейских организаций. («Позор! Позор!») Проклинайте, когда подпишу хоть один приказ о смертной казни!.. Я на защите родины. («Горе родине!» Шум.) Не думайте, что я без опоры. Если вы что-нибудь затеете, имейте в виду — остановятся дороги, телеграф... (Хочем в ответ, кооператоры глушат аплодисментами.) Когда кто-нибудь покусится на свободную республику или осмелится занести нож в спину русской армии, тот узнает силу правительства, пользующегося доверием всей страны! (Овация, которую прорывают свистки, выкрики: «Никакого доверия!», «Долой!»). «Позор! — особенно гулко висит над съездом. — Позор!»

Керенского сменяет новый военный министр — Верховский¹⁵. С переизбытком жестикуляции министр выкрикивает несколько весьма ответственных обещаний: пересмотр командного состава, дабы заменить достойными доверия «демократии» всех ненадежных, старорежим-

ных; коренное реформирование ставки — с устранением всех ее руководящих лиц: ведь они не могли не знать о подготовке корниловщины; сокращение численности армии и ее техническая реорганизация.

Верховского прерываем мало, но он так и не ответил на вопрос из нашей ложи: «А кого же вы уже заменили?»

Речи фракционных ораторов... Чернов — и туда и сюда ¹⁶. Да, Временное правительство «несколько запаздывало с разрешением многих неотложных вопросов и, тормозя земельный вопрос, подрывало доверие к власти, подрывало правосознание деревни». Но Чернов не теряет надежды «на разум зрелых общественных сил, способных-де поступиться своими материальными интересами во имя общенародного блага». Он за коалицию, но без политической партии к.-д...

От меньшевиков Богданов. Он неожиданно говорит против коалиции с буржуазией: «Главной причиной бездействия был коалиционный состав правительства...»

Вторым от меньшевиков сам Церетели, восторженно встреченный кооператорами, — в защиту коалиции со всеми «жизненными силами», не подвергая отлучению тех, кто крепок в действительной жизни.

Следующий день — заседания «курий» и фракций.

Нас мало интересовали результаты этих совещаний. Мы сосредоточены не на подсчете голосов случайного политического собрания. Вне его решаются радикальные вопросы момента. А между тем во фракции становится известным, что только что в заседании ЦК шестью голосами против четырех отклонено предложение... разослать для обсуждения ЦК и МК письма Ленина — «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» ¹⁷.

Тут же ЦК решил принять меры к недопущению преждевременных выступлений в Питере... ¹⁸

А еще утром выпущено воззвание Питерского комитета партии, в котором говорится: «*Поднимите* голос свой все — широкие массы рабочих и солдат Петрограда, скажите громко и внятно, что вы вместе с вашим Советом, за линию, намеченную им, что вы против нового торгового и соглашательства... Посылайте от всех заводов, и фабрик, и мастерских, от всех казарм, всех полков и воинских частей делегации с наказами, содержащими ваши требования. Пусть узнает Демократическое совещание вашу непреклонную волю. Скажите ему громко и спокойно, как и подобает сильному, уверенному в себе и

своей конечной победе авангарду революции, что вы против коалиции, за твердую революционную власть, против помещиков, за землю крестьянам, против фабрикантов и заводчиков, за рабочий контроль, против империалистов, за справедливый мир»¹⁹.

— В Питере по заводам нами проводится кампания давления на совещание. Вырабатывают указы. Вам надо ехать на завод «Айваз». Там будет еще один из наших представителей.

— С удовольствием, товарищ Свердлов!

...«Айваз» — завод боевой, один из самых передовых в передовом Выборгском районе. Но наряду с растущим большевистским влиянием на заводе все еще чувствуется анархо-эсеро-меньшевистская отрыжка. От «меньшевиков-интернационалистов» выступает Владимир Цедербаум — старый знакомый со времени первой революции. Гладенько обстроганная и благонамеренно розовенькая речь.

Мария Спиридонова — от эсеров, тоже интернационалистов, в монашески черном, строгом одеянии, монашески (или кликушески) однотонная.

Следом — бодрый, ловкий, в солдатской шинели, чернобородый большевик. С большим подъемом, подчеркнутая широким жестом, хорошая, здоровая речь. Несколько энергичных слов вскрывают нецельность, незавершенность, лицемерность постановки левых эсеров. И горячо, убедительно звучат простые слова о подлинном пути из разрухи, из войны к хозяйственному подъему, к миру и к подлинной свободе.

Нет и охоты говорить после такого оратора, явно переломившего настроение массы.

Ограничиваюсь насмешливыми замечаниями, Мария Спиридонова берет всем своим видом и ореолом великомученицы. «Чтобы завоевать завод «Айваз», эсеры мобилизовали свой иконостас»... (хохот) и в таком духе дальше по адресу беспомощного «интернационализма» меньшевиков.

Приняты наша резолюция и наш наказ...

...Какой это был вечер! Среди речей, уже не привлекающих внимание, разрастающийся шум... с улицы, из кулуаров... «Рабочая делегация», — шепчем в нашей ложе... Кто-то в президиуме, прервав очередного оратора, сообщает: «Прибыла делегация с заводов и полков. Требуется слова».

— Дать! Дать! — вопим мы во все легкие, покрывая бессвязный гул кооператоров и прочих подцензовиков.

На трибуне знакомая (по парижской эмиграции) низкорослая фигура т. Назарова. Крепким голосом он выкрикивает:

— От имени питерского пролетариата и солдат... (Кто-то вопит: «Самозванцы!» А мы перекрываем аплодисментами.) Мы следим за вашими разговорами. Не вам решать судьбы революции. Они решатся на улице! Да здравствует вооруженное восстание и диктатура пролетариата!

Оцепенение соглашателей, наше громовое «ура!»

Назарова сменяет какой-то солдат:

— Нас 150 тысяч гарнизона. Мы, как один, вам заявляем: никакого правительства с буржуями не признаем. Довольно слов. Свое право осуществим борьбой. Довольно войны! Мир, земля, хлеб, свобода!

Кто-то из пришедшей делегации вручает президиуму наказ. Вот его текст (подобный текстам наказов обуховцев и др.):

«Рабочие завода «Айваз» посылают на Демократическое совещание делегацию, чтобы объявить Демократическому совещанию о следующем: революционный пролетариат, революционная армия в дни буржуазно-генеральского заговора Корнилова, как один, встали на защиту завоеваний революции и еще раз выразили свое желание: вся власть Советам!

Но ЦИК Советов, оставшись верным политике соглашения с цензовыми элементами, снова ставит революцию на край гибели.

Ныне созванное ЦИКом Демократическое совещание мы решительно не можем считать истинным представителем революционного народа. Совещание в своем большинстве представляет городские самоуправления, земства и кооперацию, отнюдь не являющиеся действительными выразителями воли революционного народа. Революционная демократия же, организованная в Советы, армейские комитеты, профсоюзы и фабрично-заводские комитеты, является на совещании меньшинством. Констатируя это, мы заявляем, что спасение революции и страны требует самого решительного и немедленного разрыва с политикой соглашения с цензовыми элементами и создания ответственной власти, опирающейся на пролетариат и беднейшее крестьянство. В основу политики этой власти должно быть положено: 1) немедленное

предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира — мира без аннексий и контрибуций, с правом наций на самоопределение; 2) немедленная отмена частной собственности на помещичьи, монастырские и церковные земли и передача их без выкупа в заведывание земельных комитетов; 3) организация рабочего контроля над производством и распределением в государственных размерах; 4) беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей.

Только власть, руководимая указанными началами, сможет вывести страну из тупика, в который ее завела политика соглашательства правящих партий. Только такая власть сможет осуществить задачи, выдвинутые революцией, и спасти страну от гибели и развала»²⁰.

Ах, Кишкины-Бурышкины и прочие спасители от «живых сил»! Ах, Либерданы и прочие пустозвоны бесхребетной «демократии»!

Как оцепенелые, сидят они, услышав грозный голос «улицы».

Но оцепенения хватает только на миг, и вновь плетется хитроумно предательская сеть.

В этот и другой еще день выступали пятеро бывших министров: Скобелев, Авксентьев, Пешехонов, Зарудный, Церетели. Все это — на высоких нотах надоевшие перепевы. И дальше от «курий» и «подкурий» — декларации. Но вот немножко веселее!

Сияя благонамеренным самодовольством, «от имени пяти миллионов («Что так мало!») членов русской кооперации» — Беркенгейм.

«Наша революция буржуазная». («Неверно!», «Правильно!») «Мы идем к закреплению буржуазного строя». «Об этом — Маркс, Лавров, Михайловский...» «Мы наиболее компетентные здесь люди». (Смех.) Коалиция должна быть повсюду. Нужны всеобщие жертвы. Рабочие должны привыкать к голоду и холоду. («Позор!»)

Оглашает резолюцию чрезвычайного кооперативного съезда: «Власть должна быть свободна от всяких организаций и ответственна перед народом. Нужен временный блок кооператоров, цензовиков и социалистических партий».

Следом — овация есаулу Нечаеву. Фронтовое казачество — за сильную власть, но против коалиции с теми, кто так или иначе связан с Корниловым.

Но тут же поправка.

Второй выступавший казак — за участие кадетов в правительстве, против «большевистской анархии», но и против привлечения казаков к полицейской службе.

Рязанов вызывает сенсацию, читая передовую «Речи» от 28 августа, снятую с набора в последний момент ²¹ («Убоялись!»):

«Да, конечно, это заговор... Но генерал Корнилов не реакционер... его идеи стали общим достоянием, он за те же цели, которые и мы считаем необходимыми...»

Голос «пяти миллионов кооператоров» тонет в могучем гуле пролетарского Питера, а на следующий день — и в выступлениях многих представителей от крестьянских организаций.

Наш «приятель» — левый эсер Устинов (от губернских крестьянских организаций) — говорит резко:

— Правая рука Чернова отменяла циркуляры, писанные его левой рукой... Как делать революцию в союзе с помещиками? А это и есть коалиция.

В том же духе, попроще и красочнее, выступают несколько доподлинных крестьян, и, конечно, Мария Спиридонова:

— Живые силы ищутся шесть месяцев. Надо спасать себя собственными руками. Не будете служить народу вы, образованные, то этот спор обойдется туго для господствующих классов. Долой коалицию! Да здравствует власть народных масс!

Если и не точно, то здорово!

Мартов, при напряженной вслушенности, просипел от имени большинства Советов декларацию против коалиции с цензовиками, обрекающей революцию на бесплодие, ведущей к потере доверия власти, на чем и выросла корниловщина. Надо создать «истинно-революционную власть, способную разрешить неотложные задачи революции и ответственную до Учредительного собрания перед полномочным представительством трудящихся народных масс». (Заковыристо, но не ясно! Не от Мартова добиться уточнения, что это за «полномочное представительство трудящихся народных масс».)

Ночью 18 сентября выступает Троцкий:

— Граждане министры! Мы хотели бы не советов, а отчетов от вас... Унижена Российская республика, она не имеет своего полномочного и ответственного перед ним правительства. Недостойно для великого народа вообще, ни тем более для народа, переживающего великую революцию, иметь власть, которая концентрируется в од-

ном лице, безответственном пред собственным революционным народом.

Оглашает нашу декларацию²².

Кто-то с места:

— А зачем вооружение рабочих?

Отвечает:

— Вооружение рабочих — оплот против контрреволюции, и, — повышая голос, — если будет установлена подлинная диктатура революционной демократии и эта власть предложит честный мир, и мир этот будет отвергнут, то для защиты страны революции от войск империализма! (Буря одобрения.)

Выходим с ночного заседания с т. Одиссеем.

— А мне это пышное красноречие, — говорит он, — не по нутру. Чересчур фразисто и общедемократично, какой-то привкус национал-большевизма — «стыд, унижение для великого народа в великой революции не иметь ответственной пред ним власти». И этот жест о самозащите «страны революции»... Будто переводит человек с французского, с какого-нибудь Дантона.

19 сентября — голосование: 640 против 517 решают голосовать открыто. По мотивам голосования кооператоры оговаривают, что считают данное совещание частным и себя «свободными».

Оглашается заявление от гельсингфорсских солдат, матросов и рабочих (кажется, П. Дыбенко): «Никакого доверия коалиции! Как протест против коалиции, суда поднял боевые флаги. Мы защитим и финские берега, и интересы народных масс!»

Пошли голосования.

За коалицию — 766, против — 688, воздержалось — 38. Прошла!

Против коалиции с «элементами, причастными к корниловщине» — 797, за — 139, воздержалось — 196...

Против коалиции с кадетами — 595, за — 483, воздержалось — 72. Кажись, крышка!

Выскакивают Гоц, Дан — «без кадетов нет коалиции». Ченькаев, Беркенгейм — в поддержку Гоца, Дана.

Голосуют. За коалицию без каких-либо отговорок — 183, против — 813, воздержалось — 80! Переполох... Перерыв... Фракционные собрания²³.

У нас где-то в кулуарах стоял спор: уйти с совещания или нет? Как уйти? Очевидно, будет предпарламент? Участвовать ли?

Накануне в ЦК большинством 9 против 8 решено не

входить в предпарламент, но ввиду значительного меньшинства, поставлено — передать вопрос на решение фракции Демократического совещания.

...Сталин: входить — значит подкреплять врага, подкреплять авторитет той власти, которую надо свергнуть; входить — значит поддерживать иллюзии возможности единого демократического фронта с цензовиками; входить — значит дезорганизовать, дезориентировать свои ряды. Наше место не буржуазная лжепарламентская кухня, а завод, казарма, улица, ибо пришли решающие дни.

Против — Рыков, Каменев. Какой непроходимой кабинетностью веет от их рассуждений!..

Но прения продолжать некогда.

И 77 против 50 принимается плоское решение о вхождении в предпарламент... ²⁴

Возобновляется пленум.

Церетели сообщает, что президиум в целях объединения демократии решил устроить особое совещание с представителями всех политических течений.

22 сентября снова пленум. И неизбежный Церетели заявляет о достигнутом соглашении, но снабжает сообщение оговоркой, о «содействии» «Директории» (Керенскому) в «создании» власти и «санкционировании» «Директорией» (Керенским) предпарламента.

Буря протестов... После резких выступлений представителей большевиков и, кажется, Мартова, эти церетелевские пристроечки убираются.

Но рядышком Церетели выдвигает заявление, что большевики, мол, как раз положительно отнеслись в президиуме к этим его, отвергнутым ныне предложениям.

Протестуем. Демонстративно отзываем своих представителей из президиума. Оглашаем декларацию. В ней вскрыта закулисная работа соглашателей — капитулянтов пред корниловцами. В ней пояснено:

«Что касается предпарламента, или демократического совета, то мы констатируем: 1) что состав его подобран, как и состав совещания, в ущерб интересам крестьян, солдат и рабочих; 2) что в связи с таким составом задачей организаторов и авторов предпарламента является не создание демократической власти, а по-прежнему поиски соглашения с буржуазией, руководимой контрреволюционной партией к.-д. Со всей силой отстаивая теперь, после опыта Демократического совещания, необходимость передачи всей власти Советам в центре

и на местах и призывая все Советы подготовить в кратчайший срок Всероссийский съезд, мы посылаем своих представителей в предпарламент для того, чтобы в этой новой крепости соглашения развернуть знамя пролетариата, обличать всякие попытки коалиции с буржуазией и облегчить Советам создание истинно-революционной власти, способной обеспечить действительный и без дальнейших оттяжек созыв не подтасованного Учредительного собрания»²⁵.

В тот же день Петроградский Совет принимает резолюцию нашей фракции²⁶.

В ней, повторив оценку Демократического совещания и предпарламента, данную нашей фракцией,— такой вывод:

«...Советы должны сейчас мобилизовать все свои силы, чтобы оказаться подготовленными к новой волне контрреволюции и не дать ей захватить себя врасплох... Везде, где в их руках власть, они ни в коем случае не должны ее упускать. Революционные комитеты, созданные ими в корниловские дни, должны иметь наготове весь свой аппарат. Там, где Советы этой полнотой власти не обладают, они должны всемерно укреплять свои позиции, держать свои организации в полной готовности, создавать по мере надобности специальные органы по борьбе с контрреволюцией и зорко следить за организацией сил врага.

...Для объединения и согласования действий всех Советов в их борьбе с надвигающейся опасностью и для решения вопроса об организации революционной власти необходим немедленный созыв съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

29 сентября подобное же решение принимается в Гельсингфорсе Советом и Центробалтом.

А. Ф. Ильин-Женевский
НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Постепенно наша часть заметно революционизировалась. Много помогло этому то обстоятельство, что в наш батальон влились новые пополнения, состоявшие преимущественно из заводских рабочих с определенно большевистским настроением. Но что окончательно переломило настроение солдат, так это корниловский мятеж. Здесь даже и спящие проснулись. Офицерство не могло скрыть своей симпатии к Корнилову и тем окончательно дискредитировало себя в глазах солдат. Солдаты ясно увидели, что у них есть враг, который копит силы для того, чтобы, выбрав удобный момент, насильственным образом вернуть старые порядки. После корниловского мятежа начался как бы новый период в жизни нашего батальона. На первом же общем собрании, созванном в связи с корниловским мятежом, меня избирают председателем. В развернувшихся прениях противником моим выступил один из местных меньшевистских лидеров, большой руки демагог, пользовавшийся раньше колоссальным влиянием. Теперь его речь не имела почти никакого успеха. Чтобы обеспечить проведение моей резолюции, я нарочно составил ее в умеренных тонах, однако солдаты своими добавлениями сами заострили резолюцию и поставили все точки над «і». В этих добавлениях солдаты требовали освобождения арестованных большевиков, прекращения травли Ленина... восстановления «Солдатской правды» и многое другое. Я с большой радостью ставил каждое из этих добавлений на голосование, и все

они единогласно, под гром аплодисментов, были приняты собранием. Это была первая определенно большевистская резолюция, принятая общим собранием солдат нашего батальона¹.

Такая перемена настроения солдат очень встревожила командный состав батальона. На следующее общее собрание уже пожаловал сам помощник командира батальона, поручик Надеждин. Прекрасный оратор, хитрый и умный человек, он прилагал все усилия, чтобы переломить на свою сторону настроение солдат батальона, но это ему так и не удалось. Опять, как и в прошлый раз, была принята определенно большевистская резолюция...

14 сентября в Петрограде открылось так называемое Демократическое совещание. На этом совещании должен был быть поставлен опять (в который раз?) вопрос о власти. Так как Петроград на этом совещании был представлен меньшевистско-эсеровской делегацией Петроградского Совета, не выражавшей настроения широких масс, то под руководством Центрального Комитета нашей партии был организован массовый штурм Демократического совещания делегациями от петроградских фабрик, заводов и воинских частей. В комитете нашего батальона также еще раз была принята резолюция о необходимости перехода власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов, а для оглашения этой резолюции на пленуме Демократического совещания был избран я. Как сейчас помню вестибюль Александринского театра, битком набитый делегациями петроградских рабочих и солдат. Душно, накурено. Царит всеобщее возбуждение. Мы требуем, чтобы нас пропустили и дали огласить наши резолюции на пленуме. Караул никоим образом не соглашается нас пропустить. Мы волнуемся, шумим. Наконец появляется своего рода контр-делегация — группа руководителей Демократического совещания, уполномоченная говорить с нами. Впереди московский городской голова, эсер Руднев. Он смотрит исподлобья. Его высокий, четырехугольный лоб наклонен вперед. Впечатление такое, как будто он хочет лбом проломить какую-то стену. Пытаясь говорить спокойно, он объясняет нам, что наше выступление на совещании допущено быть не может, так как наши представители в лице делегации Петроградского Совета на совещании уже имеются. Мы отвечаем, что чхеидзе и либерданы не выражают нашей точки зрения, мы требуем передачи власти в руки Советов. Тут уж Руднев не выдерживает. Краска бросается

ему в лицо. Повышенным тоном он еще раз заявляет, что не может допустить нас на совещание, и вместе со всем своим штабом быстро удаляется. Мы остаемся ни с чем. Сейчас же организуется импровизированное собрание. Откуда-то появляется т. Бубнов, который предлагает нам не расходиться, а выработать резолюцию протеста по поводу недопущения нас на Демократическое совещание. Это предложение единогласно принимается. В связи с текстом резолюции начинается новое выступление ораторов. Я оглядываюсь кругом. Больше всего внимания к себе привлекает небольшая группа представителей сравнительно недавно возникшего Социалистического союза молодежи². Они спорят и шумят. Живее и бойчее всех хорошенькая, розовощекая, голубоглазая девушка Лиза Пылаева, которую я неоднократно встречал раньше в Выборгском районном партийном комитете. Не будучи в силах сдержать своего буйного темперамента, она неожиданно для всех и в первую очередь для своих товарищей вскакивает на стул и звонким девическим голосом произносит горячую речь от имени Социалистического союза рабочей молодежи. Товарищи ее, видимо, смущены таким оборотом дела. Во время речи они энергично дергают ее за платье, а когда она слезает со стула, обрушиваются на нее со всех сторон: «Дура! Ты чего высунулась-то! Нужно организовано! Ты и десятой доли не сказала того, что надо!» Пылаева, вся красная от волнения, смущенно оправдывается. Я невольно улыбаюсь, глядя на эту сцену. Наконец, резолюция выработана, мы подписываемся под нею от имени уполномочивших нас полков и заводов и расходимся.

Рост большевистских настроений в нашем батальоне, так же как и в целом ряде других петроградских полков, повел за собою перевыборы его делегатов в Петроградском Совете. На место меньшевиков и эсеров стали избираться большевики. Вскоре были назначены перевыборы и в постоянном составе нашего батальона, где я непосредственно числился младшим офицером. Наша большевистская ячейка решила выставить мою кандидатуру. Задача моя в значительной степени облегчалась тем, что делегат постоянного состава, меньшевик Усенко, выбранный в первые дни после Февральской революции и прошедший даже в исполнительный комитет Совета, с тех пор почти и не показывался в батальоне и никаких отчетов своим избирателям не давал. Не явился он и на собрание, созванное по случаю его же собственного перевы-

бора. На этом основании один из его партийных друзей пытался сорвать перевыборы, предлагая перенести их на другой день, но большевики энергично выступили против, и в результате я был избран в Совет подавляющим большинством голосов.

С протоколом этого собрания явился я на следующий день в Смольный институт, в мандатную комиссию Петроградского Совета. «Вы избраны вместо т. Усенко? — спросил меня председатель мандатной комиссии. — Он как раз сейчас здесь, пойдемте к нему». Мы прошли в одну из ближайших комнат, где у окна за столом я увидел работающего Усенко. Он тоже увидел нас и, точно почувствовав что-то, поднялся к нам навстречу. «Вы переизбраны», — сказал ему, здороваясь, председатель мандатной комиссии и протянул принесенную мною выписку из протокола. Усенко молча прочел выписку, не говоря ни слова, расстегнул тужурку, вынул свой мандат и положил его перед председателем мандатной комиссии. Так одним меньшевиком в Петроградском Совете стало меньше.

Работа в Петроградском Совете навалила на меня еще целый ряд новых обязанностей. Помимо присутствия на общих собраниях Совета и его военной секции, я должен был войти в состав районного Совета Петроградской стороны (по месту нахождения моей части), где председатель Совета, большевик т. Скороходов, втянул меня во внутрисоветскую работу. Здесь я вместе с рабочим-большевиком т. Прохоровым был избран уполномоченным по руководству районной организацией Социалистического союза молодежи *, а кроме того секретарем конфликтной комиссии Совета. В особенности любопытной была последняя работа. Задачей конфликтной комиссии являлось разрешать конфликты, возникающие на местах между хозяевами и рабочими. В этом отношении конфликтная комиссия являлась типичным революционным органом, самочинным порядком осуществлявшим свою волю. Формально никакой власти у нас не было, но авторитет Совета рабочих и солдатских депутатов был настолько велик, что все наши распоряжения беспрепятственно исполнялись не только рабочими, но — что всего удивительнее — и хозяевами. Во всех случаях появление на месте нашего представителя, члена кон-

---

* В то время Социалистический союз молодежи формировался еще при районных Советах рабочих и солдатских депутатов. (Прим. А. Ф. Ильина-Женевского.)

фликтной комиссии, являлось решающим. Неправильно уволенная прислуга принималась обратно, обчисланному при увольнении рабочему выплачивалась сумма его заработка сполна и т. п. От этого авторитет конфликтной комиссии, а вместе с ней и районного Совета, возрастал еще больше. Бывало, в определенные часы, когда я, как секретарь конфликтной комиссии, открывал прием, меня со всех сторон осаждали просители рабочие и работницы, и ко времени заседания нашей комиссии у меня набирался целый ряд конфликтных дел, так что при распределении их на каждого члена комиссии выпадало по нескольку мест, куда он должен был поехать. Однако, работая таким образом в районном и центральном Совете, я не порывал своей связи ни с газетой, в которой я продолжал работать, ни со своим батальоном. В особенности тесную связь стремился я держать с солдатами моего батальона, избравшими меня своим делегатом в Петроградский Совет. Для того чтобы особенно ясно подчеркнуть разницу между прежним делегатом постоянного состава — меньшевиком и мною — большевиком, я после каждого заседания Совета делал обстоятельные отчетные доклады своим избирателям, подробно информируя их о работах Совета и указывая, за какие предложения я, вместе со всей большевистской фракцией Совета, голосовал...

Приближался бурный Октябрь. Временное правительство окончательно выявило свою неспособность управлять страной при настоящих условиях. Кабинеты формировались за кабинетами, но толку от этого не было никакого³. На местах назревало такое же настроение, которое было перед июльскими днями. Но только теперь массы сделались более осторожными. «Теперь уж так просто не выступим, — говорили там и здесь. — Предварительно нужно все подготовить». И подготовка шла вовсю. Зондировалась почва в отдельных воинских частях и на заводах. Подсчитывалось оружие. Подготовка шла настолько явно, что об этом прекрасно знали даже наши враги. Буржуазные газеты буквально в каждом номере кричали о готовящемся выступлении большевиков. Называли даже приблизительную дату — 25 октября. И все-таки помешать ему ничем не могли.

А. И. Верховский
НА ТРУДНОМ ПЕРЕВАЛЕ

Главное, в чем я обвинял Корнилова, был срыв линии постепенного восстановления боеспособности армии. Измена Корнилова подрывала восстановление дисциплины и ставила под вопрос возможность защищаться против Германии. Поднималась страшная волна гнева народных масс. Все, кому скрепя сердце и стиснув зубы массы оказывали доверие, обманули; добросовестно заблуждаясь, что оборона родины требует уступок офицерству, массы терпели Корнилова. Корнилов же во главе офицерства снова пытался надеть ярмо на шею солдата. Соглашательские Советы твердили, что оперативные вопросы должны быть полностью доверены офицерству.

И что же?

Офицерство использовало эту доверчивость. Под предлогом отражения германского десанта оно пыталось перебросить 3-й конный корпус для подавления революции и потерпело поражение. И тогда перед буржуазией встал основной, жгучий вопрос о методах борьбы с пролетарской революцией, силы которой в результате явной измены корниловщины родине и своему народу быстро росли. Буржуазия использовала первый план прямой атаки революции; испытала второй план — атаку, прикрытую революционной фразеологией. Оба плана потерпели поражение. И линия Корнилова и линия Керенского были отвергнуты.

Не оставалось ничего другого, как прибегнуть к более тонкой форме маневра и борьбы; надо было принять, хотя бы для виду, «соглашательскую» линию моего поведения. И вот какие-то силы заставили Керенского подойти к междугородному телефону Петроград — Москва.

— Попросите командующего войсками Московского военного округа... Это вы, Александр Иванович?

— Я у телефона.

— Что бы вы сказали, Александр Иванович, если бы вам был предложен пост военного министра?

— Мне? — с удивлением спросил я. — Но ведь я не политический человек, я совершенно не соответствую такому назначению. Я солдат.

Я был искренне убежден в том, что все это время был вне политики потому, что отклонил предложение войти в партию эсеров и нигде не участвовал в политической жизни, ограничиваясь лишь работой в армии.

Керенскому некогда было долго разговаривать. Ему нужно было в эту решающую минуту, когда почти все офицеры изменили — одни открыто, другие ждали только минуты первого успеха Корнилова для того, чтобы примкнуть к нему, ему важно было выдвинуть вперед офицера, который решительно выступил против Корнилова и в то же время по своему прошлому не мог оказаться с большевиками. Я этого не понимал и ставил какие-то препятствия.

Керенский нетерпеливо продолжал:

— Если вы солдат, то вы должны исполнить то, что прикажет вам Временное правительство.

— Конечно, да.

— В таком случае я вам от Временного правительства приказываю принять должность военного министра.

Я замялся:

— Я понимаю вас так, что мое назначение, несмотря на мою совершенную неподготовленность к такой работе, по каким-то причинам может быть полезно делу обороны моей родины от врага.

— Конечно, так, — вслух сказал Керенский, а сам, вероятно, подумал: «Понимай как хочешь. Важно, чтобы я мог немедленно объявить в газетах, что это назначение сделано. Это сразу заткнет рот всем тем, которые кричат о моих связях с Корниловым. А там разберемся».

Принимая назначение, я считал, что меня выдвинула работа в Москве, где мне удалось создать демократическое войско, оказавшееся способным действовать и против вспышки в Нижнем¹, и против восстания Корнилова². Я понимал, что ту же линию, которую я с успехом проводил в Москве, Керенский предлагал мне осуществить во всероссийском масштабе.

Командующим в Москве вместо меня был назначен Рябцев.

Одновременно со мной пост морского министра получил адмирал Вердеревский. Я знал о нем немного, но и то, что мне сказали о Вердеревском, говорило, что выбор этот был продиктован такими же соображениями, какие сыграли роль и при моем назначении.

Своей по-настоящему демократической линией поведения в февральские дни в Ревеле Вердеревский добился того, что на кораблях, которыми он командовал, не было убийств. Вердеревский сразу вошел в контакт с Советом, образовавшимся в Ревеле, и успешно поддерживал боеспособность своих кораблей. В июльские дни он пошел на тяжелое столкновение с правительством. Когда ему прислали секретный приказ топить большевистские корабли, он принес этот приказ в Совет³. За разглашение служебной тайны он был арестован, предан суду и просидел в тюрьме с июля по корниловские дни. Затем Временное правительство признало Вердеревского оправданным, освободило из тюрьмы и назначило морским министром.

3 сентября, в туманный, совсем петербургский день, я прибыл в столицу.

На перроне вокзала Николаевской железной дороги стоял почетный караул юнкеров Павловского училища; гремел оркестр. Конечно, собралась толпа. Присутствовали товарищи военного министра полковники Якубович и князь Туманов, председатель комитета обороны Пальчинский и командующий войсками Петроградского военного округа старый и мирный генерал Теплов, божья коровка. Это был человек компромисса, на котором в корниловские дни сошлись и правые, и левые.

С вокзала я вместе со своими ближайшими помощниками отправился в автомобиле на Мойку, в дом военного министерства.

С грустной улыбкой смотрел я на внешний почет, которым меня окружили. Еще так недавно я был маленьким начальником штаба в глухом углу Севастополя⁴, а сегодня вошел в состав правительства великой страны. Я отдавал себе отчет в своей полной неподготовленности решать те сложные и ответственные вопросы, которые передо мной стояли в области внешней и внутренней политики. Только в своей области я чувствовал себя твердо. После революции в Севастополе, потом в Москве и во время борьбы с Корниловым я вел линию, которая показала себя единственно возможной для сохранения боеспособности армии, отстаивавшей независимость родины⁵.

Все это давало мне уверенность в своих силах, уверенность в том, что и в правительстве я смогу провести то, что нужно для поддержания боеспособности армии, для завоевания почетного мира.

В то же время я ясно видел, что военное дело — это лишь маленькая часть громадного океана вопросов большой политики, решать которые я не считал себя подготовленным. И эти вопросы должны были решать люди, вся жизнь которых готовила их к этому.

Керенский и Церетели, Никитин и Терещенко⁶ в моих глазах пользовались всем нужным авторитетом.

Я говорил себе: «Я стою, как солдат перед проволочным заграждением противника, которое надо преодолеть. Передо мной простой и ясный долг: всеми силами, невзирая ни на какие препятствия, обеспечить родной стране почетный мир на войне и предотвратить гражданскую войну».

Эти простые и бесхитростные мысли солдата ни в какой мере не отражали того, что в это время происходило.

3 августа закончился VI съезд партии. Ленина на съезде не было, но решения были приняты в полном соответствии с ленинской стратегией и тактикой. Партия ориентировалась на вооруженное восстание.

Все это было для меня книгой за семью печатями. Я входил в дом военного министерства, убежденный, что для той России, буржуазно-демократической, не все потеряно, что при искреннем желании и готовности к жертвам все задачи могут быть решены.

Я вошел в кабинет военного министра, и невольное чувство брезгливости и отвращения охватило меня. Это была резиденция Сухомлинова⁷, так тяжело виноватого перед родиной. Я осмотрелся. Громадная комната. Дешевый стиль модерн. Неподалеку от рабочего стола была устроена ниша, закрытая занавеской, за которой стоял уютный диванчик и была дверь, ведущая прямо в комнаты Сухомлиновой.

Невольно вспомнились слухи, ходившие по городу, что Сухомлинова и ее друзья за этой занавеской присутствовали при самых секретных докладах военному министру.

Позади кабинета была частная квартира военного министра, теперь занятая политическим отделом министерства; во главе отдела стоял прапорщик Степун, философ по образованию, трудовик по партийной принадлежности и ставленник Са-

винкова⁸. Это был представитель того слоя прапорщиков полукорниловского толка, которые выдвинулись во время июньского наступления, ненавидели Советы и были сторонниками прямого действия. Филоненко⁹ и Степун были их яркими представителями. Он встретил меня кислой улыбкой.

Первое, что нужно было сделать,— ехать в Зимний дворец, явиться к Керенскому и вместе с ним наметить конкретный план действий. Но тут встретилось неожиданное препятствие: у военного министра не было автомобиля.

Как нет автомобиля? Что за ерунда! Ведь не на ровное же место я приехал?!

Оказалось, что все автомобили военного министра взял Керенский, когда он с этого поста перешел на пост председателя Совета министров. С тех пор у военного министра автомобиля не было.

На этом я впервые почувствовал тот саботаж, который должен был окружать всю мою деятельность в правительстве в крупном и малом. На первый раз автомобиль мне дал Туманов. <...>

В Смольном¹⁰ я был встречен приветливо. Церетели радостно пожал мне руку. Гоц весело сказал мне, что мое назначение военным министром — это прямая победа демократии. Вторая такая же победа — назначение морским министром адмирала Вердеревского.

На заседании присутствовало не более двадцати человек — руководящих членов ЦИК. Собрались в небольшой комнате правого флигеля, служившей ранее классом, неподалеку от большого зала заседаний. В комнате стоял простой стол, видимо, из прежней институтской столовой. Меня посадили рядом с председательствующим Чхеидзе. Говорившие не вставали, так как народу было мало и беседа носила интимный характер. <...>

— Ну, расскажите нам, Александр Иванович,— начал Чхеидзе,— как вы предполагаете решить стоящую перед вами задачу восстановления армии.

Взволнованный, я внимательно смотрел в глаза окружавшим меня людям, таким малознакомым мне, таким чуждым мне по всему прошлому, наследственным навыкам, отношениям, связям, привычкам. Мне странно было, что я называю их товарищами, а между тем в них я встретил людей, которые, как я думал, могли понять мои мысли о спасении родины, лю-

дей, которые стояли на той же, как и я, позиции соглашения классов. Все, даже самые передовые люди моей среды, принимали это как ловкий маневр, который надо смазывать деньгами.

— Есть два пути восстановления армии,— говорил я в Смольном.— Один из них — путь плетей и пулеметов. Это путь, по которому пытался идти Корнилов. Этот путь насилия над волей народной осужден историей. Мне кажется, что вернее другой путь — путь здоровых организационных перестроек, проводимых через командный состав и через армейские организации. В Петрограде не пошли по этому пути, в результате к моменту наступления Корнилова в распоряжении правительства не оказалось ни одной части, которую можно было бы противопоставить организованной силе контрреволюции...

Я сделал паузу, проверяя свои впечатления о действительной ценности петроградских войск, в которых произошел тяжелый разрыв между офицерством и солдатскими организациями; в результате солдаты остались почти без военного руководства в дни борьбы с Корниловым.

На самом деле было, конечно, не так. В действительности на защиту революции мог подняться петроградский пролетариат; рабочие повели бы за собой солдатскую массу, но при условии подлинно революционного руководства, не такого, каким было руководство соглашательского ЦИК. И правительство и ЦИК больше всего боялись именно выступления пролетариата против правительства и поэтому не приняли никаких мер ни для его вооружения, ни для его военной организации¹¹. В этих условиях наступающие «версальцы» 1917 года могли надеяться на успех, и это я, с военной точки зрения, подметил. Этого не могли не признать и вожди соглашательского большинства ЦИК.

Развивая свою мысль, я продолжал:

— В Москве путем демократизации войсковых частей нам удалось достичь совершенно иных результатов. Против наступления корниловских частей Московский округ смог поднять не менее двух корпусов, вполне боеспособных, готовых дать отпор силой оружия.

Отсюда я сделал вывод, что не безнадежна такая линия поведения, в которой можно будет иметь сомкнутым весь фронт демократии для достижения целей, в которых одинаково кровно заинтересована вся трудящаяся масса.

Я не мог, конечно, дать общую политическую оценку создавшегося на короткие дни положения, но кое-что я понимал и учитывал. Я говорил членам ЦИК:

— До сих пор правительство утверждало, что офицерству нельзя доверять политически.

Кто-то из членов ЦИК громко спросил:

— Когда же правительство это утверждало?

Действительно, таких заявлений правительство не делало, но это подразумевалось как-то само собой...

— Но командный состав,— продолжал я,— был подготовлен технически для ведения большой войны, и приходилось мириться с тем, что он политически не был надежен. Оборона отечества требовала от нас этого. Но восстание Корнилова заставляет по-другому взглянуть на вещи. Весь командный состав, не пользующийся доверием демократических организаций, должен быть заменен другими людьми невзирая на чины.

Среди слушавших меня произошло что-то вроде замешательства.

— Но ведь надо же их кем-нибудь таким заменить, кто будет способен провести в жизнь дело обороны и руководства армиями,— бросил кто-то.

— Это меня не смущает. Я провел всю войну в действующей армии и знаю, что операции, которыми руководили те или иные сановники, фактически проводились капитанами или полковниками. Так, 22-м корпусом юридически командовал Бринкен, а фактически капитан Дорман. 10-й армией юридически командовал генерал Флуг, а фактически подполковник Яхонтов, его начальник оперативного отдела. За время войны таких капитанов и полковников я узнал много; и если сейчас мы назначим их командовать крупными соединениями, то дело от замены «куклы» действительным начальником только выиграет.

— Позвольте, но ведь в штабах гнездится самая откровенная контрреволюция,— возразили мне.

— На это я могу вам сказать, что среди офицеров есть люди разных убеждений. Есть полковники, подобные Сахарову, принявшие участие в выступлении Корнилова. Есть полковники, подобные С. С. Каменеву и А. И. Корку, не оказавшие ему никакой поддержки.

Это был довод. Мне поверили, что таких офицеров, которые смогут заменить генералитет в командовании армиями,

можно найти. На полки можно будет таким же путем выдвинуть капитанов и поручиков и на батальоны прапорщиков. Молодежь, полная энергии и воли, борется за родину. Молодежь, которая по своим годам еще не утратила возможности сблизиться с солдатской массой и действительно работала с первых дней революции в армейских организациях, могла быть брошена в борьбу за восстановление армии.

Я шел дальше.

--- Генерал Алексеев¹² не может оставаться во главе армий. Его надо сменить, ибо он солидаризовался с Корниловым и не понимает новых отношений, которые сложились в армии. Он тянет ее назад. Ставка подлежит полной реорганизации. Следствие с участием членов ЦИК надлежит вести со всей энергией, чтобы выкурить контрреволюцию из армии.

Далее я изложил уже известный членам ЦИК проект сокращения армии.

— Народ не в состоянии выносить экономически те тяготы, которые возложило на него царское правительство для ведения войны, причем фактически у нас едва ли больше двух миллионов бойцов с винтовками, пушками и пулеметами. Восемь же миллионов находятся на разных должностях в тылу. На четверых едсков у нас один боец и до четырех обслуживающих. Смешно сказать, но в Красном Кресте и Земгоре¹³ больше солдат и чиновников, чем бойцов в армии. Нас проедает тыл, и с этим надо покончить. Нужно отпустить из армии три — четыре миллиона солдат, сохранив количество дивизий, расформировать ненужные тыловые учреждения. После таких реформ в армии можно говорить и о том, чтобы вернуть командному составу полную власть и поднять дисциплину; это необходимо для того, чтобы перейти к тем новым формам войны, которые придется вести с армиями, значительно уменьшившимися в своем составе. Наконец теснейшее сотрудничество командования с Советами и армейскими организациями является залогом успеха, так же как это было и в моей работе в Москве.

По мере того, как моя речь развертывала цельную в военной области программу действий, члены совещания, одобрительно кивая головами, подчеркивали свою солидарность с высказываемыми мною мыслями.

Один из членов ЦИК, фамилии которого я не знал, отвечал мне, не скрывая своего удивления:

— Все, что здесь нам предлагает военный министр, есть простая и здравая логика, и удивительно не то, что он нам это говорит, а то, что это говорится в сентябре, а не в мае, когда впервые министры-социалисты вошли в правительство. Разве не была бы сохранена большая доля ныне потерянной боеспособности в армии? Не получил бы в нашей истории такого большого значения больной вопрос об армейских организациях, которые расцвели, быть может, выше меры потому, что армию упорно не хотели изъять из рук заведомо контрреволюционного командного состава.

Так же сочувственно высказывался и Церетели:

— Наконец мы видим демократическую программу, высказанную представителем Временного правительства. Действуйте со всей решительностью, и мы вас поддержим против всякого, кто попытался бы вам помешать, хотя бы это был Терещенко или даже сам Керенский.

ЦИК решительно высказался за поддержку моих предложений; после этого я радостно и бодро направился в Зимний, полный уверенности, что теперь удастся добиться демократизации армии, того, что я делал в Москве, но во всероссийском масштабе. Я, однако, совершенно не учитывал, что моя военная программа могла быть осуществлена лишь в том случае, если бы она была частью цельной политической программы правительства. А до этого было далеко.

Именно поэтому моя программа не имела никаких шансов на успех и была годна лишь для того, чтобы отвлечь внимание масс от действительной подготовки буржуазии к новой корниловщине.

Когда я выходил из Смольного, я увидел одного из своих приятелей по боям в Галиции, молодого офицера генерального штаба Полковникова, и радостно его приветствовал. Мне приятно было встретить его именно здесь, у дверей ЦИК. Значительное число офицеров считало их просто дверьми в геенну огненную.

— Что вы делаете здесь? — спросил я.

— Я приехал с делегацией от казаков 3-го конного корпуса в ЦИК выяснить то нелепое положение, которое создалось. Нас везли в Питер для борьбы с германским десантом, который ожидался на побережье Финского залива, а оказалось, что нас привезли для борьбы с Советами. Казаки на это не согласны и послали делегацию в ЦИК, чтобы заявить о своей

преданности ему и Временному правительству. Меня, как одного из командиров полков 1-й Донской дивизии, казаки выбрали для того, чтобы показать, что и часть офицерства не была согласна с планами высшего командования и остается верной демократической России.

Это все было мне весьма интересно. Я подробно расспросил Полковникова о настроениях корпуса и лично его и о том, как он смотрит на положение дел.

Полковников с величайшим неодобрением смотрел на корниловскую авантюру и считал, что единственный путь спасения страны в том, чтобы офицерам идти вместе с солдатскими организациями для поднятия боеспособности армии.

Я рад был увидеть человека, который понял меня с полуслова, и у меня быстро созрело решение: поставить Полковникова во главе Петроградского военного округа¹⁴.

Быть может, в иной, спокойной обстановке можно было подобрать и более подходящего кандидата, но сейчас, когда надо было демонстрировать новую линию подбора командного состава, поставить на пост командующего Петроградским военным округом офицера, выборного от солдатских организаций, прибывшего от 3-го конного корпуса в ЦИК для заявления о том, что корпус не желает быть игрушкой в руках контрреволюции, было весьма желательно.

Полный надежд входил я в Зимний дворец и поднимался по лестнице, называвшейся раньше подъездом императрицы, в покои, где поселился Керенский.

Я встретил Керенского в большой угловой комнате, в которой у императора в свое время была его личная гостиная. Светлая комната, обитая розовым шелком, с мебелью в стиле модерн, по буржуазным понятиям уютная, с большим числом креслиц, диванчиков, столиков, в свое время заваленных фотографиями в семейных альбомах, безделушками. Теперь все это было убрано, и она имела вид хорошо обставленной гостиной. Оставалось ее главное очарование, которое нельзя было у нее отнять: талантливый строитель дворца итальянец Растрелли, влюбленный и на холодном, темном Севере в свет и солнце, построил ее так, что ее окна выходили на Адмиралтейство и на великолепный простор Невы. Сквозь дымку тумана и облака слегка пробивалось солнце, и река переливала нежными красками голландского фарфора: серыми, голубыми и розовыми. Но любоваться видами можно было лишь мгнов-

венье. Надо было решать вопросы, в которых заключалось самое право наслаждаться красотой природы.

Керенский вошел вместе с Никитиным, сохранявшим портфель министра внутренних дел.

Когда я увидел Керенского, с которым не встречался со времени Московского совещания, то в первый момент не узнал его. В моей памяти был молодой, бодрый человек, пересыпавший свою речь шутками, со свежим и приятным лицом. Сейчас Керенский как-то весь опустился. Лицо опухло и огрубело. Глаза провалились и были тусклы. Торопливо подав мне руку, он сразу перешел в атаку.

— Правда ли, что вы уже успели побывать в Смольном?

— Конечно.

— Но позвольте, вам там нечего делать. Мы с таким трудом избавились от постоянной ферулы * Советов, а вы возвращаете нас в положение до 5 июля.

— Но ведь вы же знаете, что такова была моя линия работы в Москве, где именно благодаря теснейшему контакту с Советом я и смог сделать что-нибудь полезное.

— Москва не Петроград,— раздраженно возразил Керенский,— здесь вы член Временного правительства. И до тех пор, пока я являюсь главой Временного правительства, я не могу допустить, чтобы оно руководствовалось интересами той или другой группы населения. Мы должны стоять на общенациональной точке зрения.

— Прекрасно, я разделяю эту точку зрения на конечные цели нашей деятельности, но в практике армейской работы я не могу шагу ступить, если не буду действовать, опираясь на Советы и армейские комитеты. Офицерство само по себе бесцельно сделать что-либо. Наша задача добиться союза демократического офицерства и комитетов, которые вместе еще как-нибудь могут бороться с разложением армии. Но порознь они будут наверняка разбиты. Для успеха нашей деятельности нам надо опираться на авторитет ЦИК.

— Нам надо опираться на авторитет Временного правительства!

— Но послушайте, Александр Федорович, ведь надо же говорить серьезно. Вот я провел в Москве борьбу и против анар-

---

* *Линейка, которой в старину били по рукам провинившихся школьников (лат.).*

хических выступлений в Нижнем, и против корниловщины и в обоих случаях о Временном правительстве я не слышал ни слова. От вас я не имел никаких указаний, что делать, на кого опираться. Но зато самая возможность успеха, достижения тех целей, которые, по моему мнению, были нужны той России, о которой и вы и я думаем, были достигнуты благодаря содействию Совета. Как хотите, но я не могу себе иначе представить свою деятельность в министерстве.

Керенский в негодовании встал. Никитин, видя, что дело идет к разрыву между мной и Керенским, нашел нужным вмешаться.

— Александр Федорович, не будем придавать чрезмерного значения всему тому, что произошло. Как жалко,— обратился он ко мне,— что я не смог поймать вас немедленно по приезде и предупредить об особенностях петроградской обстановки. Но теперь, раз это уже сделано, не стоит на этом останавливаться.

— Нет, наоборот, очень даже нужно, ибо это составляет основу того, как я буду действовать дальше,— возразил я.— Завтра же я собираюсь ехать в Петроградский Совет солдатских депутатов¹⁵ и с ними переговорить о тех шагах, которые собираюсь предпринять в армии.

Керенский резко обернулся ко мне:

— Вот видите,— обратился он к Никитину,— мы только что избавились от Корнилова справа и получаем Корнилова слева.

— Не будем волноваться, Александр Федорович,— продолжал Никитин свою роль примирителя,— послушаем практическую программу Верховского.

— Напомню,— сказал я,— что в телеграмме Корнилову, которая в копии была послана вам, я прямо сказал, что можно и нужно менять политику.

— В чем же вы видите необходимость перемены политики? — спросил Керенский.

Я изложил то, что, по моему мнению, надо было делать немедленно, при этом особенно подчеркнул необходимость смены командного состава и для начала предложил назначить Полковникова на Петроградский округ.

Керенский слушал внимательно.

— Все, что вы говорите о сокращении численности армии, совершенно сходится со взглядами Временного правительства.

Очень хороши ваши предложения о поднятии дисциплины. Все это, конечно, не ново, и правительство имело в виду и уже отчасти проводило эти мероприятия в жизнь. Будет хорошо, если вы продолжите эту работу. Но остальное вызывает сомнение. Смена командного состава, работа в контакте с Советами — все это уже пройденный этап, и к нему не следует возвращаться... Впрочем, переговорите с Терещенко. Мы сейчас составляем впятером правительство¹⁶, и надо получить его согласие на ваши планы.

Керенский встал, недовольный беседой.

Я не хотел кончать первую беседу без определенного результата.

— Знаете ли вы, Александр Федорович, точку зрения ЦИК на мою программу?.. Он будет поддерживать ее даже против вас и Терещенко.

Керенский пробурчал себе под нос что-то невразумительное и, быстро пожав мне руку, ушел к себе.

Никитин с огорчением сказал мне:

— Как жаль, что вы не переговорили прежде всего со мной, когда приехали. Мы бы все это уладили, а теперь уже в ваших отношениях с Керенским пробежала кошка. Он вам не будет доверять.

— Боюсь, что при той линии, которая у меня намечена и которая не сходится с линией великодержавного и самодержавного правительства, сложившейся у Керенского, нам все равно не удалось бы договориться.

Надо было повидать Терещенко и с ним договориться о том, что делать дальше. Терещенко просил приехать к нему на дом. К 7 часам я подъехал на Дворцовую набережную к дому Терещенко; богатый сахарозаводчик купил его у разорившегося князя и поселился в самой цитадели придворного российского дворянства, рядом с дворцами царей и великокняжеской семьи.

Едва я переступил порог, как меня окружила обстановка прочного богатства, массивной прекрасного рисунка мебели, картин и ковров, которая была так характерна для старого русского барства.

Это не была гостиная Зимнего дворца, в которой жил выскочка из мелкой служилой интеллигенции Керенский, случайно попавший в царские покои. Терещенко был богатый барин, для которого эта обстановка была привычной. Он был хозяи-

ном в своем доме; чувствовал он себя хозяином и в правительстве, в котором бессменно находился со времени Февральской революции.

Терещенко был высокого роста, европеец с виду, причесанный на пробор, чисто выбритый, без бороды и усов. Движения его были спокойные и уверенные. Изысканная полуулыбка вежливости, казавшаяся искренней, на самом деле была лишь маска на лице этого холодного и равнодушного ко всему, кроме личного успеха, человека. Получив образование за границей, отлично владея несколькими языками, он жил до войны без определенных занятий на капиталы, оставленные ему батюшкой, собирая картины и предметы искусства. Но с началом войны он оказался втянутым в деятельность военно-промышленных комитетов и отдался этой работе и политической борьбе с царским строем, примкнув к левому крылу либеральной буржуазии, руководимому Коноваловым; он тоже мечтал о «пролетарской армии», чтобы ее силами потрясти царизм, вынудить его на уступки, на создание ответственного перед Думой правительства. Вместе с Гучковым и Крымовым Терещенко был в числе тех нескольких заговорщиков, которые пошли на устранение Николая¹⁷. Наконец, в корниловские дни он не вышел в отставку¹⁸ и, как казалось, оставался на стороне Временного правительства; он не поддержал своего друга Крымова и продемонстрировал свои симпатии ему только тем, что пошел на его похороны и проводил до могилы¹⁹. На самом деле он был в центре заговора Керенского — Корнилова и брезгливо вышел из игры лишь тогда, когда затея Корнилова провалилась. Это позволяло мне противопоставлять Терещенко Рябушинскому, смотреть на Терещенко с доверием, как на представителя той либеральной буржуазии, с которой он хотел строить новую жизнь.

То, что программу, изложенную мной, поддержал ЦИК, что против нее высказался с такой энергией Керенский, все это было неважно. Провести или не провести ее можно было лишь, если она получит поддержку или отказ Терещенко.

Времени было мало, и Терещенко попросил меня в кабинет — огромный, с большими, крытыми темно-красным сафьяном креслами, с тяжелыми занавесями на окнах.

Терещенко закурил сигару.

Я не курил и думал лишь о том, как привлечь на свою сторону Терещенко и тем обеспечить выполнение того плана,

который, по моему мнению, мог один только привести Россию к благополучному окончанию войны. И не уют богатого кабинета, а улица и казарма были в центре нашего внимания, именно они объединили нас в беседе, хотя раньше мы никогда не встречались.

Терещенко в коротких чертах знакомил меня с положением дел за границей.

— О немедленном мире трудно что-либо сказать, Александр Иванович,— говорил он.— В ответе немцев и австрийцев на новое предложение папы о мире видно, что они хотят заключить мир на основании «карты войны», то есть исходя из тех завоеваний, которых они добились. Вся Западная Россия должна перейти к ним, так же как и значительная часть побережья Балтийского моря с Ригой включительно. Устроит ли это нас?

— Нет.

— Ну вот, я так и думал, что это ваша точка зрения. Я лично хотел бы, чтобы наша внешняя политика не была политикой парадоксов; знаменитый «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов» на деле привел к совершенно обратным результатам. Мы выступили во имя мира и создали условия, затянувшие войну. Мы стремились к сокращению жертв и только увеличили кровопролитие. Мы боролись за демократический мир²⁰, а на самом деле вели дело к торжеству германского империализма.

— Как же вы думаете действовать, чтобы Россия не оказалась вынужденной идти на заключение такого мира?— спросил я.

— Надо объединить все живые силы страны.

— Но как же их объединить, если буржуазия пошла на такую глупую авантюру, как восстание Корнилова!

Я надеялся получить от своего собеседника ответ на основной мучивший меня вопрос: почему раскололась страна? Нет ли возможности сделать так, как в Англии, где буржуазия умела вовремя пойти на уступки массам и сохраняла возможность действовать общенациональным фронтом?

— Это неверно, Александр Иванович,— отвечал Терещенко.— Буржуазия (я понимаю под этим словом торгово-промышленные круги) далеко не вся шла с Корниловым. Рябушинский и Гучков — еще не вся буржуазия. Вы могли убедиться из слов Астрова на заседании городской думы во

время наступления Корнилова, что передовая московская торговая и промышленная знать, не одобряя Временное правительство, в то же время высказалась против поддержки Корнилова.

— Корнилов лично мне говорил о том, что руководящие круги буржуазии обещали ему свою поддержку.

— Корнилов, очевидно, имел в виду именно Рябушинского. Но вы знаете, что я не оставлял Временное правительство и принимал участие во всех мероприятиях борьбы против Корнилова. Это уже одно должно говорить вам о том, что, строя нашу дальнейшую политику, мы можем рассчитывать на достаточно влиятельные круги заводчиков, финансистов и торговцев. Но этого мало, нам нужна армия, которой в данный момент нет, и об этом нам надо поговорить.

— Мне кажется, что это хотя и очень трудное, но вполне возможное дело,— отвечал я.— Надо только сделать все выводы из того печального факта, что корниловское выступление подорвало доверие к офицерству. Надо пойти на такие реформы, которые показали бы массам решительность правительства в борьбе с корниловщиной.

Я изложил свой план сокращения численности армии, устаревания из армии корниловского командного состава и замены его той талантливой и энергичной молодежью, которую выдвинула война. Я рассказал, что ЦИК вполне поддержит меня хотя бы и против Керенского и Терещенко и что Керенский взвился на дыбы, когда услышал об этом.

— Поэтому Керенский и направил меня к вам переговорить о возможности проведения этого плана в жизнь,— заключил я.

Терещенко с интересом, казавшимся неподдельным, слушал мои предложения.

Что именно он усвоил из всего, о чем я ему говорил, и с чем он был согласен, это для меня оставалось загадкой. Но после небольшого раздумья Терещенко сказал несколько слов, которые можно было принять и за сочувствие планам военной реформы.

— Я хочу только обратить ваше внимание, Александр Иванович,— говорил, прощаясь, Терещенко,— что в нашем распоряжении есть еще одно средство, которое до сих пор мы не использовали в достаточной мере. В наших руках деньги, а этот ключик позволяет отпереть многие двери, которые кажут-

ся крепко запертыми. Имейте в виду, что мы можем предоставить в ваше распоряжение крупные суммы, когда в этом встретится надобность. <...>

Я сказал Терещенко, что деньги мне не понадобятся. Что дело будет сделано или не будет сделано в зависимости от решения тех крупных вопросов, о которых я говорил, что деньги ничего не прибавят и не убавят.

— Ну, как хотите. Вот и все вы так рассуждаете. А многое можно сделать с деньгами. Если надумаете, то скажите. Мы это устроим.

Разговор с Терещенко повлиял на Керенского. Он стал сговорчивее. Полковников, предложенный мной на Петроградский округ, а также полковник Архипов, мой кандидат на Казанский округ, получили назначения. Алексеев отставлен и на его место назначен, хотя и не по моей рекомендации, маленький, серенький, но готовый работать с Советами генерал Духонин²¹. Это был новый начальник штаба «верховного главнокомандующего» Керенского. Мало того, через правительство был проведен приказ о демобилизации солдат старше сорока лет. Казалось, что моя программа была принята на деле.

Между тем другие вопросы отвлекли внимание; надо было доформировать правительство, в котором кадеты создали брешь своим выходом в корниловские дни. Это было дело не простое. Советы и демократические думы под давлением масс должны были высказаться против участия представителей буржуазии в правительстве. Но соглашательские партии с Церетели и Гоцем во главе не могли себе представить, как устроить жизнь, как прокормить города, как вести промышленность, как добиться приемлемого мира силами самих рабочих и крестьянских масс. Это неведение в революцию заставляло их идти на капитуляцию перед буржуазией. Они видели свою задачу в том, чтобы убедить массы в необходимости снова пойти на коалицию с купцами, промышленниками и биржей.

Для этого было созвано Демократическое совещание из представителей Советов, городских дум, кооперации и армейских организаций. Ловким маневром им удалось склонить на свою сторону относительное, хотя и незначительное большинство. Они предложили решительно отвергнуть соглашение с той буржуазией, которая пошла с Корниловым; но ведь была же буржуазия, не выступившая против Временного правительства.

Ведь Астров в Москве, Терещенко в Петрограде держали себя лояльно.

Мне, как военному министру, было предложено сделать на Демократическом совещании доклад, и я еще раз изложил свою программу: изгнать корниловцев из армии, выдвинуть демократическое офицерство, отпустить несколько миллионов солдат домой.

Все это произвело впечатление, тем более что из этой программы кое-что правительство уже осуществило.

Большинство — всего несколько десятков голосов — стало на точку зрения коалиции. Гоц и Церетели могли вступить в переговоры с буржуазией.

22 сентября (по старому стилю) в Зимнем дворце было созвано совещание, которое должно было организовать штаб и выработать план борьбы с пролетарской революцией²².

Правительство собралось, как всегда, в так называемом Малахитовом зале. Это был сравнительно небольшой, украшенный колоннами из малахита зал в той стороне дворца, которая выходит на Неву. В зале буквой «П» стоял стол. В верхней его части сидел Керенский, по обе стороны — лица, приглашенные им на совещание.

Здесь были все имевшиеся налицо члены Временного правительства: Терещенко, Никитин, Прокопович, морской министр, руководящие работники ЦИК — Гоц, Чхеидзе, Церетели, Дан, Руднев и Хинчук, которые должны были изображать рабочий класс.

Крепкое крестьянство, организованное вокруг крестьянского Совета, было представлено Авксентьевым. Кооперация могла существенно помочь делу снабжения страны продовольствием, и ее признанный глава Беркенгейм также был приглашен на совещание.

Москва прислала лидеров своих общественных организаций: Малянтовича, Кишкина и Бурышкина. Либеральные промышленные круги были представлены Коноваловым. Не была забыта и партия кадетов: ее наименее одиозные в то время лидеры — Набоков, Шингарев и Аджемов — были налицо.

На совещании были представлены все, кто боролся за капиталистический строй.

Среди участников этого собрания политических деятелей буржуазной России только два человека не понимали той комедии, которая разыгрывается. Это были... военный и морской

министры. Оба мы никогда не были причастны к политической жизни, и нам была непонятна вся гнусность разыгравшегося действия, которое мы прикрывали своим присутствием.

Решался важнейший вопрос: бороться с народными массами, требовавшими «мира, хлеба и свободы».

После корниловского выступления массы стали быстро леветь.

В Петрограде и Москве большевики овладели Советами. В армии этого не произошло только потому, что старое большинство Советов не допускало перевыборов. В провинции картина была пестрая. Местами большевики уже победили. В Севастополе же эсер Бунаков, комиссар флота, сохранял еще власть; большевики — Гавен и Островская — не могли получить решающего влияния; но и там большевистская организация окрепла и с каждым днем приобретала все большее и большее число сторонников. Рабочие стали захватывать предприятия.

Буржуазия наметила два плана борьбы с народными массами. Один из этих планов громко обсуждался на заседании Временного правительства и не имел значения; второй план, составленный келейно Керенским, Терещенко и Коноваловым, был настоящим стратегическим планом борьбы; он проводился без громких слов, но со всей решительностью людей, прижатых к стене смертельной опасностью.

Перед массами разыгрывалась комедия формирования нового правительства на заседании в Малахитовом зале Зимнего дворца.

Собрание открыл Керенский. Он тягуче и скучно говорил что-то о том, что обстановка очень сложна — и внешняя и внутренняя (кто этого не знал!), что нужно объединить все силы страны до созыва Учредительного собрания, которое дальше оттягивать уже недопустимо.

— Основой нашей политической линии, — продолжал Керенский, — должно быть охранение единства, источника власти, исходящей из революции 27 февраля. Власть должна быть национальной и суверенной. Руководствоваться следует программой, выработанной правительством в своей среде, комбинируя интересы всех слоев населения, стремящихся к поддержке республиканской власти.

До созыва Учредительного собрания Керенский предлагал созвать предпарламент, но правительство не должно быть от-

ветственно перед ним, сохраняя за ним лишь совещательный голос.

— Мы убеждены в необходимости коалиции, и дело не в лицах, а в соотношении сил...— снова задал он на добрые полчаса.

Что же делать перед лицом бури, поднимавшейся на улицах городов, в казармах, вокруг помещичьих усадеб, продолжавших стоять нерушимо назло и в насмешку крестьянскому люду, задыхавшемуся от безземелья? Никакой практической программы действия Керенский не принес на собрание, и никто его о ней не спросил. Все, за исключением Вердеревского и меня, по-видимому, понимали свою роль в разыгрываемой комедии. А двое военных сознательно отстранились от решения политических вопросов.

Для того чтобы выполнять настоящий план борьбы, Керенскому и его ближайшим единомышленникам нужно было только одно: бесконтрольная власть. Это и было единственное деловое заявление в речи Керенского.

После Керенского взял слово Терещенко. Он считал возможным запугать собрание.

— Внешнее положение решительно ухудшилось,— заявил он,— и стали возможны сговоры за наш счет с противником. Нам нужно во что бы то ни стало создать мощную вооруженную силу.

И снова ни полслова о том, как же эту силу создавать, хотя такой план у него был полностью разработан помимо военного министра.

Прокопович не принадлежал к решающей группе и говорил красивые слова. Он призывал не обращать внимания на формальные разногласия и стремиться к действительному сотрудничеству всех классов в борьбе с разрухой, которая была особенно ясна ему, как министру промышленности и торговли.

Призывая не ссориться с буржуазией, Прокопович говорил о том, что все силы нужно сосредоточить на борьбе с голодом. Коновалов, Третьяков и Башкиров слушали его, не моргнув глазом, хотя решение удушить рабочих «костлявой рукой голода» уже было принято ими.

Социал-демократ меньшевик министр внутренних дел Никитин²³ указал, что, стоя на государственной точке зрения, обе стороны должны отнестись одна к другой с доверием и

предоставить созыв предпарламента Временному правительству.

Терещенко и Коновалов добились того, что Кузьма Гвоздев был назначен министром труда²⁴.

Гвоздев как мог призывал думать о сохранении государства. Не дать восторжествовать анархии. Он настаивал на прочном соглашении, с тем чтобы коалиция не осталась на бумаге.

Все это было хорошо и служило приличной ширмой для настоящего плана борьбы. Но буржуазия желала показать видимость уступок, и представители кадетов открыли торг. Они заявили, что соглашаются с основными положениями Керенского, но просят «открыть карты»: что от торгово-промышленного класса потребуют представители революционной демократии?

Кадетам отвечали Гоц и Церетели. Они призывали нести жертвы и рабочих, и крестьян, и буржуазию. Вопросы о земле они не поднимали. Его должен был решить хозяин русской земли — Учредительное собрание. По их мысли, существующие формы землевладения не должны быть нарушены, и только земельным комитетам предоставляется право упорядочить пользование землей там, где по тем или другим причинам земля оставалась неиспользованной, где ее хозяин не сеял на ней хлеб.

Самоопределение наций соглашатели, конечно, полностью на словах признавали, но решить его должно было тоже только Учредительное собрание. Демократия настаивала лишь на активной внешней политике, которая привела бы к скорейшему миру. Наконец, необходимо было провести усиленное самообложение буржуазии, узаконить коллективные договоры и примирительные камеры; демократия ни в какой мере не настаивала на том, чтобы рабочие получили право контроля предприятий, но считала необходимым, чтобы такой контроль был введен со стороны государства; все права найма и увольнения рабочих сохранялись полностью в руках фабриканта.

Тяжелая тоска висела над собранием. Много лжи и притворства перевидал Малахитовый зал за сто лет! Он слышал тихие речи Александра I, мечтавшего вместе с графом Чарторыйским и Сперанским о даровании крепостной России конституции, в то время как в действительности стране готовились военные поселения и шпицрутены Аракчеева; беседы Алексан-

дра II о том; как освободить крестьян, не разоряя помещиков. Николай II готовил здесь расстрел демонстрации 9 января 1905 года. Ко всему привыкли стены Малахитового зала. Но эта комедия пустых слов, прятавших подготавливаемое насилие над народными массами, была жалкой; зал скушал. Золоченые листья капителей малахитовых колонн, казалось, медленно увядали в тоске.

От имени промышленности отвечал Коновалов. Коротенький, толстенький, с него можно было писать портрет типичного фабриканта-либерала европейской складки; играя золотым пенсне на длинной цепочке, он прочувствованным голосом говорил, что целиком поддерживает мысли Керенского о необходимости создания сильного правительства для борьбы с анархией...

— Необходимо перекинуть мост между цензовыми элементами и революционной демократией,— пел Коновалов,— и совместно с ней строить новое государство.

Он посмотрел на Гвоздева, которого он знал еще до революции: с таким представителем демократии можно договориться.

Прения были отложены до следующего заседания, на котором были приняты все требования, которые кратко можно сформулировать так:

Созыв Учредительного собрания не может быть отсрочен ни на один день, и созыв его в декабре 1917 года правительство признает обязательным.

Борьбу за мир считать делом общенациональным и стремиться, чтобы мир был заключен без насилия с чьей бы то ни было стороны.

Для обсуждения условий мира, заключаемого вместе с союзниками, созвать в ближайшее время конференцию с участием союзников и выработать совместные условия мира.

Программу военного и морского министров о сокращении армии и смене командного состава принять без всякого обсуждения, признавая полную целесообразность этого.

Полностью было признано и предложенное военным и морским министрами тесное сотрудничество с Советами и армейскими организациями в деле восстановления армии и флота.

Что же касается «жертв», то буржуазия широко шла навстречу.

Мы принимаем государственный контроль над производством, говорили представители буржуазии и помещиков, биржи труда, примирительные камеры, регулировку заработной платы, обложение налогом наследства, налоги на прирост ценностей и на предметы роскоши. Но, конечно, совершенно неприемлем единовременный налог на буржуазию и, кроме того, землю помещиков и власть фабрикантов на своем предприятии не трогать.

На этой основе было сформировано правительство²⁵. В его состав вошли²⁶, с одной стороны, представители демократии — меньшевики Никитин, Прокопович, Гвоздев и эсер Маслов, не собиравшийся давать крестьянам землю. С другой стороны, правительство пополнили прямые представители капитала. «Прямо с биржи», как тогда говорили, вошли Коновалов, крупный текстильщик; председатель Московского комитета бирж торговли и промышленности Третьяков; крупнейший торговец хлебом из Нижнего Башкиров. Особенно порадовало Керенского вступление в правительство Кишкина, делегированного всеми общественными организациями Москвы. Его называли «общенациональный Кишкин». Буржуазия очень надеялась на его твердость.

Для каждого, кто знал подоплеку того, что происходило, подлая лож казалась невыносимой.

Терещенко, выйдя после заседания в соседнюю комнату, просто и громко заявил окружившим его членам нового правительства, что он просит освободить его от участия в правительстве. Он в совершенном отчаянии. Он ненавидит демократию. Он ярый контрреволюционер. Он жалеет, что попытка Корнилова не удалась. Пусть лучше сейчас развернется большевистская анархия, но зато потом будет легче усмирить ее силой оружия.

Но остальные считали, что не все еще потеряно, что надо сделать еще одну попытку удержать власть. Терещенко уговорили не приходить в отчаяние раньше времени, и он согласился не выходить из правительства.

Одновременно с правительством был создан так называемый предпарламент, члены которого были назначены распоряжением Керенского; то, о чем в корниловские дни рассказывал мне в Ставке Филоненко, свершилось. Было сформировано самодержавное правительство и при нем бесправная «говорильня» — для отвода глаз.

Но, как ни странно, я считал, что правительство собирается активно бороться за мир, что вопрос о земле будет решать Учредительное собрание, до которого оставалось всего два месяца. Наконец моя программа полностью принята, и я надеялся, что все это позволит протянуть до заключения мира.

Таких людей, как я, в то время было много. Все они после этих решений правительства успокоились и стали ждать. А Керенскому, Терещенко и Коновалову только того и нужно было.

Таково было стратегическое развертывание сил после корниловщины. Буржуазия, разбитая в борьбе с оружием в руках, благодаря самоотверженной помощи соглашателей получила время для подготовки новой военной авантюры.

Это был прямой вызов. Большевики справедливо называли это правительство правительством гражданской войны. <...>

В первых числах октября я возвращался из Ставки²⁷. Прошел месяц напряженной работы в правительстве. Тридцать дней и ночей в борьбе за то, чтобы подняться над кругозором рядового офицера, пересмотреть трафаретные, с детства привитые понятия родины, правды, народа и добра и увидеть их настоящий смысл. Последовательное и честное проведение этих принципов привело меня к тому, что в корниловские дни я оказался выброшенным из своего класса. И то, что я был во Временном правительстве вместе с Керенским, Коноваловым и Кишкиным, создавало только видимость связи со старым обществом; логическое развитие событий неизбежно должно было порвать и эту последнюю связь.

На дворе стоял октябрь; хмурое небо висело над серыми деревеньками, мимо которых мчался поезд. Над сжатыми мокрыми полями стоял туман.

Во время поездки в Ставку я делал последние усилия, для того чтобы привести в исполнение свой план реорганизации армии, казалось, безоговорочно принятый правительством.

Вместе со мной ехали мои ближайшие сотрудники — Нечкин, Мануйлов и полковник Генерального штаба Кузнецов, который ехал для получения нового назначения.

На станциях происходило нечто невообразимое. Армия разбегалась. Домой ехали и те 600 тысяч сорокалетних, которые были отпущены по приказу Временного правительства во исполнение плана сокращения армии, предложенного мной, и

миллионы, которые по этому же плану должны были быть отпущены, но которых правительство отказалось отпустить.

Путь от Могилева до Петрограда был для меня передышкой между напряженной деятельностью в Ставке и Петрограде. Взбаламученное море впечатлений в сознании успокаивалось, «песок» оседал, все важное поднималось на поверхность.

Кузнецов, мой товарищ по академии, молодой, энергичный, с лицом, обросшим густой черной бородой, рассказывал о том, что делалось в армии:

— Под прикрытием огня линейного флота немцы произвели высадку в Моонзунде. «Большевистский» флот Балтики, на который не надеялись как на боевую силу, оказал мужественное сопротивление²⁸. Войсковая же масса просто и без затей отказалась сражаться. Полк, посланный с материка на остров Эзель, митинговал, когда его подняли с квартир и отправили для погрузки в вагоны. Стоял вопрос: «Ехать или не ехать?» Уговорили! Второй раз тот же вопрос решался на берегу при посадке на транспорт. Снова уговорили! Третий раз на пароходах — сходить ли на берег? Наконец на берегу было принято окончательное решение: ни в какие столкновения с врагом не вступать, полк перешел к немцам. В этом и заключается причина, почему весь Моонзундский архипелаг сдался немцам едва ли не в три дня. Где же родина, честь, народ, в силы которого мы верим? Все рушится! Что ты скажешь об этом, гражданин военный министр?

— Что скажу? Скажу, что моя работа сорвана, едва начавшись, и армия идет неудержимо к полному разложению.

Нечкин, сидевший у окна, повернулся к говорившему.

— А ведь теперь нужно подвести итог месяцу работы в правительстве. За месяц работы в Москве, в июле, как много было сделано. А теперь не удалось ничего, кроме отпуска сорокалетних и двух-трех назначений молодежи вместо явных корниловцев.

— А вы знаете, как прошел отпуск сорокалетних? — перебил его Кузнецов. — Насколько я понимаю тот план, который ты предлагал, — обратился он уже ко мне, — надо было одновременно с отпуском лишних людей сокращать и количество войсковых частей; тогда сокращение численности армии шло бы и за счет тыловых частей, обозов и т. п. Но Ставка не сократила ни одной части, и получилось, что сокращение пошло лишь за счет уменьшения числа стрелков в ротах. За-

мысел, несомненно правильный, привел благодаря этому к обратным последствиям; и те, кто не знает, в чем дело, бранят тебя за нелепую, по их мнению, меру, окончательно разрушающую армию.

— В этом вся суть дела,— заметил я.— Я чувствую себя как человек на кочке в болоте. Пока стоишь — ничего! Но, когда хочешь поставить ногу и сделать шаг вперед, почва уходит из-под ног. Правительство приняло полностью и без оговорок мою программу; когда же я стал приводить ее в исполнение, то оказалось, что сделать абсолютно ничего нельзя. Сокращение армии тормозится под всякими предлогами. Керенский в роли главнокомандующего не дает мне ничего сделать в действующей армии. Все назначения, которые я предлагаю, на словах принимаются, а на деле на должности назначаются «шляпы» вроде Духонина. Керенский даже тыловой военный Петроградский округ изъял из подчинения военному министру и передал в ведение главного командования.

— Ну и что же ты? — спросил Кузнецов.

— Что я? Когда я вступал в военное министерство, ЦИК обещал мне неограниченную помощь. Я к ним и обратился с вопросом: что же мне делать? Мне ответили, что скоро такие дела не делаются, что надо подождать и не ослаблять своего нажима. Керенский сдастся и проведет мои требования. Я выступил на заседании правительства с заявлением, что моя программа не проводится ни в одном пункте и что, таким образом, не может быть и речи о восстановлении боеспособности армии.

— Что же сказало правительство?

— Ничего не сказало, просто перешло к очередным делам. Я никогда не был в таком глупом положении. Перед лицом солдатских организаций я несу ответственность за осуществление моей программы. А на самом деле Терещенко и Керенский цепко держатся за старый генералитет. А генералы в свою очередь заинтересованы в том, чтобы не уменьшать количество войсковых частей на фронте, потому что они не могут понять, как можно оборонять фронт с малым числом дивизий; между тем у немцев дивизий вдвое меньше, чем у нас.

— А отсюда совершенно ясно требование солдатских организаций,— вставил свое слово Нечкин.— Если нет реформы сверху, то массы рвут армию. Солдатские организации требуют теперь: 1) аттестации всех начальников; 2) права отводить тех начальников, которые не пользуются их доверием, и

3) права участия в руководстве операциями вместе с командным составом.

— Это верно! Выполнение этих требований означает окончательное крушение армии. Ее надо распустить и собрать новую, а на это время капитулировать перед Германией. Вот к чему ведет дело правительство, в которое я вхожу.

За окнами вагона моросил дождь, оседавший каплями на стекле. Кругом была картина умирания и безнадежности, как и в настроении той небольшой группы людей, которые сидели в вагоне.

— Что же делать? — спросил Нечкин.

— Что делать? Именно об этом я и думаю. Ясно, что прежняя линия наша сорвана. Да и поздно теперь начинать проводить те мероприятия, о которых шла речь месяц назад. Обстановка резко изменилась за этот месяц, и требуется новое решение.

— Его искать нечего, — сказал Кузнецов. — Это решение не только принято, но уже проводится. В Ставке мне об этом говорили.

— Какое решение? — спросил я. — Ни Керенский, ни Духонин мне ничего об этом не говорили.

— А вот какое. На смену старой формируется новая армия, из корниловских ударных частей. Сейчас уже имеется свыше 40 ударных батальонов силой до 50 тысяч штыков. Кроме того, формируются и выводятся в тыл новые ударные батальоны из добровольцев и георгиевских кавалеров. Организованы чешский и польский корпуса из солдат, добровольно согласившихся подчиняться офицерам и отказавшихся от солдатских комитетов. Из всех этих частей намерены развертывать дивизии новой русской армии. Одновременно из Петрограда предполагают вывести его гарнизон и заменить конным корпусом, казачьими частями и ударниками. Как только эти формирования будут закончены, старую «революционную» армию распустят по домам.

Все это было для меня новостью. Но я не мог показать виду своим ближайшим товарищам, что не знаю об этой программе формирования армии, уже проводившейся в жизнь Ставкой. Правда, сами по себе все эти мероприятия были с точки зрения поднятия боеспособности буржуазной армии рациональны и давали возможность построить более прочные части, чем тот полк в Моонзунде, про который рассказывал Кузнецов. Но для

проведения их в жизнь нужно было, чтобы большинство страны сочувствовало продолжению войны.

— Вот вы упрекали меня в том,— обратился я к Мануйлову,— что я слишком много времени уделял беседам с делегациями, приезжающими с фронтов; но зато я знаю, что думает армия — не воображаемые, а реальные люди. И вот они в один голос говорят, что войска не понимают, за что их заставляют воевать.

— Я тебе должен сказать,— перебил меня Кузнецов,— что это совершенно верно. Солдаты смотрят на офицера, как каторжник на свою цепь. Они думают, что именно из-за нас и не кончается война и что если перебить офицеров, то и война кончится.

— Я выступил с таким заявлением в предпарламенте. Ничего особенного не сказав, я только констатировал факт, что солдаты не знают, за что воевать, и поэтому в таких условиях говорить о дисциплине, то есть о сознательном подчинении солдата тому офицеру, на которого он смотрит, как ты говоришь, как каторжник на свою цепь, нет ни малейшей возможности.

Кузнецов, находясь в передовой дивизии, не следил за газетами.

— Что же ответил предпарламент?

— Что? Аджемов и Шингарев с трибуны предпарламента, а Керенский в личной беседе сказали мне, что если войско не понимает, за что воевать, когда двадцать губерний России захвачены неприятелем, то вообще говорить не о чем. А тут-то и начинаются самые главные разговоры. Для того, чтобы проверить свои впечатления, я проехал посмотреть Волынский полк. Это тот полк, который начал революцию и который был все время цитаделью эсеров в Петрограде. Приехал я к ним. Полк стоял — ничего! Приветствовал своего военного министра, прошел церемониальным маршем и т. д. Я сказал солдатам и офицерам небольшую речь о том, что, мол, вы первый полк революции; что я с удовольствием вижу, что в полку сохранен полный внутренний порядок; что я полагаю возможным опираться на вас в те трудные минуты, которые теперь переживает родина. Рассказал им о той волне пьяных погромов, которая покатилась теперь по всей стране, о неплатеже налогов, о беспорядках на фронте. Они слушали внимательно и даже в конце немного поаплодировали. Но потом вслед за мной вы-

ступил прапорщик; не знаю, что он в полку делал,— он отвечал мне от имени полка. В его ответе не было ничего вызывающего. Он, видимо, знал мою прошлую работу и мои заявления в ЦИК и предпарламенте. Он сказал примерно следующее: «Все, что вы говорите, очень хорошо, и вам персонально мы доверяем, но кто там у вас в правительстве сидит? Разные киш-кины-бурышкины, фабриканты и капиталисты». И тут молчавший полк как бы взорвало: «Правильно! Верно! Долой!» «Мы чего хотим? — говорил он.— Мы хотим, чтобы война кончилась, чтобы мы могли вернуться по домам, а не сражаться за интересы своих и чужих капиталистов». И снова полк загремел аплодисментами, раздались возгласы: «Довольно войны! Пора кончать! Долой тайные переговоры!» «Вот видите, господин военный министр, что думает полк»,— обратился ко мне прапорщик. А полк неистовствовал: «Верно! Кончать войну!» Это был лучший полк в Петрограде. В нем я своими глазами увидел то, о чем сотни делегаций рассказывали мне, возвратившись с фронта²⁹.

— Что же это за проклятые договоры с союзниками, из-за которых мы должны вести войну, не зная за что? Ты видел их?

— Нет, не видал,— отвечал я.— От меня их скрывают, и, несмотря на мои требования, Терещенко не показал их мне. Я не настаивал. Против меня и так уже поднята кампания; меня упрекают во всех смертных грехах, карьеризме, шарлатанстве. У меня руки опускаются и не хватает сил настаивать. Я ни в ком в правительстве не встречаю поддержки. Кто мог бы оказать в этом деле поддержку, это большевики. Они совершенно искренне стали бы работать на дело мира. Но нам с ними не по пути.

— Почему? — спросил Нечкин.

Он был единственный в вагоне, у кого за плечами был большой стаж политической работы, и он знал, что такое большевики, не по митинговым выступлениям, а по знакомству с их действительными взглядами и тем новым мировоззрением, которое они несли. Он не был с ними согласен, но знал их и думал, что в известных условиях можно говорить о сотрудничестве с ними.

— Ну как почему? Они по всем вопросам расходятся с нами. На их знаменах написан Интернационал. Мы стремимся к единению всех классов; они убеждены, что только классовая

война откроет путь к построению социализма. Они мечтают о диктатуре пролетариата! Все это мне непонятно. На это я не могу идти.

Разговор оборвался, но осталось убеждение, что дальше терпеть такое положение нельзя, что надо действовать.

18 октября ко мне пришел Полковников, командующий войсками Петроградского военного округа. Он принес сведения, что ЦК большевиков принял решение о вооруженном восстании. Члены ЦК Каменев и Зиновьев, несогласные с мнением ЦК, сообщали об этом решении в полуменьшевистской газете «Новая жизнь»³⁰. До этого командование с недоверием относилось к сообщениям о надвигающемся выступлении пролетариата, но дальше сомневаться было невозможно.

Полковников был непосредственно подчинен главнокомандующему и только что получил указания от Керенского. Он был с ними решительно не согласен и пришел ко мне, рассчитывая найти у меня поддержку.

Прежде всего мы обсудили с ним свои возможности бороться с восстанием. Подсчет сил, стоявших на стороне правительства, основывался на сообщениях комиссаров о том, насколько части в руках офицеров, каков порядок в войсках и как они выполняют боевые приказы, наконец, насколько сильны в них эсеровские и меньшевистские организации. С этой точки зрения можно было считать на своей стороне в самом городе и окрестностях четыре батальона пехоты военных училищ; четыре батареи Михайловского и Константиновского училищ; несколько школ прапорщиков; 25 броневых автомобилей, два казачьих полка. Мало того, во многих запасных полках, особенно в Преображенском, Семеновском и других, имелись прочные эсеровские организации, способные, как казалось, выставить до 10 тысяч бойцов. Хорошо организованной и технически оснащенной силы в Петрограде было до 20 тысяч человек³¹. Кроме того, Керенский вызвал с фронта два самокатных батальона и три пехотные дивизии: 1-ю и 3-ю финляндские и 35-ю пехотную. Под самым Петроградом все еще стоял 3-й конный корпус; казачьи части имелись в Выборге. Если бы сил, находившихся в районе Петрограда, оказалось недостаточно для немедленного подавления восстания, было намерено удерживать центр города, охваченный водной линией Невы и Фонтанки, и быстро подвезти войска из окрестностей столицы и с фронта.

Словом, ни у меня, ни у командующего войсками не было никаких сомнений, что сил для борьбы более чем достаточно. Но что заставило Полковникова искать у меня помощи (и в чем я с ним согласился) — это ненадежность войск для решения той задачи, которая перед нами стояла. Мы пытались определить место и силу противника, но должны были ответить себе, что это почти невозможно. Бурно шли митинги на Путиловском заводе, и движение могло начаться оттуда. Но не менее яркий очаг восстания представляли собой массовые собрания в новом цирке и напротив Петропавловской крепости. Восстанием грозили матросы Кронштадта. Но и рядом с Зимним дворцом были казармы Павловского полка, кипевшего ненавистью к Временному правительству. А батальон самокатчиков, вызванный Керенским с фронта и внешне поражающий своим порядком и боеспособностью, будучи размещен в Петропавловской крепости, оказался на 100 процентов большевистским.

Именно это приходилось иметь в виду, разрабатывая план борьбы с восстанием. Можно было легко покончить с заговором большевиков, но отличить большевика от рабочего было невозможно. Рабочий класс на заводах готовился стать в авангарде нарастающей революции и формировал Красную гвардию. Все это тоже было не страшно, можно было направить удар на заводы, хотя их и было много. Но рабочие были во всех полках, и вся армия, руководимая рабочими, громко требовала мира, земли и свободы.

Авангард был бы немедленно поддержан главными силами революции, за которыми стояло крестьянство, якобы руководимое эсерами, а на самом деле шедшее против них, потому что оно видело в них препятствие к разделу помещичьей земли.

Составить в этих условиях сколько-нибудь правильный план военных действий было невозможно. Ни Полковников, ни я не хотели сражаться со своим народом.

Я помнил, что когда-то говорил своим товарищам в Пажеском корпусе, когда мне показали саблю, окровавленную в боях с рабочими 9 января: «Нам оружие дано для того, чтобы защищать свой народ, а не для того, чтобы сражаться с ним». Теперь, будучи в положении, в котором по приказу Временного правительства надо повторять бойню 9 января, я не мог этого сделать и решил поставить вопрос о мире во Вре-

менном правительстве, добиваясь того, чтобы правительство снова, как я понимал, стало правительством большинства на-рода.

Вечером 18 октября я подъехал к Зимнему дворцу на заседание Временного правительства; меня охватила обычная полуторжественная, полуцыганская обстановка, которая там царила. Дворец переменял хозяина, но, казалось, не примирился с этим. Громадные залы были наполовину освещены и завешаны какими-то длинными полотнищами. В галерее 1812 года, по которой надо было добираться до Малахитового зала, был абсолютный мрак, и немногочисленные лица, идущие на заседание, были похожи на тени. Да, это была «пляска теней» в Зимнем дворце. Старые царские лакеи с неодобрением смотрели на всех этих, как они их называли, «полугоспод», которые забрались не в свои сани, а народ даже досыта накормить не могут.

В соседнем с Мраморным Круглом зале толпились журналисты, стремившиеся по отдельным словам, улыбкам, намекам уловить то, что делалось в правительстве, и поразить читателей своей газеты какой-либо новостью. Очередной сенсацией был слух о том, что Терещенко собирается уходить из правительства. Эту шутку быстро сменила другая: уходит не Терещенко, а военный министр. Никто не знал, правда ли это, но своим тонким чутьем пресса чувствовала, что в правительстве что-то неладно и что предстоят какие-то перемены. Какие?.. Это еще не было ясно.

Говорили о выступлении большевиков, но это не казалось серьезным. Правительство только что отбило нападение Корнилова; перед этим справилось с массовым выступлением 3 июля. Очевидно, у него были возможности справиться и с дальнейшими попытками к восстанию. Вот голод — это действительно враг! Об этом надо было говорить. И журналисты сходились, обменивались слухами, перехватывали проходивших членов правительства, секретарей, стараясь узнать, что же есть нового.

В самом зале заседания было светло. Горели хрустальные люстры, блестели позолота капителей, золоченые кресла. В глубине зала располагался управляющий делами правительства Гальперн со своим аппаратом.

Заседание еще не начиналось, и я подошел к Гальперну, — Ну, как живем? — обратился он ко мне.

— Увы, не по-старому;— отвечал я.— Ничего не выходит из всех наших затей. В Ставке я убедился в том, что армия окончательно разваливается. Нужно принимать решительные меры, иначе все рухнет.

— У меня совершенно такое же впечатление,— сказал Гальперн.

— Если мы не можем воевать, то надо заключать мир! И поскорее! В этом все дело.

Гальперн покачал головой:

— Как это ни грустно, но я должен тоже склониться к этой точке зрения. Я знаю, что часть правительства также считает необходимым заключение сепаратного мира.

— Но почему же, когда я заговариваю об этом с Керенским или Терещенко, то они сразу делают скучающие лица и быстро переводят разговор на другую тему?

— Очень просто, их больше интересует борьба с большевиками, чем состояние армии.

Вошел Керенский и, заняв председательское место, предложил начать заседание.

Все было, как обычно. Керенский, не придавая никакого значения официальным заседаниям правительства, решал все важнейшие вопросы втроем с Терещенко и Коноваловым. Заседания же правительства он наполнял «вермишелью».

Малянтович, министр юстиции, докладывал о том, что нужно внести какие-то изменения в статьи закона о присяжных заседателях и о повышении ответственности по статье 29-й до 100 рублей. Маслов, министр сельского хозяйства, эсер, внес предложение об отпуске 100 000 рублей на сельскохозяйственный институт в Омске...

Вердеревский слушал все это с величайшим терпением, считая, что если ему все это кажется ерундой, то люди, больше его понимающие в государственных делах, наверное, знают, что надо делать.

Прений почти не было. «Вермишельные» вопросы тянулись один за другим нескончаемой чередой; в то время как буржуазия лихорадочно собирала силы для удушения революции, когда народные массы, руководимые партией большевиков, готовились к отпору, заседания правительства шли как бы в безвоздушном пространстве.

Между двумя мелкими вопросами, как бы незначай, министр финансов Берпацкий просил санкции Временного пра-

вительства на новое печатание денег, ибо доходов никаких не было и государственная казна была пуста³². Это был еще один шаг к обесценению рубля, прямое и дерзкое залезание в карман каждого бедняка. Это было частью плана удушения революции «костлявой рукой голода». Все, по-видимому, понимали это, и согласие было дано без прений.

С прямою военного человека я обратил внимание на то, что надо сделать какие-то выводы, если государство живет не по средствам. Мое замечание осталось без ответа.

Тогда я протянул своему соседу Никитину записку: «Все объясняется тем, что мы не можем продолжать войну. Надо заключать мир». Никитин отвечал: «Все с этим согласны, и Керенский в том числе. Но никто еще не сказал, как заключить этот проклятый мир».

Продолжая дирижировать, Керенский предоставил слово министру внутренних дел. Никитин рассказал о бесчисленных беспорядках, охвативших страну, разгроме имений, уничтожении винных складов, о разрухе на железных дорогах. Все это приносило неисчислимый урон делу снабжения страны. Меньшевик Никитин не видел путей прекращения анархии.

Представители буржуазии хмурили брови и смотрели на социалистическую группу министров так, как смотрит учитель на провинившегося ученика.

Где же те жертвы, которые «народ» должен был принести на алтарь стечества? Демократия наглядно доказывала, что она бессильна спасти государство.

Каждому министру было предложено разработать меры борьбы. Чувствовалось, что доклад произвел впечатление. Было бы естественно, если бы председатель Совета министров Керенский сказал, что он думает. Но он молчал. В такой большой компании он не мог высказываться. Он вел дело к тому, чтобы кончить войну сепаратным миром и всеми силами навалиться на внутреннего врага. Но ему прежде всего нужно было хоть немного укрепиться для того, чтобы силой оружия подавить готовившееся выступление большевиков. Сотни эшелонов с пехотой, конницей и артиллерией катились с фронта в тыл, открывая путь внешнему врагу и развертываясь против внутреннего³³. Но об этом Керенский не мог говорить и продолжал запугивать собравшихся. Он дал слово Прокоповичу.

Прокопович говорил о том, что в конце июля установилась было твердая власть, но корниловщина все перевернула вверх

ногами. Правда, мы одержали над Корниловым бескровную победу; нам не пришлось посылать брата на брата; корниловщина не привела к гражданской войне, но, тем не менее, мы у разбитого корыта. Внешнее и внутреннее положение страны отчаянное. Приближается позорный мир, и мы держимся до сих пор лишь благородством союзников. Армия бежит. В фабрично-заводской промышленности катастрофа, разворачивается безработица; из Донбасса не доставляется уголь, и фабрики останавливаются. Железнодорожные служащие требуют увеличения заработной платы и грозят забастовкой. Между тем при нынешнем отсутствии средств в государственном казначействе это увеличение потребует пять с половиной миллиардов дополнительных ассигнований в год. И так говорил он в течение четверти часа без всяких предложений, что же делать для того, чтобы выйти из тупика, который он сам нарисовал.

Но Прокопович не договаривал. Подобно тому как разрушение армии явилось прямым следствием саботажа Керенского, голод и разруха были следствием саботажа министров, ведавших промышленностью, транспортом и снабжением.

На «костлявую руку голода», которым буржуазия стремилась задушить революцию, народные массы отвечали волнениями в Орле и Тамбове. В темном осеннем небе поднимались зарева горевших имений. Народ силой решал вопрос о земле, о мире, о контроле над производством, потому что правительство в угоду капиталистам саботировало ясно определившиеся требования рабочих и крестьян.

Наиболее матерых представителей буржуазии народные массы сами лишали свободы. Гучков был арестован при посещении им корниловских войск, даже Рябушинский, уехавший после провала корниловской авантюры в Крым, оказался арестованным по распоряжению Симферопольского Совета.

Керенский стремился спровоцировать выступление масс, но не все еще было готово. Он ждал прибытия войск с фронта между 24 и 30 октября. Ясно, что нужно было что-то делать, чтобы выиграть необходимое для «стратегического развертывания» время.

И правительство переходило к следующему вопросу, столь же плодотворному. Тогда я попросил слова и внес предложение поговорить по существу создавшегося положения; прохо-

дять мимо вопросов первостепенной важности и отмахиваться от них дальше было невозможно.

Это было совсем не то, чего хотел Керенский; он скривил губы. Терещенко насмешливо сказал:

— Каждый раз, когда собирается новое правительство, приходится возвращаться к одному и тому же вопросу.

Но меня поддержали другие участники заседания.

Керенский заявил, что вопрос этот нужно обсуждать без канцелярии, и Гальперн со своими подчиненными, собрав бумаги, ушел.

Я первым взял слово.

— Мы слышим в докладах министров,— сказал я,— что во всех отраслях государственного управления неблагополучно: у министра финансов нет денег, в министерстве внутренних дел нет никакой возможности бороться с нарастающей анархией, в военном министерстве, как я докладывал недавно, не удастся провести ни один пункт принятой правительством программы, в министерстве промышленности и торговли замирают фабрики, останавливаются копи. Мы должны обсудить положение и выяснить, что же делать дальше. Я лично считаю, что корень всех наших бед лежит в том, что мы продолжаем войну, не имея больше ни сил, ни средств на это.

Я предлагал пересмотреть позицию правительства в вопросе о мире и наметить практические мероприятия к тому, чтобы мир был заключен в ближайшее время.

Вопрос назрел, но высказаться по этому вопросу никто не хотел.

Керенский рассчитывал выиграть время, пока вызванные им с фронта войска придут в Петроград; он предоставил слово Терещенко, для того чтобы тот немного успокоил членов Временного правительства и уговорил их еще несколько дней не требовать заключения мира.

Терещенко встал и с обычной для него скупающей миной начал говорить:

— О мире не может быть и речи. Наше внешнее положение вовсе не такое плохое, как кажется. Несколько дней назад в германском флоте на линейном корабле «Вестфален» были совершенно такие же беспорядки, как и у нас на «Петропавловске». Командира корабля выбросили за борт, и труп его несколько дней не могли найти. В Австрии такой же жестокий голод, как и у нас. Волна беспорядков прокатилась по всей

Германии и Австрии. О Турции не приходится говорить. Не сегодня-завтра центральные державы рухнут, и мы заключим не позорный мир, а мир, достойный великой России. Надо только потерпеть месяц, быть может, дни. Наоборот, если мы заключим мир теперь, то император Вильгельм представит это как свою победу и сумеет выйти из положения: за наш счет и за наши средства добьет наших союзников.

Слова Терещенко звучали очень убедительно, и большинство членов правительства приняло его точку зрения.

Коновалов энергично поддерживал Терещенко, еще и еще раз доказывая, что сепаратный мир поведет к вторжению в Россию дешевого германского товара, следствием чего будет гибель русской промышленности. Наоборот, связь с капиталистами Англии и Франции обеспечит приток дешевых кредитов и процветание. Он был безусловно за продолжение войны на фронте союзников.

Но меня это не могло удовлетворить. Это было еще, как говорится, вилами на воде писано, а развал армии шел гигантскими шагами. Надо было выбирать: идти ли со своим народом и заключить мир или сохранять верность союзникам и обрекать свой народ на голод и всевозможные лишения во имя никому не понятных целей.

— Вы не учитываете, — говорил я, — что мы стоим перед новой попыткой захвата власти большевиками, и на этот раз положение наше безнадежно. Мы противимся ясно выраженной воле народа заключить мир во что бы то ни стало. Тот, кто возьмет сейчас в свои руки дело приближения мира, тому народ вручит и власть. Так пусть же возьмет в свои руки борьбу за мир и власть демократическая Россия! Наша родина требует от нас, чтобы мы, господствующие классы, поступились своими интересами и начали выполнять волю народа. Тысячи людей говорят мне об этом. Быть может, и удастся заключить более выгодный мир, если подождать, пока рухнет Германия, но народу нужен просто мир, без всяких захватов. Если мы сейчас это предложим, то, возможно, нам удастся заключить вполне приемлемый мир.

Я посмотрел на своих товарищей по кабинету. Терещенко смотрел в потолок, думая, вероятно, о тех эшелонах, которые катились в Петроград, чтобы показать демократии «достаток, свободу и право». Третьяков злобно постукивал каранда-

шом по столу. Кишкин, массивный и равнодушный, видимо, думал: «Говори, говори, а мы послушаем!»

Я со всей ясностью почувствовал, как между мною и этими людьми пролегла та же грань, которая совсем недавно легла между мною и офицерством, руководимым Корниловым. Мы были врагами.

Я посмотрел на министров-соцналистов, которые, казалось, были ближе ко мне. Но Прокопович что-то писал; Гвоздев смотрел в сторону и молчал, ничем не выражая своего мнения; Маслов что-то шептал Никитину. Мне нужен был какой-нибудь знак одобрения, поддержки.

Я остро чувствовал брошенное и мне в лицо как члену правительства обвинение в народной измене. Во имя непонятных целей продолжалась война, которую ради интересов своего отечества надо было безоговорочно кончать. Но правительство давно даже не хотело слушать такие разговоры. На этом заседании все сомнения рассеялись, и то, что в течение полутора месяцев накапливалось, готово было вылиться в негодующей речи.

«Скучно мне с вами! Переливаете вы из пустого в порожнее! Или мы пойдем с народом и будем действительно бороться за интересы своего отечества, за мир в первую голову, или, если мы этого не сделаем, ни одна рука не поднимется на нашу защиту!» — подумал я и уже вслух добавил:

— Войска, которые вы, Александр Федорович, вызываете с фронта, немедленно перейдут на сторону большевиков, ибо именно они отстаивают то, что народ признает единственно правильным. Если мы действительно правительство демократии, мы должны быть с народом в такую минуту, иначе он отвернется от нас и клеймит нас именем предателей. Вот почему я не могу оставаться в составе правительства³⁴.

Взволнованный, я сел на место. Ни один голос не поддержал меня.

Правительство перешло к обсуждению вопроса о борьбе с восстанием большевиков. Для доклада был вызван Полковников. Он произвел неудачное впечатление. Долго думали, что делать. Наконец решили избрать диктатором в Петрограде Кишкина, который сказал бодрую речь о том, что если долгое время не упражнять мускул, то он слабеет: надо упражнять мускулатуру, понимай — решительные действия войск против восстания; лично он не задумается применить все си-

лы и средства правительства для обеспечения его от всяких покушений³⁵.

После заседания правительства Керенский подошел ко мне и просил несколько повременить с уходом из правительства, подождать, пока он подыщет мне заместителя.

— Иначе это может вызвать очень тяжелые последствия в армии, сохранить которую вы, как я понимаю, все-таки хотите.

Я согласился.

То, что конфликт носил непримиримый характер, было совершенно ясно Керенскому, но как выйти из него, он не видел пути. Он хорошо знал, что я нигде не высказывал в открытых собраниях тех мыслей о немедленном заключении мира, с которыми выступил на заседании Временного правительства. Лишь в предпарламенте я очень осторожно сказал, что армия не понимает, за что она воюет. Но уже это вызвало такой горячий отклик в армии, что ко мне приезжали делегации специально для того, чтобы сказать мне, насколько своевременно я поставил вопрос.

Когда же против меня выступил Аджемов и в резких тонах стал критиковать мою позицию в вопросе о настроениях в армии, то приезжавшие делегации просто спрашивали: «Когда нужно взять этого «гада» Аджемова за бока, чтобы он не мешал работе военного министра?»

Все это Керенскому было хорошо известно. Однако он не знал того, что для меня вопрос о разрыве с Временным правительством был не так прост. Я понимал, что, разрывая с правительством, я мог найти единомышленников в вопросе о мире только среди большевиков. Но идти с ними я не хотел. Я считал, что вслед за падением Временного правительства установится анархия, в которой погибнет Россия, и Германия, торжествуя, придет через рухнувший фронт, чтобы железом и кровью восстановить монархию. Поэтому я стремился использовать создавшееся положение для того, чтобы приобрести союзников в борьбе за немедленное заключение мира.

Свои усилия я направил в трех направлениях. Во-первых, в сторону союзников, убеждая их, что нужно всем вместе заключить мир; во-вторых, в сторону представителей буржуазной общественности, доказывая, что Россия все равно не может продолжать войну и сломается под непосильной тяжестью; и, наконец, в сторону представителей демократии, среди которых

я надеялся скорее всего найти сторонников своей точки зрения. Но все мои попытки были тщетны.

Военные атташе союзных держав, приглашенные мной для того, чтобы потолковать с ними о положении, создавшемся в армии, признали, правда, что русская армия небоеспособна и не сможет продолжать войну. Но они видели прекрасный выход из положения. Генерал Нокс, представитель английского командования, со всей откровенностью указал мне путь, который избрало французское командование весной 1917 года. Более ста французских полков арестовали своих офицеров и потребовали заключения мира. Французское правительство окружило эти полки пулеметами и расстреляло каждого десятого. Тогда остальные примирились с необходимостью продолжать войну. «С револьвером в руках такие вопросы решаются гораздо проще, чем путем разговоров».

Я обратил их внимание на то, что такой способ уже был испробован Корниловым, но результатом его было только ускорение процесса развала армии.

После разговора собеседники разошлись, еще меньше понимая друг друга, чем до разговора.

Нечкин, еще со времен мировой войны знавший Милюкова, устроил мне свидание с лидерами партии кадетов. Им я изложил то же, что говорил во Временном правительстве. Несмотря на то, что на заседании был Набоков, стоявший на точке зрения необходимости заключения сепаратного мира, а также на то, что эту точку зрения разделяли видные члены этой партии с бароном Нольде во главе, никто не поддержал меня.

Нечкин, слушавший разговор с лидерами кадетов, возвращаясь со мной в военное министерство, так подвел итог разговору:

— В ходе войны я верил, что Милюков готов действительно защищать интересы России. Теперь я вижу ясно, что дело вовсе не в России, а в том, где больше выгод может получить та буржуазия, которую он представляет. <...>

Все с тем же Нечкиным я отправился на заседание центрального комитета партии эсеров и рассказал им, что я думаю по поводу необходимости кончить войну. Но и здесь я встретил стену непонимания. Буржуазия запрещала заключать мир; эсеры считали, что они должны подчиняться.

Гоц просил меня ничего не предпринимать, пока нет договоренности с президиумом ЦИК. <...>

Все эти дни я жил в каком-то угаре. Жизнь давила на меня со всей силой, и мне казалось, что Россия рвется на две части и от каждой тянутся нити к моему сердцу.

Все мои друзья отошли от меня. Старые соратники по войне — офицеры Генерального штаба — перестали бывать у меня. Ближайший мой помощник товарищ министра Якубович, участник февральского переворота, подал в отставку. Другой помощник, князь Туманов, тоже собирался уходить. Найти новых помощников было невозможно. Начальник моей канцелярии поручик Мануйлов заявил мне, что он просит отпустить его, и задержался только потому, что некому было сдать дела.

«Забрались Епишки на колокольню, скоро нас всех народишко с раскату в реку будет кидать», — говорил я словами шедринской «Истории города Глупова». <...>

Последнее, что оставалось в моем распоряжении, был доклад по военным вопросам в комиссии предпарламента, где обсуждался вопрос о внешней политике России... <...>

Нельзя было рвать связи и оставаться совершенно одному. И я решил сделать в предпарламенте лишь информационный доклад, не скрывая ничего, но и не делая никаких практических выводов, чтобы предоставить это людям, которые, по моему мнению, больше разбирались в политике и могли повести государство через мели и камни переживаемого момента. В конце концов ведь только шесть месяцев отделяют меня от того момента, когда я был начальником штаба дивизии, офицером Генерального штаба, никогда не решавшим больших политических вопросов. В правительство я вошел лишь как советчик по военным делам.

С этими мыслями и настроениями я сехал в Маринский дворец сквозь туманную ночь петроградской осени. Из черного неба моросил дождь. Черно было и на душе.

Я вышел из автомобиля у подъезда Маринского дворца. Милюков, Мартов, Кускова и Богданов, Струве, Винавер и Дан, представители солдатской общественности, члены солдатской секции ЦИК Розенблюм и Сизиков и многие другие собрались вечером 20 октября (ст. ст.) в небольшом зале Маринского дворца, в котором заседал предпарламент.

До революции в этом дворце шли заседания Государственного совета; здесь собирались виднейшие деятели царской России и во главе с представителями царской семьи решали важнейшие дела империи.

Внешне дворец еще полностью был в прошлом. Вышколенные лакеи с недоумением смотрели на людей в косоворотках и пиджаках. По сути же дела люди, собравшиеся вечером 20 октября в зале комиссии по иностранным делам, так же как и старые сановники, пришли сюда не думать о судьбе своей родины, а защищать интересы своего класса.

Председательствовал член ЦИК и одновременно член правительства Скобелев. Члены комиссии сели за большой стол, развернутый широким полукругом по залу.

На совещание пришел Терещенко, чтобы послушать, что скажет военный министр, и, если нужно... принять меры. Секретари приготовились записывать.

Я начал свой информационный доклад о положении армии с того, что изложил четыре неразрешимых противоречия, в которых билось военное руководство. Прежде всего численность армии достигала почти 10 миллионов, и я настаивал на сокращении ее не менее чем вдвое.

Министр продовольствия со всей категоричностью заявил, что невозможно прокормить армию более 7 миллионов человек. Ставка же прислала специального офицера Генерального штаба с докладом правительству, что по стратегическим соображениям не может быть отпущен ни один солдат.

Из этого тупика был только один выход: замена руководителя Ставки другим лицом, которое пошло бы на сокращение армии. Но Ставку поддерживал Керенский. Это был первый тупик.

Далее. Расходы на войну росли. А так как армия не уменьшалась, то ни о каком сокращении расходов на нее не могло быть и речи. Между тем покрывать эти расходы было нечем. Это был второй тупик.

Тяжелые затруднения возникали и со снабжением. В армию доставлялась едва половина потребного ей продовольствия, и войска проедали свои неприкосновенные запасы. Наступила зима, а части были только наполовину обеспечены теплой одеждой. Потребность армии в сапогах к зиме определялась примерно в два миллиона пар; но армии было доставлено не более 900 000 пар.

Причина несоответствия между потребностями и их удовлетворением заключалась не только в том, что необходимых продуктов не было, но и в том, что железные дороги были не в состоянии выполнять наряды на перевозку. Разрыв между по-

требностями и возможностями их покрытия был третьим тупиком.

Но со всем этим так или иначе можно было справиться. Главное было в другом. Армия не понимала, зачем она должна вести войну. Солдат не хотел нести ни жертв, ни лишений во имя каких-то совершенно непонятных ему целей. Поэтому власть офицеров была подорвана. Никакие распоряжения не выполнялись. О восстановлении и дисциплине не могло быть и речи.

Раньше армейские комитеты могли оказывать какое-то влияние на массы. Но после корниловского выступления, ответственными за которое массы справедливо считали свои комитеты, последние теряли свое влияние; комитеты переизбирались и заполнялись представителями большевиков. Это был четвертый тупик.

Что было сделано для того, чтобы бороться с таким положением дел и за поднятие боеспособности армии?..

В тыл выводились лучшие части, с тем чтобы, влив в них новобранцев, создать новые армии, верные Временному правительству. Но пришедшие новобранцы были настроены так, что не только сами не поддавались военному воспитанию, но и быстро разлагали те части, в которые их вливали.

Были изданы правила, определявшие обязанности командного состава и комитетов, но никто их не выполнял. Введенные дисциплинарные суды отказывались судить и никакого влияния на подъем дисциплины не оказали. Армия неудержимо разваливалась.

Таково было положение.

По мере того как я говорил, лица собравшихся тускнели. Все, что говорил военный министр, было, конечно, всем известно. Но оставалась еще какая-то надежда, что все образуется. В сутолоке жизни армию забывали и думали о другом. А между тем в армии отчетливее всего отражался процесс разложения буржуазной государственности, ускоренный тем, что буржуазия саботировала все основные требования пародной массы о мире, земле и положении рабочего класса.

Заканчивая свое выступление, я увидел, что слушавшие смотрят на меня с недоумением. Я чувствовал в их взглядах тот же вопрос, который я сам постоянно задавал своим сотоварищам по министерству: «Ну так что же? Какие практические выводы вы делаете из того, что вы сказали?»

Я почувствовал, что не имею права ограничиваться только простой информацией. Поставленный на ответственный пост, я должен сделать из всего сказанного практические выводы и сказать что делать.

Я не знал, вправе ли делать выводы, на которые не только не был уполномочен правительством, но которые оно решительно отвергло. Но колебание длилось мгновение, и я продолжал:

— Я пришел к полному убеждению, что дальше мы воевать не можем. Боеспособность армии восстановить невозможно. Тяга армии к миру сейчас непреодолима. Имеются сведения, что многие части с наступлением зимы просто уйдут из окопов. Единственное, что нам остается, это немедленно заключить мир с Германией. Это даст нам возможность спасти государство от полной катастрофы. Что касается меня, то я не могу оставаться в правительстве и уже просил освободить меня от работы в министерстве. Замена мне подыскивается.

Я закончил свой доклад, но и здесь, как и на заседании Временного правительства, не нашлось никого, кто поддержал бы мою точку зрения. На меня накнулись со всех сторон правые, левые, кадеты, представители фронтовых солдатских соглашательских комитетов.

Прежде всего пытался возражать Терещенко. Он утверждал, что такой же недостаток продовольствия был и год назад, и все-таки войска, несмотря на это, как-то прокормились. <...>

Терещенко прямо с заседания предпарламента поехал на заседание правительства в Зимний дворец, и по его докладу было признано, что «военный министр на заседании комиссии по обороне в Совете Российской республики неожиданно, без ведома и предупреждения правительства, выступил с весьма категорическим заявлением о необходимости немедленно заключить мир, даже в случае несогласия на это союзников».

Временное правительство приняло такие решения: уволить военного министра в отпуск с освобождением от всех служебных обязанностей с предложением немедленно оставить столицу; обратиться ко всем газетам с просьбой не помещать никаких справок, заметок, сообщений и разъяснений по поводу выступления генерала Верховского...

Я не видел никакого выхода из противоречий, которые заставили меня сделать жалкий шаг — уйти из правительства, в то время как нужно было прогнать его силой штыков.

Владимир Николаевич Залежский
(1880—1957)

Выходец из дворянской семьи, В. Н. Залежский начал революционную деятельность в 1900 г. Вступив в РСДРП в 1902 г., он вел партийную работу в Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринославе, был арестован и выслан в Архангельскую, а затем в Астраханскую губернии. В 1910 г. занимался транспортированием поступавшей из-за границы партийной литературы. После очередного ареста в Екатеринославе был выслан в Нарымский край, откуда бежал в 1915 г. в Петроград.

В Петрограде Залежский стал ответственным организатором Выборгского подпольного райкома партии и членом ПК. В 1916 г. его вновь арестовали и предали военному суду. Освобожден восставшим народом 27 февраля 1917 г. и принял активное участие в партийной работе. Был введен в состав Русского бюро ЦК, возглавил агитационно-пропагандистскую комиссию ПК, руководил ее издательской деятельностью. Товарищ Владимир (так называли В. Н. Залежского) неустанно выступал на рабочих митингах и собраниях, в большевистской печати. В качестве делегата Петроградской партийной организации отстаивал на Апрельской конференции тезисы В. И. Ленина. Посланный для партийной работы в Гельсингфорс Залежский на VI съезде партии заявил о готовности балтийских моряков к участию в борьбе за победу социалистической революции.

В дни Октября — член коллегии, а позже заместитель наркома почт и телеграфа. Был одним из организаторов Красной Армии. С 1923 г. преподавал марксизм-ленинизм в вузах Москвы.

Включенные в настоящий сборник воспоминания представляют собой раздел книги В. Залежского «Из воспоминаний подпольщика», Харьков, 1931, с. 155—162.

¹ Революционные события в столице в феврале 1917 г. разворачивались следующим образом: 23 февраля началось массовое движение питерских рабочих; антиправительственные демонстрации захватили город. 25 февраля забастовка переросла во всеобщую стачку пролетариата, полиция начала терять контроль за событиями, на улицы были выведены войска. 26 февраля революционное движение подошло к переломному рубежу — войска открыли огонь по рабочим, но появились и признаки неустойчивого настроения солдат. Утром 27 февраля на сторону восставшего пролетариата стали переходить правительственные войска, начиная с солдат Волинского полка. В этот день революция в столице победила. — 41

² Захваченные врасплох революционными событиями деятели IV Государственной думы предпринимали лихорадочные усилия, что-

* Примечания написаны А. В. Гоголевским.

бы взять движение масс под свой контроль. Хотя дума была распущена указом Николая II вечером 26 февраля, на следующий день, когда победа революции стала очевидной, из состава думы выделился временный комитет, который и взял на себя задачу организации буржуазной власти.— 43

³ Военно-промышленные комитеты — политическая и экономическая организация буржуазии, через которую осуществлялось распределение военных заказов. Возникли в 1915 г. Тогда же А. И. Гучков от имени Центрального военно-промышленного комитета обратился к рабочей группе Петроградского страхового совета с предложением об участии рабочих в военно-промышленных комитетах. 26 августа 1915 г. начались легальные выборы представителей питерских рабочих в ВПК, которые большевики использовали с агитационной целью для разоблачения империалистического характера войны. Собрание избранных выборщиков, состоявшееся 27 сентября 1915 г., приняло большевистскую резолюцию о принципиальной недопустимости участия пролетариата в организациях, содействующих продолжению войны. Меньшевики созвали повторное собрание выборщиков. Большевики объявили его незаконным, зачитав резолюцию протеста. После ухода большевиков и эсеров-интернационалистов, выборщики-оборонцы избрали 10 членов в рабочую группу Центрального ВПК и 6 членов — в рабочую группу Петроградского ВПК. Среди избранных были К. А. Гвоздев и Г. Е. Брейдо (мемуарист ошибочно называет его Бройдо). Напуганное приближающейся революцией царское правительство в ночь на 27 января 1917 г. арестовало рабочую группу ЦВПК во главе с Гвоздевым.— 44

⁴ Манифест ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России» был написан днем 27 февраля В. Каюровым и М. Хахаревым и распространен в виде гектографированной листовки. Текст манифеста см.: Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. т. 1, 1898—1917. М., 1970, с. 427—428. В номере газеты «Правда» от 5 марта 1917 г. Манифест перепечатан с ошибочной датой написания 26 февраля.— 45

⁵ Казармы располагались на Большом Сампсониевском проспекте (ныне пр. Карла Маркса) и были взяты восставшими в полдень 28 февраля с помощью трех броневиков и двух орудий.— 47

⁶ В ночь на 26 февраля 1917 г. охранное отделение арестовало около 100 большевиков-подпольщиков, среди них — членов исполнительной комиссии ПК А. К. Скороходова, А. Н. Винокурова, Э. К. Эйзеншмидта. В этот же день Русское бюро ЦК предложило взять функции ПК Выборгскому райкому партии (Очерки истории Ленинградской организации КПСС, т. 1, Л., 1980, с. 316).— 47

⁷ Из протокола учредительного собрания по организации временного Петербургского комитета РСДРП(б) следует, что оно состоялось не 1, а 2 марта.

В протоколе записано, что после обмена мнениями собрание, признав себя полномочным «ввиду важности событий, постановило выбрать из числа присутствующих Временный Петербургский комитет». Основным ядром ПК было решено считать представителей от районов, к которым присоединялись три члена ПК прежнего состава (Первый легальный ПК большевиков в 1917 году. М., 1927, с. 1—8).— 47

⁸ Заседание ПК 3 марта проходило в кабинете заведующего Петроградской биржей труда Л. М. Михайлова (Политикуса) (Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., с. 9).— 47

⁹ Резолюция Бюро ЦК была опубликована в «Правде» 9 марта 1917 г.— 48

¹⁰ Лозунг «Вся власть Советам!» на практике означал в период мирного развития революции переход власти в руки революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.— 48

¹¹ Речь идет о заседании ПК 5 марта. Протокол его напечатала «Правда» 7 марта. В протоколе указано, что резолюция по отношению к Временному правительству была принята на заседании ПК 3 марта и подтверждена 5 марта после доклада В. М. Молотова. Характер прений в протоколе не отражен. На собрании же ПК 3 марта за условную поддержку Временного правительства выступали В. Н. Залежский, В. В. Шмидт, Л. М. Михайлов, Г. Ф. Федоров, Н. К. Антипов, П. И. Стучка и др. Позицию Бюро ЦК поддержали К. И. Шутко, М. И. Калинин, Н. Г. Толмачев и др. (Первый легальный ПК большевиков в 1917 году, с. 9—10).— 49

¹² Имеется в виду постановление ПК от 4 марта 1917 г. (см.: Первый легальный ПК большевиков в 1917 году, с. 11—17).— 50

¹³ Это решение было принято на заседании ПК 7 марта (Первый легальный ПК большевиков в 1917 году, с. 28). О борьбе рабочих за 8-часовой рабочий день см. воспоминания А. А. Бабицына.— 50

¹⁴ Постановление о создании военно-милиционной комиссии было принято 3 марта (Первый легальный ПК большевиков в 1917 году, с. 9—11).— 50

¹⁵ См.: Первый легальный ПК большевиков в 1917 году, с. 39—40.— 52

¹⁶ М. Е. Черномазов (Н. Лютиков) — провокатор царской охраны. Арестован 7 марта 1917 г.— 52

¹⁷ Злобная кампания бульварной и буржуазной прессы захлебнулась едва успев начаться, встретив решительный отпор революционного Петрограда. «Правда» 14 марта поместила фактическую справку о деле Черномазова, в которой, в частности, говорилось, что Черномазов еще в 1914 г. был взят большевиками на подозрение как провокатор. 15 марта протест бюро ЦК против травли «Правды» напечатали «Известия Петроградского Совета». В нем отмечалось: «Целый ряд буржуазных газет, как, например, «Русская воля», «День» и др., за последние дни повели усиленную кампанию лжи против рабочей социал-демократической газеты «Правда», связывая ее с «шмелцами» или «провокаторами». Уже не первый раз рабочей газете приходится сталкиваться лицом к лицу с политической клеветой. Обман и ложь — это одно из средств борьбы буржуазии с рабочим классом. Так было до революции, когда каждую стачку рабочих, каждый протест рабочих называли «провокацией». Так хотят продолжать бороться с нами и теперь продажные журналисты капиталистической прессы. Они сознательно хотят посеять недоверие к рабочей газете, заведомо ложно связывая редакцию «Правды» с провокатором Черномазовым, который уже три года тому назад был исключен из «Правды» (в феврале 1914 г.) и который не имеет отношения к теперешней «Правде».— 52

¹⁸ ПК предложил солдатам Ораниенбаумского полка (впоследствии 1-го пулеметного) на заседании 4 марта избрать одного делегата в состав Петербургского комитета большевиков с правом совещательного голоса и постановил направить двух человек на собрание пулеметчиков (Первый легальный ПК большевиков в 1917 году, с. 11—13).— 53

¹⁹ В протоколе расширенного заседания исполнительной комиссии ПК от 13 марта записано: «оставаться в доме Кшесинской, предоставленном Петербургскому комитету Броневым дивизионом и по-

ручить исполнительный комиссии устроить свободный пропуск всех товарищей». В особняке Кшесинской (Кронверкский пр., д 1/2) ПК занимал верхний этаж. В этом же особняке в марте — июне 1917 г. помещались ЦК РСДРП(б), Военная организация большевиков и солдатский клуб «Правды» (ныне Государственный музей Великой Октябрьской социалистической революции).— 54

²⁰ 1 марта 1917 г. состоялось общее собрание большевиков Выборгского района, выдвинувшее требование создания Временного революционного правительства из состава Петроградского Совета. К середине марта большевистские организации действовали на 26 предприятиях района. В райкоме насчитывалось 30 чел. во главе с рабочим И. Д. Чугуриным. Среди членов райкома были: И. Ф. Кодацкий, С. С. Лобов, П. А. Алексеев, Н. П. Комаров, И. Ф. Свешников и др.— 57

²¹ Военная комиссия при ПК 22 марта постановила провести 31 марта учредительное собрание Военной организации. На этом собрании присутствовали 97 человек, представлявшие 53 воинские части петроградского гарнизона. Была намечена структура военной организации, избран ее президиум. В военной организации активно работали: Н. И. Подвойский, С. Н. Сулимов, В. И. Невский, К. А. Мехоношин, П. В. Дашкевич, Г. В. Елин и др. 10 апреля ЦК партии принял решение о создании Всероссийского военного партийного центра.

Надежда Константиновна Крупская (1869—1939)

В 1890 г., посещая Высшие (Бестужевские) женские курсы, Н. К. Крупская вступает в студенческий марксистский кружок, а в следующем году, работая учительницей вечерней воскресной школы за Невской заставой Петербурга, ведет пропаганду марксизма среди рабочих. В 1896 г. ее высылают в Восточную Сибирь, в село Шушенское, и она становится женой В. И. Ленина. В годы эмиграции Ильича Крупская активно сотрудничала в большевистской печати, поддерживала связи заграничного партийного центра с местными большевистскими организациями в России. По возвращении 3 апреля 1917 г. вместе с В. И. Лениным в Петроград она участвовала в организации Социалистического союза молодежи, в создании большевистского журнала «Работница». Крупская много и плодотворно работала в Выборгском районе, где входила в состав райкома РСДРП(б) и в районную думу. Руководимый ею в думе отдел народного образования развернул на Выборгской стороне большую и многообразную культурно-просветительную деятельность.

После Октябрьской революции Н. К. Крупская работала в Народном комиссариате просвещения. Ей принадлежит ряд трудов по педагогике и народному образованию.

Глава из воспоминаний Н. К. Крупской печатается по изданию: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. Т. 1. М., 1984, с. 433—435, 436—437, 439—446.

¹ В день 12-й годовщины начала первой русской революции 9(22) января.— 59

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 306—328.— 59

³ Там же, с. 327.— 59

⁴ Там же, с. 328.— 60

⁵ М. Г. Бронский (1882—1941) — польский социал-демократ, затем большевик. С июля 1917 г. работал пропагандистом ЦК РСДРП(б). После Октябрьской революции — на хозяйственной и дипломатической работе. — 60

⁶ А. М. Коллонтай (1872—1952) — член Коммунистической партии с 1915 г. На VI съезде избиралась членом ЦК РСДРП(б). С установлением Советской власти — парком государственного призрения, работает в аппарате ЦК партии и Исполкома Коминтерна. Видный советский дипломат. — 60

⁷ Карл Каутский (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии, вначале марксист, затем ренегат, идеолог централизма. — 60

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 400. — 60

⁹ Там же, с. 403. — 60

¹⁰ Там же, с. 402. — 61

¹¹ См. там же, с. 399—403. — 61

¹² Я. С. Ганецкий (Фюрстенберг) (1879—1939) — член Коммунистической партии с 1896 г. После Февральской революции работал в заграничном представительстве ЦК РСДРП(б) в Стокгольме. С победой Советской власти занимал ответственные посты в паркоматах финансов и иностранных дел, был полпредом в Латвии, членом Президиума ВСНХ РСФСР, директором Музея революции. — 61

¹³ В. И. Ленин прочел реферат «Пойдет ли русская революция по пути Парижской коммуны?» 5(18) марта 1917 г. — 61

¹⁴ Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум) (1873—1923) — один из лидеров меньшевизма. После Февральской революции возглавил группу меньшевиков-интернационалистов. В 1920 г. эмигрировал в Германию. — 61

¹⁵ Роберт Гримм (1881—1956) — один из лидеров Социал-демократической партии Швейцарии, центрист. — 62

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 419. — 62

¹⁷ 4(17) марта 1917 г. Бюро ЦК РСДРП(б) приняло решение возобновить выпуск газеты «Правда» (закрытой царским правительством 8(21) июня 1914 г.). Первый номер газеты вышел 5(18) марта. В его подготовке участвовали М. И. Ульянова, А. И. Ульянова-Елизарова, М. И. Калинин, Б. А. Бреслав, К. С. Еремеев. — 62

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 9—59. — 62

¹⁹ «Письма из далека», первое — четвертое, написаны В. И. Лениным с 7(20) по 12(25) марта; пятое, недописанное письмо, пачато накануне отъезда из Швейцарии в Россию 26 марта (8 апреля) 1917 г.

9 марта первое и второе «Письма из далека» были посланы А. М. Коллонтай для дальнейшей отправки в Петроград. А. М. Коллонтай привезла письма в Петроград и передала их в редакцию «Правды» 19 марта (1 апреля). Первое письмо появилось в «Правде» 21 и 22 марта (3 и 4 апреля) с сокращениями и исправлениями, сделанными редакцией, в которую входил Л. Б. Каменев. Полностью первое письмо вышло из печати в 1949 г. Второе — четвертое письма в 1917 г. не публиковались и увидели свет в 1924 г. в журналах «Коммунистический интернационал» и «Большевик» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 9—59, 503—504). — 62

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 428—429. — 62

²¹ См.: Ленинский сборник XIII. М.—Л., 1930, с. 270. — 62

²² См.: Основа переговоров о возвращении швейцарских политических эмигрантов в Россию. — Ленинский сборник II. М.—Л., 1924, с. 382—383. — 63

²³ К. Б. Радек (1885—1939) с начала 900-х годов участвовал в социал-демократическом движении в Галиции, Польше, Германии. В партии состоял с 1917 г. Как активный член троцкистской оппозиции в 1927 г. был исключен из партии; восстановлен в 1930 г., вновь исключен в 1936 г.— 63

²⁴ А. Г. Шляпников (1885—1937) в партии состоял с 1901 г. После Февральской революции член ПК, исполкома Петроградского Совета, председатель Петроградского союза металлистов. В 1920—1922 г.— лидер антипартийной рабочей оппозиции. В 1933 г. исключен из партии.— 65

²⁵ Л. Н. Сталь (1872—1939) — член Коммунистической партии с 1897 г. Революционную работу вела в Москве, Петербурге, Одессе, Николаеве и других городах. 1907—1916 гг. жила в эмиграции (Франция, Англия, Швеция). Активная участница Октябрьской социалистической революции (Кронштадт). С 1921 г.— на ответственной партийной и советской работе.— 65

²⁶ В мае 1911 г. по инициативе В. И. Ленина в местечке Лонжюмо близ Парижа была открыта партийная школа. В ней учились питерские рабочие И. С. Белостоцкий, А. И. Иванова, М. Е. Клоков, И. Д. Чугурии и др.— 65

²⁷ В почетном карауле стояли не кронштадтские матросы, которые опоздали к приходу поезда, а моряки гвардейского экипажа.— 65

²⁸ М. Т. и А. И. Елизаровы проживали на улице Широкой, д. 48 (ныне ул. Ленина, 52). Здесь В. И. Ленин жил с 4 апреля по 5 июля 1917 г.— 66

²⁹ 4 апреля 1917 г. в 12 часов В. И. Ленин приехал в Таврический дворец на собрание большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов, которое проходило в комнате № 13. Ленин выступил с докладом о задачах революционного пролетариата, огласив и разъяснив свои Апрельские тезисы (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 103—112).

Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов, созванное исполкомом Петроградского Совета, проходило в Петрограде с 29 марта по 3 апреля 1917 г. На совещании присутствовали представители Петроградского и 82 местных Советов, обсуждившие вопросы о войне, об отношении к Временному правительству, Учредительном собрании. На совещании преобладали меньшевики и эсеры, стоявшие на позициях революционного оборончества и поддержки Временного правительства.— 66

³⁰ Собрание большевиков, на котором делал доклад В. И. Ленин, первоначально созывалось для того, чтобы обсудить целесообразность объединения с другими течениями в социал-демократии. Прения по докладу В. И. Ленина не открывались, а участники собрания перешли в Циркулярный зал дворца на совместное совещание большевиков с меньшевиками для обсуждения вопроса об объединении. На этом совещании В. И. Ленин вторично выступил с Апрельскими тезисами.

В развернувшихся прениях против Апрельских тезисов говорили меньшевистские лидеры И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе, а также другие меньшевики и внефракционные социал-демократы Ф. И. Дан, Ю. М. Стеклов, Ю. Ларин, И. П. Гольденберг, межрайонец И. Юренев. В защиту ленинской позиции была направлена страстная речь А. М. Коллонтай. Отчет о совместном собрании большевиков и меньшевиков поместила «Рабочая газета» 6 апреля 1917 г. В. Н. Залужский вспоминал, что «основные положения тезисов настолько ошело-

мили даже руководящую верхушку петербургской организации, что в своем выступлении Ленин не нашел сторонников даже в наших рядах. На этом собрании его поддержала лишь одна т. Коллонтай» (см.: *Залежский В. Н.* Из воспоминаний подпольщика. Харьков, 1931, с. 178).— 66

³¹ Имеется в виду статья Г. В. Плеханова «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас весьма интересен», опубликованная в газете «Единство» 9(22) и 12(25) апреля 1917 г.— 66

³² Л. Б. Каменев пытался противопоставить Апрельским тезисам свою полуменьшевицкую позицию, заявляя, что они неприемлемы, ибо исходят из завершенности буржуазно-демократической революции, в то время как эта революция, по его мнению, еще продолжалась.

В. Н. Залежский писал: «На историческом заседании 4 апреля лидеры петербургских большевиков против тезисов Ленина не выступили, но они их и не поддержали. Свое мнение о тезисах ПК выявил на специальном собрании 8 апреля, в порядке дня которого стояло обсуждение тезисов Ленина. <...>

В развернувшихся оживленно прениях приняли участие не только члены ПК, но и присутствующий актив района. <...>

ПК отклонил тезисы Ленина, но вместе с тем постановил открыть по ним дискуссию по районам. В течение недели сторонники и противники ленинских тезисов вели по районам дискуссию. Большинство районов высказались за тезисы Ленина. 14 апреля была созвана общегородская конференция, подавляющее большинство депутатов которой оказалось сторонниками ленинской позиции.

Конференция, одобрив тезисы Ленина, почти полностью переизбрала Петербургский комитет. Туда вошли только сторонники ленинской точки зрения.

Вскоре в Питере были получены сведения, что тезисы Ленина были одобрены также и московской общегородской конференцией большевиков.

Дискуссия по тезисам Ленина в первые же две недели после их опубликования развернулась по всем крупным организациям партии большевиков, и в подавляющем большинстве городов наши партийные организации приняли их» (*Залежский В. Н.* Из воспоминаний подпольщика. Харьков, 1931, с. 178—180).— 67

³³ С целью изыскания средств для ведения войны Временное правительство 27 марта обратилось к гражданам России с призывом подписываться на государственный заем, демагогически названный «Займом свободы». В исполкоме Петроградского Совета вопрос о займе рассматривался 7 апреля. Большевики голосовали против, однако меньшевикам и эсерам удалось провести резолюцию в поддержку займа перевесом в семь голосов. Партия развернула агитацию против займа среди рабочих. 15 апреля большевистскую резолюцию о займе принял Выборгский районный Совет.— 67

³⁴ 10 апреля 1917 г. В. И. Ленин выступил с речью на организованном ПК митинге солдат Измайловского полка и 2-й гвардейской артиллерийской бригады (ул. 1-я рота, ныне 1-я Красноармейская ул., д. 13). На митинге присутствовали также солдаты Петроградского резервного полка и матросы из Гельсингфорса. Речь В. И. Ленина была посвящена вопросам государственного устройства, выяснению принципиальной разницы между буржуазным парламентаризмом и республикой Советов (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 187—189; В. И. Ленин. Биохроника, т. 4, с. 75—76).— 67

³⁵ «Солдатская правда» — ежедневная большевистская газета,

начала выходить в Петрограде с 15 апреля 1917 г. как орган Военной организации при ПК, с 19 мая стала органом Военной организации при ЦК. Тираж составлял 50—75 тыс. экземпляров, половина его отправлялась на фронт в действующую армию. Редакция: А. Ф. Ильин-Женевский, В. И. Невский, Н. И. Подвойский и др. В газете было напечатано более 60 статей В. И. Ленина. После июльских событий закрыта Временным правительством. С июля по октябрь 1917 г. выпускалась под названиями «Рабочий и солдат», «Солдат». С 27 октября стала выходить под старым названием. Издание было прекращено в марте 1918 г. согласно постановлению ЦК РСДРП(б) о замене газет «Деревенская беднота», «Деревенская правда», «Солдатская правда» газетой «Беднота». — 67

³⁶ В. И. Ленин выступил перед демонстрантами с балкона дворца Кшесинской. — 67

³⁷ На заседании исполнительный комиссии ПК РСДРП(б) 7 апреля было принято решение «создать комиссию по празднованию 1 Мая и разработать план». На следующий день Петроградский Совет постановил праздновать 1 Мая по новому стилю, соответственно по календарю, тогда принятому в России, 18 апреля, совместно с зарубежным пролетариатом.

Празднование началось 18 апреля в 9 часов. На Марсовом поле был сборный пункт рабочих Выборгского района и Петроградской стороны. Здесь размещались трибуны-грузовики исполкома Петроградского Совета, политических партий. На трибуне большевиков находились члены ЦК, ПК и Военной организации. Около 14 часов перед демонстрантами с этой трибуны выступил В. И. Ленин. Пролетарские шествия состоялись во всех районах города (Большевики Петрограда в 1917 году, с. 106, 113). — 67

³⁸ Имеются в виду резолюции ЦК РСДРП(б) от 20 и 21 апреля, написанные В. И. Лениным (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 291—292, 309—311). — 68

³⁹ VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) открылась в 10 часов 24 апреля в помещении Женского медицинского института (Архьерейская ул., д. 6). В. И. Ленин был избран почетным председателем конференции и членом ее президиума. — 68

Михаил Григорьевич Рошаль (1897 — ?)

Сильное идейное и политическое влияние оказал на Рошалья старший брат Семен — в 1917 г. один из руководителей кронштадтских большевиков. Михаил из-за материальных трудностей вынужден был оставить гимназию, не кончив курса, и поступить на работу в банковскую контору. В 1916 г. был призван в армию, службу проходил в 177-м пехотном полку, расквартированном в Новгороде. Здесь он, по свидетельству участника революционных событий Н. Котрбы, был одним из организаторов большевистской организации (см. *Новгородская правда*, 1979, 28 июня).

В апреле 1917 г. М. Г. Рошаль выехал на партийную работу в Финляндию, был секретарем Гельсингфорсского комитета РСДРП(б). В июле 1917 г. с переходом власти в руки реакционной военщины он подвергся аресту и провел в тюрьме полтора месяца. После освобождения был избран членом Новгородского губернского комитета партия. Принимал участие в подавлении антисоветского мятежа Керенского — Краснова.

В годы гражданской войны был в Воронеже, избирался членом губисполкома, работал ответственным уполномоченным губкома партии в ряде уездов.

Книга воспоминаний М. Г. Рошаля «На путях революции» вышла из печати в Москве в 1957 г. В настоящем сборнике приводятся с. 81—91 этого издания.

¹ Имеется в виду нота Милюкова, которая была опубликована в петроградских газетах 20 апреля.— 71

² 14 марта 1917 г. Петроградский Совет принял манифест «К народам всего мира». В этом документе формально выставлялся тезис об отказе от аннексий и контрибуций.— 71

³ Тактический лозунг «Долой Временное правительство!» был несвоевременным, авантюристичным, поскольку не учитывал факт поддержки правительства руководством Петроградского Совета и доверие масс мелкобуржуазным лидерам Совета.— 73

⁴ Судя по характеру описываемых событий, мемуарист повествует об одном дне — 21 апреля, поскольку 20 апреля пролетарские демонстрации начались после окончания работы, а 22 апреля состоялась одна грандиозная демонстрация — в районе Невского проспекта, примерно в 9 часов вечера.— 74

⁵ Квалифицированный петроградский рабочий зарабатывал в апреле 1917 г. в среднем 250—350 руб. в месяц.— 74

Серафима Ильинична Гопнер (1880—1966)

В пору студенческой юности, в возрасте 23-х лет, С. И. Гопнер приняла в ряды партии большевиков. Она активно участвовала в трех русских революциях, ведя агитационную и пропагандистскую работу в Одессе, Николаеве, Екатеринославе. За антиправительственную деятельность неоднократно арестовывалась и ссылалась. С 1910 по 1916 г. она жила в эмиграции, входила в Парижскую секцию большевиков, работала под непосредственным руководством В. И. Ленина. Победа Февральской революции 1917 г. позволила С. И. Гопнер возвратиться на Родину. Она много сил отдавала сплочению большевистской организации в Екатеринославе. В 1918—1919 гг. находилась на ответственной партийной и советской работе в Москве и на Украине. Последние годы жизни С. И. Гопнер занималась научно-исследовательской деятельностью в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Воспоминания С. И. Гопнер публикуются по книге: «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957), с. 45—55.

¹ Судя по характеру описываемых событий, С. И. Гопнер была в Петроград 21 апреля.— 77

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 341.— 80

³ Уже 14 марта Каменев поместил в «Правде» статью, в которой ратовал за условную поддержку Временного правительства. Полуменьшевистские статьи Каменева печатались и в последующих номерах газеты. Выражая протест против оппортунистической линии Каменева, большевики — члены исполкома Петроградского Совета заявили о несогласии с его вхождением в исполком, а 17 марта Г. И. Бокий на заседании Бюро ЦК предложил отстранить Каменева от работы в «Правде». Рельефно оппортунизм Каменева проявил-

ся в статьях, направленных против Апрельских тезисов («Правда» 8 и 12 апреля), а также в выступлениях на Петроградской общегородской партийной конференции (Вопросы истории КПСС, 1962, № 3, с. 146, 148—150).— 80

⁴ Речь идет о листовке, выпущенной членом ПК С. Я. Багдатыевым 20 апреля, в которой говорилось: «Революционный народ, бери свою судьбу в собственные руки! Долой Временное правительство! Никакого ему доверия. Никакой ему власти. Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов! Прямое ему доверие. Полная власть» (Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 1. Л., 1967, с. 223).— 81

⁵ Резолюция VII (Апрельской) партийной конференции об отношении к Временному правительству была написана В. И. Лениным (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 407—408). Мемуарист излагает пункт 4) констатирующей части резолюции.— 81

⁶ В. И. Ленин выступил на конференции с докладами: о текущем моменте, по аграрному вопросу, о пересмотре партийной программы; произнес речи по вопросу о проекте созыва международной социалистической конференции, об отношении к Советам рабочих и солдатских депутатов, в защиту резолюции о войне, по национальному вопросу, в защиту резолюции о текущем моменте и др. (В. И. Ленин, Биохроника, т. 4. М., 1973, с. 121—138).— 82

⁷ Демонстрации питерского пролетариата и солдат столичного гарнизона завершились 21 апреля.— 82

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 377.— 84

⁹ Имеется в виду совещание исполнительного комитета Петроградского Совета с Временным правительством, открывшееся в 22 часа 20 апреля и закончившееся поздно ночью. В результате обмена мнениями была достигнута договоренность о представлении правительством текста разъяснения ноты Милюкова исполнительному комитету 21 апреля.— 85

Алексей Александрович Бабицын (1891 — ?)

А. А. Бабицын рано начал трудовую жизнь, поступив на Борисовский стекольный завод в Вышневолоцком уезде Тверской губернии. В шестнадцатилетнем возрасте участвовал в стачке подростков, выступивших с требованием повышения заработной платы. С началом первой мировой войны Бабицын переезжает в Петроград. На заводе «Новый Парвайннен» в 1915 г. его приняли в ряды РСДРП. Он представлял заводскую большевистскую организацию в Выборгском райкоме РСДРП. Незадолго до Февральской революции был арестован полицией и выслан в Торжок. Возвратившись в Петроград, Бабицын активно включился в жизнь партийной организации «Нового Парвайннена». В июне 1917 г. его избрали председателем заводского комитета. В составе Красной гвардии Выборгской стороны участвовал в Октябрьском вооруженном восстании.

В годы Советской власти А. А. Бабицын находился на руководящей профсоюзной, партийной и советской работе, был делегатом XV партийной конференции и XVI съезда партии.

Напечатанные в книге воспоминания А. А. Бабицына были опубликованы в сборнике воспоминаний старых большевиков-питерцев «В огне революционных боев (Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.)». М., 1971, с. 42—47.

¹ Имеется в виду тюрьма в Петрограде.— 87

² И. К. Наумов (1895—1938), член Коммунистической партии с 1913 г. В 1917 г.— депутат Петроградского Совета, член Выборгского райкома РСДРП(б) и Центрального совета фабзавкомов Петрограда.— 87

³ Е. Н. Егорова (1892—1938) — член Коммунистической партии с 1911 г. В 1917 г.— секретарь Выборгского райкома РСДРП(б).— 87

⁴ Речь идет о забастовке петроградских рабочих, возникшей в ходе Февральской буржуазно-демократической революции.— 87

⁵ 5 марта 1917 г. Петроградский Совет признал «возможным ныне же приступить к возобновлению работ в Петроградском районе, с тем, чтобы по первому сигналу вновь прекратить начатые работы...» (Известия Петроградского Совета, 1917, 6 марта). Принятие этой резолюции объяснялось доверием масс к эсеро-меньшевистскому исполкому и приверженностью значительной части рабочих и солдат настроениям «революционного оборончества» (см.: *Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973, с. 57—59*).— 87

⁶ Резолюция собрания рабочих Выборгской стороны была напечатана в газете «Правда» 8 марта 1917 г. Об условиях возобновления работ, которые предъявлял авангард пролетариата, свидетельствуют также требования путиловцев, оглашенные на заседании рабочей секции Петроградского Совета 7 марта. Требования включали следующие пункты: 1) арест и суд над царской семьей, 2) конфискация земель, 3) 8-часовой рабочий день, 4) удаление неугодной администрации, 5) управление заводом на выборных началах, 6) улучшение экономического положения рабочих.

Большинство заводов после опубликования резолюции Петроградского Совета от 5 марта приступили к работе, однако передовые рабочие выразили протест против этой резолюции. Так, общее собрание завода «Динамо» постановило: «Не подчиняемся Совету рабочих и солдатских депутатов потому, во-первых, что не была оглашена резолюция против приступления к работе, во-вторых, учитываем, что революционная волна не захватила всей России... А раз Совет рабочих и солдатских депутатов постановил ликвидировать стачку с оборонческой точки зрения, вместо того, чтобы сделать немедленный призыв к народу Германии о прекращении войны, а потому и понятно, почему мы с ним не пойдем рука об руку» (Рабочее движение в 1917 г. М.—Л., 1926, с. 31—32; *Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 году, с. 60*).— 88

⁷ На I съезде партии социалистов-революционеров, проходившем с 29 декабря 1905 г. по 4 января 1906 г. в Иматре (Финляндия), левое крыло партии выдвинуло требование немедленно добиваться осуществления программы-максимум, минуя программу-минимум, выставив сразу лозунг перехода непосредственно к социализму в его мелкобуржуазном немарксистском понимании. Это течение партии эсеров получило название максималистов. На съезде в Або в октябре 1906 г. левое крыло эсеров оформилось в самостоятельный «Союз социалистов-революционеров максималистов».— 89

⁸ В первые дни Февральской революции большевистская партия призвала рабочий класс к установлению 8-часового рабочего дня. 7 марта решение по этому вопросу принял ПК РСДРП(б). Одними из первых явочным порядком 8-часовой рабочий день ввели рабочие петроградских предприятий — Путиловского завода, Трубочного завода, фабрики «Скороход» и др. 10 марта Петроградское общество

заводчиков и фабрикантов вынуждено было под давлением масс признать 8-часовой рабочий день, который к середине марта ввели рабочие более чем 300 предприятий столицы. Примеру питерских рабочих последовал пролетариат промышленных центров страны. В марте явочным порядком 8-часовой рабочий день был установлен на многих предприятиях Москвы, в апреле — на фабриках и заводах Омска, Ростова-на-Дону, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева, Серпухова, Коломны и других городов.— 89

⁹ Фабрично-заводские комитеты — классовые пролетарские организации, рожденные революционным творчеством масс после свержения царизма. Избирались на общих собраниях рабочих. Первый рабочий комитет возник на Путиловском заводе 28 февраля. Фабзавкомы формировались всеми рабочими предприятия, независимо от принадлежности рабочих к профессиональным союзам. Буржуазное Временное правительство, вынужденное считаться с революционной инициативой масс, утвердило 23 апреля 1917 г. «Положение о рабочих комитетах на промышленных предприятиях». Согласно «Положению», фабзавкомы могли осуществлять представительство рабочих перед администрацией, государственными и общественными организациями, решать вопросы быта и досуга рабочих, т. е. выполнять роль посредника между рабочими и администрацией. По мере развития революционного процесса фабзавкомы все решительнее боролись за установление рабочего контроля над производством и распределением, участвовали в управлении предприятиями.

Наряду с созданием фабзавкомов возобновилась деятельность профессиональных союзов, запрещенных царским правительством. Профсоюзы строились по профессиональному принципу. Профсоюзных ячеек на предприятиях не было. Низшей ступенью в структуре профсоюзных органов считалось районное, городское объединение металлистов, химиков, печатников и т. д. На одном и том же предприятии группы рабочих входили в различные союзы в зависимости от профессии. К октябрю 1917 г. в Петрограде было организовано в профсоюзы 560 тыс. рабочих (см.: *Гапоненко Л. С.* Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970, с. 285).— 89

¹⁰ Создание примирительных камер предусматривалось соглашением между Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов и Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков от 10 марта 1917 г. В нем отмечалось, что камеры образуются с целью «разрешения недоразумений, возникающих из взаимоотношений владельцев предприятий, администрации и рабочих» и формируются из равного числа представителей от рабочих и администрации. Идея создания примирительных камер была выдвинута еще в 1916 г. Центральным военно-промышленным комитетом, но не получила тогда развития. Не были они распространены сколько-нибудь широко и после свержения самодержавия, поскольку революционный пролетариат разобрался в их классовой сущности, сдерживавшей революционную инициативу пролетарских организаций. По данным Петроградского общества фабрикантов и заводчиков, в начале октября 1917 г. примирительные камеры имелись только на 90 частных предприятиях (Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с. 243; *Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973, с. 74).— 89

¹¹ Резолюция собрания рабочих завода «Новый Парвизайнен» была опубликована в газете «Правда» 26 марта 1917 г. На содержащихся в ней формулировках сказалось влияние настроений «революционного оборончества».— 91

¹² Имеется в виду редакционная статья газеты «Правда», помещенная в газете 8 марта 1917 г.— 91

¹³ Речь идет о заметке без подписи, напечатанной в «Известиях Петроградского Совета» 27 апреля 1917 г. под заглавием «Сокращение работ». В заключительном абзаце заметки указывалось: «Было бы желательно и разумно, если бы для всестороннего обследования деятельности или, вернее, малодетельности завода была назначена лицом или учреждением, имеющим на то законное право, комиссия сведущих людей, которая и выяснила бы истинное положение дел».— 92

¹⁴ Чтобы воспрепятствовать переводу «Нового Парвизайнена» на юг, рабочие, как сообщалось на совещании фабрикантов и заводчиков Выборгской стороны 30 мая 1917 г., запретили вывозить материалы и оборудование без ведома завкома (Рабочий контроль и национализация промышленных предприятий Петрограда в 1917—1919 гг. Т. 1. Рабочий контроль в промышленных предприятиях Петрограда. 1917—1918 гг. Л., 1947, с. 82).

Вначале контрольными органами на предприятиях были фабрично-заводские комитеты, а компетенция рабочего контроля после победы Февральской революции касалась главным образом трудовых взаимоотношений рабочих с предпринимателями. Рабочий контроль устанавливался в форме вмешательства рабочих в вопросы регулирования зарплаты, в порядок найма и увольнения. По мере развития революции рабочие вводили контроль за снабжением сырьем и топливом, за финансово-экономической и управленческой деятельностью администрации. Одними из первых контроль над предприятием установили в марте рабочие Ижорского завода. В мае взяли в свои руки управление производством рабочие московского металлического завода «Гужон», Сормовских заводов, Судженских каменноугольных копей и др.— 93

Антон Ефимович Васильев (1885—1970)

Родился в крестьянской семье. Подростком пришел на Путиловский завод. В 19 лет вступил в большевистскую партию. С 1904 по 1917 г. 13 раз арестовывался царским правительством за участие в политической борьбе против самодержавия. После победы Февральской буржуазно-демократической революции А. Е. Васильев вошел в состав Нарвского райкома партии, а также возглавил первый фабрично-заводской комитет Путиловского завода. В годы Советской власти стал первым красным директором Путиловского завода.

Воспоминания А. Е. Васильева опубликованы в сборнике «Нарвская застава в 1917 году в воспоминаниях и документах» (Л., 1960) и печатаются по этому изданию, с. 99—105.

¹ Выборы в завком Путиловского завода проходили 10—14 апреля 1917 г. по 11 избирательным округам тайным голосованием путем опускания записок в избирательные урны. В выборах приняло участие 90% рабочих. В ходе избирательной кампании большевики вели активную борьбу с мелкобуржуазными партиями (Мительман М. 1917 год на Путиловском заводе. Л., 1939, с. 62—64).— 94

² По данным М. Мительмана, выборы в Путиловский завком проходили без участия представителей заводоуправления (там же).— 95

³ На вечернем заседании завкома 15 апреля был дан отвод Комолову и Кузьмину, и в состав путиловского завкома вошло, таким образом, 20 человек. На заседании завкома 16 апреля был избран президиум завкома в составе 6 человек, в том числе председателем — А. Е. Васильев, секретарем — Шмонин. Все члены завкома освободились от «прежних работ и занятий по заводу» (Путиловец в трех революциях. Сборник материалов по истории Путиловского завода. М., 1933, с. 322, 324; 326—327; Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979, с. 427, 429).— 95

⁴ М. А. Войцеховский (1882—1948) — большевик, депутат Нарвско-Петергофского районного Совета, член завкома Путиловского завода.— 96

⁵ В протоколе заседания Путиловского завкома от 16 апреля 1917 г. записано: «1. Слушали доклад Валека об организации цеховых комитетов...» (Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году, с. 429). Текст обращения фабрично-заводского комитета к рабочим Путиловского завода по поводу организации цеховых комитетов см.: Путиловец в трех революциях, с. 333. Выборы цеховых комитетов состоялись 24 и 25 апреля. Всего их было избрано 46.— 96

⁶ Список оборудования, которое предполагалось вывезти с Путиловского завода, был составлен правлением предприятия в начале сентября 1917 г. В ответ на намечавшуюся эвакуацию завком организовал митинги протеста. Отчеты о них регулярно печатались в большевистской газете «Рабочий путь». В результате активной, наступательной позиции пролетарских организаций подготовка к эвакуации была отменена. В одной из резолюций, принятых на собрании путиловских рабочих, например, говорилось: «Затевается колоссальная, бесполезная для народа трата денег обнищавшего народа и трата дорогого времени. Единственная цель предложенной меры — разгрузить Питер, этот центр революции, от революционного пролетариата. Совершиться этой эвакуации мы не дадим, не допустим. Настаиваем же на эвакуации тех жителей Питера, кои не занимаются производительным трудом» (Рабочий путь, 1917, 12 сентября).— 96

⁷ В протоколе заседания Путиловского завкома 17 апреля 1917 г. записано: «Принципиально решено, что приемка и увольнение рабочих и служащих всецело переходят к функциям комитета. Детали в смысле проведения этого постановления в жизнь разработкой на непродолжительное время отложить» (Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979, с. 431).— 96

⁸ Из протокола заседания фабрично-заводского комитета Путиловского завода от 29 апреля 1917 г.: «С л у ш а л и: 2. Предложение секретаря о необходимости созвать конференцию заводских комитетов всего Петрограда. П о с т а н о в и л и: 2. Предложение принято единогласно. Решено сделать призыв ко всем комитетам Петрограда от имени заводского комитета Путиловского завода о необходимости созвать организационное бюро по созыву съезда» (Путиловец в трех революциях, с. 337). 4 мая на заседании завкома было заслушано сообщение о переговорах с бюро завкомов артиллерийского ведомства об образовании организационного бюро по созыву конференции. Оргбюро в течение мая разработало порядок дня конференции, наметило доклады и опубликовало воззвания ко всем фабзавкомам Петрограда.— 97

⁹ Петроградская конференция фабрично-заводских комитетов проходила 30 мая — 3 июня 1917 г. На ней присутствовало 568 делегатов, представлявших фабзавкомы 367 предприятий. На конференции рассматривались вопросы: о состоянии промышленности, о конт-

роле и регулировании производства, о задачах фабрично-заводских комитетов.

Особенно напряженная борьба между большевиками и меньшевиками развернулась по одному из основных пунктов повестки дня: о роли и задачах фабзавкомов и рабочем контроле. Если меньшевики высказывались за контроль со стороны буржуазного государства, то большевики отстаивали ленинскую идею классового контроля пролетарских масс (см.: В. И. Ленин и питерские рабочие. Л., 1982, с. 220).— 97

¹⁰ Существенное значение для развития самосознания рабочих имел так называемый «Конфликт 7 марта». Суть конфликта состояла в том, что 19 апреля 1917 г. была повышена заработная плата рабочим. Перерасчет же согласно новым ставкам, начиная с 7 марта — первого дня прекращения забастовки столичного пролетариата, правление Путиловского завода отказалось сделать. Текст резолюции, принятой 22 мая 1917 г. представителями 73 предприятий на собрании в Путиловском театре (см.: Мительман М. 1917 год на Путиловском заводе, с. 105).— 98

¹¹ В сентябре 1917 г. правление Путиловского завода решило вывезти на баржах станки, находившиеся на складах предприятия. Заводской комитет запретил погрузку и потребовал представления документов, подтверждающих, что станки эти были действительно закуплены в Англии в 1911 году и предназначались для вновь строящихся заводов. Только после проверки соответствующей документации завком разрешил отправить станки из Петрограда (Мительман М. 1917 год на Путиловском заводе, с. 146—147).— 98

¹² Предложение сменить правление Путиловского завода было выдвинуто завкомом этого предприятия в ходе «Конфликта 7 марта». Сведения о предполагавшемся новом составе правления, видимо, почерпнуты мемуаристом из указанной выше работы Мительмана.— 98

Николай Павлович Капранов

(1889 — ?)

На Обуховский завод поступил в 1903 г. чернорабочим. Здесь приобрел специальность квалифицированного металлиста. Был одним из организаторов политических выступлений обуховцев в дни Февральской революции, вошел в состав заводского комитета. Н. П. Капранов проявил себя умелым агитатором и пропагандистом. Он последовательно отстаивал классовые интересы рабочих, прилагал много усилий для разъяснения им социально-политической платформы большевистской партии. В период подготовки социалистической революции Н. П. Капранов вступил в РСДРП(б), а после победы революции сражался в Красной Армии против белогвардейцев и интервентов. В дальнейшем — профессиональный военный, инженер.

Воспоминания Н. П. Капранова опубликованы в сборнике: В огне революционных боев: (Районы Петрограда в двух революциях.) Сборник воспоминаний старых большевиков-питерцев. М., 1971 и печатаются по этому изданию, с. 127—131.

¹ Имеются в виду выборы в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, проходившие на общезаводском собрании 28 февраля 1917 г. Было избрано 12 депутатов: 8 эсеров, 2 меньшевика и 2 беспартийных. По сравнению с другими заводами Петрограда, на

Обуховском заводе была сильнее представлена «рабочая аристократия» — слой высококвалифицированных и хорошо оплачиваемых рабочих. Мелкие буржуа пытались укрыться здесь от мобилизации. Это стало одной из причин идейно-политического влияния эсеров, организация которых на Обуховском насчитывала в марте 1917 г. 500 человек. Возглавлял ее Г. Еремеев, входивший в состав Центрального и Петербургского комитетов партии эсеров (см.: Бастионы революции. Сб. мат. из истории ленинградских заводов в 1917 г., с. 142—143).— 99

² Р. Ф. Сиверс (1892—1918) — большевик с 1917 г., один из организаторов газеты «Окопная правда», делегат Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б), комиссар артиллерии Красной гвардии Петрограда. Командовал армией на Южном фронте. Смертельно ранен в бою с белогвардейцами.— 99

³ А. И. Слуцкий (1884—1918) в партии большевиков с 1903 г. В 1917 г. член Петербургского комитета РСДРП(б), партийный организатор на Обуховском заводе, делегат VI съезда партии. Расстрелян белогвардейцами в Крыму.— 100

⁴ Г. Г. Чижов (1885—1962) в партии большевиков с 1915 г. В период подготовки Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде входил в Обуховский подрайонный комитет РСДРП(б), был организатором Красной гвардии в Невском районе. Впоследствии — на руководящей советской и профсоюзной работе.— 100

⁵ Борьба большевиков за развитие классового самосознания обуховцев разворачивалась в исключительно сложных социальных и политических условиях. На демонстрации 18 июня большинство обуховцев вышло еще под лозунгами поддержки буржуазного Временного правительства, а 22 июня 6-тысячный заводской митинг одобрил наступление на фронте, предпринятое по инициативе Керенского. Тогда же Обуховский завод выставил добровольческий батальон численностью в 1000 чел. для отправки на фронт. Большевистская организация, объединявшая наиболее передовых, сознательных рабочих, насчитывала в августе 80 чел. Меньшевиков на предприятии числилось в 15 раз больше, а эсеров — в 25 раз. Перелом в политических настроениях обуховцев начался в первых числах августа. Во время выборов в Невскую районную думу от рабочих Обуховского завода в числе других делегатов прошло 2 большевика. 13 августа общезаводское рабочее собрание вынесло резолюцию с протестом против контрреволюционного Московского государственного совещания, в связи с чем большевистская газета «Пролетарий» писала: «Пролетарский инстинкт вывел обуховцев из оборонческого болота. Он же приведет их в единую рабочую семью». Рабочие Обуховского завода решительно поддерживали большевиков в дни борьбы с корниловщиной. Об укреплении классового сознания обуховцев свидетельствовали перевыборы Невского районного Совета в сентябре, принесшие безоговорочную победу большевикам. На Обуховском заводе оборонцы потерпели полное поражение: ни один социалист-революционер и меньшевик в Совет не прошел. Из числа 13 делегатов было избрано 11 большевиков и 2 синдикалиста (см.: Розанов М. Обуховцы в борьбе за Великий Октябрь.— В кн.: Бастионы революции. Сб. мат. из истории ленинградских заводов в 1917 г. Л., 1957, с. 142—169).— 100

⁶ В. И. Ленин выступил на конференции с речью 31 мая 1917 г. Он отметил, что Временное правительство ничего не станет делать для проведения в жизнь контроля над производством. «Чтобы контроль

над промышленностью действительно осуществлялся, он должен быть *рабочим контролем*, чтобы во все ответственные учреждения входило большинство рабочих и чтобы администрация отдавала отчет в своих действиях перед всеми наиболее авторитетными рабочими организациями» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 240). В. И. Ленин написал принятую конференцией резолюцию об экономических мерах борьбы с разрухой (Полн. собр. соч., т. 32, с. 195—197). Итогам работы конференции были посвящены статьи В. И. Ленина «Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе» и «Разруха и пролетарская борьба с ней» (Полн. собр. соч., т. 32, с. 247—249, 292—294).— 101

⁷ Точная дата выступления В. И. Ленина на Обуховском заводе не установлена. Известно, что оно состоялось в первой половине мая в башенной мастерской. На митинге также присутствовали рабочие Семяниновского и Александровского заводов. Отчет о речи В. И. Ленина опубликован не был (В. И. Ленин. Биохроника, т. 4, с. 176).— 101

⁸ Ф. Л. Захаров (Захар Невский) (1892—1962) — член Коммунистической партии с 1909 г. В 1917 г. — секретарь партийной организации Невского района, член Невской районной думы.— 102

⁹ Временное правительство вернулось к выдвинутому еще до Февральской революции царской администрацией плану эвакуации из столицы крупнейших предприятий. 7 апреля 1917 г. на возможность «разгрузки» указало особое совещание по обороне. Мотивом эвакуации выдвигались трудности снабжения предприятий сырьем и топливом, а населения — продовольствием. 24 мая было опубликовано постановление ЦК РСДРП(б), разоблачавшее контрреволюционное содержание т. н. «разгрузки». 7 августа начала работу созданная Временным правительством «Комиссия по рассмотрению вопросов добровольной эвакуации заводов и их частичном или полном закрытии». Постановлением об эвакуации фабрично-заводской промышленности Петрограда намечалось вывезти 47 предприятий — все государственные и крупнейшие частновладельческие. Часть рабочих предполагалось отправить из столицы, а остальных уволить. Рабочие организации под руководством партии большевиков развернули борьбу против контрреволюционных планов «разгрузки» Петрограда. 10 сентября III общегородская конференция фабрично-заводских комитетов приняла решение о необходимости воспрепятствовать эвакуации петроградской промышленности, указав, что такого рода эвакуация не что иное, как «способ разбить передовой отряд революции». В сентябре Временное правительство предприняло попытку вывезти оборудование с государственных заводов. Было отправлено 22 баржи. Однако в целом осуществление планов «разгрузки» Петрограда было сорвано благодаря твердой позиции рабочего класса (Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Док. и мат. М., 1959, с. 186—187; Степанов З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. М.—Л., 1965, с. 94—102).— 102

Василий Петрович Виноградов (1895—1985)

Тринадцатилетним подростком Василий Виноградов покинул родное село на Тверщине и приехал в Петербург, гонимый неиссякаемой нуждой крестьянской семьи. Начав на заводе «Феникс» уче-

ником модельщика, Виноградов быстро познал долю рабочего человека. В 1915 г., уже работая на Металлическом заводе, он вступил в РСДРП. За участие в революционной деятельности Виноградова арестовали, приговорили к ссылке, замененной службой в действующей армии в Финляндии. В дни Февральской революции большевики Виноградова солдаты 2-го запасного полка избирают в полковой комитет. Вернувшись в марте 1917 г. в Петроград, он активно включается в партийную работу, становится секретарем большевистской организации Металлического завода, участвует в создании Красной гвардии Выборгской стороны. В октябре 1917 г. как агитатор ЦК Виноградов был направлен в Калужскую губернию. Дальнейший жизненный путь В. П. Виноградова был тесно связан с Металлическим заводом, с городом Ленина. Участник гражданской и Великой Отечественной войн, он в мирное время находился на руководящей партийной, советской и хозяйственной работе.

Воспоминания В. П. Виноградова «Красная гвардия Петроградского Металлического завода» были напечатаны в 1927 году в «Красной летописи», № 2(23). Публикуются по этому журналу.

¹ Первое заседание исполкома Петроградского Совета, состоявшееся в ночь с 27 на 28 февраля, постановило приступить к созданию рабочей милиции. Выборы в милицию проходили на общих собраниях рабочих 28 февраля и 1 марта (см.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Л., 1967, с. 125).— 103

² Петр Николаевич Дурново, генерал, член Государственного совета, был владельцем дачи, находившейся на Полюстровской набережной, дом № 13/17, рядом с Металлическим заводом.— 104

³ Вечером 28 февраля Городская дума распорядилась о создании городской милиции во главе с гласным думы архитектором Д. А. Крыжановским. Буржуазная милиция формировалась из числа студентов, юнкеров, военных. 7 марта исполком Петроградского Совета решил объединить рабочую милицию с общегородской (см.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний исполнительного комитета и бюро ИК. М.— Л., 1925, с. 24). Однако такого рода объединение на практике носило во многом формальный характер. Окраинные, пролетарские кварталы находились под контролем рабочей милиции.— 106

⁴ Городская дума приняла «Временное положение» об устройстве и составе милиции 1 мая 1917 г. Согласно положению, общее руководство милицией принадлежало городскому голове, а непосредственного ее начальника избирала дума сроком на 3 года. Предусматривалось также учреждение совета милиции (см.: Старцев В. И. Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.— Л., 1965, с. 66—68).— 106

⁵ Распоряжение о выселении анархистов было отдано Временным правительством 7 июня в ответ на захват типографии реакционной буржуазной газеты «Русская воля» группой анархистов 5 июня. Эта мера властей вызвала протест рабочих, поскольку требование очистить дачу предъявлялось всем без исключения лицам, занявшим ее, а там, помимо анархистов, размещались и пролетарские организации. 8 июня в знак несогласия с действиями Временного правительства забастовало несколько заводов Выборгской стороны. В тот же день события вокруг дачи Дурново рассматривались в исполнительном комитете Петроградского Совета и на I Всероссийском съезде Советов. Временное правительство вынуждено было разъяснить, что

часть дома, занятая рабочими, остается в их распоряжении. Правительство не решалось принимать меры и для выселения анархистов, которые располагались на даче вплоть до 19 июня, когда вокруг нее возник новый, еще более опасный инцидент.— 108

⁶ В период двоевластия рабочие развернули борьбу против попыток буржуазии свернуть деятельность пролетарской милиции, ограничить заработок рабочих-милиционеров 150 рублями в месяц, разорвать их связь с предприятиями, превратив в наемных служащих. В мае под руководством большевиков были объединены комиссарнаты рабочей милиции. Важным шагом для укрепления позиций пролетариата стала общегородская конференция рабочей милиции, состоявшаяся 27 мая. Она одобрила доклад представителя ЦК РСДРП(б) и избрала комиссию для выработки проекта реорганизации милиции. В Красной же гвардии, по данным В. И. Старцева, к концу июня насчитывалось 5—6 тыс. чел. (см.: *Старцев В. И.* Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции, с. 122).— 109

Алексей Евгеньевич Хохряков (С. Боннар)

Председатель полкового комитета, а затем комиссар Гренадерского и Волынского запасных полков, А. Е. Хохряков принимал деятельное участие в жизни Петроградского гарнизона, был товарищем (заместителем) председателя Совета крестьянских депутатов петроградского гарнизона.

В данном томе печатается часть воспоминаний А. Е. Хохрякова, посвященная характеристике положения в Гренадерском полку в период мирного развития революции. Воспоминания А. Е. Хохрякова публикуются по сборнику «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции». Л., 1956, с. 74—83.

¹ По данным Г. Л. Соболева, численность гарнизона Петрограда накануне Февральской революции составляла примерно 180 тыс. чел. Вместе с войсками ближайших пригородов столицы она достигала не менее 300 тыс. чел. (см.: *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985, с. 9).— 110

² В состав гвардейской пехоты петроградского гарнизона входили 16 запасных батальонов, подготавливавших пополнения в гвардейские полки действующей армии и сохранявших названия своих полков. В их числе был и запасной батальон Гренадерского гвардейского полка, о котором говорится в мемуарах.— 110

³ 4-я рота каждого запасного батальона комплектовалась, как правило, бывшими фронтовиками, т. е. объективно была настроена наиболее революционно.— 111

⁴ Имеется в виду формула «постольку-поскольку», выдвинутая эсеро-меньшевистским большинством исполкома Петроградского Совета и означавшая, что Совет будет поддерживать буржуазное Временное правительство постольку, поскольку оно станет решать задачи, выдвинутые Февральской буржуазно-демократической революцией.— 112

⁵ Совет крестьянских депутатов петроградского гарнизона (впоследствии Петроградский Совет крестьянских депутатов) был создан 14 апреля 1917 г. В состав Совета входили представители всех частей петроградского гарнизона, а также ряда предприятий города. Депутаты Совета выступали за передачу всей помещичьей земли крестья-

нам без выкупа. В октябре 1917 г. представители Совета работали в составе Военно-революционного комитета. В феврале 1918 г. в связи с демобилизацией армии Совет прекратил свою деятельность (см.: VI съезд РСДРП (большевиков), август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 427, примечания).— 112

⁶ 13 мая 1917 г. министр земледелия Временного правительства эсер В. М. Чернов, уступая нажиму революционного крестьянства, объявил о намерении приступить к разработке закона о запрещении земельных сделок. Этого закона повсеместно требовали крестьяне, против выступали крупные землевладельцы. Чернов внес проект закона на рассмотрение смешанного правительственно-общественного органа — Главного земельного комитета, а затем предпринял неудачную попытку приостановить процесс купли-продажи земли с помощью министерства юстиции, отдавшего распоряжение нотариусам временно, с 17 мая, прекратить регистрацию земельных сделок. Но через пять дней, 22 мая, это распоряжение под давлением землевладельцев было отменено. Закон о запрещении земельных сделок, принятый наконец 12 июля 1917 г., по сути лишь ограничивал их утверждением в более высоких инстанциях — в губернском земельном комитете и министерстве земледелия. В закон не вошел п. 1 эсеровского проекта, предусматривавший, что земельные сделки, совершенные после 1 марта 1917 г., не могут воспрепятствовать Учредительному собранию распоряжаться всей землей (см.: *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977, с. 108—109).— 113

⁷ Л. Г. Дейч (1855—1941), участник народнического, затем социал-демократического движения. Член народнических организаций «Земля и воля», «Черный передел». В 1883 г. участвовал в основании первой социал-демократической организации России — группы «Освобождение труда», работал по изданию и перевозке в Россию марксистской литературы. На II съезде РСДРП в 1903 г. был делегатом от группы «Освобождение труда». После съезда — меньшевик. Во время первой мировой войны стоял на социал-шовинистических позициях. В 1917 г. совместно с Г. В. Плехановым редактировал газету «Единство» правой меньшевистской группы. С установлением Советской власти отошел от политической деятельности, занимался изданием литературного наследия Г. В. Плеханова. Написал ряд статей по истории освободительного движения в России.— 114

⁸ Буржуазная и черносотенная пресса в апреле 1917 г. организовала травлю В. И. Ленина и его соратников, обвиняя их в государственной измене, используя для этого в спекулятивных целях тот факт, что В. И. Ленин возвратился из эмиграции, проследовав через территорию Германии, находившейся в состоянии войны с Россией. Между тем условия отъезда В. И. Ленина из Швейцарии были запротоколированы, и протокол сообщен представителям германских, французских, польских, швейцарских социал-демократов, выступавших против войны. От имени последних одна из шведских социал-демократических газет 15 апреля опубликовала заявление следующего содержания: «Нам, нижеподписавшимся, известны препятствия, которые правительства Согласия ставят отъезду русских интернационалистов. Нам известны условия, на которых немецкое правительство разрешило проезд в Швецию. ...Мы... полагаем, что наши русские единомышленники не только вправе, но обязаны воспользоваться представившимся случаем проезда в Россию».

Поскольку во французской печати появилось сообщение о том, что русское правительство якобы арестует тех из эмигрантов, кто проследует через Германию, то каждый из отъезжавших дал такую подписку: «Я, нижеподписавшийся, удостоверяю своей подписью:

1. что условия, установленные Платтенем с германским посольством, мне объявлены;

2. что я подчиняюсь распоряжениям руководителя поездки Платтена;

3. что мне сообщено известно... согласно которому русское Временное правительство угрожает привлечь по обвинению в государственной измене тех русских подданных, кои проедут через Германию;

4. что всю политическую ответственность за мою поездку я принимаю на себя;

5. что Платтенем мне гарантирована поездка только до Стокгольма» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 524—525).

По приезде в Петроград В. И. Ленин (вместе с Г. Е. Зиновьевым) по поручению эмигрантов, прибывших из Швейцарии, сообщил 4 апреля 1917 г. на заседании исполкома Петроградского Совета об обстоятельствах проезда через Германию. Исполком постановил: «немедленно обратиться к Временному правительству и принять меры к немедленному пропуску всех эмигрантов в Россию, независимо от их политических взглядов и отношения к войне» (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 505).— 114

⁹ Видимо, имеется в виду многолюдное собрание в 1-м пулеметном полку, на котором обсуждался вопрос об отправке на фронт маршевых рот и где солдаты приняли внесенную М. Лацисом резолюцию об отсрочке на неопределенный срок такого рода отправки (см.: *Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника событий.* Л., 1957, с. 136).— 115

¹⁰ Требование о неразоружении и невыводе из Петрограда частей столичного гарнизона входило в условия передачи власти Временному правительству, разработанные в исполнительном комитете Петроградского Совета 1 марта 1917 г.— 115

¹¹ 20 июня 1917 г. Гренадерский полк, располагавшийся в Галиции близ деревни Даниловцы, получил письменный приказ командира 2-й гвардейской дивизии генерал-майора Рыльского выдвинуться к расположению противника для участия в наступлении. Полк по инициативе полкового комитета приказ не выполнил и остался в деревне Даниловцы до вечера 22 июня, когда самовольно ушел в деревню Хородище. 24 июня комиссар 11-й армии под угрозой оружия распорядился выдать зачинщиков антивоенного выступления. Были арестованы и преданы Общему суду войск гвардии председатель полкового комитета поручик Дзевалтовский, а также 76 солдат и унтер-офицеров, приговоренные к тюремному заключению (Революционное движение в русской армии 27 февраля — 24 октября 1917 года. Сб. док. М., 1968, с. 248, 262).— 116

¹² И. Л. Дзевалтовский-Гинтовт — большевик, в 1917 г. — председатель полкового комитета гвардии Гренадерского полка, командир роты, поручик. Родился в 1888 г. в Виленской губернии, окончил Виленское реальное училище, учился во Львовском политехническом институте, Петроградском психоневрологическом институте. После 4-месячного ускоренного курса Павловского военного училища в августе 1915 г. прибыл в действующую армию. Был дважды контужен, награжден тремя боевыми орденами.— 116

Активный участник революционного движения на Урале. В 1912 г. вступил в партию большевиков. Мобилизованный в годы первой мировой войны в армию, Кучкин вел подпольную революционную работу среди солдат, был арестован и сослан в Вятку. Совет рабочих и солдатских депутатов и большевистская организация в Вятке делегировали его в мае 1917 г. на I Всероссийский съезд крестьянских депутатов.

После Октябрьской революции А. П. Кучкин — на ответственной советской и партийной работе, в том числе в 1934—1940 гг. в Институте Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) и в Институте истории Академии наук СССР. Доктор исторических наук, автор ряда работ по истории КПСС, истории Октябрьской революции и гражданской войны.

Воспоминания А. П. Кучкина впервые были опубликованы в журнале «Пролетарская революция», 1927 № 8—9 (67—68). В настоящем сборнике они публикуются по кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 2. М., 1984, с. 401—403.

Анархизм оформился в 40—60-х гг. XIX в. в Западной Европе как отражение мелкобуржуазного протеста против наступления капитализма. В России анархизм начал распространяться с 60-х годов минувшего столетия. Одним из основных и наиболее ранних течений в русском анархизме был анархо-коммунизм, идеологом которого выступал П. А. Кропоткин. Анархисты-коммунисты ратовали за установление общественного строя без государственной власти, с общей собственностью на средства производства, с распределением продуктов по потребностям граждан, вкладывая в эти лозунги утопическое, ненаучное содержание. Пропагандистская деятельность анархистов-коммунистов в России особенно развернулась с 1903 г. и после Февральской революции. Наиболее видными представителями этого течения были А. Ю. Ге, Я. И. Новомирский, А. М. Атабегян, И. С. Блейхман, К. Ковалевич и др. Другим направлением анархизма являлся анархо-синдикализм. Его суть состояла в утопическом, иллюзорном, мелкобуржуазном понимании возможностей построения бесклассового общества посредством «ассоциации производителей», т. е. профсоюзных объединений (синдикатов). К известным анархо-синдикалистам относились В. М. Эйхенбаум, Е. Ярчук, Г. П. Максимов, А. М. Аникст, Г. Б. Сандомирский.

Из-за организационной разобщенности русские анархисты так и не создали отдельной партии. В 1917—1918 гг. анархистские организации насчитывались в 59 городах и поселках страны, причем в Петрограде в июле 1917 г. начал действовать «Союз анархо-синдикалистской пропаганды».

Для анархистов, обосновавшихся в столице, характерными были попытки толкнуть массы на ультрареволюционные выступления, вплоть до авантюристических призывов начать немедленно вооруженную борьбу против Временного правительства. Участвуя в апрельской демонстрации в период первого кризиса власти, анархисты выставили лозунг «Долой Временное правительство!»; в июне же их подстрекательские выступления пополнились самочинным захватом типографии газеты «Русская воля», освобождением заключенных из городской тюрьмы «Кресты» (см.: Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма: (Борьба партии большевиков против анархиз-

ма. 1917—1922 гг.) М., 1974, с. 34—72; Астрахан Х. М. Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973, с. 54).— 119

² Трудовики — группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах России (1906—1917), состоявшая из крестьян и интеллигентов. Фракция трудовиков была образована в апреле 1906 г., крестьянскими депутатами I Государственной думы. В думе трудовики колебались между кадетами и революционными социал-демократами. В годы первой мировой войны большинство трудовиков стояло на позициях социал-шовинизма. После победы Февральской буржуазно-демократической революции трудовики поддерживали Временное правительство, а трудовик А. С. Зарудный в июле 1917 г. занял пост министра юстиции.— 119

³ В письме В. И. Ленина вскрывались принципиальные расхождения большевиков с мелкобуржуазными партиями по коренным вопросам революции: о земле, войне, власти. В. И. Ленин указал, что большевики выступают за немедленный переход земли к крестьянам до созыва Учредительного собрания, за скорейшее прекращение войны посредством рабочей революции во всех странах, за переход власти в руки Советов и республику Советов сверху донизу (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 32, с. 43—47).— 119

⁴ I Всероссийский съезд крестьянских депутатов проходил в Петрограде с 4 по 28 мая 1917 г. В числе его делегатов было 537 эсеров, 103 меньшевика, 6 трудовиков, 4 народных социалиста, 20 большевиков, 136 беспартийных. Партийная принадлежность 329 делегатов осталась не установленной.— 120

⁵ Н. Д. Авксентьев (1878—1943) — один из лидеров эсеров. В 1914—1917 гг. — социал-шовинист. После Февральской революции 1917 г. был председателем исполнительного комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министром внутренних дел во втором коалиционном Временном правительстве, а в октябре — председателем Временного совета Российской республики (предпарламента). В 1918 г. стоял во главе «Уфимской директории» — мелкобуржуазного контрреволюционного правительства в Поволжье. Белоэмигрант.— 120

⁶ В марте — июне 1917 г. для давления на Временное правительство с целью обеспечить дальнейшее участие России в войне Петроград посетили лидеры западноевропейских социалистических партий: французский министр Альбер Тома, бельгийский министр Эмиль Вандервельде, секретарь лейбористской партии Англии, министр Артур Гендерсон. В России побывали также делегации: французская — депутаты парламента Марсель Кашен, Эрнст Лафон, Мариус Муте; английская — лейбористы Вильям Торн, Джеймс О'Греди, Стивен Сандерс; итальянская — депутаты парламента Раймондо, Лерда, Лабриола, Каппа, а также один из лидеров американской социалистической партии Чарльз Руссель и вице-председатель американской федерации труда Джеймс Дункан, сопровождавшие сенатора Рута (*Старцев В. И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте — апреле 1917 г.* М., 1978, с. 144—156).— 120

⁷ Пытаясь сбить революционную волну в деревне и создать видимость подготовки к аграрным преобразованиям, Временное правительство 21 апреля 1917 г. приняло постановление об учреждении земельных комитетов. В волостные, уездные, губернские комитеты и Главный земельный комитет были допущены представители политических партий и Советов, но большинство членов назначалось правительством. Главный и губернские комитеты тормозили решение во-

проса о ликвидации помещичьего землевладения, тогда как некоторые уездные и многие волостные земельные комитеты, созданные снизу, вопреки Временному правительству, принимали меры для перехода помещичьей земли к крестьянам (см.: *Кострикин В. И.* Земельные комитеты в 1917 г. М., 1975. с. 103—104).— 121

⁸ Большевики — делегаты Всероссийского съезда крестьянских депутатов объединились в отдельную фракцию, которую поддерживала группа беспартийных делегатов. Под воздействием этой фракции, как отмечал эсер Н. Я. Быховский, съезд «неоднократно переживал чрезвычайно острые моменты большевистских настроений». Большевики внесли на рассмотрение съезда резолюции об отношении к Временному правительству, о войне, по аграрному и продовольственному вопросам (см.: *Осипова Т. В.* Классовая борьба в деревне в период подготовки и проведения Октябрьской революции. М., 1974, с. 107).— 121

⁹ 22 мая 1917 г. В. И. Ленин участвовал в работе утреннего заседания I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, проходившего в оперном зале Народного дома (Александровский парк, д. 3 — ныне Парк Ленина, д. 4). Он выступил с речью по аграрному вопросу и внес от имени большевистской фракции съезда написанный им проект резолюции. В. И. Ленин разъяснил основные положения большевистской политики в деревне — немедленная передача помещичьей земли в руки крестьянских комитетов, национализация всех земель, создание на базе крупных помещичьих имений образцовых хозяйств. Ленин также подверг критике аграрную программу эсеров (В. И. Ленин. Биохроника, т. 4, с. 190; Полн. собр. соч., т. 32, с. 168—189).— 121

¹⁰ Рассмотрение аграрного вопроса на пленарных заседаниях съезда длилось 10 дней — с 16 по 25 мая. Было заслушано 6 докладов. В процессе их обсуждения завязалась борьба между делегатами с мест, требовавшими решения проблемы помещичьего землевладения, и руководством партии эсеров, настаивавшим на том, чтобы судьбой крупного землевладения занялось Учредительное собрание. Проект большевистской резолюции был распространен среди делегатов в виде листовки. Выступая за немедленную ликвидацию частной собственности на землю, переход всех земель в распоряжение местных демократических учреждений, упразднение помещичьего землевладения без какого-либо выкупа, большевики подчеркивали, что осуществить эти мероприятия сможет только государственная власть, находящаяся в руках Советов (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 165—167). Эсеровскому руководству удалось провести свой проект постановления.— 122

Г. Трусова

Воспоминания питерской работницы Г. Трусовой были напечатаны в журнале «Работница», 1917, № 7. Они представляют несомненный интерес своей непосредственностью, дают возможность увидеть то, что волновало в 1917 г. труженников из толщи пролетарских масс. Сведений об авторе не сохранилось.

¹ Аграрная программа эсеров отвергала выкуп помещичьих земель, выставя лозунг безвозмездного перехода их в руки крестьян путем «социализации земли» исходя из принципа «уравнительного землепользования» (подробнее см.: *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977).— 125

Уроженка Рязани, где она окончила гимназию, Е. А. Гилярова, приехав в 1913 г. в Петербург, поступила на филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов. В 1915 г. устанавливает связи с большевиками — рабочими завода «Новый Лессер», изучает марксизм. В 1916 г. медсестрой отправляется в действующую армию, на русско-турецкий фронт; там, в селении Джевизлик, ее избирают в Совет рабочих и солдатских депутатов. По возвращении в мае 1917 г. в Петроград Гилярова вступает в ряды РСДРП(б), работает в библиотеке Василеостровского райкома партии, занимается пропагандой и распространением партийной литературы и газет. Осенью, в период подготовки вооруженного восстания, Е. А. Гилярова — один из организаторов и руководителей курсов медицинских сестер из работниц Васильевского острова.

В годы социалистического строительства Е. А. Гилярова работала в органах Наркомпроса, затем, окончив в 1933 г. Институт красной профессуры, преподавала.

Воспоминания Е. А. Гиляровой печатаются по сборнику «Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания активных участников революционных событий в Петрограде в 1917 году» (Л., 1967, с. 122—131).

¹ В. К. Слуцкая (1880—1917) в партии с 1902 г. После Февральской революции — руководитель женотдела при ПК РСДРП(б), делегат VI съезда партии, работала в Василеостровском райкоме РСДРП(б). Погибла во время подавления мятежа Керенского — Краснова. — 128

² I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов проходил с 3 по 24 июня 1917 г. На съезд прибыло 1090 делегатов, из них 777 заявили о партийной принадлежности, в том числе к большевикам — 105, эсерам — 285, меньшевикам — 248. Сознательный пролетариат был на съезде в меньшинстве, что сказалось на принятых съездом решениях по экономическим, социальным и политическим вопросам. — 128

³ Это утверждение сомнительно. — 129

⁴ «Прибой» — легальное большевистское книгоиздательство, созданное в Петербурге в начале 1913 г. Через год прекратило свою деятельность и возобновило ее в марте 1917 г. В 1918 г. волилось в издательство «Коммунист». — 129

⁵ П. А. Джапаридзе (1880—1918) — член партии с 1898 г. После Февральской революции — один из руководителей Бакинской организации РСДРП(б). Расстрелян эсерами и английскими интервентами в числе 26 бакинских комиссаров. — 130

⁶ В. И. Ленин выступил после окончания речи Церетели (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 263—276). — 131

⁷ 9 июня В. И. Ленин выступил на съезде с речью о войне (см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 277—291). — 132

⁸ По свидетельству А. В. Луначарского, В. И. Ленин говорил страстно, с большим революционным пламенем. Наиболее шумную реакцию в зале вызвало его предложение опубликовать прибыли капиталистов (см.: В. И. Ленин. Биохроника, т. 4, с. 215). — 132

⁹ После того как большевистская фракция I Всероссийского съезда Советов высказалась за отмену демонстрации, В. И. Ленин предложил перенести окончательное решение вопроса в Центральный

Комитет партии. Голосование состоялось, когда удалось собрать 5 членов Центрального Комитета из 9. Протокол совещания не сохранился. В рукописи В. П. Ногина, хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, утверждается, что за отмену демонстрации высказались Зиновьев, Камнев, Ногин, а воздержались Ленин и Свердлов. По мнению А. М. Совокина, В. И. Ленин и Я. М. Свердлов, будучи в принципе за демонстрацию, воздержались при голосовании, чтобы подчеркнуть вынужденный характер ее отмены. Решение ЦК состоялось в 2 часа ночи 10 июня (см.: *Совокин А. М.* К истории июньской демонстрации 1917 г.— Вопросы истории КПСС, 1966, № 5, с. 49—50).— 134

¹⁰ Имеется в виду совещание ЦК и ПК РСДРП(б). Военной организации большевиков и представителей районов.— 134

¹¹ Речь идет об обращении «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда», опубликованном в «Правде» 10 июня.— 134

¹² В стенографическом отчете съезда нет сведений о принятии резолюции, внесенной С. Шаумяном (I Всероссийский съезд Советов Р и СД, т. 2, М.— Л., 1931).— 134

Мартын Иванович Лацис (Судрабс) (1888—1938)

Видный партийный и государственный деятель. Прошел в условиях царской России путь профессионального революционера-ленинца, в 1905 г. вступил в ряды социал-демократии Латышского края. За активную революционную деятельность неоднократно арестовывался. В октябре 1916 г. Лацис бежал из иркутской ссылки и приехал в Петроград. После свержения в феврале 1917 г. царского самодержавия вошел в состав Выборгского райкома партии, был избран членом Петроградского комитета РСДРП(б). Участник I Петроградской общегородской и VII (Апрельской) Всероссийской партийных конференций, делегат VI съезда РСДРП(б). Был одним из организаторов Красной гвардии Петрограда и членом Военно-революционного комитета, осуществлявших ленинский план победоносного восстания против Временного правительства. В годы Советской власти находился на руководящей военной, партийной и хозяйственной работе.

Воспоминания М. И. Лациса впервые были опубликованы в журнале «Пролетарская революция», 1923 г., № 5 (17), с. 102—114. В настоящем сборнике они приводятся по этому изданию, с. 102—111.

¹ К. И. Шутко — член Коммунистической партии с 1902 г. После Февральской революции входил в состав Петербургского комитета РСДРП(б) и Русского бюро ЦК партии. Был агитатором Военно-революционного комитета.— 137

² Имеется в виду совместное совещание ЦК и ПК РСДРП(б) с представителями районов и воинских частей, состоявшееся 8 июня 1917 г. На нем присутствовало около 150 чел. В работе совещания принял участие В. И. Ленин. Большинство участников совещания высказалось за организацию мирной демонстрации, которая должна была состояться 10 июня (Первый легальный ПК большевиков в 1917 г. Л., 1927, с. 146).— 138

³ В ответ на рост революционных настроений в армии и в связи с подготовкой наступления Временное правительство в мае — июне издало ряд приказов контрреволюционного содержания по армии и

флоту. Подписанный 11 мая приказ о вступлении в силу «Положения о правах военнослужащих» (т. н. «Декларация прав солдата») хотя и закрепил некоторые демократические преобразования в армии, тем не менее определенно ограничивал завоеванные в ходе Февральской революции права солдат. Согласно п. 3 «Положения», свобода политических, религиозных, социальных взглядов допускалась только во внеслужбное время; п. 14 оставлял за командиром право применять в боевой обстановке оружие по отношению к лицам, не выполняющим его распоряжения. 29 мая появился приказ о предании суду за братание с неприятелем. 5 июня были учреждены особые суды для дезертиров. Это затрудняло революционную пропаганду в армии.— 138

⁴ 9 июня исполнительный комитет Петроградского Совета принял решение запретить демонстрацию. В связи с этим исполком и президиум I Всероссийского съезда Советов пытались оказать давление на большевиков.— 139

⁵ А. Я. Семашко, прапорщик 1-го пулеметного полка, был избран солдатами командиром полка.— 140

⁶ И. А. Рахья (1887—1920) — член партии с 1902 г. После Февральской революции член ПК РСДРП(б).— 140

⁷ Выступать против решения съезда об отмене демонстрации в условиях, когда многие рабочие и солдаты Петрограда еще не проводили различия между Советами и оторвавшимся от масс эсеро-меньшевистским руководством Советов, было политически нецелесообразно. Проведение демонстрации могло поставить большевиков перед единым фронтом мелкобуржуазных и буржуазных партий, объединившихся на контрреволюционной платформе. О возможности такой ситуации свидетельствовали провокационные публикации в эсеровском «Деле народа» о том, что 10 июня якобы будет арестована половина министров Временного правительства. В. И. Ленин писал: «Большевики отменили демонстрацию, вовсе не желая вести рабочих на отчаянный бой, в данный момент, против объединенных кадетов, эсеров и меньшевиков» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 66*).— 140

⁸ На заседании ПК 11 июня с докладом об отмене демонстрации выступил В. И. Ленин. Члены ПК, за исключением Томского и Стукова, согласились с доводами В. И. Ленина. Окончательное решение вопроса о демонстрации было перенесено на следующее заседание ПК (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 330—331; с. 233; Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., с. 146—166).— 141

⁹ Речь идет об объединенном заседании президиума I Всероссийского съезда Советов, исполкома Петроградского Совета, членов бюро всех фракций съезда и представителей Крестьянского союза, состоявшемся утром 11 июня. На заседании Дан внес резолюцию, осуждавшую большевиков за попытку организовать демонстрацию. Церетели заявил, что большевики устроили заговор и за это их нужно разоружить. Большевики покинули совещание, огласив протест против запрещения мирных демонстраций и разоружения рабочих (*Правда, 1917, 13 июня*).— 141

¹⁰ 9 июня на даче Дурново анархисты созвали конференцию, в которой участвовали представители 95 заводов и воинских частей. Конференция образовала «Временный революционный комитет», в состав которого вошли большевики от некоторых предприятий. Вскоре большевики покинули конференцию и вышли из состава указанного комитета (*Канев С. Н. Октябрьская революция и крах анархизма, с. 74, 76*).— 141

¹¹ 13 июня состоялось экстренное заседание ПК РСДРП(б). На нем была принята резолюция по докладу ЦК РСДРП(б) и исполнительской комиссии ПК по текущему моменту. В другой резолюции, по вопросу о назначенной анархистами на 14 июня демонстрации, ПК постановил воздержаться от участия в ней и приступить к подготовке к демонстрации 18 июня, объявленной Всероссийским съездом Советов (см.: Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., с. 169—184).— 142

¹² Имеются в виду окончившиеся провалом попытки меньшевиков и эсеров — представителей I Всероссийского съезда Советов — вести агитацию на предприятиях и в воинских частях с целью дискредитации большевиков в глазах масс, используя запрещение демонстрации съездом Советов. Например, враждебно встретили мелкобуржуазных агитаторов солдаты 1-го пулеметного полка в ночь с 9 на 10 июня (см.: Красная летопись, 1930, № 3 (36), с. 79).— 142

¹³ Рижский комитет РСДРП и Центральный комитет Социал-демократической партии Литвы и Королевства Польского 30 апреля 1917 г. приступили к изданию газеты «Окопная правда», одним из организаторов которой был Ф. П. Хаустов. Об аресте Хаустова сообщалось в рапорте командующего 12-й армией в штаб Северного фронта 11 июня, а освобождение его из «Крестов» состоялось 15 октября по распоряжению ВРК.— 142

¹⁴ Речь идет о международной конференции, которую хотели созвать в Стокгольме представители тех европейских социалистических и социал-демократических партий, которые в свое время заняли шовинистическую позицию в начавшейся первой мировой войне.— 142

¹⁵ «Междурайонная комиссия» (межрайонцы) — социал-демократическая организация, возникшая в Петербурге в 1913 г. Она объединяла в своем составе отколовшихся от партии большевиков-примиренцев, троцкистов, меньшевиков-партийцев. Межрайонцы пытались создать «единую РСДРП» путем примирения различных политических течений и фракционных групп. После Февральской революции порвали с меньшевиками-оборонцами и заявили о своем согласии с линией большевиков. На VI съезде РСДРП(б) приняты в партию. Большая часть межрайонцев стала большевиками. Троцкисты продолжали борьбу с большевизмом внутри партии. В организацию межрайонцев входила известная часть рабочих и солдат Петрограда.— 143

¹⁶ Шуваловский подрайонный комитет РСДРП(б) входил в состав Выборгского райкома партии.— 143

¹⁷ Возвратясь в марте 1917 г. из эмиграции, Г. В. Плеханов, сыгравший в конце XIX — начале XX в. выдающуюся роль в деле распространения марксизма в России и основании российской социал-демократической партии, занял позицию поддержки Временного правительства. Плеханов и организованная им социал-демократическая группа «Единство» участвовали в травле большевиков. Вместе с тем после победы Великой Октябрьской социалистической революции он решительно отказался участвовать в антисоветских мятежах, мотивируя это тем, что его убеждения не позволяют ему бороться против рабочих.— 144

¹⁸ Имеется в виду инцидент с дачей Дурново, происшедший в ночь на 19 июня 1917 г., когда Временное правительство распорядилось захватить на даче лиц, освобожденных анархистами из тюрьмы «Кресты» 18 июня, а также и самих участников налета на тюрьму. После непродолжительного сопротивления, оказанного анархистами, дачу заняла рота солдат Семеновского полка. Было арестовано

60 человек. Во время столкновения погиб анархист Аснин. События вокруг дачи Дурново отразили первую после Февральской революции попытку Временного правительства силой оружия расправиться со своими политическими противниками. Это вызвало взрыв возмущения рабочих и солдат. Днем 19 июня прекратили работу некоторые заводы. В тот же день инцидент с дачей Дурново обсуждался на заседании Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Эсеро-меньшевистское большинство съезда одобрило «решительные действия Временного правительства». Для дополнительного расследования обстоятельств, связанных с захватом дачи Дурново, съезд создал специальную комиссию (Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, т. 2, М.—Л., 1931, с. 140).— 144

¹⁹ В действительности наступление русских войск Юго-Западного фронта на участке 7-й и 11-й армий, начавшееся 18 июня 1917 г., закончилось неудачей. Удар по противнику наносился на фронте шириной в 70 км; в боевых действиях участвовало около 300 тыс. русских солдат, 800 легких пушек, 500 тяжелых орудий. Войска Юго-Западного фронта потеряли около 60 тыс. чел. (История гражданской войны в СССР, т. 1, М., 1933, с. 142).— 144

²⁰ Имеется в виду Выборгская районная дума, на выборах в которую 3—5 июня 1917 г. большевики одержали безоговорочную победу.— 145

²¹ М. С. Мансырев (1882—1956), член Коммунистической партии с 1903 г., был избран в районную думу от завода «Эриксон».— 145

²² Н. О. Кучменко (1878—1956), участник революционного движения с 1898 г., один из организаторов Красной гвардии на Выборгской стороне в 1917 г., председатель районного Совета рабочих депутатов.— 145

²³ Частное совещание членов ЦК, ПК РСДРП(б), Военной организации при ЦК и ПК, состоявшееся 22 июня, рассмотрело вопрос о текущем моменте. И. В. Сталин проинформировал о заявлении большевистской фракции ЦИК, в котором содержалось требование принятия мер против контрреволюции. Затем выступили представители 1-го пулеметного полка, Гренадерского и Егерского полков (Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., с. 200—205).— 146

Михаил Сергеевич Кедров (1878—1941)

Жизнь М. С. Кедрова была безраздельно отдана Коммунистической партии, делу народа. В 1901 г. он становится членом социал-демократической организации в Ярославле. Участвовал в издании и распространении большевистской печати. В эмиграции, в Швейцарии, Кедров познакомился с В. И. Лениным. В годы первой мировой войны находился в действующей армии, откуда в мае 1917 г. приезжает в Петроград и включается в деятельность военной организации при ЦК РСДРП(б), становится членом редколлегии и руководителем издания газеты «Солдатская правда», а после ее разгрома в июльские дни налаживает издание газет «Рабочий и солдат» и «Солдат».

После победы Октябрьской революции М. С. Кедров — на военной работе, затем в органах ВЧК, Военной прокуратуры, Верховного суда. С 1932 г. являлся членом президиума Госплана РСФСР, с

1934 г. — директором Военно-санитарного института. Автор ряда работ по истории КПСС и истории гражданской войны.

Воспоминания М. С. Кедрова впервые были опубликованы в журнале «Пролетарская революция», 1927, № 6 и печатаются по этому изданию, с. 219—231.

¹ Ирония мемуариста вызвана тем, что буржуазная и черносотенная пресса пустила фальшивку о большевиках как о якобы немецких шпионах, подкупленных на «германские миллионы» и поэтому выступающих за выход России из войны. — 148

² Имеется в виду VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), проходившая в Петрограде с 24 по 29 апреля 1917 г. — 149.

³ Призыв к завоеванию власти опережал лозунг мирного развития революции. Ближайшие задачи Военной организации должны были состоять не в подготовке восстания, а в сплочении солдатских масс, их организации и политическом просвещении. — 149

⁴ На конференции присутствовало 107 делегатов от 43 фронтовых и 17 тыловых организаций, представлявших 26 тыс. членов партии, входивших в военные большевистские организации (Рабинович С. Е. Всероссийская конференция большевистских военных организаций 1917 года. — Красная летопись, 1930, № 5 (38), с. 108—114). — 150

⁵ Н. В. Крыленко (1885—1938) — член Коммунистической партии с 1904 г. В 1917 г. — член армейского комитета 11-й армии, входил в состав ЦИК 1-го созыва. После Октябрьской революции — Верховный главнокомандующий вооруженными силами, затем нарком юстиции РСФСР и СССР. — 150

⁶ Е. Ф. Розмирович (1886—1953) — член Коммунистической партии с 1904 г. В 1917 г. входила в состав центрального бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б). С установлением Советской власти работала в наркоматах путей сообщения, рабоче-крестьянской инспекции. — 150

⁷ С. А. Черепанов (1881—1918) — член Коммунистической партии с 1903 г. В 1917 г. — солдат запасной автомобильной роты, член бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б). Расстрелян белогвардейцами в Тюмени. — 150.

⁸ Порядок дня работы конференции и ее регламент были разработаны на предварительном совещании делегатов 15 июня. На этом же совещании было решено освещать ход конференции в специальных бюллетенях (Бюллетени Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП, № 1, 1917, 16 июня). — 150

⁹ Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) был основан в 1897 г.; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. Во время первой мировой войны бундовцы стояли на позициях социал-шовинизма. В 1917 г. Бунд поддерживал буржуазное Временное правительство. После Октябрьской социалистической революции руководящие деятели Бунда сплелись с белогвардейской и мелкобуржуазной контрреволюцией, а среди рядовых членов этой организации наметился перелом в пользу сотрудничества с Советской властью. В марте 1921 г. Бунд самоликвидировался, часть его членов была принята в РКП(б). — 152

¹⁰ «Единство» — социал-демократическая группа, объединявшая меньшевиков-оборонцев, бывших ликвидаторов и др. Организационно оформилась в марте 1917 г. под руководством Г. В. Плеханова,

А. Ф. Бурьянова, Н. И. Пурданского. Группа «Единство» исключала возможность победы социалистической революции в России, безоговорочно поддерживала буржуазное Временное правительство, требовала продолжения войны. Распалась летом 1918 г. Издавала газету «Единство». — 152

¹¹ В. И. Ленин выступил на Всероссийском совещании военных организаций РСДРП 20 июня 1917 г. Запись речи В. И. Ленина была опубликована в газете «Новая Жизнь», № 54, 21 июня 1917 г. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 363—364; В. И. Ленин. Биохроника, т. 4, с. 253). — 153

¹² А. И. Гучков (1862—1936) — крупный капиталист, организатор и лидер буржуазной партии октябристов (1905 г.). Был председателем III Государственной думы с марта 1910 г. по март 1911 г. Во время первой мировой войны — председатель Центрального военно-промышленного комитета и член «Особого совещания по обороне». Военный и морской министр Временного правительства первого состава (март — апрель 1917 г.). Участвовал в организации корниловского мятежа. Белоэмигрант. — 154

¹³ Нужно иметь в виду, что о дальнейшем выступлении В. И. Ленина на конференции военных организаций РСДРП(б) нет других источников, кроме воспоминаний М. С. Кедрова. Поэтому не представляется возможным установить, насколько достоверны сведения, сообщаемые мемуаристом. Версия, предложенная М. С. Кедровым, не была учтена при издании Полного собрания сочинений В. И. Ленина и его Биографической хроники. Закавыченные мемуаристом слова, будто бы принадлежащие В. И. Ленину, следует рассматривать исключительно как мнение М. С. Кедрова о содержании речи В. И. Ленина. — 154

¹⁴ Имеются в виду выборы в органы местного самоуправления — районные думы Петрограда, проводившиеся 27 мая — 5 июня 1917 г. впервые в истории России на основе пропорционального представительства, при всеобщем и равном избирательном праве. Выборы состоялись в 12 районах из 18. Большевики выступали на них с самостоятельными списками, блокируясь в отдельных случаях только с теми политическими группами внутри мелкобуржуазных партий, которые стояли на интернационалистских позициях и высказывались против империалистической войны. Итоги выборов отразили процесс роста классового самосознания масс. Хотя эсеро-меньшевистскому блоку удалось собрать абсолютное большинство голосов (около 440 тыс.), большевики повели за собой многочисленные пролетарские массы, одержав победу в Выборгском районе. За большевиков в целом голосовало 160 тыс., или 20% избирателей. (*Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973, с. 264). — 155

¹⁵ Между 20 и 23 июня 1917 г. В. И. Ленин выступил на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б) с докладом по аграрному вопросу. Текст доклада не разыскан (В. И. Ленин. Биохроника, т. 4, с. 254). — 156

¹⁶ Доклад Н. В. Крыленко о наступлении на фронте был заслушан на заседании конференции 20 июня — после выступления В. И. Ленина (Большевики Петрограда в 1917 году. Хроника событий. Л., 1957, с. 287). — 156

¹⁷ Выступление И. В. Сталина на конференции состоялось 21 июня 1917 г. (Пролетарская революция, 1927, № 6 (65), с. 228). — 156

¹⁸ Делегаты Всероссийской конференции военных, фронтовых и тыловых организаций РСДРП(б) посетили Кронштадт 24 июня

1917 г. На митинге, устроенном в честь делегатов революционными матросами и рабочими, была принята резолюция с приветствием В. И. Ленину и выражением уверенности в близкой победе пролетариата (*Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.— Л., 1966, с. 149).— 158

¹⁹ Мнение мемуариста, категорически отвергающего компромиссы и соглашения с мелкобуржуазными партиями — одностороннее, а потому ошибочное. Марксизм-ленинизм отнюдь не отвергает возможность компромисса с непролетарскими партиями, целесообразность которого зависит от условий места и времени, политической позиции классов, социальных слоев и партий. Так, Седьмая (Апрельская) конференция РСДРП(б), решительно отвергнув соглашения с оборонцами, допускала совместные действия с интернационалистами. Принципиальная точка зрения по вопросу о компромиссах высказана В. И. Лениным в работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 1—104).— 158

²⁰ Имеется в виду выступление рабочих и солдат 3—4 июля 1917 г.— 159

Альберт Рис Вильямс (1883—1962)

Американский журналист-интернационалист А. Р. Вильямс летом 1917 г. приехал в Россию, чтобы лично познакомиться с событиями, привлекавшими внимание всего мира. Как и Джон Рид, он был участником революционных демонстраций в Петрограде, свидетелем штурма Зимнего дворца, присутствовал на II Всероссийском съезде Советов, слушал выступление В. И. Ленина. В годы гражданской войны Вильямс создает интернациональный отряд для защиты Советской власти, сражаясь в его составе на фронтах, снискав уважение всех прогрессивных людей и ненависть реакции у себя на родине, в США. «Наблюдая события, я чувствовал, как постепенно рушатся мои представления о революциях. То, что рождалось у меня на глазах, не могло не поразить и не увлечь. Мои записные книжки, как губки, впитывали уйму невероятных наблюдений. Галстуки и сорочки в моих чемоданах уступали место листовкам, брошюрам, воззваниям, пачкам газет. Я начинал понимать, что становлюсь свидетелем событий, каких не доводилось описывать еще ни одному журналисту, и собирал все это, боясь что-нибудь пропустить, позабыть, утерять...» (*Альберт Рис Вильямс.* О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, с. 5). Свои впечатления о революционных событиях, происходивших в России, Вильямс изложил в очерках и книгах «Ленин. Человек и его дело» (1919). «Сквозь русскую революцию» (1921) и др.

В настоящем издании приводится раздел из книги А. Р. Вильямса «О Ленине и Октябрьской революции», с. 99—108.

¹ 10 апреля 1917 г. Временное правительство приняло постановление об освобождении от действительной службы солдат, достигших 43-летнего возраста (Известия Петроградского Совета, 1917, 20 апреля).— 160

² Имеется в виду побег из пересыльной тюрьмы 468 уголовников, устроенный с провокационной целью контрреволюционными организациями 18 июня 1917 г.— 161

³ По уточненным данным, стрельбы у Таврического дворца 3 июля и в ночь с 3 на 4 июля не было. ЦИК вызвал к дворцу два бро-

левика, однако большевикам удалось предотвратить кровопролитие, убедив задержавшихся там путиловцев и солдат отступить. Последние демонстранты ушли оттуда в 5 часов утра. Вооруженное столкновение неподалеку от Таврического дворца — на углу Шпалерной ул. и Литейного пр. произошло в девятом часу вечера 4 июля, когда около 200 казаков при двух орудиях обстреляли, а затем пытались атаковать в конном строю солдат 1-го пулеметного полка (*Знаменский О. Н. Июльский кризис 1917 г. М.—Л., 1964, с. 105*).— 161

⁴ Сведения, приводимые А. Вильямсом, были напечатаны в газетах «Речь» и «Русское слово», которые сообщали 7 июля, что Центральный пункт по оказанию медицинской помощи за период с 3 по 6 июля зарегистрировал 16 убитых, 40 умерших от ран и 650 раненых.— 162

⁵ В составе ЦИК Советов насчитывалось 35 большевиков, 104 меньшевика, 39 эсеров, 8 представителей от объединенных социал-демократов, 4 — от Бунда, 3 — от еврейской социалистической партии, 3 — от трудовиков и народных социалистов. В числе большевиков были П. В. Дашкевич, И. В. Сталин, Н. В. Крыленко и др.— 162

⁶ Имеется в виду отставка министров-кадетов А. А. Мануйлова, Д. И. Шаховского, А. И. Шингарева и управляющего министерством торговли и промышленности В. А. Степанова, последовавшая в ночь на 3 июля. Это был политический маневр с целью заставить оставшихся в правительстве меньшевиков и эсеров применить насилие по отношению к рабочим и солдатам в условиях назревавшего политического кризиса и тем самым еще теснее привязать мелкобуржуазных политиков к коалиции с буржуазными партиями. В. И. Ленин отмечал, что с отставкой кадетов меньшевики и эсеры окажутся перед выбором: или согласиться на переход власти к Советам, или перейти к репрессиям (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 406—407*).— 163

⁷ В дневнике М. И. Лапса обстановка в Таврическом дворце и вокруг него передана следующим образом: «Мы, представители петроградских масс, собрались в передней зале Таврического дворца и через большевистских членов ВЦИК требуем допуска в зал заседаний. <...> Наконец нас впускают. Мы от лица рабочих предлагаем Советам взять власть в свои руки и обещаем нашу поддержку».

На улице нажим толпы, здесь категорические заявления представителей этих масс, но ВЦИК не решается на это предприятие. Выступают оратор за оратором, мямлят, малодушествуют и затягивают собрание до полуночи. Заводские представители все проникли в зал и уселись между членами ВЦИК. Их присутствие дает поддержку большевистской фракции. А вот и момент голосования. И в эту минуту в передний зал вводятся солдаты Преображенского полка, и голосование происходит под давлением штыков.

ВЦИК отказался взять власть в свои руки. Но он побоялся и прямо отказаться от власти. Он предоставит решение этого вопроса пленуму, который соберется через две недели. Знаем эту тактику. Им нужно время, чтобы подготовиться к бою... с народом. Так заканчивается 4 июля. А пятого утром контрреволюция переходит в наступление» (*Пролетарская революция, 1923, № 5 (17), с. 113—114*).— 163

⁸ В ночь с 3 на 4 июля в Таврическом дворце проходили совместные заседания ЦК, ПК РСДРП(б), Военной организации при ЦК

и ПК. На них было принято решение провести 4 июля мирную демонстрацию и обратиться к массам с лозунгом передачи власти «Всероссийскому Совету рабочих, солдатских депутатов». В листовке, выпущенной большевиками, отмечалось, что такова воля революционного населения Петрограда, которую оно имеет право донести «путем мирной и организованной демонстрации до сведения заседающего сейчас Исполнительного комитета Всероссийского Совета РС и К Депутатов». Лозунг созыва Всероссийского съезда Советов большевиками не выставлялся (Большевики Петрограда в 1917 г., с. 322).— 164

⁹ Участники демонстрации, рабочие и матросы, собрались в Кронштадте на Якорной площади 4 июля в 6 часов утра. Их число достигло 10 тыс. чел., из них около 3 тыс. моряков (2916 матросов и 17 офицеров). В 9 часов утра кронштадтцы на судах выехали в Петроград. От пристани у Николаевского моста они направились ко дворцу Кшесинской, а затем после митинга пошли через Троицкий мост, по Садовой ул., Невскому пр., Литейному пр., Шпалерной ул. к Таврическому дворцу, в котором размещался ЦИК Советов. В пути колонну кронштадтцев дважды обстреляли. В результате три демонстранта погибли, а шестьдесят получили ранения (Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.—Л., 1966, с. 154—155).— 164

¹⁰ Речь идет о том, что 4 июля вечером на объединенном заседании ЦИК и исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов меньшевик И. Г. Церетели предложил для решения вопроса о власти созвать через две недели съезд Советов в Москве. Предложение Церетели успеха не имело (см.: Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 1, Л., 1967, с. 354).— 165

¹¹ Первые части, вызванные Временным правительством с фронта, прибыли в Петроград утром 6 июля в составе сводного отряда 5-й армии. Среди них находилась рота самокатчиков (велосипедистов).— 165

¹² 8 июля на Дворцовой площади, окруженной юнкерами и частями Сводного отряда, состоялось разоружение 1-го пулеметного полка. 9 июля был разоружен Гренадерский полк, 10 июля — 180-й.— 166

¹³ Смертная казнь на фронте вводилась постановлением Временного правительства 12 июля 1917 г.— 166

¹⁴ 15 июля публикуется приказ министра-председателя и военного министра Керенского о закрытии большевистских газет «Правда» и «Окопная правда». ЦК РСДРП(б) 4 августа постановил считать Центральным органом партии — в связи с закрытием «Правды» — газету «Рабочий и солдат», выходившую с 23 июля вместо закрытой «Солдатской правды» — органа Военной организации при ЦК. 10 августа Временное правительство распорядилось прекратить издание «Рабочего и солдага». Центральным органом партии стала газета «Пролетарий», выходившая с 13 по 24 августа. После ее закрытия Временным правительством Центральный орган партии печатался под названием «Рабочий» (25 августа — 2 сентября), «Рабочий путь» (3 сентября — 26 октября). В 1917 г. в Петрограде осуществлялось издание ежемесячного большевистского журнала «Работница». В сентябре — октябре увидел свет сдвоенный номер общественно-политического партийного журнала «Просвещение». С 13 августа по 26 октября выходила газета «Солдат» — орган Военной организации при ЦК РСДРП(б).— 166

¹⁵ В ночь на 7 июля прокурорский надзор на основании постановления Временного правительства выдал ордер на арест В. И. Ленина и ряда других руководящих работников-большевиков. Те, кто был арестован, содержались без предъявления обвинения в петроградской тюрьме «Кресты». 7 августа они объявили голодовку протеста. В связи с ней газета «Рабочий и солдат» 9 августа напечатала воззвание «К рабочим Петрограда» (Вестник Временного правительства 1917, 7 июля; Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 252). — 166

¹⁶ Речь идет о рабочем-большевике И. А. Воинове, который распространял «Листок «Правды», вышедший 6 июля взамен разгромленной «Правды». Он был убит казаками 6 июля на Шпалерной ул., близ казарм 9-го кавалерийского полка. — 166

¹⁷ 5 июля состоялось собрание представителей запасных гвардейских батальонов Преображенского, Семеновского, Измайловского, Егерского, Московского, Волинского и других полков. Резолюция собрания отразила колебания мелкобуржуазных слоев петроградского гарнизона, у которых подъемы политических настроений чередовались с периодами упадка. В резолюции выражалась поддержка эсеро-меньшевистскому большинству ЦИК Всероссийского Совета, а в п. 6-м говорилось: «Все наряды и вызовы частей по первому требованию ЦИК или его органов, которым он доверяет, исполнять воинскими частям немедленно и беспрекословно» (Большевизация петроградского гарнизона в 1917 году. Сб. мат. и док. Л., 1932, с. 224). — 166

Александр Федорович Ильин-Женевский (1894—1941)

Известный журналист, дипломат. В восемнадцать лет стал большевиком. За участие в социал-демократической пропаганде его исключили из последнего класса гимназии. Чтобы продолжить образование, юноша в 1912 г. оставляет Петербург и уезжает за границу, в Женеву. Здесь состоялось его знакомство с В. И. Лениным. Спустя два года Ильин-Женевский возвращается на родину. В начале 1915 г. его призвали в армию. Окончив школу прапорщиков, он попал на фронт, принимал участие в боях, получил ранение. В период подготовки социалистической революции Ильин-Женевский служил в Огнемётно-химическом батальоне, дислоцировавшемся в Петрограде. Активно работал в военной организации при ЦК, проявил себя как публицист, обладавший незаурядным литературным даром. Избирался депутатом Петроградского Совета. В период июльского кризиса выполнял ответственное поручение ЦК партии, ведя переговоры о командовании Петроградского военного округа.

Ильин-Женевский опубликовал воспоминания о революционном 1917 годе. Их отличает живость и занимательность повествования, точные и образные наблюдения. Приводимые в сборнике воспоминания были напечатаны в 1926 г. в журнале «Красная летопись», № 3 (18) под названием «Июльские дни в Петрограде». Публикуются с. 43—57 с сокращениями.

¹ Касаясь событий в 1-м пулеметном полку, М. И. Лацис записал 5 июля в своем дневнике: «Утреннее заседание конференции 3 июля проходит напряженно. (Речь идет о 2-й общегородской конференции большевиков.— А. Г.) На вечернем заседании к 5 часам дня вдруг

приносят известие, что Пулеметный полк выступает на улицу с требованием «Вся власть Советам!».

Конференция принимает решение удержать пулеметчиков от выступления во что бы то ни стало. <...> Конференция поручила эту миссию мне и тов. Розену. Мы срочно отправляемся в пулеметный полк, но, приближаясь к баракам, видим, что уже поздно: на улице уже выстроились грузовики с пулеметами. Солдаты возбужденно беседуют. <...>

Мы уходим ни с чем, и когда мы приближаемся снова к Петроградскому комитету, войска уже подходят к дворцу Кшесинской, и улица дает конференции ответ за нас.

Пулеметчики, как дьяволы, носятся по центральным улицам города. На Невском на них нападает вооруженный отряд, и начинается перестрелка. В результате допустившие к себе чересчур близко противника и не желавшие в толпе стрелять пулеметчики лишаются 10 пулеметов. В это время конференция с участием районных представителей принимает решение устроить во вторник мирную демонстрацию. <...>

Пулеметчики возвращаются в бараки только к утру усталые, продрогшие. С утра идет дождь. Поэтому демонстранты собираются только к 11 часам утра. Войсковые части двинулись с часу дня» (Пролетарская революция, 1923, № 5 (17), с. 112—113).— 168

² Имеется в виду 2-я Петроградская чрезвычайная общегородская конференция РСДРП(б), открывшаяся 1 июля. В ее заседаниях участвовало 145 делегатов. Работа конференции прервалась 3 июля в связи с разразившимся кризисом власти и возобновилась 16 июля; последнее заседание состоялось 20 июля (см.: Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г. М., 1927).— 168

³ Вечером 3 июля на объединенном заседании бюро ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполкома Советов крестьянских депутатов было принято постановление о запрещении демонстраций. В нем говорилось, что «всех, кто нарушит это постановление, мы объявим изменниками и врагами революции». Утром 4 июля, около 5 часов, объединенное заседание ЦИК и ИК Совета крестьянских депутатов выступило с требованием отмены демонстраций и прекращения политических выступлений. Обе резолюции напечатаны в виде воззваний ЦИКа «Известия Петроградского Совета» 4 июля 1917 г.— 169

⁴ Около 19 часов 4 июля для защиты Временного правительства на Дворцовую площадь прибыли 9-й кавалерийский полк, 1-й казачий полк, Владимирское юнкерское училище. Утром 5 июля к ним присоединились подразделения 1-й и 3-й гвардейских бригад и броневики запасного Автобронедивизиона.— 170

⁵ Налет на редакцию «Правды» совершили юнкера Владимирского училища и члены «Союза увечных воинов» — контрреволюционной организации правого толка, объединявшей лиц, получивших ранения в действующей армии.— 170

⁶ На совместном совещании членов ЦК и Военной организации при ЦК РСДРП(б) с членами президиума ЦИК во главе с Либером, состоявшемся во дворце Кшесинской 5 июля, были выработаны условия выхода из июльского кризиса. ЦИК и Временное правительство обещали не допускать репрессий по отношению к большевистской партии и оставить за ней дворец Кшесинской до предоставления постоянного помещения; освободить политических заключенных; свести мосты через Неву. Со своей стороны ЦК РСДРП(б) выразил го-

товность отправить матросов в Кронштадт, снять пулеметную роту из охранения Петропавловской крепости, увести в казармы бронемашин и караул (Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г., с. 54, 60; Красная летопись, 1923, № 6, с. 81).— 174

⁷ Командующий Петроградским военным округом двинул войска для занятия дворца Кшесинской в 3 часа 6 июля. К 6 часам утра они расположились на набережной у Троицкого моста, Каменноостровском и Кронверкском проспектах.— 176

⁸ Ю. П. Мазуренко — поручик, член эсеровской фракции ЦИК, командир сводного отряда, прибывшего в Петроград с фронта для подавления революционных выступлений рабочих и солдат.— 178

⁹ Выступая на 2-й Петроградской партийной конференции, И. В. Сталин коснулся обстоятельств занятия контрреволюционными войсками дворца Кшесинской и разоружения матросов, находившихся в Петропавловской крепости: «6 июля Козьмин по телефону передал требование, чтобы через 3—4 часа дворец Кшесинской и Петропавловская крепость были очищены, в противном случае Козьмин грозил двинуть вооруженные силы. Центральный Комитет партии большевиков делегировал меня в Петропавловскую крепость, где удалось уговорить присутствующих матросов не принимать боя, так как положение повернулось таким образом, что мы стоим против контрреволюции, против правого крыла демократии. В качестве представителя Центрального Исполнительного Комитета Советов я еду с Богдановым к Козьмину. У него все готово к бою: артиллерия, кавалерия, пехота. Мы уговорили его не применять вооруженной силы. Козьмин недоволен, что штатские своим вмешательством всегда ему мешают, и неохотно соглашается подчиниться настоянию Центрального Исполнительного Комитета. Для меня очевидно, что правое крыло хотело крови, чтобы дать «урок» рабочим, солдатам и матросам. Мы помешали им выполнить свое желание» (Вторая и третья Петроградские общегородские конференции большевиков в июле и октябре 1917 г., с. 54—55).— 178

Питерские рабочие об июльских днях

Это уникальные воспоминания рядовых рабочих, собранные сотрудниками Ленинградской комиссии по изучению истории партии спустя всего шесть лет после июльского кризиса 1917 г. и опубликованные в журнале «Красная летопись» в 1924 г., № 9. Сведений об авторах сохранилось мало. Приведенные в сборнике воспоминания взяты из журнала «Красная летопись» с. 19—20, 21—23, 32—38.

И. М. Коган (1891—1956).

Георгий Янович Лиздин (1864 — ?) — член Коммунистической партии с 1903 г. Участвовал в социал-демократических кружках с 1892 г. Кадровый питерский рабочий. В 1894—1905 гг. работал на заводе «Сименс-Гальске», в 1905—1911 гг. — на Балтийском заводе. В 1917 г. был красногвардейцем. В 1919 г. входил в революционную тройку Василеостровского района. После гражданской войны избирался членом завкома Балтийского завода.

А. Озолин (1890—1959) — член Коммунистической партии с 1917 г. На Сестрорецком заводе работал с 1906 г.

¹ Речь идет о делегации 1-го пулеметного полка, прибывшей на Путиловский завод 3 июля в 16 часов. Она настояла на созыве общезаводского митинга. Высланная по решению митинга делегация в

исполком Петроградского Совета, встретив в пути колонну рабочих и солдат, возвратилась вместе с ними на завод, где общее собрание возобновилось. В результате путиловцы выступили организованной колонной к Таврическому дворцу.— 181

² Путиловцы шли в таком порядке: грузовик с пулеметами и лоуэнгом «Вся власть Советам!», за ним первая рота пулеметного полка, далее рабочие и снова рота пулеметчиков. Пулеметчики и сопровождавшие колонну милиционеры 2-го Петергофского подрайона были вооружены (Красный архив, 1927, т. 5, с. 55—56).— 183

³ Имеется в виду демонстрация 18 июня. Поводом к ней в числе многих других обстоятельств послужило не наступление на фронте, а подготовка к нему (наступление началось в день проведения демонстрации — 18 июня).— 184

⁴ Районного Совета в 1917 г. под таким названием не существовало. Местный Совет Московской заставы именовался «Совет рабочих и солдатских депутатов 4-го Нарвского подрайона».— 185

⁵ Речь идет о VI съезде партии, проходившем полулегально 26 июля — 3 августа 1917 г. С. Н. Равич зачитала резолюцию рабочих «Скорохода» на 15-м заседании съезда 3 августа. В резолюции говорилось: «Рабочие и работницы фабрики «Скороход» приветствуют съезд и желают ему успеха. Все решения его они будут проводить в жизнь организованно и дружно. Они уже начали проводить решения съезда. Сегодня уже передана ЦК сумма 3416 руб. 27 коп. в фонд подготовки Учредительного собрания» (Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 241). Что касается участия скороходовцев в поддержке большевистской печати, то «Рабочий и солдат» 2 августа напечатал сообщение, согласно которому рабочие передали центральному органу партии 1079 руб. 74 коп., собранные по цехам, а также предоставили газете кредит в 10 000 руб. из средств завкома.— 185

⁶ Завком Адмиралтейского судостроительного завода (Галерный островок) 6 мая 1917 г. рассмотрел вопрос о выборах депутатов в Коломенский районный Совет. Были намечены 5 кандидатов: Чирков, Муханов, Яковлев, Суханов, Карасев. Из них трое (Яковлев, Суханов, Карасев) состояли в большевистской партии (Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Протоколы. М., 1979, с. 63, 608).— 186

⁷ Речь идет о 1-й Петроградской конференции фабзавкомов, проходившей в Таврическом дворце с 30 мая по 3 июня 1917 г.— 186

⁸ Меньшевики М. И. Скобелев и К. А. Гвоздев занимали соответственно посты министра и товарища министра труда в 1-м коалиционном Временном правительстве.— 187

⁹ В. Володарский прибыл на Путиловский завод 3 июля по поручению 2-й Общегородской партийной конференции с целью убедить рабочих не выступать.— 187

¹⁰ Имеются в виду Апрельские тезисы В. И. Ленина.— 189

¹¹ Е. К. Брешко-Брешковская (1844—1934), одна из основательниц партии эсеров. После Октябрьской революции эмигрировала за границу.— 190

¹² М. А. Спиридонова (1884—1941) — один из лидеров левых эсеров. Была идейным вдохновителем антисоветского мятежа в Москве в июле 1918 г. В дальнейшем отошла от политической деятельности.— 190

¹³ Речь идет о Совете рабочих и солдатских депутатов и исполнительном комитете Всероссийского Совета крестьянских депутатов.— 191

¹⁴ С. П. Восков (1889—1920) — член Коммунистической партии с 1917 г. После победы Февральской революции поступил столяром на Сестрорецкий завод. В мае 1917 г. избран председателем завкома. С апреля 1918 г. — комиссар продовольствия Северной области, затем член реввоенсовета 7-й армии, комиссар 10-й и 9-й дивизий. Именем Воскова назван Сестрорецкий инструментальный завод. — 192

Григорий Константинович Орджоникидзе (1886—1937)

Видный деятель Коммунистической партии и Советского государства, член партии с 1903 г. Начал путь революционера в Закавказье, неоднократно арестовывался и ссылался. В 1912 г. на VI (Пражской) конференции избран членом ЦК РСДРП(б) и Русского бюро ЦК. В 1912 г. Орджоникидзе был снова арестован, и царский суд приговорил его к каторге и вечной ссылке. Отбыв трехлетнее заключение в Шлиссельбургской каторжной тюрьме, он выехал на поселение в Якутию. После Февральской революции вошел в исполком Якутского Совета. Возвратившись в Петроград в июне 1917 г., Орджоникидзе становится членом Петербургского комитета РСДРП(б), членом исполкома Петроградского Совета. После июльских дней участвовал в организации перехода В. И. Ленина в подполье, дважды навещал его в Разливе. Как делегат VI съезда партии Г. К. Орджоникидзе выступил на съезде против явки Ленина на суд Временного правительства. Участвовал в Октябрьском вооруженном восстании и подавлении антисоветского мятежа Керенского — Краснова. В годы Советской власти находился на руководящей партийной и хозяйственной работе в Закавказье, а затем — в Москве. С 1926 г. — председатель ЦКК ВКП(б) и народный комиссар РКИ СССР. С 1930 г. — председатель ВСНХ СССР, а с 1932 г. — нарком тяжелой промышленности СССР. С 1921 г. — член ЦК партии, в 1926 г. — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), с 1930 г. — член Политбюро ЦК ВКП(б).

Воспоминания Г. К. Орджоникидзе были опубликованы в газете «Правда» 28 марта 1924 г. В настоящем томе печатаются по кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. Т. 2. М., 1984, с. 416—418.

¹ Речь идет о клеветническом обвинении В. И. Ленина в шпионаже, сфабрикованном на основе показаний прапорщика 16-го Сибирского полка Ермоленко, утверждавшего, что он, Ермоленко, вел в частях 6-й армии антивоенную пропаганду якобы по заданию большевиков и немецкого командования. Эта фальшивка с одобрения Временного правительства, в частности министра юстиции П. Н. Переверзева, была опубликована 5 июля в бульварном листке «Живое слово» за подписями бывшего социал-демократа и члена II Государственной Думы Г. Алексинского и бывшего народовольца В. Панкратова. По требованию большевистской фракции, ЦИК образовал комиссию для расследования клеветнической стряпни контрреволюционеров. Но как только Временное правительство начало официальное расследование выдвинутых против большевиков обвинений, комиссия ЦИК сложила полномочия (История гражданской войны в СССР. Т. 1, М., 1935, с. 169).

С протестами против клеветы на В. И. Ленина выступили Петроградская и Московская конференции РСДРП(б), Областная кон-

фереция РСДРП(б) Юго-Западного края и др. Разоблачению фальшивки посвящены статьи В. И. Ленина «Где власть и где контрреволюция», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 410—417, 418*).— 193

² В ночь с 9 на 10 июля В. И. Ленин, изменив внешность, покинул квартиру большевика, рабочего С. Я. Аллилуева (10-я Рождественская ул. — ныне 10-я Советская ул.), где находился с 7 июля, и в сопровождении С. Я. Аллилуева, рабочего В. И. Зофа, И. В. Сталина отправился пешком к Приморскому вокзалу в районе Новой Деревни. Оттуда в сопровождении рабочего Сестрорецкого оружейного завода Н. А. Емельянова В. И. Ленин выехал на станцию Разлив (*В. И. Ленин. Биохроника, т. 4, с. 287—288*).— 195

³ Н. А. Емельянов (1871—1958), член Коммунистической партии с 1904 г. В 1917 г. проживал в поселке Разлив по адресу 5-я Тарховская ул., д. 2 (ныне ул. Емельянова, д. 3).— 195

⁴ См.: В. И. Ленин. Биохроника, т. 4, с. 295.— 196

Иван Николаевич Колбин (1893—1952)

К социал-демократическому движению приобщился в Подольске, на заводе швейных машин, выступая против тяжелых условий труда и нищенской его оплаты. Затем, как и многие передовые рабочие, перешел к борьбе за политические права, участвовал в антиправительственных демонстрациях. В 1914 г. И. Н. Колбина призывают на флот. В учебно-минном отряде в Кронштадте он продолжает революционную деятельность. В марте 1917 г. Колбина принимают в ряды ленинской партии, избирают членом Петроградского и Кронштадтского Советов. В дни борьбы с корниловским мятежом он был комиссаром отряда матросов, а также возглавлял делегацию, ведущую в ЦИК Советов переговоры об условиях освобождения кронштадтцев, арестованных после событий 3—5 июля. В дни Октябрьского штурма Колбин — комиссар линкора «Заря свободы», который держал под прицелом своих орудий станцию Лигово — на случай наступления контрреволюционных войск на Петроград.

После установления Советской власти И. Н. Колбин служил на командных должностях в Военно-Морском Флоте.

Воспоминания приводятся по изданию: *И. Колбин. Кронштадт от февраля до корниловских дней.* — Красная летопись, 1927, № 2 (23), с. 138—161 (с сокращениями).

¹ Кронштадтский комитет РСДРП(б) был избран в следующем составе: С. Г. Рошаль, Т. И. Ульянов, И. Д. Сладков, С. Г. Пелихов, И. Н. Колбин, Д. Н. Кондаков, Е. Ф. Зинченко, С. С. Гридюшко (см.: *Литературный современник*, 1937, № 5, с. 161; *Военные моряки в борьбе за победу Октябрьской революции*. М., 1958, с. 290).

В научной литературе высказывается мнение, что Кронштадтский комитет организовался не ранее 8 марта; в 20-х числах апреля его состав пополнился; к июню комитет насчитывал 19—21 чел. (см.: *Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября*, с. 57—58).— 197

² Газета «Голос правды» — орган Кронштадтского комитета РСДРП(б) — стала выходить с 15 марта 1917 г.— 197

³ Кронштадтский Совет первого созыва возник 10 марта 1917 г. путем объединения местного Совета рабочих депутатов с

Советом солдатских депутатов и насчитывал 280 чел. Сведения о его партийном составе разноречивы. В материалах VII (Апрельской) конференции РСДРП(б) приводятся данные о том, что большевиков в Совете насчитывалось 60 чел. Участник революционных событий А. Г. Пронин утверждает, что большевиков было всего 11, эсеров — 108, меньшевиков — 72, беспартийных — 77 (см.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 г. Протоколы. М., 1958, с. 279; *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября, с. 73).— 198

⁴ О ходе митинга и подробностях демонстрации, посвященной памяти жертв Февральской революции, см.: *Сивков П.* Моряки Балтийского флота в борьбе за власть Советов в 1917 году. М., 1946, с. 43; *Он же.* Кронштадт. Л., 1972, с. 131—132.— 198

⁵ 20 апреля, когда улицы столицы загромодили рабочие и солдаты, протестовавшие против ноты Милюкова (см. с. 22—24), на заседании Временного правительства Л. Г. Корнилов выразил готовность силой оружия подавить революционные выступления масс, заявив, что может выставить с этой целью до 3 тыс. штыков. 21 апреля, после провокационной перестрелки, устроенной черносотенцами с демонстрантами, Корнилов распорядился отправить на Дворцовую площадь две батареи Михайловского артиллерийского училища. Этот приказ был отменен исполкомом Петроградского Совета (Известия Петроградского Совета. 1917, 26 апреля; *Старцев В. И.* Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте — апреле 1917 г., с. 174).— 199

⁶ Резолюция, внесенная эсерами на заседании Кронштадтского Совета 21 апреля, прошла большинством голосов. Она содержала протест против положений ноты Милюкова, но не касалась вопроса о власти. Большевистский же проект требовал передачи власти в руки народа в лице Советов мирным путем.— 200

⁷ Сведения, приведенные мемуаристом, были опубликованы в «Известиях Кронштадтского Совета» 10 мая 1917 г.— 201

⁸ Текст постановления Кронштадтского исполкома от 13 мая приведен не полностью. Важно уточнить, что после слов «Административные места в городе Кронштадте замещаются членами исполнительного комитета» следовало: «для чего состав исполнительного комитета пополняется соответствующим количеством депутатов из Совета рабочих и солдатских депутатов» (Известия Кронштадтского Совета, 1917, 14 мая).— 202

⁹ Б. Н. Пепеляев состоял в кадетской партии. Его письмо в адрес исполкома Кронштадтского Совета было напечатано в «Известиях Кронштадтского Совета» (1917, 19 мая).— 202

¹⁰ Под воздействием революционных масс меньшевики Кронштадта голосовали не против резолюции, а за нее хотя вначале и колебались. В окончательном виде резолюция Кронштадтского Совета гласила: «Единственной властью в городе Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по делам государственного порядка входит в непосредственные сношения с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Административные места занимают членами исполнительного комитета или уполномоченными лицами». Эта резолюция не внесла существенных перемен в политическую жизнь Кронштадта, где Совет практически выполнял функции власти. Однако публикация этого документа воспринималась в лагере буржуазии и соглашателей как подрыв авто-

рительства Временного правительства, явилась поводом для травли революционного Кронштадта. В. И. Ленин на заседании ПК 30 мая оценил акцию Кронштадтского Совета как несвоевременную (Первый легальный ПК большевиков в 1917 году, с. 120; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 1, с. 271).— 202

¹¹ Резолюция была опубликована в «Известиях Петроградского Совета» 25 мая 1917 г.— 203

¹² Исполнительный комитет Петроградского Совета командировал в Кронштадт Н. С. Чхеидзе, А. Р. Гоца, М. И. Либер, В. А. Анисимова.

Вторая делегация от Временного правительства прибыла 22 мая в составе И. Г. Церетели и М. И. Скобелева. Вслед за резолюцией от 24 мая Кронштадтский Совет разъяснил, что по-прежнему считает себя единственным местным органом власти. Конфликт вокруг позиции, занятой Кронштадтским Советом, завершился в конце мая принятием компромиссного решения, согласно которому правительственный комиссар в Кронштадте избирался из состава Совета, а Совет, в свою очередь, по общегосударственным вопросам подчинялся Временному правительству. Подробно о Кронштадтском инциденте см.: *Шишкин В. Ф.* Кронштадтский инцидент в мае 1917 г.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1958, т. 152, с. 3—27.— 204

¹³ Телеграммы Дудорова см.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.— Л., 1957, с. 121—122.— 208

¹⁴ Вердеревский вынужден был обратиться в Центробалт не потому, что не посмел привести телеграммы в исполнение, а из-за того, что тексты этих телеграмм стали известны революционным матросам (см.: Ховрин Н. А. В 1917 г. во флоте.— «Красная летопись», 1926, № 5 (20)).— 209

¹⁵ Объединенное собрание флотских организаций, принявшее решения, о которых повествует мемуарист, состоялось 4 июля на яхте «Полярная звезда», стоявшей на Гельсингфорсском рейде. Делегация Центробалта прибыла в Петроград на миноносце «Орфей» в середине дня 5 июля и была арестована на следующий день.— 209

¹⁶ Приказ военного и морского министра А. Ф. Керенского по флоту от 7 июля 1917 г. опубликован в кн.: Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, с. 131.— 209

¹⁷ Имеется в виду постановление исполнительного комитета Кронштадтского Совета, принятое поздно вечером 7 июля (Петроградские большевики в 1917 году, с. 345).— 210

¹⁸ Речь идет о воззвании Кронштадтского комитета РСДРП(б) «Ко всем рабочим, солдатам и матросам Петрограда, Кронштадта и других городов», опубликованном в газете «Голос правды» 10 июля 1917 г.— 210

¹⁹ На следующий день, 14 июля, комендантом Кронштадтской крепости был назначен капитан 1-го ранга Тырков. (см.: *Сивков П. З.* Кронштадт. Л., 1972, с. 260).— 210

²⁰ Газета «Пролетарское дело» стала выходить с 14 июля 1917 г.— 211

²¹ Мемуарист приводит в собственном изложении, не дословно, извлечение из материалов частного совещания членов Государственной думы, состоявшегося 18 июля 1917 г. (см.: Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы. М., 1932, с. 196—197).— 213

²² В литературе приводятся и другие данные о новом составе Кронштадтского Совета: 98 большевиков, 96 беспартийных, 73 эсера, 12 меньшевиков и 7 анархистов (см.: *Сивков П. Э.* Кронштадт, с. 278).— 214

²³ Более достоверные сведения о численности кронштадтских отрядов, посланных на борьбу с корниловщиной, содержатся в воспоминаниях И. П. Флеровского (с. 239).— 216

²⁴ Имеются в виду эсеры-максималисты.— 216

²⁵ Смертная казнь на фронте была введена после июльского кризиса власти.— 216

Николай Федорович Измайлов (1891—1971)

Большая часть жизни Н. Ф. Измайлова, сына крестьянина-бедняка из деревни Надеждинка-Бекетовская Пензенской губернии, была связана с Военно-Морским Флотом. Начав службу на флоте в 1913 г., он втягивается в политическую деятельность. После победы Февральской революции Н. Ф. Измайлов вскоре избирается депутатом Кронштадтского Совета, членом Центробалта — революционного органа Балтийского флота, находившегося в Гельсингфорсе. В июле 1917 г. он вступает в партию большевиков. Был арестован по распоряжению Временного правительства. Освобожден из тюрьмы под давлением масс. Его избирают товарищем (заместителем) председателя Центробалта. В конце октября 1917 г. Измайлов по личному заданию В. И. Ленина обеспечивал переход кораблей Балтийского флота, направленных для защиты революционного Петрограда. В последующие годы находился на командных должностях в Военно-Морском Флоте СССР.

Воспоминания Н. Ф. Измайлова были впервые опубликованы в газете «Ленинградская правда» 17 июля 1927 г. С некоторыми сокращениями они напечатаны в сборнике «Петроград в дни Великого Октября. Воспоминания участников революционных событий в Петрограде в 1917 году» (Л., 1967, с. 149—153). В настоящем томе печатаются по этому изданию, сверенному с текстом «Ленинградской правды».

¹ ЦКБФ — Центральный комитет Балтийского флота — общештотская демократическая организация, созданная по инициативе матросов в конце апреля 1917 г. В первом составе Центробалта (29 апреля — 10 июля) — было 28 матросов и 3 офицера, а по партийной принадлежности — 9 большевиков, несколько эсеров, меньшевиков и анархистов, остальные — беспартийные.— 218

² Штаб Балтийского флота находился в Гельсингфорсе.— 218

³ Миноносец «Орфей» пришел в Петроград днем 5 июля.— 219

⁴ В. С. Войтинский — меньшевик, в 1917 г. — комиссар Северного фронта. А. Р. Гоц — один из лидеров правых эсеров, Б. О. Богданов — меньшевик, оборонец.— 220

⁵ Члены ЦКБФ: П. Е. Дыбенко (1889—1938), участник революционного движения с 1907 г., с 1911 г. — матрос Балтийского флота, большевик (1912). В 1917 г. — председатель Центробалта, член Петроградского ВРК. В дальнейшем видный советский военный деятель; Н. А. Ховрин — один из организаторов и руководителей Центробалта, матрос линейного корабля «Республика»; П. Крючков — матрос

крепостного батальона в Ревеле; А. Лоос — писарь 2-го Балтийского флотского экипажа.— 221

⁶ А. И. Ремнев — большевик, член Кронштадтского Совета, прапорщик 703-го Сурожского полка.— 221

⁷ А. М. Устинов — левый эсер, член Северного областного комитета эсеров, редактор газет «Народная нива» и «Социалист-революционер».— 221

⁸ П. П. Прошьян — левый эсер, член Гельсингфорсского Совета, редактор газеты «Социалист-революционер».— 221

⁹ Ю. Л. Любичский — член Центробалта, матрос 1-го Балтийского флотского экипажа.— 221

¹⁰ Н. Д. Соколов — член исполкома Петроградского Совета, занимал соглашательскую позицию.— 212

¹¹ И. Бунаков (И. И. Фундаминский) — правый эсер.— 222

¹² Центробалт первого созыва согласно приказу Керенского от 7 июля сложил полномочия 10 июля. Вновь избранный 11 июля состав Центробалта второго созыва был распущен на второй день. 24 июля состоялось заседание Центробалта третьего созыва.— 223

Борис Захарович Шумяцкий

(1886—1943)

Еще в юношеские годы, в 1903 г., он становится членом РСДРП. Был членом партийного комитета в Красноярске и одним из организаторов вооруженного восстания рабочих железнодорожных мастерских в декабре 1905 г. После ареста бежал из заключения и вел нелегальную жизнь революционера-подпольщика в городах Сибири и Дальнего Востока. Сотрудничество в большевистской «Правде» выявило литературные и организаторские способности Шумяцкого. После Февральской революции Б. З. Шумяцкий — один из руководителей Красноярской организации РСДРП(б) и Красноярского Совета — был делегатом I Всероссийского съезда Советов и VI съезда партии. По заданию ЦК РСДРП(б) Шумяцкий принимал деятельное участие в организации издания газет «Рабочий и солдат», «Пролетарий», «Рабочий», «Рабочий путь».

После Октябрьской революции Б. З. Шумяцкий — на руководящей партийной, советской и дипломатической работе. С 1933 г. — начальник Главного управления кинопромышленности и заместитель председателя комитета по делам искусств при Совете Народных Комиссаров СССР.

Воспоминания Б. З. Шумяцкого впервые были напечатаны в газете «Правда» 4 ноября 1927 г. Приводятся по сборнику «Великая Октябрьская социалистическая революция» (М., 1957, с. 140—148) и сверены с текстом газеты.

¹ На Кавалергардской ул. располагалась партийная типография «Труд», в которой печатались большевистские издания. Редакция же «Правды» находилась на Мойке, д. 32/2.— 223

² Партийная типография «Труд» была куплена весной 1917 г. по цене 260 тыс. руб., из которых 140 тыс. собрали рабочие, а 120 тыс. предоставила редакция «Правды». Типография подверглась нападению взвода кавалеристов под командованием двух офицеров утром 6 июля. Сумма убытка после учиненного погрома составила 150 тыс. руб. «Разгром нашей типографии — одно из самых характерных проявлений белого террора. 6-го числа, когда около нашей типогра-

фии стала собираться хулиганствующая толпа, заведующий обратился в исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов с просьбой поставить караул. Караул был предоставлен. Он занял помещение и организованно, умело, холодно произвел разгром типографии» (Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 40, речь И. Т. Смилги).— 223

³ Центральный орган партии — газета «Пролетарий» стала выходить с 13 августа 1917 г.— 225

⁴ Типография «Правды» до 5 июля 1917 г. находилась в Волынском переулке (большевики захватным путем использовали типографию «Сельского вестника»). В мемуарах же речь идет о партийной типографии «Труд».— 225

⁵ На углу Шпалерной и Кавалергардской ул. располагались казармы 9-го кавалерийского полка, а неподалеку от них, на Потемкинской ул.— 14-го казачьего полка.— 225

⁶ Юнкера в разгроме типографии не участвовали.— 225

⁷ В типографии имелось пять плоскопечатных машин (Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 40).— 226

⁸ А. В. Шотман (1880—1939) — член Коммунистической партии с 1899 г. Участник Обуховской стачки 1901 г. в Петербурге, революции 1905—1907 гг. (Петербург, Одесса). В 1913 г. кооптирован в ЦК и Русское бюро ЦК РСДРП. Был арестован и сослан в Нарымский край. После Февральской революции возвратился в Петроград, был связным ЦК партии с В. И. Лениным (в Разливе), делегатом VI съезда РСДРП(б). Участник Октябрьской революции. В годы Советской власти находился на ответственной хозяйственной работе, был председателем ЦИК Карельской АССР, уполномоченным ВЦИК по особым делам.— 226

⁹ А. Д. Садовский (1880—1927) — член партии с 1901 г. В 1917 г. входил в состав Военно-революционного комитета.— 229

¹⁰ Издание газеты «Пролетарий» в типографии «Труд» в условиях нехватки оборудования и неполного восстановления ротационных машин было связано с большими трудностями. В протоколе заседания ЦК партии от 13 августа, в день выхода первого номера «Пролетария», значится: «О газете «Солдат» принято решение переименовать ее в «Пролетарий» и передать в ЦК для превращения в ЦО. Принято это решение в силу сомнений в возможности издания «Пролетария» в типографии «Труд», т. е. по техническим соображениям» (Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 20). Видимо, последующая работа типографии «Труд» рассеяла сомнения ЦК, который через три дня пересмотрел свое постановление от 13 августа. Газета «Солдат» сохранялась как орган Военной организации при ЦК.— 229

Иван Петрович Флеровский (1888—1959)

Революционер, ученый, журналист. Член Коммунистической партии с 1905 г. Вел партийную работу в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, неоднократно арестовывался. Возвратился из ссылки в Петроград в дни крушения самодержавия. Центральный Комитет партии направляет Флеровского как опытного партийного работника, депутата Петроградского Совета в Кронштадт. Он избирается членом Кронштадтского комитета РСДРП(б) и членом Кронштадтского Совета, в котором возглавил большевистскую фракцию. На VI съез-

де партии Флеровский выступил с докладом о работе Кронштадтской партийной организации. В составе сводного отряда кронштадцев принимал участие в Октябрьском вооруженном восстании. В 1918 г. Флеровский — главный комиссар Балтийского флота. В последующие годы работал в аппарате ЦК ВКП(б), редактировал ряд газет и журналов.

На основе опубликованных в 1922 г. воспоминаний «Кронштадт в Октябрьской революции» (Пролетарская революция, № 10). И. П. Флеровский в 1957 г. издал книгу «Большевистский Кронштадт в 1917 г.», раздел из которой о VI съезде РСДРП(б) (с. 71—83) печатается в настоящем томе.

¹ Сведения, приведенные И. П. Флеровским, были сообщены делегатам съезда в докладе мандатной комиссии, с которым выступил М. И. Лацис 2 августа. Вместе с тем в составленной по данным мандатной комиссии анкете о личном составе съезда утверждалось, что делегатов с совещательным голосом было 107. Списка делегатов с правом совещательного голоса не сохранилось (см.: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958, с. 204, 294).— 230

² Сведения взяты из анкеты о личном составе съезда, подсчет произведен автором мемуаров (см.: Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 295).— 230

³ В. П. Ногин (1878—1924) — член Коммунистической партии с 1898 г. (партийные клички Макар, Самоваров, Яблочков). Агент «Искры», участник революции 1905—1907 гг. После Февральской революции один из руководителей Московского Совета рабочих депутатов. Был наркомом по делам торговли и промышленности в первом Советском правительстве; в ноябре 1917 г. выступал как сторонник правительственной коалиции с меньшевиками и эсерами. С 1918 г. на ответственной советской и хозяйственной работе.— 231

⁴ V (Лондонский) съезд РСДРП проходил с 30 апреля по 19 мая 1907 г.— 231

⁵ И. С. Кизельштейн — делегат VI съезда партии от Калужской организации. Член РСДРП с 1905 г. После Февральской революции избирался в состав Московского областного партийного бюро. С установлением Советской власти находился на дипломатической работе.— 231

⁶ После поражения революции 1905—1907 гг. внутри РСДРП возникли оппортунистические течения. Ликвидаторы — правые оппортунисты, меньшевики — считали, что с принятием основных законов 1906 г., которые вводили в России подобие конституции, нужно ликвидировать нелегальную марксистскую партию, отказаться от революционной борьбы, сосредоточив усилия на реформистской деятельности в рамках легальных организаций. Отзовисты — левые оппортунисты — призывали отозвать членов партии из легальных организаций, в том числе из Государственной думы, профсоюзов, уделяя абсолютное внимание нелегальной работе в массах.— 231

⁷ М. С. Ольминский (1863—1933) — член Коммунистической партии с 1898 г. Был членом редакций ряда большевистских легальных и нелегальных изданий. После Февральской революции работал в Московском комитете РСДРП(б). В Октябрьские дни — в штабе Замоскворецкого ВРК. Позднее возглавлял Истпарт и Общество старых большевиков.— 232

⁸ Протокол совещания был опубликован в газете «Рабочий и солдат» 28 июля 1917 г., а также воспроизведен по тексту газеты

⁹ Шестой съезд РСДРП (большевики), с. 7.— 232

¹⁰ Статья В. И. Ленина «К лозунгам» была издана не ранее середины июля — не позднее 2 августа 1917 г. отдельной брошюрой Кронштадтским комитетом РСДРП(б) в количестве 5 тыс. экземпляров. В статье выяснялось, как возник лозунг «Вся власть Советам!», почему его нужно снять после ликвидации двоевластия, назывались условия возвращения к нему, ставились задачи политической агитации после событий 3—5 июля (В. И. Ленин, Биохроника, т. 4, с. 296; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 10—17).— 233

¹¹ Порядок работы съезда был несколько иным. За политическим отчетом ЦК последовали прения, а затем с заключительным словом выступил И. В. Сталин. После слово для доклада об уклонении В. И. Ленина от явки к властям взял Г. К. Орджоникидзе. Съезд принял специальную резолюцию по этому вопросу. Лишь затем делегаты заслушали организационный отчет ЦК. Сведений о докладе об издательской деятельности в протоколах съезда нет. Видимо, И. П. Флеровский имеет в виду финансовый отчет ЦК (Шестой съезд РСДРП (большевики), с. 13—41).— 233

¹² И. П. Флеровским выпущены следующие строки из протокольной записи речи Н. И. Подвойского: «Мы воспользовались не только нашей организацией и клубом, но...» (Шестой съезд РСДРП (большевики), с. 61).— 233

¹³ Выступление И. П. Флеровского см.: Шестой съезд РСДРП (большевики), с. 76—78.— 233

¹⁴ Имеется в виду постановление Временного правительства от 28 июля 1917 г. о предоставлении военному и морскому министру и министру внутренних дел права на время войны не допускать собраний и съездов, представляющих опасность в военном отношении или в отношении государственной безопасности (см.: Революционное движение в июле 1917 г. Июльский кризис. Документы и материалы. М., 1959, с. 326).— 234

¹⁵ В записи делегата VI съезда К. А. Козлова, хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, значится: «Утреннее заседание 29 июля. Ввиду предполагаемого закрытия, Центральный Комитет и Президиум считают нужным произвести в первую очередь выборы в ЦК из 21 чел.

За 21 — 61 голос, за 25 — 59. Если явятся с запрещением съезда, вынести протест и поручить ЦК выработать манифест. Результаты выборов не оглашаются. Подсчет поручается президиуму». (Шестой съезд РСДРП (большевики), с. 419).— 234

¹⁶ Дом № 37 по Большому Сампониювскому пр.— 234

¹⁷ Список состава ЦК, избранного VI съездом партии, не разыскан. И. П. Флеровский использует данные К. А. Козлова. Согласно им в ЦК вошли: В. И. Ленин, Ф. А. Сергеев, Я. А. Берзин, А. С. Бубнов, Ф. Э. Дзержинский, А. М. Коллонтай, М. К. Муранов, В. П. Ногин, Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, М. С. Урицкий, С. Г. Шаумян и др.

И. В. Сталин в ответ на запрос Истпарта о том, из скольких членов состоял ЦК, избранный VI съездом, ответил: «кажется, из 23» (Шестой съезд РСДРП (большевики), с. 439).— 234

¹⁸ 30 июля работа съезда началась в помещении Нарвско-Петергофского райкома партии, а затем проходила в доме № 23 по Новосивковской ул. и в доме № 2 по Петергофскому шоссе (дом не со-

хранился, на его месте в 1927 г. построен Дворец культуры им. А. М. Горького).— 234

¹⁹ На девятом заседании съезда 30 июля были заслушаны доклады Н. И. Бухарина о войне и международном положении, а также И. В. Сталина — о политическом положении.— 234

²⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 12, 17, 15, 16.— 235

²¹ Там же, с. 16.— 235

²² Ранее, в заключительном слове по политическому отчету ЦК 27 июля, И. В. Сталин в связи с явкой В. И. Ленина на суд говорил: «В данный момент все еще не ясно, в чьих руках власть... Пока положение еще не выяснилось, пока еще идет глухая борьба между властью официальной и властью фактической, нет для товарищей никакого смысла являться к властям. Если же во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, которая будет иметь хоть некоторую честь... они явятся» (Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 27—28). Эта оценка отличалась от ленинской. В тезисах «О политическом положении», написанных 10 июля, В. И. Ленин указывал: «Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 1). Мнение И. В. Сталина о политическом положении, высказанное им в докладе 30 июля, см. по протокольной записи, выдержки из которой приводит И. П. Флеровский (Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 114).— 235

²³ И. П. Флеровский цитирует п. 3 протокола секции по пересмотру партийной программы. Протокол был принят съездом на заседании 3 августа (Шестой съезд РСДРП (большевиков), с. 268—269).— 236

²⁴ Московское государственное совещание, созванное Временным правительством, проходило с 12 по 15 августа 1917 г. На нем присутствовали: от Государственной думы четырех созывов — 488 делегатов, от Советов и комитетов общественных организаций — 129, городских дум — 147, кооперативов — 313, армии и флота — 117, торгово-промышленных кругов и банков — 150, профсоюзов — 176, земств — 118, крестьян — 100, научных организаций — 99, национальных организаций — 58, духовенства — 24.

В резолюции ЦК РСДРП(б) о Московском совещании, принятой 6 августа, говорилось: «...Московское совещание, прикрываемое и поддерживаемое мелкобуржуазными партиями — эсерами и меньшевиками, — на деле является заговором против революции, против народа». Московский пролетариат организовал в день открытия совещания стачку протеста (Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958, с. 14). Программу действий контрреволюционной буржуазии и реакционной военщины на совещании изложили Рябушинский, Корнилов, Каледин. В речи Керенского содержалась угроза прибегнуть к вооруженной силе в борьбе с демократическими организациями.— 236

²⁵ На митинге, состоявшемся в Кронштадте в честь приезда делегации, была принята резолюция, текст которой приводится в воспоминаниях И. Н. Колбина.— 237

²⁶ Итоги выборов в Кронштадтский Совет, состоявшихся 9—11 августа 1917 г., отражены И. П. Флеровским не совсем точно. Так, большевиков было избрано не 98, а 96; меньшевиков — не 12, а 13. Что касается эсеров, то в сообщении об итогах выборов не указано, принадлежали ли избранные эсеры только к левому крылу.

В состав исполкома Кронштадтского Совета вошли 10 большевиков, 8 эсеров, 1 меньшевик, 1 анархист и 10 беспартийных. Председателем исполкома стал большевик Л. А. Брегман, председателем Совета — эсер К. Шугрин, его заместителем — большевик М. Д. Лебедев. В итоге выборов большевики увеличили свое представительство на 3 мандата, тогда как эсеро-меньшевистский блок потерял 51 место (Известия Кронштадтского Совета, 1917, 13 августа; *Петраш В. В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября, с. 186—187) — 237

²⁷ Жирондисты, якобинцы — условное название политических группировок периода Французской революции 1789—1793 гг. В переносном значении жирондисты — это группировки, склоняющиеся к сделке с контрреволюцией, а якобинцы — последовательные революционеры. В статье «О врагах народа» В. И. Ленин называл пролетариев и полупролетариев «якобинцами» XX века (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 306). — 237

²⁸ А. Г. Железняков (Викторский) (1895—1919) — анархист, примкнул к большевикам. В 1917 г. вел революционную работу среди моряков Кронштадта и Гельсингфорса, участник Октябрьской революции в Петрограде и Москве. Погиб в бою с белогвардейцами под Екатеринославом. — 238

²⁹ Речь идет о показаниях Керенского, данных следственной комиссии, учрежденной Временным правительством по делу Корнилова. (Опубликовано в кн.: Керенский А. Ф. Дело Корнилова. Екатеринослав, 1918; Корниловский мятеж. Л., 1928). — 238

³⁰ Обстоятельства подготовки корниловского контрреволюционного заговора изложены И. П. Флеровским неточно. А. Ф. Керенский лично не составлял совместно с Л. Г. Корниловым плана продвижения войск к Петрограду, хотя до определенного момента содействовал его осуществлению, рассчитывая использовать контрреволюционные войска для борьбы против революционных масс. 26 августа 1917 г. Корнилов, сосредотачивавший с ведома Керенского 3-й конный корпус для удара по столице, предъявил главе Временного правительства свои условия, включавшие передачу Корнилову всей полноты военной и гражданской власти, увольнение в отставку всех министров, включая Керенского и др. В ответ на это Керенский, страшась взрыва возмущения революционных масс и стремясь удержаться у власти, объявил Корнилова заговорщиком и распорядился об отстранении его от должности. Решающую же роль в разгроме корниловщины сыграли рабочие, солдаты и матросы, выступившие на защиту Петрограда под руководством большевистской партии. — 238

³¹ «Дикая дивизия» — кавказская «туземная» конная дивизия, входившая в состав 3-го конного корпуса. — 238

³² Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа, М., 1959, с. 629. — 238

³³ Речь идет о воззвании «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда», принятом ПК и ЦК РСДРП(б), Военной организацией большевиков, Центральным советом фабзавкомов, большевистскими фракциями Петроградского Совета и ЦИК 27 августа 1917 г. Специального же «предложения ЦК партии немедленно выслать отряды матросов» в Кронштадтский комитет РСДРП(б) не поступало (Первый легальный ПК большевиков в 1917 году, с. 252; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, с. 30—32). — 239

³⁴ В сводный отряд входило 2210 матросов, 625 солдат, офицеров и комиссаров, а также неустановленное число рабочих. Отряд отбыл в Петроград 29 августа тремя эшелонами (*Петраш В. В. Морьяки Балтийского флота в борьбе за победу Октября*, с. 201).— 239

³⁵ Имеется в виду Комитет народной борьбы с контрреволюцией. В состав комитета вошли 3 представителя от большевиков, 3 — от меньшевиков, 3 — от эсеров и народных социалистов, 5 — от ЦИК, 5 — от исполкома Совета крестьянских депутатов, 2 — от Центрального совета профсоюзов, 2 — от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (*Красная летопись*, 1926, 1 (16), с. 31).— 239

³⁶ Засылку контрреволюционных офицеров в Петроград осуществлял главный комитет Союза офицеров армии и флота, находившийся в ставке Корнилова в Могилеве. По утверждению секретаря главного комитета капитана Роженко, предполагалось направить в столицу до 3 тыс. офицеров. В воспоминаниях начальника штаба верховного главнокомандующего генерала А. С. Лукомского указывается на создание в столице конспиративной организации с целью формирования вооруженных отрядов, предназначенных для захвата Смольного и разгона Петроградского Совета (Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Док. и мат. М., 1959, с. 452—453; Октябрьское вооруженное восстание. 1917 год в Петрограде, кн. 2, с. 133).— 240

³⁷ Всероссийское демократическое совещание было создано ЦИК и проходило в Петрограде с 14 по 22 сентября. Из 1198 делегатов 532 были эсерами, 305 — меньшевиками, 134 — большевиками, 55 — народными социалистами и др. На совещании шло обсуждение вопроса о власти. 20 сентября Совещание приняло решение о выделении из своего состава Временного совета республики — предпарламента. Предпарламенту вменялось содействовать образованию нового правительства, но фактически он был совещательным, безвластным органом.— 241

Николай Александрович Милютин (1889—1942)

Родился в Петербурге. Принимал участие в революции 1905—1907 гг., член РСДРП с 1908 г. Один из организаторов больничной кассы на фабрике «Скороход». Призванный в 1915 г. в армию, Милютин развертывает среди солдат антивоенную пропаганду, за что был арестован. В 1917 г. избирался членом Петроградского Совета, входил в состав оргбюро общегородской больничной кассы, участвовал в организации Красной гвардии Московской заставы.

После Октябрьской революции — на руководящей профсоюзной и советской работе в Петрограде и Москве.

Воспоминания Н. А. Милютина были опубликованы в кн.: «Великая Октябрьская социалистическая революция». М., 1957 и печатаются по этому изданию, с. 149—158.

¹ Революционные комитеты (ревкомы) на местах стали возникать после образования при ЦИК Комитета народной борьбы с контрреволюцией. С 28 августа революционный комитет стал действовать при Петергофском районном Совете. В его состав вошли делегаты от районного Совета, районной управы, политических партий, завкомов, профсоюзов, воинских частей. Районный Совет поручил

чил ревкому мобилизацию сил на отпор корниловскому выступлению. 30 августа комитет по борьбе с контрреволюцией был создан в Московском районе. Он распорядился выдать рабочим оружие, наладить охрану предприятий, приступить к рытью окопов и установке проволочных заграждений.— 242

² Командование Петроградского военного округа саботировало организацию обороны столицы от надвигавшихся корниловских войск. Министр земледелия во втором коалиционном Временном правительстве В. М. Чернов свидетельствовал: «Во время корниловского мятежа мы натолкнулись не только на итальянскую забастовку некоторой части офицерства, его саботаж, а может быть, и на нечто другое, и мы вместо Зимнего дворца могли очутиться в Петропавловке. Наше счастье в том, что даже «туземные» дивизии отказались повиноваться приказам корниловского генералитета» (Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 2, с. 161).— 243

³ Имеется в виду завод «Сименс — Шуккерт» — ныне производственное объединение «Электросила». — 243

⁴ Хаджим Мурат Дзарахохов (1875—1945). В 1917 г. — председатель сотенного и заместитель председателя полкового комитета Татарского конного полка. Герой гражданской войны, член Коммунистической партии с 1919 г. — 246

⁵ Имеются в виду Московские триумфальные ворота на Забалканском (ныне Московском) проспекте. — 248

⁶ Эшелоны кавказской «туземной» дивизии были задержаны рабочими Нарвской заставы на станциях Вырица, Сусанино, Семрино, Чолово, Антропшино. 29 августа дивизию посетила делегация Центрального комитета горских народов, а также ряд других делегаций. Под влиянием их агитации продвижение дивизии прекратилось. 31 августа делегация дивизии и ее командир князь Багратион выехали в Петроград. — 249

Владимир Филиппович Малаховский (1894—1940)

Потомственный рабочий-петербуржец, большевик с 1910 г., был избран в 1911 г. членом Петербургского комитета РСДРП. Неоднократно арестовывался и высылался из столицы. В 1915 г. призван в армию. После Февральской революции Малаховский участвует в создании партийной полковой организации, избирается членом ротного, полкового, дивизионного, корпусного комитетов, делегатом солдатского съезда Западного фронта. Приобретенный политический опыт позволил ему сразу по возвращении в Петроград включиться в строительство Красной гвардии на Выборгской стороне, стать одним из ее инструкторов. Активно участвовал в Октябрьском вооруженном восстании. После победы Октября Малаховский — член Выборгского районного штаба Красной гвардии, председатель военной секции Петроградского Совета, участник боев на фронтах гражданской войны. Впоследствии — на ответственных партийных и профсоюзных постах.

Воспоминания В. Ф. Малаховского публикуются по кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, с. 316—325.

¹ Уже в 1-е коалиционное Временное правительство, образованное 6 мая, вошли 3 эсера и 2 меньшевика, в том числе, по опреде-

лению В. И. Ленина, «почти социалистические министры» В. М. Чернов и И. Г. Церетели. В ночь на 3 июля из состава Временного правительства вышли министры-кадеты, а 7 июля последовала отставка министра-председателя Г. Е. Львова. 8 июля главой кабинета стал А. Ф. Керенский, который повел переговоры о возвращении к министерским постам представителей буржуазных партий. 2-е коалиционное Временное правительство сформировалось 24 июля в составе: министр-председатель, военный и морской министр — А. Ф. Керенский (эсер); заместитель министра-председателя и министр финансов — Н. В. Некрасов (кадет); министр внутренних дел — Н. Д. Авксентьев (эсер); министр иностранных дел — М. И. Терещенко (беспартийный, близкий к прогрессистам), министр юстиции — А. С. Зарудный (народный социалист), министр просвещения — С. Ф. Ольденбург (кадет), министр торговли и промышленности — С. Н. Прокопович (беспартийный, близкий к кадетам), министр земледелия — В. М. Чернов (эсер), министр почт и телеграфов — А. М. Никитин (меньшевик), министр труда — М. И. Скобелев (меньшевик), министр продовольствия — А. В. Пешехонов (народный социалист), министр государственного призрения — И. Н. Ефремов (прогрессист), министр путей сообщения — П. П. Юренев (кадет), обер-прокурор Синода — А. В. Карташев (кадет), государственный контролер — Ф. Ф. Кокошкин (кадет). 2-е коалиционное Временное правительство вышло в отставку в период корниловского выступления — поздно вечером 26 августа 1917 г. — 252

² Видимо, речь идет о заседании 16 октября 1917 г., на котором присутствовали члены ЦК РСДРП(б), исполнительной комиссии ЦК РСДРП(б), Военной организации, Петроградского Совета, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, Петроградского окружного комитета партии. Однако мнение В. Ф. Малаховского о том, что на этом заседании была критика в адрес Военной организации, не подтверждается протокольной записью (см.: Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, с. 93—104). — 253

³ Факты говорят о другом. В сентябре Военная организация обучала рабочих на 79 предприятиях (Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 2, Л., 1967, с. 237). — 253

⁴ Подпрапорщик — воинское звание младшего командного состава, шедшее вслед за званием фельдфебеля; подпрапорщик не был офицером. — 253

⁵ 30 августа исполком Совета рабочих и солдатских депутатов Шлиссельбургского порохового завода постановил вывезти в Петроград в распоряжение ЦИК и Центрального совета фабзавкомов 248 ящиков грубеита, 40 000 капсюлей, 3 круга зажигательного шнура. Баржа с грузом прибыла в столицу 31 августа, однако ЦИК отказался принять его, посоветовав вернуть взрывчатку обратно на завод. Боеприпасы согласился взять Выборгский районный Совет. Разгрузка баржи была произведена в три часа ночи 1 сентября у Сампсониевской набережной (Степанов З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Август — октябрь 1917 г. М. — Л., 1965, с. 176). — 254

⁶ Это не совсем так. Несколько красногвардейских отрядов выезжали навстречу корниловским войскам. В Лугу прибыло около 800 путиловцев при 4 пулеметах и 6 орудиях. Отряд Балтийского завода разобрал железнодорожный путь за Гатчиной, а на царско-

сельском направлении рабочие завода Речкина вступили в перестрелку с казаками. Кроме того, красногвардейцы несли охрану предприятий, участвовали в строительстве оборонительных сооружений (Степанов З. В. Рабочие Петрограда в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания, с. 180—181).— 254

⁷ Речь идет о «Проекте основ устава Рабочей гвардии», опубликованном также в «Известиях» 28 апреля. В проекте говорилось, что Рабочая гвардия создается с целью «охраны завоеваний революции и борьбы с контрреволюционными попытками». В тот же день проект устава обсуждался на собрании делегатов от предприятий в Александровском зале городской думы, где присутствовало 156 чел. Идея создания Красной гвардии подверглась атаке со стороны эсеров и меньшевиков, обвинявших большевиков — в связи с событиями апрельского кризиса — в инициативе развязывания гражданской войны. Меньшевик Ф. А. Юдин от имени исполнительного комитета Петроградского Совета заявил о нецелесообразности создания Рабочей гвардии. 29 апреля бюро исполкома Петросовета постановило «предложить товарищам из Красной гвардии никаких ни организационных, ни агитационных шагов не предпринимать». Таким образом из-за обструкционистской позиции меньшевиков и эсеров попытка создать общегородскую организацию Красной гвардии не удалась. В социально-политических условиях первых месяцев революции предпринять такой шаг без ведома Петроградского Совета было невозможно (Лурье М. Петроградская Красная гвардия. Л., 1933, с. 33; Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде, кн. 1, с. 244).— 255

⁸ Конференция Красной гвардии Выборгского района состоялась 7 октября. На ней присутствовали 29 делегатов от 22 предприятий и по одному делегату от райкома РСДРП(б), исполкома районного Совета, социалистического союза рабочей молодежи и бюро Центральной комендатуры Красной гвардии. Был избран районный штаб Красной гвардии из 6 чел. Материалы конференции опубликованы в газете Военной организации ЦК РСДРП(б), которая в октябре 1917 г. выходила под названием «Солдат» (№ 50 от 13 октября 1917 г.).— 256

⁹ Общегородская конференция Красной гвардии Петрограда и его пригородов состоялась 22 октября 1917 г. Мемуарист не точен в утверждении, что за основу общегородского устава Красной гвардии был взят устав Выборгского района. Еще в августе 1917 г. на совещании представителей Красной гвардии Петрограда избирается «организационная пятерка», член которой В. А. Трифонов к 20 августа выработал одобренный «пятеркой» проект, который и лег в основу общегородского устава от 22 октября.— 256

¹⁰ Штаб Красной гвардии Выборгского района выпустил листовку с воззванием к рабочим и работницам в период между 7 и 20 октября. Экземпляры листовки хранятся в Ленинградском партийном архиве.— 257

¹¹ Центральная комендатура Красной гвардии была создана в процессе ликвидации корниловского выступления не позднее 13 сентября 1917 г. (Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Док. и мат. М., 1957, с. 181).— 258

¹² Комиссары ВРК были назначены 23 октября 1917 г.— 258

¹³ Ошибка мемуариста. Конференция Красной гвардии Выборгского района состоялась 7 октября 1917 г.— 258

¹⁴ К середине сентября 1917 г. в Выборгском районе на 27 крупных предприятиях насчитывалось более 4 тыс. красногвардейцев (Ерыкалов Е. Ф., Камешков Б. Н. Ленинский ЦК — штаб Великого Октября. Л., 1977, с. 120—121).— 259

Софья Самойловна Гончарская
(1889—1973)

Ее революционная деятельность началась на Украине. Вступив в 1914 г. в Коммунистическую партию, она ведет типичную для революционера-подпольщика жизнь, в которой были аресты, тюрьмы, побег, эмиграция. С. С. Гончарская возвратилась из Нью-Йорка в Россию только после победы Февральской революции. Летом 1917 г. Петроградский комитет партии направил ее в профсоюз рабочих и работниц прачечных заведений. Она часто выступала на собраниях перед рабочими на предприятиях 1-го Городского района, а в июльские дни 1917 г. вела большевистскую агитацию среди войск, прибывших в столицу с фронта для подавления революционного движения. В дни Октября Гончарская работала в канцелярии Военно-революционного комитета, присутствовала на II Всероссийском съезде Советов. Позднее избиралась в гласные Петроградской городской думы, входила в состав районного комитета РСДРП(б) 1-го Городского района. В годы гражданской войны — начальник политотдела дивизии. В последующие годы находилась на дипломатической и партийной работе.

Воспоминания С. С. Гончарской были напечатаны в журнале «В помощь политсамообразованию», 1957, № 7 и приводятся по этому изданию, с. 65—69.

¹ Достоверные сведения о росте численности Петроградской организации большевиков с 1 по 26 июля 1917 г. дают данные мандатных комиссий II общегородской партийной конференции и VI съезда РСДРП(б). Из них можно заключить, что число членов партии за этот период возросло на 5334 чел. (Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Т. 1. 1883—1917. Л., 1980, с. 372).— 260

² 7 августа 1917 г. рабочая секция Петроградского Совета по предложению большевиков приняла резолюцию протеста против введения смертной казни на фронте. На следующий день большевистская резолюция протеста против смертной казни обсуждалась в солдатской секции Совета, которая не пришла к определенному решению. Вопрос был перенесен на пленум Совета 18 августа, который принял 428 голосами против 377 резолюцию протеста против смертной казни в редакции, предложенной эсерами (Известия Петроградского Совета, 1917, 20 августа).

О политической борьбе вокруг резолюции Петроградского Совета от 18 августа, об отмене смертной казни см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 94—97.— 262

³ За июнь — июль 1917 г. численность большевистской фракции Петроградского Совета возросла с 250 до 400 депутатов.— 262

⁴ Речь идет о публичном рукопожатии между И. Г. Церетели и известным промышленником А. А. Бубликовым 15 августа 1917 г. на Московском государственном совещании.— 262

⁵ Имеется в виду резолюция ЦК РСДРП(б) «О власти», принятая 31 августа 1917 г. на пленарном заседании Петроградского Со-

вета значительным большинством голосов. (Подробнее см. примечание 1 на с. 382—383).— 263

⁶ Заседание Петроградского Совета, о котором идет речь, состоялось 9 сентября 1917 г.— 264

⁷ За большевистскую резолюцию голосовало 519 депутатов, против — 414.— 265

Владимир Александрович Антонов-Овсенко
(1883—1939)

Еще юнкером военно-инженерного училища вступил на путь борьбы с самодержавием, а в 1903 г. стал членом РСДРП. Активный участник первой русской революции 1905—1907 гг., был приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги. Совершив побег из тюрьмы, перешел на нелегальное положение и в 1910 г. эмигрировал. Возвратившись в мае 1917 г. в Россию, Антонов-Овсенко порывает со сторонниками Мартова и становится большевиком. ЦК РСДРП(б) направляет его в Гельсингфорс, где Антонов-Овсенко ведет организаторскую и пропагандистскую работу среди моряков Балтийского флота, редактирует большевистскую газету «Волна». В дни Октября в Петрограде входил в состав Военно-революционного комитета, непосредственно руководил революционными отрядами, штурмовавшими Зимний дворец.

После Октябрьской революции находился на руководящей военной и дипломатической работе.

В томе печатается глава из книги В. А. Антонова-Овсенко «В семнадцатом году» (М., 1933). Текст воспроизводится по изданию: Антонов-Овсенко В. В революции. М., 1983, с. 93—106.

¹ 31 августа 1917 г. Петроградский Совет большинством в 279 голосов против 115 (при 51 воздержавшемся) отверг проект резолюции эсеров по текущему моменту и принял резолюцию ЦК РСДРП(б) «О власти», которая обсуждалась 31 августа на заседании ЦК и была внесена в тот же день, накануне пленума Петроградского Совета, на рассмотрение ЦИК от имени большевистской фракции ЦИКа. В резолюции говорилось:

«Перед лицом контрреволюционного мятежа ген. Корнилова, подготовленного и поддержанного партиями и группами, представители которых входили в состав Временного правительства (во главе с партией к-д.), ЦИК считает долгом провозгласить, что отныне должны быть решительно прекращены всякие колебания в деле организации власти. От власти должны быть отстранены не только представители к-д. партии, открыто замешанной в мятеже, и представители ценовых элементов вообще, но должна быть в корне изменена и вся та политика соглашательства и безответственности, которая создала самую возможность превратить верховное командование в очаг и орудие заговора против революции.

Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход — в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти, в основу деятельности которой должно быть положено следующее:

- 1) Декретирование демократической республики.
- 2) Немедленная отмена частной собственности на помещичью землю без выкупа и передача ее в заведывание крестьянских коми-

тетов впредь до решения Учредительного собрания, с обеспечением беднейших крестьян инвентарем.

3) Введение рабочего контроля в общегосударственном масштабе над производством и распределением. Национализация важнейших отраслей промышленности, как-то: нефтяной, каменноугольной, металлургической; беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискация военных прибылей в целях спасения страны от хозяйственной разрухи.

4) Объявление тайных договоров недействительными и немедленное предложение всем народам воюющих государств всеобщего демократического мира.

В качестве немедленных мер должно быть декретировано:

1) Прекращение всяких репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций. Немедленная отмена смертной казни на фронте и восстановление полной свободы агитации и всех демократических организаций в армии. Очищение армии от контрреволюционного командного состава.

2) Выборность комиссаров и других должностных лиц местными организациями.

3) Осуществление на деле права наций, живущих в России, на самоопределение, в первую очередь удовлетворение требований Финляндии и Украины.

4) Роспуск Государственного совета и Государственной думы. Немедленный созыв Учредительного собрания.

5) Уничтожение всех сословных (дворянских и пр.) преимуществ, полное равноправие граждан» (Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, с. 37—38).

Принятие Петроградским Советом резолюции ЦК РСДРП(б) «О власти» имело важное политическое значение. Оно свидетельствовало о росте классового самосознания рабочих и солдат.— 266

² 5 сентября эсеро-меньшевистский президиум Петроградского Совета вышел в отставку и поставил перед пленумом Совета вопрос о доверии. Голосование по этому вопросу было назначено на 9 сентября. На заседании ЦК РСДРП(б) 6 сентября указывалось, что представительство в президиуме Петросовета должно стать пропорциональным и в новый состав президиума, помимо прежних 7 членов от меньшевиков и эсеров, должны войти 7 большевиков. Это решение ЦК о коалиционном составе Президиума В. И. Ленин расценил как ошибочное, поскольку меньшевики утратили доверие поддерживавшей их части масс и большевики могли составить президиум без оборонцев (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 34, с. 282). 9 сентября пленум Петроградского Совета, на котором присутствовало свыше 1000 депутатов, отверг резолюцию меньшевиков о выражении доверия старому составу президиума и принял предложение большевиков о его переизбрании в соответствии с итогами голосования 31 августа. После 9 сентября эсеро-меньшевистский президиум (Чхеидзе, Церетели, Скобелев, Чернов, Анисимов, Дан, Гоц) сложил полномочия. Новый состав президиума Петроградского Совета был избран 25 сентября. В него вошли 4 большевика, 2 эсера и 1 меньшевик (Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г., с. 47, 259—260).— 266

³ Перевыборы президиума солдатской секции состоялись 13 сентября. Большевики получили в руководстве солдатской секцией 9 мест, тогда как меньшевики и эсеры 13 (Большевики Петрограда в 1917 г., Л., 1957, с. 525).— 266

⁴ Мнение мемуариста о переходе власти на местах к ревкомам, о возрождении Советов как органов революционной борьбы не отражает всей сложности политической ситуации в период корниловского мятежа. Ревкомы выступали как чрезвычайные органы борьбы с контрреволюцией. Превратиться во временные органы власти на местах они могли: 1) или при согласии меньшевиков и эсеров на переход государственной власти в руки Советов (Ленин не исключал такую возможность в начале сентября) или 2) в результате перевыборов Советов. Ревкомы были многопартийными организациями, в состав которых входили все партии, представленные в Советах; действовали ревкомы под контролем районных Советов, большинство которых оставалось в сентябре за мелкобуржуазными политиками.— 267

⁵ См.: Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. М., 1959, с. 471.— 267

⁶ Вопреки приказу Керенского 5 сентября было созвано заседание Комитета народной борьбы с контрреволюцией при ЦИК. В принятом постановлении Комитет призвал местные революционные комитеты «работать с тою же энергией и выдержкой».— 267

⁷ Учитывая колебания руководства эсеров и меньшевиков в вопросе о сохранении правительственной коалиции с буржуазией в период корниловщины, В. И. Ленин в статье «О компромиссах» предложил выставить лозунг передачи власти в центре и на местах Советам несмотря на эсерово-меньшевистское большинство в них, при полной свободе агитации для большевиков. Это было предложение компромисса мелкобуржуазным партиям. Осознание возможности возврата к лозунгу «Вся власть Советам!», означавшему в начале сентября новую, редкую возможность мирного развития революции, проходило среди большевиков сложно и противоречиво. Не было единого мнения по этому вопросу в редакции центрального органа партии — газете «Рабочий путь», а Петербургский комитет РСДРП(б), обсуждавший проблему компромисса и судьбу лозунга «Вся власть Советам!», в заседании 7 сентября не пришел к определенному решению (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 134—135; Первый легальный ПК в 1917 году, с. 262—265).— 267

⁸ Меньшевики-интернационалисты, возглавляемые Л. Мартовым, на словах выступали против империалистической войны, однако не связывали вопрос о мире с победой пролетарской революции, не хотели и не могли изменить политику меньшевистской партии в целом. В оценке перспектив революции они солидаризовались с руководством меньшевиков, подчеркивая ее буржуазно-демократический характер, отстаивая лозунг демократической, парламентарной республики в рамках буржуазного политического строя. Вместе с тем по вопросам тактики имели место расхождения между меньшевиками-интернационалистами и меньшевистским ОК (Объединенным комитетом — руководящим органом меньшевистской партии). Так, в дни июльского кризиса группа Мартова высказывалась за передачу власти Советам. Большевики предпринимали попытки объединить силы с интернационалистами для совместных действий против социал-шовинистов. VI съезд партии призвал интернационалистов порвать организационно с оборонцами и влиться в РСДРП(б). Объединение, однако, не состоялось, хотя отдельные интернационалисты вошли в большевистскую партию.

Новожиженцы — группа меньшевиков-интернационалистов, объединявшихся вокруг газеты «Новая жизнь», издававшейся А. М. Горьким.

Открытая контрреволюционная политика руководства меньшевиков после июльского кризиса, рост классового сознания пролетариата вызывали расхождения по политическим вопросам в меньшевистской партии. На II общегородской конференции меньшевиков тезисы ОК прошли большинством всего в один голос, а группа Ю. Ларина в знак несогласия с политической ОК покинула конференцию, что явилось первым шагом к организационному расколу у меньшевиков. Интернационалисты добились победы на общегородской конференции меньшевиков в начале августа, проведя свою резолюцию и включив только своих представителей в состав петроградского комитета.

Потерю меньшевиками опоры в массах отчетливо выявили итоги выборов в Центральную городскую думу 20 августа 1917 г. Меньшевики получили в думе из общего числа 198 мест только 8, тогда как большевики — 67, эсеры — 75, кадеты — 42 (см. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 477—478; Комин В. В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965, с. 265—269, 402—420; Рабочие Ленинграда в борьбе за победу социализма. М.—Л., 1963, с. 72—73).— 268

⁹ Имеется в виду позиция ЦИК Советов в период корниловского мятежа и в первые дни после его ликвидации. С особой силой колебания руководства мелкобуржуазных партий проявилось на заседании ЦИК 1—2 сентября, когда в условиях революционного подъема масс ЦИК мог взять в свои руки государственную власть. Тем не менее меньшевики и эсеры проявили в очередной раз характерную для них непоследовательность и одобрили решение Керенского о создании «Директории», т. е. чрезвычайного правительства из 5 лиц, куда вошли Керенский, Никитин, Терещенко, Вердеревский и Верховский.— 268

¹⁰ В период работы Демократического совещания (14—22 сентября 1917 г.) Керенский обратился в Московский совет общественных деятелей, оказывавший определенное влияние на торгово-промышленные круги, с предложением принять участие в переговорах о возможности вступления представителей буржуазии во Временное правительство. Переговоры по этому вопросу тайно велись в Петрограде 15 сентября с участием приехавших из Москвы Кишкина, Бурышкина, Коновалова, Малянтовича, Третьякова и были прекращены после появления сообщения о них в эсеровской газете «Дело народа» за 16 сентября (Старцев В. И. Крах керенщины. Л., 1982, с. 90—91).— 268

¹¹ Заседание большевистской фракции ЦИК совместно с делегатами-большевиками, приехавшими на Демократическое совещание, состоялось в Смольном 13 сентября. Отчет о нем был напечатан в большевистской газете «Рабочий путь» 14 сентября.— 268

¹² Демократическое совещание открылось 14 сентября в помещении бывшего императорского Александринского театра (ныне Академический театр им. А. С. Пушкина).— 268

¹³ Фракция большевиков насчитывала 134 человека.— 268

¹⁴ «Живые силы» — понятие, под каким меньшевики и эсеры подразумевали торгово-промышленные круги, а также буржуазных политиков, без которых якобы невозможно было решать задачи буржуазно-демократической революции.— 269

¹⁵ Назначение военным министром 30-летнего командующего Московским военным округом полковника А. И. Верховского, произведенного в генералы, состоялось 3 сентября. До этого пост

военного министра занимал А. Ф. Керенский, оставивший его с целью политического маневра.— 270

¹⁶ Деятельность В. М. Чернова на посту министра земледелия, направленная на выработку проектов куцей земельной реформы, не устраивала буржуазно-помещичьи круги, усматривавшие в ней попытки ущемления крупного землевладения. 26 августа Чернов вынужден был подать в отставку (*Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. К истории банкротства неонародничества. Л., 1977, с. 114—123).— 271

¹⁷ На заседании ЦК РСДРП(б), состоявшемся 15 сентября, И. В. Сталин предложил разослать письма В. И. Ленина в наиболее важные организации и обсудить их там. Но это предложение не голосовалось, а было принято решение перенести вопрос о рассылке писем В. И. Ленина на ближайшее заседание ЦК. Приведенные же мемуаристом результаты голосования относятся к предложению (кем оно было выдвинуто в протоколах не указывается) сохранить только один экземпляр писем (Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918, с. 55).— 271

¹⁸ В протоколе заседания ЦК РСДРП(б) от 15 сентября записано:

«В заключение принимается постановление:

Членам ЦК, ведущим работу в Военной организации и в ПК, поручается принять меры к тому, чтобы не возникло каких-либо выступлений в казармах и на заводах» (Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917—февраль 1918, с. 55).— 271

¹⁹ Речь идет о листовке с воззванием ЦК РСДРП(б) по поводу открытия Демократического совещания, выпущенной 15 сентября.— 272

²⁰ Наказ был принят на собрании рабочих завода «Айваз» 16 сентября с участием В. А. Антонова-Овсеенко и опубликован в газете «Рабочий путь» 20 сентября 1917 г.— 274

²¹ Имеется в виду передовая статья, помещенная в центральном органе партии кадетов—газете «Речь», экстренный выпуск за 28 августа. Говоря о выступлении Корнилова, передовица утверждала: «Нет надобности в перевороте, чтобы установить связь и преемственность кабинетов, и те, кто готовит переворот, обыкновенно об этом не предупреждают. Предложение генерала Корнилова, очевидно, могло иметь целью не совершить переворот, а скорее предупредить его».— 275

²² Решение об участии в совещании ЦК принял 3 сентября, поручив 13 сентября составление большевистской декларации комиссии из пяти человек (Троцкий, Каменев, Сталин, Милютин, Рыков). В процессе разработки декларации и в принятом комиссией тексте отразились колебания, непоследовательность политической линии руководства большевистской фракции Демократического совещания. В декларации, разработанной комиссией ЦК, нашли отражение ошибочные взгляды Каменева и Зиновьева. Накануне Демократического совещания многие члены ЦК еще разделяли парламентские иллюзии. В то же время В. И. Ленин между 12 и 14 сентября пишет 2 письма в ЦК о восстании (см. В. И. Ленин. Биохроника, т. 4, с. 346—347, 349), где выставляет требование организации вооруженного восстания и высказывает резко отрицательное отношение к Демократическому совещанию. В письме «Марксизм и восстание» В. И. Ленин прямо указывал: «Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому совещанию как к парламенту, ибо даже если бы

оно объявило себя перманентным и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего не решает: решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 34, с. 245).

Тем не менее в выступлениях руководителей большевистской фракции Каменева и Троцкого на Демократическом совещании 14 и 15 сентября содержались принципиальные ошибки, а на заседании ЦК против писем В. И. Ленина о восстании в резкой форме выступил Каменев. Хотя под влиянием ленинской критики в декларации большевиков, оглашенной на Демократическом совещании 18 сентября, оно не рассматривалось как источник власти, в ней выдвигался тезис о решении вопроса о власти съездом Советов (т. е. мирным, «парламентским» путем). Текст декларации см.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б), Август 1917 — февраль 1918, с. 49—54 (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 34, с. 241, 244—245; Октябрьское вооруженное восстание. 1917 год в Петрограде, кн. 2, с. 194—196, 206, 209).— 276

²³ Голосование 19 сентября имело такой порядок: сначала отношение к коалиции (т. е. участию в правительстве буржуазных партий) в целом, затем две поправки: 1) устранение из коалиции кадетов, причастных к корниловскому мятежу, 2) устранение из коалиции кадетской партии совсем. В результате раздельно были приняты и основа резолюции и поправки к ней, однако при окончательном голосовании совместно с поправками она провалилась, поскольку против нее высказались полярно противоположные силы: и большевики — принципиальные противники правительственной коалиции с буржуазией и те из меньшевиков и эсеров, кто выступал за обязательное включение кадетов в коалицию.— 276

²⁴ Демократическое совещание 19 сентября приняло постановление об организации предпарламента (Временного совета республики). 27 сентября 1917 г. юридическое совещание при Временном правительстве определило компетенцию предпарламента как совещательного органа при Временном правительстве, имеющего право обращаться вопросы к правительству и получать на них ответы в определенный срок, разрабатывать законодательные предложения и обсуждать все вопросы, которые будут переданы на его рассмотрение Временным правительством или возникшие по его собственной инициативе (Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественациональный кризис. М., 1961, с. 242—244).

По вопросу об отношении к предпарламенту в ЦК было две точки зрения. В. И. Ленин считал участие в нем невозможным, предлагая в статье «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии» бойкотировать предпарламент, организуя массы на вооруженное восстание. Противоположного мнения придерживались Каменев, Рыков, Ногин при фактической поддержке Троцкого. 23 сентября ЦК решил послать своих представителей в президиум предпарламента, а 24 сентября совещание членов ЦК с большевиками — делегатами предпарламента вновь высказалось за участие в предпарламенте. Ошибочное решение о вхождении в предпарламент было пересмотрено на заседании ЦК 5 октября, которое постановило уйти из предпарламента (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 34, с. 261—262; Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, с. 67, 69, 76).— 277

²⁵ Эта ошибочная резолюция ориентировала партию и массы не на подготовку вооруженного восстания, а на левую оппозицию внутри предпарламента, сеяла среди рабочих и крестьян парламентские

иллюзии, откладывая решение вопроса о власти до созыва съезда Советов.— 278

²⁶ Резолюция Петроградского Совета была принята не 22, а 21 сентября, текст ее см.: Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Док. и мат. М., 1961, с. 194.— 278

Александр Федорович Ильин-Женевский
(1894—1941)

Воспоминания А. Ф. Ильина-Женевского «Накануне Октября» впервые напечатал журнал «Красная летопись», 1926, № 4 (19); воспроизводятся по этому изданию, с. 19—23.

¹ Резолюция собрания солдат запасного Огнемётно-химического батальона была принята 7 сентября 1917 г. В ней выставлялись требования передачи власти в руки рабочих и крестьян, немедленного заключения мира, конфискации помещичьих земель, отмены смертной казни, освобождения арестованных революционеров, свободы агитации (Большевизация петроградского гарнизона в 1917 году, с. 268).— 280

² 20—28 августа 1917 г. проходила первая общегородская конференция Петроградского социалистического союза молодежи, объединявшего 13 тыс. чел. Конференция приняла программу и устав союза, а также избрала его комитет, в состав которого вошли В. Алексеев, Э. Леске, М. Глебов, Л. Левенсон, А. Устинов, Е. Пылаева, П. Смородин, О. Рывкин и др. (Очерки истории Ленинградской организации ВЛКСМ. Л., 1969, с. 38—40).— 281

³ Временное правительство 1-го состава, куда входили представители буржуазии, за исключением Керенского, было организовано в марте 1917 г. и просуществовало до 6 (19) мая, 1-е коалиционное Временное правительство с участием кадетов, меньшевиков и эсеров до 24 июля (6 августа), 2-е коалиционное — до 27 августа (7 сентября), «Директория» — до 25 сентября (8 октября), 3-е коалиционное было свергнуто Октябрьским вооруженным восстанием.

Александр Иванович Верховский
(1886—1938)

Профессиональный военный, происходил из дворянской семьи. Участвовал в русско-японской войне, был награжден за отвагу солдатским Георгиевским крестом. Окончил с отличием Академию Генерального штаба. В первую мировую войну был дважды ранен, награжден боевыми орденами. Весной 1917 г. подполковник Верховский, занимавший должность начальника штаба дивизии, был избран в Севастопольский Совет рабочих и солдатских депутатов, а затем назначен командующим Московским военным округом и произведен в полковники. Отказался присоединиться к корниловскому заговору. Стремясь сбить волну возмущения масс контрреволюционным генералитетом, Керенский назначил Верховского военным министром и присвоил звание генерала. За несколько дней до вооруженного восстания в Петрограде Верховский вышел из состава кабинета

та. Октябрьскую революцию не принял. Участвовал в подготовке антисоветских заговоров, но вскоре от политической деятельности отошел.

В 1919 г. А. И. Верховский вступил в Красную Армию. Занимал штабные должности в войсках, работал преподавателем Академии РККА, состоял военным экспертом советской делегации на Генуэзской конференции. Был начальником штаба Северо-Кавказского военного округа, а в последние годы жизни — профессором Академии Генерального штаба.

Воспоминания А. И. Верховского «На трудном перевале» были изданы в 1957 г. в Москве, по рукописи, хранившейся в его семье. В настоящем томе приводятся с. 343—389 этого издания.

¹ Имеется в виду отказ солдат 62, 183 и 185-го полков, расквартированных в Нижнем Новгороде, выполнить приказ об отправке на фронт. Солдаты в ночь на 5 июля 1917 г. разгромили высланный против них отряд юнкеров и арестовали начальника гарнизона. Тогда в Нижний Новгород из Москвы прибыла карательная экспедиция во главе с А. И. Верховским, подавившая 8 июля революционное выступление масс.— 285

² Речь идет об отказе мемуариста присоединиться к корниловскому заговору.— 285

³ Автор неверно освещает роль командующего Балтийским флотом Д. Н. Вердеревского в июльских событиях. См. на с. 369 примечание 14 к воспоминаниям И. Н. Колбина.— 286

⁴ В начале 1917 г. подполковник А. И. Верховский был начальником штаба Черноморской дивизии.— 286

⁵ Речь идет о борьбе мемуариста с революционным движением в армии, посредством опоры его на верхушку комитетов частей и соединений, а также на соглашательское крыло Советов.— 286

⁶ А. Ф. Керенский, И. Г. Церетели, А. М. Никитин, М. И. Терещенко — члены «Директории». — 287

⁷ В. А. Сухомлинов (1848—1926) — военный министр в 1909—1915 гг. За год до Февральской революции осужден по обвинению во взяточничестве. Освобожден из Петропавловской крепости по настоянию Распутина. Вновь был арестован Временным правительством и приговорен к пожизненному заключению. Эмигрант.— 287

⁸ Б. В. Савинков (1879—1925) — с 1903 г. эсер, в первой русской революции 1905 г. террорист. После июльских дней 1917 г. занимал ответственные посты в военном министерстве. Активно боролся против Советской власти. Арестован в 1924 г. при переходе советской границы. Покончил жизнь самоубийством.— 288

⁹ М. М. Филоненко — правый эсер, штабс-капитан, военный комиссар 8-й армии, комиссар ставки верховного главнокомандующего, помощник военного генерал-губернатора Петрограда.— 288

¹⁰ Часть зданий Смольного института с 11 июля 1917 г. была отдана Временным правительством ЦИКу, Петроградскому Совету и центральным профсоюзным органам.— 288

¹¹ Автор недооценивает роль партии большевиков как организатора питерских рабочих на борьбу с корниловщиной. Именно благодаря революционным рабочим, солдатам и матросам генеральская авантюра была пресечена.— 289

¹² М. В. Алексеев (1857—1918) — в период первой мировой войны — начальник штаба верховного главнокомандующего. После Февральской революции занимал посты верховного главнокомандующего

и начальника штаба верховного главнокомандующего. Организатор белой армии, сторонник Л. Г. Корнилова.— 291

¹³ Земгор — сокращенное название объединенного «Главного по снабжению армии комитета Всероссийского земского и городского союзов». Создан 10 июля 1915 г. в условиях кризиса боевого снабжения русской армии. Земгор ведал мобилизацией главным образом мелкой и кустарной промышленности, поставлял шанцевый инструмент, обозное имущество и отчасти боеприпасы. Был одним из политических центров торгово-промышленной буржуазии и обуржуазившихся помещиков. После Февральской революции активно сотрудничал с Временным правительством. Председатель Земгора Г. Е. Львов возглавлял Временное правительство со 2 марта по 7 июля 1917 г. Земгор был упразднен постановлением ВСНХ от 27 марта 1918 г.— 291

¹⁴ Г. П. Полковников (1883—1918) — полковник, командующий войсками Петроградского военного округа накануне Октябрьской революции. Принимал участие в организации антисоветского мятежа Керенского — Краснова в первые дни после победы Октября. Бежал на Дон, где расстрелян органами Советской власти.— 293

¹⁵ Речь идет, видимо, о солдатской секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.— 295

¹⁶ Имеется в виду «Директория» («Совет пяти»), на смену которой 25 сентября пришло 3-е коалиционное Временное правительство.— 296

¹⁷ Речь идет о попытке принудить Николая II отречься от престола в пользу 15-летнего сына Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича.— 297

¹⁸ 27 августа 1917 г. министры-кадеты на предложение Керенского создать «Директорию» для «борьбы с контрреволюцией» ответили отставкой, заранее предусмотренной с целью содействия корниловскому заговору.— 297

¹⁹ 30 августа 1917 г. Терещенко не принял прибывшего в Петроград командира 3-го конного корпуса генерала Крымова, который в тот же день застрелился после беседы с Керенским.— 297

²⁰ Имеется в виду декларация Временного правительства о целях войны от 27 марта 1917 г., содержавшая формальный отказ от захвата чужих территорий. Однако Временное правительство не принимало практических мер для достижения мира.— 298

²¹ Н. Н. Духонин (1876—1917) — один из организаторов контрреволюционных сил в России в 1917 г. 5 сентября назначен начальником штаба верховного главнокомандующего. После бегства Керенского — верховный главнокомандующий; смещен Совнаркомом за отказ выполнить приказ — вступить в переговоры с немцами о перемирии. Убит в ставке солдатами.— 300

²² Речь идет о совместном заседании членов Временного правительства, представителей Демократического совещания, московских «общественных деятелей» и ЦК партии кадетов. Отчет о заседании был опубликован в газете «Дело народа» 23 сентября 1917 г.— 301

²³ А. М. Никитин в начале сентября занимал пост министра почт и телеграфов.— 303

²⁴ К. А. Гвоздев — меньшевик. В годы первой мировой войны социал-шовинист, председатель рабочей группы Центрального военнопromышленного комитета. После Февральской революции — член исполкома Петроградского Совета, товарищ министра, а затем министр труда в 3-м коалиционном Временном правительстве.— 304

901 25 Имеется в виду 3-е коалиционное Временное правительство.— 306

26 С. Н. Прокопович — министр продовольствия, С. Л. Маслов — министр земледелия, А. И. Коновалов — заместитель министра-председателя и министр промышленности, С. Н. Третьяков — председатель экономического совета при Временном правительстве, Н. М. Кишкин — министр государственного призрения.— 306

27 26 сентября 1917 г. Керенский, Терещенко, Верховский и Вердеревский выехали в ставку верховного главнокомандования с целью организации вооруженных сил для борьбы с большевиками (см.: *Иванов Н. Я.* Корниловщина и ее разгром. Из истории борьбы с контрреволюцией в 1917 г. Л., 1965, с. 210—235).— 307

28 Имеется в виду Моонзундская операция, длившаяся с 29 сентября по 6 октября, в ходе которой германский флот пытался прорваться в Финский залив. С обеих сторон в боях участвовало до 400 кораблей. Несмотря на занятие островов Эзель (Сааремаа) и Даго (Хийумаа), немецкому командованию не удалось достичь намеченной цели.— 308

29 27 сентября 1917 г. общее собрание солдат и офицеров Волынского полка выразило недоверие Временному правительству, потребовав немедленного созыва Всероссийского съезда Советов и создания им революционной власти (Большевизация Петроградского гарнизона в 1917 г., с. 290).— 312

30 Оставшись в меньшинстве на заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября, принявшем решение о восстании, Каменев и Зиновьев 11 октября направили в адрес ряда партийных организаций письмо с изложением своей оппортунистической точки зрения. Они же выступили против ленинского плана завоевания власти и на заседании ЦК 16 октября. Через день, 18 октября, формально беспартийная, близкая к меньшевикам газета «Новая жизнь» поместила заметку «Ю. Каменев о „выступлении“», в которой говорилось: «Не только я и т. Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении общественных сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов было бы недопустимым, губительным для пролетариата и революции шагом» (Протоколы Центрального комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918, с. 115—116). В. И. Ленин оценил выступление Каменева и Зиновьева как штрейкбрехерское, потребовав исключения их из партии. ЦК РСДРП(б) 20 октября единогласно одобрил постановление, обязывавшее членов ЦК не выступать против принятых Центральным комитетом решений, а также вменил в обязанность Каменеву и Зиновьеву «не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы». ЦК принял отставку Каменева.— 313

31 Мемуарист явно завышает численность войск, якобы стоявших на стороне Временного правительства. Активных защитников буржуазной власти насчитывалось в столичном гарнизоне всего около 8 тыс. чел. (см.: *Соболев Г. Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября, с. 233).— 313

32 Если с начала первой мировой войны до Февральской революции кредитных билетов было выпущено на сумму 8317 млн. руб., то с 1 марта по 1 июля 1917 г. — на сумму 3105 млн. руб., а с 1 июля по 1 сентября 1917 г. — 4235 млн. руб. (Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Док. и мат. Март — октябрь 1917 г., часть 2. М.— Л., 1957, с. 424).— 317

³³ Позже А. Ф. Керенский писал: «По моему приказу с фронта должны были в срочном порядке выслать в Петербург войска, и первые эшелоны с Северного фронта должны были появиться в столице 24 октября» (История гражданской войны в СССР, т. 1, с. 195).— 317

³⁴ Заседание Временного правительства, о котором рассказал мемуарист, проходило не 18, а 17 октября. Судя по опубликованному протоколу этого заседания, мотивировка отставки А. И. Верховского была несколько иной. В протоколе речь Верховского передана следующим образом: «Скучно слушать. Активно выступать нельзя. План есть, надо ждать выступления другой стороны. Большеизм в Совете рабочих депутатов, и его разогнать нет сил. Я не могу представить реальной силы Временному правительству и поэтому прошу отставку» (Исторический архив, 1960, № 5, с. 85). Тезис Верховского о том, что в октябрьские дни он хотел быть с народом и выступал против Временного правительства, расходится с действительностью. Так, 11 октября военный министр отдал приказ о привлечении армии к борьбе с «анархией». (История гражданской войны в СССР, т. 1, с. 290).— 321

³⁵ Ошибка мемуариста. Н. М. Кишкин был наделен чрезвычайными полномочиями на последнем заседании Временного правительства — 25 октября 1917 г., когда Керенский выехал из Петрограда.— 322

- Абрамович 61, 63
 Авилов Б. В. 47
 Авксентьев Н. Д. 120, 267, 274, 298
 Аджемов М. С. 298, 306, 315
 Александр I 301
 Александр II 301
 Александров П. А. 166
 Александрович П. 8
 Алексеев М. В. 289, 297
 Алексеев 88, 89
 Алексинский Г. А. 69, 203
 Альмквист 199
 Андреев И. 192
 Анисимов В. А. 194, 195
 Антипов Н. К. 47
 Антонов А. 100, 102
 Антонов-Овсеенко В. А. 39, 221, 266
 Аракчеев А. А. 301
 Арманд И. Ф. 63
 Артамонов 211, 212
 Артемьев 91
 Архипов 297
 Аснин 108
 Астрахан Х. М. 38
 Астров Н. И. 296, 298
 Бабицын А. А. 18, 26, 39, 40, 87
 Багдатьян С. Я. 81
 Бакланова И. А. 38
 Башкиров 300, 302, 316
 Белунский Д. Р. 17
 Беляков 157
 Беркенгейм А. М. 274, 276, 298
 Бернацкий М. В. 311
 Богданов Б. О. 178, 179, 208, 220, 271
 Бойцов 63
 Бонч-Бруевич В. Д. 31
 Брешко-Брешковская Е. К. 191, 199
 Бринкен 289
 Бройдо М. И. 44
 Брушвит 205, 216
 Бубликов А. А. 236, 262
 Бубнов А. С. 281
 Бубнов 90
 Бунаков И. 222, 292
 Бурышкин А. В. 298
 Вандервельде Э. 120
 Васильев А. Е. 26, 27, 39, 94
 Васильев 151
 Вердеревский Д. Н. 205, 208, 209, 218, 219, 221, 285—287, 310
 Верховский А. И. 39, 270, 271, 284, 293
 Вильгельм II 193, 269, 313
 Вильямс А. Р. 33, 39, 160
 Виноградов В. П. 26, 39, 103, 109
 Вишневецкий 255, 256, 258
 Войтинский В. С. 208, 220
 Войцеховский М. А. 96
 Володарский В. 90, 150, 183, 187, 190, 214, 237, 264, 268
 Воробьев Я. З. 231
 Ворошилов К. Е. 77, 78
 Восков С. П. 192
 Гавен 299
 Гальперн 310, 312
 Гамберг 161
 Ганецкий Я. С. 61, 62
 Гапоненко Л. С. 38
 Гвоздев К. А. 8, 44, 187, 300—302, 314
 Гвоздев 191, 192
 Герасимов 210
 Гессен С. М. 182, 183
 Гиляров П. А. 129
 Гилярова Е. А. 39, 128, 136
 Гинденбург П. 269
 Гинев В. Н. 38

- Гольденберг 66
 Гончарская С. С. 35, 39, 260
 Гопнер С. И. 39, 75
 Горячев В. М. 88, 89, 92
 Гоц А. Р. 23, 203, 220, 276, 287, 297, 298, 300
 Грабельская 63
 Гримм Р. 62
 Гриневич К. С. 8
 Гундоров А. С. 100, 101
 Гусев К. В. 38
 Гучков А. И. 24, 76, 85, 154, 295, 296, 312
 Дан Ф. И. 141, 142, 268, 276, 298
 Дантон Ж.-Ж. 276
 Дашкевич П. В. 54, 118, 129, 150
 Дейч Л. Г. 114
 Джапаридзе П. А. 32, 130, 237
 Дзарахохов Х. М. 246, 247, 248, 249
 Дзевалтовский (Гинтовт) И. Л. 111, 116
 Дзержинский Ф. Э. 226
 Дорман 289
 Друг 243
 Дудоров Б. П. 205, 208, 218
 Дуна-Шулятиков 231
 Духонин Н. Н. 297, 304, 305
 Дыбенко П. Е. 221, 276
 Евдокимов Г. Е. 232
 Егоров В. И. 100
 Егорова Е. Н. (Лиепинь Э.) 87, 259
 Елин Г. В. 53
 Емельянов Н. А. 195
 Еремеев Г. 99
 Еремеев К. С. 170, 172—174
 Еримин 89
 Ефимов 181
 Железняков А. Г. 238
 Жеряков 116, 118
 Животов М. Н. 10
 Залеский В. Н. 6, 12, 39, 41, 47, 48
 Залуцкий П. А. 8
 Зарудный А. С. 274
 Заславский 52
 Захаров Ф. (Захар Невский) 102
 Зензинов В. М. 21, 190
 Зиновьев Г. Е. 14, 58, 60, 63, 141, 150, 153, 183, 193, 195, 307
 Злоказов Г. И. 38
 Зоф В. Н. 195
 Зубов 220, 221
 Зыплатин И. В. 227
 Иванова 260
 Измайлов Н. Ф. 39, 218
 Иконников 57
 Ильин К. 100
 Ильин 90
 Ильин-Женевский А. Ф. 35, 39, 157, 279, 282
 Ионов А. М. 190
 Калинин М. И. 47, 51, 56
 Каменев Л. Б. 13, 14, 15, 67, 80, 81, 139, 174, 268, 277, 307
 Каменев С. С. 289
 Капелинский П. Ю. 8
 Капранов Н. П. 26, 99
 Карльсон 64
 Каутский К. 60
 Каюров В. Н. 255
 Кедров М. С. 39, 147, 151, 153, 154, 157
 Керенский А. Ф. 8, 9, 34, 102, 113, 117, 132, 133, 141, 145, 153, 154, 163, 181, 184, 190, 193, 198, 209, 210, 212, 219, 222, 225, 228, 232, 236, 238, 240, 267—270, 277, 284—287, 290—300, 302—306, 308, 310—313, 315
 Кизельштейн И. С. 231
 Кириенко 116
 Киселев Ф. Г. 148
 Кишкин Н. М. 298, 302, 303, 314, 315
 Коган И. М. 39, 183, 184, 185
 Кодяцкий И. Ф. 87
 Козьмин А. И. 144, 176, 178
 Колбин И. Н. 39, 197
 Коллонтай А. М. 19, 58, 60—62, 66, 128, 166, 260
 Комаров Н. П. 47, 56
 Коновалов А. И. 295, 299—303, 310, 313
 Коноплева 190
 Копылов И. 75
 Корк А. И. 289
 Корнилов Л. Г. 34, 115, 199, 215, 216, 236, 238, 239, 247, 249, 250, 254, 255, 267, 269, 273—275, 279, 284, 285, 288—

- 290, 293, 295—297, 302, 311, 314, 316
- Коротков Е. Н. 39, 186, 189
- Коршанский К. 192
- Кояшии 184
- Красиков П. А. 8
- Кременков 117, 118
- Крыжановский Д. А. 106, 108
- Кривоносов 90
- Крупская Н. К. 6, 14, 18, 39, 59, 145, 193
- Крутов 187
- Крыленко Н. В. 118, 131, 150, 156, 157
- Крымов А. И. 238, 295
- Крючков Н. Ф. 219, 221
- Крючков 243
- Кшесинская М. Ф. 54, 55
- Куделли П. Ф. 251
- Кузнецов 303—306
- Кукель 220
- Куклин А. С. 255
- Куликов 91
- Кучкин А. П. 22, 39, 40, 119
- Кучменко Н. О. 145
- Лавров П. Л. 274
- Ламанов 214
- Лацис М. И. 29, 39, 87, 90, 137, 232
- Лебедев 267
- Ленин В. И. 5—9, 11, 13—16, 18, 20, 23—25, 28—34, 36, 37, 49, 51, 57—70, 72, 74—85, 100, 101, 102, 112, 114, 115, 119, 121, 122, 128, 129, 130—136, 141, 150, 153, 154, 156, 158, 166, 171, 183, 185, 186, 188—190, 193—196, 206, 222, 223, 226, 232—235, 259, 271, 279, 286
- Леонов 243, 248
- Либер М. И. 131, 174, 203, 208
- Либкнехт К. 78, 128
- Лиздин Г. Я. 39, 189, 190
- Линде 63
- Линдхаген 64
- Лобанов А. 91
- Логинов И. 90
- Лоос А. С. 219, 221
- Лось 256
- Луначарский А. В. 90, 133, 166, 187, 188, 194, 195, 202, 206
- Львов Г. Е. 48
- Любичский Ю. Л. 221
- Любович А. М. 198
- Мазуренко Ю. П. 178
- Малаховский В. Ф. 36, 39, 251
- Малыгин С. 35, 227
- Мальцев 177, 179
- Малынтович П. Н. 298, 310
- Мансырев М. С. 145
- Мануйлов 303, 306, 317
- Манцев 231
- Мариенгоф 63
- Маркс К. 128, 133
- Мартов Л. 61, 63, 268, 275, 277
- Масленников А. М. 213
- Маслов С. Л. 302, 310, 314
- Матвеев Н. 91
- Матвеева 260
- Медведков А. 100, 101
- Менжинский В. Р. 226
- Мехоношин К. А. 111
- Милешко 185
- Милюков П. Н. 22—24, 67, 69, 72, 75—77, 81, 85, 199, 316
- Милютин Н. А. 39, 40, 242, 243, 246
- Минц И. И. 37
- Михайлов Л. М. 47, 52, 55, 145
- Михайловский 88
- Михайловский Н. К. 274
- Набоков В. Д. 298, 316
- Надеждин 169, 280
- Назаров 273
- Наумов И. К. 21, 87—89, 92
- Невский В. И. 57, 118, 148, 150, 153, 157
- Нерман Т. 64
- Нечаев 274
- Нечкин 303—305, 307, 316
- Никитин А. М. 286, 292—294, 298, 302, 311, 314
- Никитин А. 192
- Никитин 89
- Николай I 74
- Николай II 54, 67, 295, 301
- Новиков А. 91
- Ногин В. П. 131, 135, 139, 193, 194, 231
- Нокс А. 316
- Нольде 316
- Обухов П. 100, 101
- Озолин А. 39, 191
- Ольминский М. С. 128, 232
- Онипко 209, 219
- Онуфриев 101
- Орджоникидзе Г. К. 22, 39, 193
- Орленко 212

Орлов (з-д «Айваз») 259
 Орлов 88, 92
 Орлов К. 47, 56, 158, 197
 Островская 299

 Павлов 247, 248
 Павлов 199
 Пальчинский П. И. 189, 286
 Панков Г. П. 8
 Панков 107
 Парчевский 205
 Пахомов 187—189
 Пелихов С. Г. 197
 Пепеляев В. Н. 202
 Переверзев П. Н. 144, 198
 Петров В. 91
 Пешехонов А. В. 274
 Платанова А. 92
 Платтен Ф. 62—64
 Плеханов Г. В. 66, 144, 152
 Плужников А. М. 16
 Подвойский Н. И. 47, 56, 57,
 148, 150, 153, 157, 158, 170,
 174, 176, 177, 233, 250
 Полковников Г. П. 291, 293, 297,
 307—309, 314
 Половцев П. А. 171—173
 Потемкин Н. 100
 Потехин М. Н. 38
 Потресов А. Н. 268
 Преображенский Е. А. 136
 Преображенский И. 100
 Прокопович С. Н. 298, 300, 302,
 311, 312, 314
 Прохоров 282
 Прошьян П. П. 221
 Пуришкевич В. М. 213
 Пылаева Е. Н. 281
 Пятаков Г. Л. 80

 Равич О. 63, 185
 Радек К. Б. 63, 64
 Радко-Дмитриев 99
 Разумов Н. 17
 Раскольников Ф. Ф. 204
 Рахья И. А. 140, 178
 Ремнев А. И. 221
 Розенблюм 63
 Розмирович Е. Ф. 150
 Романов 89
 Рошаль М. Г. 39, 71
 Рошаль С. Г. 56, 176, 182, 197,
 200, 201, 204, 205, 221
 Руднев В. В. 280, 298
 Рывкин 216
 Рыков А. И. 80, 277

Рябушинский П. П. 295, 296,
 312, 316
 Рязанов Д. Б. 275

 Савинков Б. В. 267, 287
 Садовский А. Д. 229
 Самойлова К. Н. 232
 Сафаров Г. И. 63
 Сахарова-Уватова 260
 Свердлов Я. М. 68, 84, 85, 134,
 135, 206, 224, 226, 231—233,
 272
 Семашко А. Я. 140
 Сиверс Р. Ф. 99, 100
 Скобелев М. И. 8, 23, 65, 133,
 186, 187, 203, 274
 Скороходов А. К. 10, 282
 Сладков И. 197
 Слуцкий А. И. 100, 102, 237
 Слуцкая В. К. 128, 129, 190
 Смилга И. Т. 140
 Смирнов П. И. 197
 Смирнов 184
 Соболев Г. Л. 38
 Соколов Н. Д. 8, 222
 Соколов 253
 Соколовский Э. 8
 Сокольников Г. Я. 63, 64
 Солдаткин 88, 89, 92
 Сорокин С. 87
 Сперанский М. М. 301
 Спиридонова М. А. 190, 272,
 275
 Спирин Л. М. 38
 Стакун М. 255, 256
 Сталин И. В. 85, 86, 150, 156,
 157, 178, 179, 193—196, 226,
 233, 235
 Сталюков 244, 245
 Сталь Л. Н. 15, 65
 Старцев В. И. 38
 Стасова Е. Д. 68, 84, 194
 Стеклов Ю. М. 8
 Степанов З. В. 38
 Степун 287
 Стучка П. И. 47
 Суханов Н. И. 8, 208, 268
 Сухомлинов В. А. 287

 Теплов 286
 Терещенко М. И. 193, 286, 290,
 294—300, 302, 303, 305, 307,
 309, 310, 312—314, 316
 Токарев Ю. С. 38
 Тома А. 120
 Треер 88, 89

Третьяков С. Н. 300, 302, 314
Троцкий Л. Д. 275
Трусова Г. 17, 20, 39, 123
Туманов 286, 287, 317

Ульянцев Т. 197
Устинов 275
Урицкий М. С. 190
Усенко 281, 282
Усиевич 63, 64
Устинов А. М. 221

Федоров М. Н. 247
Фелицин 221
Филоненко М. М. 287, 302
Флеровский И. П. 39, 40, 205,
206, 230
Флуг 289

Харитонов М. М. 63, 187
Хаустов Ф. П. 142, 144, 153
Хахарев М. И. 45
Хинчук Л. М. 298
Ховрин Н. А. 219, 221
Хохряков А. Е. 22, 39, 110

Цедербаум В. 272
Церетели И. Г. 28, 131, 135, 141,
193, 203, 236, 261, 262, 264,
268, 271, 274, 277, 286, 287,
290, 297, 298, 300
Цхакая М. 63

Чарторийский 301
Ченыкаев 276

Черепанов С. А. 150, 153
Чернов В. М. 14, 164, 187, 193,
207, 267, 271, 275
Черномазов М. Е. 52
Чижев Г. 100, 102
Чугурин И. Д. 65, 87, 145
Чхеидзе Н. С. 6, 8, 62, 65, 130,
132, 135, 140, 203, 215, 217,
222, 239, 263—266, 268, 269,
280, 287, 288, 298

Шаумян С. Г. 135
Шингарев А. И. 85, 298, 306
Шляпников А. Г. 8, 14, 47, 58,
65
Шмидт В. В. 10, 47, 56
Шотман А. В. 226, 227
Штейн Я. 242, 246
Штрём 64
Шумяцкий Б. З. 39, 223, 229
Шутко К. И. 47, 56, 137

Эдиет П. 211
Энгельс Ф. 128
Энтин 200

Юренев И. Ю. 256

Яковлев 88, 92
Яковлева В. 193
Якубович Г. А. 286, 317
Ярчук Х. З. 160, 161, 179
Яхонтов 289

ПЕРЕЧЕНЬ ПЕРЕИМЕНОВАННЫХ УЛИЦ, ПЛОЩАДЕЙ И МОСТОВ ЛЕНИНГРАДА

Биржевый мост — мост Строителей
Забалканский пр. — Московский пр.
Кавалергардская ул. — ул. Красной Конницы
Каменноостровский пр. — Кировский пр.
Кронверкский пр. — пр. Максима Горького
Малая Дворянская ул. — Мичуринская ул.
Морская ул. — ул. Герцена
Наб. Екатерининского кан. — наб. кан. Грибоедова
Николаевская ул. — ул. Марата
Николаевский мост — мост лейтенанта Шмидта
Пантелеймоновская ул. — ул. Пестеля
Покровская пл. — пл. Тургенева
Полицейский мост — Народный мост
Сенная пл. — пл. Мира
Троицкий мост — Кировский мост
Шпалерная ул. — ул. Воинова

В борьбе за массы	5
В. Н. Залезский. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОДПОЛЬЩИКА	41
Н. К. Крупская. ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ В ЭМИГРАЦИИ	59
ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	60
М. Г. Рoshаль. НА ПУТЯХ РЕВОЛЮЦИИ	71
С. И. Гопнер. АПРЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	75
А. А. Бабицын. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПЕРВОГО ЗАВКОМА	
«НОВОГО ПАРВИАЙНЕНА»	87
А. Е. Васильев. ПЕРВЫЙ ЗАВКОМ	94
Н. П. Капранов. НЕЗАБЫВАЕМОЕ	99
В. П. Виноградов. КРАСНАЯ ГВАРДИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЗАВОДА	103
А. Е. Хохряков. ИЗ ЖИЗНИ ПЕТРОГРАДСКОГО ГАРНИЗОНА В 1917 ГОДУ	110
А. П. Кучкин. НА I ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ	119
Г. Трусова. КАК ВЫБОРЫ В РАЙОННУЮ ДУМУ СДЕЛАЛИ МЕНЯ БОЛЬШЕВИЧКОЙ	123
Е. А. Гилярова. «ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!»	128
М. И. Лацис. ИЗ ДНЕВНИКА АГИТАТОРА	137
М. С. Кедров. ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ВОЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ)	147
А. Р. Вильямс. ДЕМОНСТРАЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ	160
А. Ф. Ильин-Женевский. ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1917 ГОДА В ПЕТРОГРАДЕ	167
ПИТЕРСКИЕ РАБОЧИЕ ОБ ИЮЛЬСКИХ ДНЯХ	181
Г. К. Орджоникидзе. ИЛЬИЧ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ	193
И. Н. Колбин. КРОНШТАДТ ОТ ФЕВРАЛЯ ДО КОРНИЛОВСКИХ ДНЕЙ	197
Н. Ф. Измайлов. ВЕРНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ (МАТРОСЫ БАЛТФЛОТА В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1917 г.)	218

<i>Б. З. Шумяцкий.</i> НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ	223
<i>И. П. Флеровский.</i> VI СЪЕЗД РСДРП(б)	230
КОРНИЛОВЩИНА	236
<i>Н. А. Милютин.</i> В ДНИ КОРНИЛОВЩИНЫ	242
<i>В. Ф. Малаховский.</i> КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ ВЫБОРГ- СКОГО РАЙОНА	251
<i>С. С. Гончарская.</i> КАК ПЕТРОГРАДСКИЙ СОВЕТ СТАЛ БОЛЬШЕВИСТСКИМ	260
<i>В. А. Антонов-Овсеенко.</i> НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ СО- ВЕЩАНИИ	266
<i>А. Ф. Ильин-Женевский.</i> НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ	279
Приложение. <i>А. И. Верховский.</i> НА ТРУДНОМ ПЕ- РЕВАЛЕ	284
Примечания	328
Указатель имен	393
Перечень переименованных улиц, площадей и мостов Ленин- града	397

ОКТЯБРЮ НАВСТРЕЧУ

Воспоминания участников
революционного движения в Петрограде
в марте — сентябре 1917 г.

Составители: Александр Владимирович Гоголевский,

Захарий Васильевич Степанов

Заведующий редакцией Ю. А. Васильев. Редактор Н. А. Ватагин. Младший редактор Ю. В. Артемьева. Художник Л. А. Яценко. Художественный редактор А. К. Тимошевский. Технический редактор И. Г. Сидорова. Корректор Е. В. Новосельская

ИБ № 3329

Сдано в набор 08.04.86. Подписано к печати 10.03.87. М-35573. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 21 + вкл. 0,84. Усл. кр.-отт. 22,26. Уч.-изд. л. 23,92 + вкл. 0,57 = 24,49. Тираж 50 000 экз. Заказ № 390. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Ленинград, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16. Заказ № 1755.

1917

Ір.2016.

ОКТЯБРЮ НАВСТРЕЧУ